ГЕЙДАР АЛИЕВ

Виктор Дорогов
Хроника Кремля

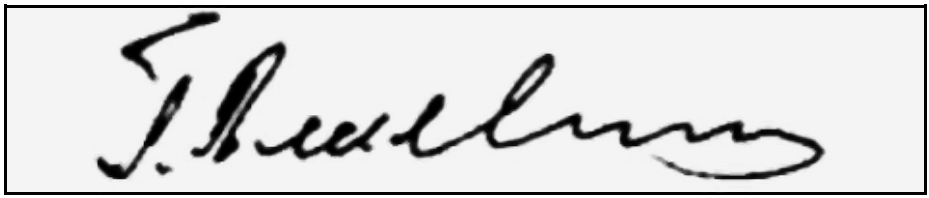
ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Гейдар Алиевич Алиев был вторым человеком в правительстве Советского Союза и членом Политбюро ЦК КПСС. После неправедной отставки нашел в себе силы вернуться в большую политику и возглавить суверенный Азербайджан. О его жизни и деятельности, о неизвестных страницах биографии писатели Виктор Андриянов и Гусейнбала Мираламов рассказывают, основываясь на архивных источниках, воспоминаниях родных и близких, соратников и товарищей Г. А. Алиева, его политических оппонентов. В книге использованы фотографии из семейного архива Гейдара Алиева, Нахичеванского музея Г. А. Алиева, личного фотографа

Президента Г. А. Алиева — Р. Багирова, Е. Грабилина, архива газеты «Трибуна» и авторов.



- ГЕЙДАР АЛИЕВ
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Глава I «Я РОДИЛСЯ В НАХИЧЕВАНИ…»
    - 10 мая 1923 года, Нахичевань
    - День в истории
    - Родительский дом
  - Глава II ЗДЕСЬ ТОЖЕ ФРОНТ
    - 22 июня 1941 года, Нахичевань
    - Советская миссия в Южном Азербайджане
    - Об этом молчали
  - Глава III ГЕЙДАР И ЗАРИФА
  - Глава IV «ЭТУ ПРОФЕССИЮ Я ВЫБРАЛ С ЮНЫХ ЛЕТ»
    - 21 декабря 1980 года, Баку
    - 15 июля 1997 года, Баку
    - В какой стране мы живем
  - Глава V. ВО ГЛАВЕ РЕСПУБЛИКИ
    - 14 июля 1969 года, Баку
    - «Скажите, он — порядочный человек?»
    - Чувство исполненного долга
    - Пусть справедливость верх берет
    - 2 декабря 1982 года, Баку
  - Глава VI. «ТЫ НУЖЕН ВСЕМУ СОЮЗУ, ГЕЙДАР!»
    - Последний визит генсека
    - 22 ноября 1982 года, Москва
    - Совмин: рабочие будни
    - Чужие дети
    - БАМ остался в его сердце
    - Свет угасшей звезды
    - 22 апреля 1985 года, Москва
    - 31 августа 1986 года, Новороссийск
    - Он умел ценить добро
    - Какое у вас хобби?

- В Политбюро ЦК КПСС
- Глава VII. «Я НЕ КАМЕНЬ, НЕ ЖЕЛЕЗО, А ЧЕЛОВЕК»
  - 19 октября 1987 года, Москва
  - История одной зависти
  - Расправа
  - Карабах
  - 28 июня 1988 года, Москва
  - Бакинский дневник
  - «Я добивался встречи с Горбачевым»
  - 21 января 1990 года, Москва
  - Стреляет «Правда»
  - Московская блокада
- Глава VIII. ПРАВО БЫТЬ СО СВОИМ НАРОДОМ
  - 22 июля 1990 года, Нахичевань
  - Возвращение к истокам
  - 19 июля 1991 года, Москва
  - Путч
  - Нахичевань в блокаде
- Глава IX. ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ
  - Май — июнь 1993 года, Нахичевань — Баку
  - Танки полковника Гусейнова
  - Бегство Президента Эльчибея
  - Передать полномочия Президента Гейдару Алиеву
  - Азербайджан выбрал Гейдара
  - 30 сентября 1994 года, Нью — Йорк
  - «Я опираюсь на народ»
- Глава X. АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ НЕФТЬ В ПОЛИТИКЕ МИРА
  - Если нефть королева…
  - 21 апреля 1971 года, Баку
  - 20 сентября 1994 года, Баку
  - Доброго пути, «Деде Горгуд»!
  - О «Контракте века»
  - 3 июля 1997 года, Москва
  - И невозможное воля делает возможным
  - 1 августа 1997 года, Вашингтон
  - Легенды и были трех морей
- Глава XI. СО СТОРОНЫ МОРЯ ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ
  - 14–15 июля 2001 года, Баку
  - Он завещал Азербайджану дружбу с Россией
  - 21 сентября 1999 года, Баку
  - Навсегда в сыновья тебе дан
  - 9 января 2001 года, Баку

        - «Все бакинские улицы я хорошо знаю»
    - Глава XII. ГОД ПРЕЗИДЕНТА
        - Перелистаем календарь
        - 24 января 2002 года, Москва
        - 1 февраля 2002 года, Нью-Йорк
        - Новруз, праздник весны
        - 3 марта 2002 года, Баку
        - Гюльнар, посланец мира
        - Уроки истории
        - 25 июня 2002 года, Стамбул
        - 9 июля 2002 года, Петербург
        - День рождения генерала Ахундова
        - 23 сентября 2002 года, Москва
        - Девочка с флагом республики
        - 24 ноября 2002 года, Баку
        - «Вокруг нас собрались все азербайджанские дети»
    - Глава XIII. В ГЛАЗАХ МИРА
    - ПОСЛЕСЛОВИЕ
    - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. А. АЛИЕВА
    - КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
    - ПРИЛОЖЕНИЕ
    - СОДЕРЖАНИЕ
    - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- comments
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

ГЕЙДАР АЛИЕВ
В.Андриянов, Г.Мираламов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Случай часто называют слепым. Даже формула такая устоялась: слепой случай. Между тем он вполне зрячий. Слепы те, кто не замечает знаков судьбы.

Двадцать седьмого ноября 1944 года в Баку по дороге в Москву на переговоры с Иосифом Виссарионовичем Сталиным, председателем Совета Народных Комиссаров СССР, остановился генерал де Голль, руководитель движения «Сражающаяся Франция», глава Временного правительства Французской Республики, будущий Президент страны. Высокого — в прямом и переносном смысле слова — гостя принимали как главу союзного государства. В двухнедельной поездке по Советскому Союзу генерала сопровождал — по личному указанию Сталина — заместитель председателя Совнаркома Алексей Николаевич Косыгин. Через много лет Алексей Косыгин, Председатель Совета Министров СССР, прилетел с официальным визитом в Париж. Вопреки всем правилам дипломатического протокола в аэропорт Орли встретить советского премьера прибыл Президент де Голль. Но это другой случай, другая история…

В Баку генерала приветствовали со всеми положенными почестями. Флаги. Гимны. Почетный караул… Среди встречавших по долгу службы был и молодой человек по имени Гейдар Алиев, младший лейтенант госбезопасности: в штатском плаще и модной шляпе. Как рассказывал позже Гейдар Алиевич, на какое-то мгновение он встретился глазами с де Голлем… Вечером знаменитый француз послушал оперу «Кероглу», а уже на следующий день поезд увез его в Сталинград: самолеты из-за непогоды не летали.

В политической судьбе этих людей много общего. После долгих лет успешной государственной деятельности оба оказались не у дел. О парижском изгнаннике говорили, что он ушел, как потерявший голос пророк, которого не услышали.

В горбачевском Политбюро ЦК КПСС не хотели слушать и слышать Гейдара Алиева. И тогда он ушел.

В мае 1958 года из своего уединения в имении Коломбэ в Париж вернулся призванный Францией генерал де Голль.

В июле 1990 года из своего московского одиночества на Родину вернулся призванный Азербайджаном Гейдар Алиев.

Им было по 67 лет. В такие годы обычно занимаются внуками и мемуарами. Но приятные семейные хлопоты и воспоминания пришлось отложить. Они вернулись, чтобы в критический час спасти свое Отечество. Один — гарантировать единство и

независимость Франции, другой — обеспечить целостность и суверенитет Азербайджана.

Гейдар Алиев как политик рос и формировался в советской системе ценностей. Слова об интернационализме никогда не были для него дежурной фразой. Но на исходе XX века он по-новому открыл для себя мысль Шарля де Голля о приоритете национального фактора перед всеми другими идеями, теориями, лозунгами и принципами. Да, национальная идея, как показала история, оказалась более живучей, чем многие другие. Для политика-реалиста отсюда следовал один вывод: спасение государства было в то же время и спасением нации.

…Карловы Вары. Тихая Садовая улочка. Здесь в сотне метров от знаменитой Млинской (Мельничной) колоннады расположился санаторий «Бристоль», любимое место отдыха советской номенклатуры. Пожилой садовник, поливая розы, рассказывает, что видел здесь Косыгина, Алиева, Щербицкого, маршала Конева…

С высокой площадки просматриваются голубые купола русской церкви — оттуда доносится колокольный звон; другая сторона открывает панораму популярного курорта с его бесчисленными санаториями и отелями.

Случайный разговор с пожилым человеком, его доброе «агой» — «пока» могли бы тут же забыться, но в вечерней московской телепрограмме вдруг появились лица тех, о ком он тепло вспоминал. Шел сюжет, посвященный памяти Александра Бовина, политобозревателя «Известий» и Центрального телевидения, дипломата, а в прошлом консультанта ЦК КПСС, одного из ближайших помощников двух генсеков — Брежнева и Андропова. Снимки разных лет — и телехроника…

Вот за большим, праздничным столом Юрий Владимирович Андропов, справа от него Алиев, слева Громыко и Горбачев… Похоже, только что прозвучала удачная шутка: Гейдар Алиевич и Юрий Владимирович заразительно смеются, улыбается даже суровый Громыко, министр иностранных дел Советского Союза, господин «Нет», как называли его на Западе. Улыбка скользнула и по лицу Горбачева, еще «простого» члена Политбюро, еще не второго человека в КПСС — вторым после смерти Брежнева на зависть Михаилу Сергеевичу определили Константина Устиновича Черненко.

Чешские газеты в те апрельские дни 2004 года, захлебываясь, писали о большой Европе: Чехия и еще девять стран 1 мая вступали в Европейский союз. Нас теперь, докладывала читателям газета «Днес» (раньше известная как «Млада фронта»), 455 миллионов, наша территория — 3,9 миллиона км 2,25

государств…

Ночью, ровно в двенадцать, над Карловыми Варами гремит салют, небо бледнеет от ярких, многоцветных фейерверков. Празднует Чехия. Торжествуют Литва, Латвия, Эстония, Словения… Европа стирает границы. Или, точнее, отодвигает их дальше на Восток.

На новой политической карте мира нет стран социалистического Содружества, нет государств Варшавского договора и Совета Экономической Взаимопомощи, на долю которых к 80–м годам прошлого века приходилась пятая часть мирового производства. На этой карте 25 государств Европейского союза; на этой карте новые государства, которые некогда составляли Советский Союз — и среди них Азербайджан.

Две тысячи лет назад один мудрец заметил: не приведи господь жить в эпоху перемен. Это опасения простого человека, понятные во все времена. Ему хотелось бы укрыться под крышей своего дома (фанзы, избы, сакли, хаты) и переждать бурю.

В природе буре предшествует множество примет, которые может заметить каждый мало-мальски наблюдательный человек. Скажем, перед большим дождем нередко налетает пыльный вихрь. Точно так же и в большой политике — но здесь мало кому дано предугадать приближающиеся раскаты грома…

Телесъемка Андропова, Громыко, Алиева, Горбачева сделана не раньше ноября 1982 года и не позже конца 1983–го, когда Юрий Владимирович слег. Удивительно, что один из нас увидел эти кадры именно в апрельские дни 2004 года, когда мы задумали свою книгу.

Часто говорят, что история не знает сослагательного наклонения. Но и это обстоятельство не мешает просчитать те или иные сценарии развития событий. Что случилось бы с Союзом, если… Набор вариантов самый широкий. Общий вывод — Советский Союз не был обречен. При разумных реформах, при умелом учете тенденций развития общества он мог, обновляясь, развиваться. Но во власти, увы, укреплялись догматики, для которых самым главным в жизни правилом было слепое следование замшелым, как морские валуны, формулам почти вековой давности. Горбачев, став генсеком, обещал обществу, стране обновление и ускорение. Впрочем, масштабов собственной необъятной державы ему вскоре показалось маловато. Он предложил свою (?) концепцию нового мышления не только Советскому Союзу, странам социалистического Содружества, но и всему миру. А тем временем в родных пределах дела шли все хуже. Лидер забалтывал все, за что ни брался, а тех, кто осмеливался ему возражать, отвергал.

Проницательные политики, а к таким, безусловно, относился и Гейдар Алиевич Алиев с его огромным управленческим опытом, политической интуицией и пониманием движений человеческой души, видели, что дело идет к распаду союзного государства. Уже звучали фразы о вагончиках, которые Россия должна отцепить. Это — о союзных республиках, о народах, с которыми русские, россияне жили в одном государстве по сто, двести, триста и больше лет. В любой другой стране политиканов, призывающих к распаду страны, ждал бы суд. В Союзе же одурманенная толпа носила их на руках.

В республиках нарастали сепаратистские настроения. С одной стороны их подогревали местные элиты, которые рвались к власти и собственности. С другой — скажем прямо — побуждали к действию и ущемленные национальные интересы. Республики со своими флагами, гимнами, конституциями на самом деле имели очень мало самостоятельности. Кадры назначала Златоглавая. Она награждала, снимала и возносила, казнила и миловала. И вдруг оказалось, что кое-что можно решать и без нее. Но что именно? Как далеко отпускает вожжи Москва?

В борьбу за власть втягивались самые разные силы: и подкормленные зарубежными благодетелями, и популистские, и едва замаскированный черный капитал. Была своя специфика в каждой из союзных республик — Молдавии или Грузии, на Украине или в Азербайджане… Конечно, при этом действовало и множество других факторов — и исторических, и социальных, и внешнеполитических. В Молдавии, к примеру, на виду была активность прорумынских кругов. В Литве всем заправлял антирусский «Саюдис». На Украине в политику бросили одураченных шахтеров — пусть свергают как тараном, советскую власть. В Азербайджане по приказам Москвы сводили счеты с Алиевым, хотя его там давно не было. Можно сказать и по-другому: еще не было. В республике царило безвременье.

Личность в истории, человек и власть — эти сюжеты занимают людей во все времена. Иногда это чисто обывательский интерес к «помазанникам», вождям, деталям их личной жизни, скрытым до поры до времени от посторонних глаз. Но чаще — стремление понять, почему одним лидерам подвластен «рок событий», и они, преодолевая обстоятельства, возвышают свой народ, свою страну, как Петр Великий, Франклин Рузвельт, Ататюрк, Сталин, Черчилль, Ганди, де Голль… Отчего других те же события влекут за собой, как резвый поток безвольную щепку? И тогда слетают короны, как у российского императора Николая II, австрийского Франца-Иосифа…

Четырнадцать лет Гейдар Алиев возглавлял Центральный

комитет Коммунистической партии Азербайджана — по советским временам это глава республики; пять лет он был вторым человеком в советском правительстве и членом Политбюро ЦК КПСС; с его именем связано создание и становление независимого Азербайджана в постсоветскую эпоху, который он возглавлял свыше десяти лет. Его возвращение в большую политику во многом напоминает возвращение к власти генерала де Голля в теряющей себя Франции. Сопоставление этих двух исторических личностей при всех различиях политической среды и обстоятельств, в которых они действовали, рельефно выделяет самое главное: определяющими для них были интересы своей страны. Кстати, именно по распоряжению Алиева в марте 1999 года на доме, где в сорок четвертом останавливался де Голль, повесили мемориальную доску. Бакинцы хорошо знают этот солидный дом на проспекте Нефтяников, за ним открывается знаменитая Девичья башня, памятник архитектуры XII века. Так сходятся эпохи.

Талант и воля — ключевые качества личности Алиева. Высочайшая организованность и требовательность — прежде всего к себе. Умение слушать и слышать одного человека и понимать устремления всех, кого объединяет емкое понятие — «народ», «нация». В нем сочетались пророческая дальновидность большого политика и отвага полководца. Глубокая образованность и дарованное природой тонкое эстетическое чувство. Великодушный и незлопамятный, он умел прощать тех, кто ненароком ошибся, но неучи, бесхребетники, корыстолюбцы не могли рассчитывать на его снисхождение…

При рождении его назвали Гейдаром. На русском это значит — Идущий впереди, Предводитель. Расскажем, как он рос, как ему открывался мир в родной Нахичевани, затем во всем Азербайджане, — от Каспия до гор, в большой стране, которая называлась Советским Союзом, как он стал политиком и государственным деятелем, национальным лидером, Предводителем народа.

Глава I «Я РОДИЛСЯ В НАХИЧЕВАНИ…»

10 мая 1923 года, Нахичевань

«Я, Алиев Гейдар Али Рза оглы, — писал он в автобиографии, — родился 10 мая 1923 года в Нахичевани…» Сколько бы раз ни выводил эти строки — в Баку, Ленинграде, Москве, — всегда вставал перед глазами тихий и добрый город над Араксом. Майские дни в этом городе, пережившем века и тысячелетия, чисты и высоки, как небо над весенней мечетью. И светлы, словно надежда, которую дарит своим родителям новый Человек на Земле.

В один из таких весенних дней в семье Али и Иззет Алиевых родился четвертый ребенок. Назвали его Гейдаром. В память о брате Иззет-ханум, погибшем во время исхода азербайджанцев из Зангезура. Тому Гейдару навсегда осталось двадцать три… Спустя годы в семье Алиевых из рук в руки переходил роман Эюба Абасова «Зангезур». Прочитав два толстых тома, Шафига сказала старшим братьям, что о том же рассказывала мама.

— Ты не ошибаешься, Шафига, — отозвался Гасан. — Человек, написавший эту книгу, очень точно передал боль изгнания.

«Солдаты Андроника Узуняна вошли в село с его нижней стороны. У подножия склона запылало несколько домов. Джомард требовал, чтобы люди, забрав, что можно, с собой, уходили в горы.

Крики ужаса, рыдания женщин, плач детей заполнили село. Казалось, и скалы не могли оставаться равнодушными к трагедии, которая разыгралась на зангезурской земле. Всадники, навьюченные ослы, испуганно мычавшие быки и коровы — все смешалось воедино. В селе остались только обезумевшие от горя старики, не мыслящие своей жизни вне дома».

Пережитое навсегда оставило горький след в душе Иззет-ханум. И хотя она старательно скрывала свою печаль от детей, дочки (они обычно внимательнее сыновей) не раз замечали, как мама украдкой плачет.

Если бы в Нахичевани проводили конкурсы красоты, Иззет, бесспорно, поднялась бы на пьедестал. Но строгие правила женского благочестия, принятые в том краю, таких вольностей не позволяли. Иззет-ханум, как и ее родители Джафаргулу и Сарабеим, и родители их родителей, жила по Корану. Даже сыновья никогда не видели ее с непокрытой головой.

Как-то Шафига в комнате расчесывала маме волосы. В дверь постучали. «Должно быть, Гейдар вернулся», — сказала Иззет и торопливо накинула на голову свой любимый келагай, платок.

По дому, как водится в большой семье, хоть в Азербайджане, хоть на Руси или Украине, больше всех хлопотала мама. Отец, вернувшись с бакинских нефтепромыслов, работал на железной дороге. По случаю рождения Гейдара старый товарищ Алирзы Алиева, паровозный машинист, дал оглушительный гудок из своей железной машины. Тихие овечки чуть не попадали со страха в Аракс, над которым щипали траву. По давней традиции самых близких позвали на плов и шербет.

У маленького крикуна, чей крепкий голосок разносился на весь двор, уже было двое братьев — Гасан и Гусейн — и сестренка Сура. Потом по воле Аллаха появилось еще четверо: Агиль, Джалал, Шафига и Рафига. Пять мальчиков и три девочки.

День в истории

Десятое мая 1923 года… Каким он был, тот такой уже далекий день в мире, в Союзе Советских Республик, в Азербайджане? Перелистаем бакинские и нахичеванские газеты — о чем они писали тогда?

В Германии гремят рабочие демонстрации. Американцы протестуют против въезда в США русских белогвардейцев. В Москве «чествуют память профессора Тимирязева». По всему Союзу собирают деньги «на усиление воздушного флота». Рабочие частных швейных мастерских в Баку сдали 22 миллиона 280 тысяч рублей дензнаками (в ходу были миллионы, «лимоны». Из кармана обычного гражданина Алексея Марковича стибрили 16 миллиардов рублей в купюрах, а из квартиры некой Зейба Мамед кызы — домашних вещей на 45 миллиардов рублей). Еще о воздушном флоте — спасибо товарищам Цыбельману, Эйдельштейну и Станезову за три облигации пятирублевого достоинства; одну такую же облигацию внесла ячейка больницы имени Азизбекова. И уже к концу года Азербайджан передал авиаторам два самолета, построенных на собранные всей республикой средства. Один назвали «Красным Баку», другой — «26», в память о бакинских комиссарах, расстрелянных англичанами.

Сто десять курсантов Бакинской совпартшколы штудировали основы марксизма, чтобы «двинуться в гущу пролетариата и крестьянства, для захвата в плен классового разума и просвещения тысячи тысяч трудового люда».

Фабрично-заводской райком партии (Компартии Азербайджана, других уже не было) публиковал список товарищей, которых принимали в партию, и просил всех, у кого есть какие-либо отводы против нижепоименованных, материал направлять в райком. Список небольшой, его интересно привести:

«Принимаются в кандидаты: т. Казаков Г. П., ячейка завода Шмидта, Красноярская Л. Г., ячейка мехмастерской, Захаров И. О., строительный отдел Азнефти, Федотов М. Ф., Фафонов С. И., Залин В. Т., ячейка «Пролетарий», Акопов А. А., Филатов Д. Т., Хачиянц С. Г., Степин К. И., ячейка черногородского отделения Азнефти, Каспаров И. Г., Муратов А. А., канатная фабрика № 2, Джафар Газанфар Абульфаз, ячейка села Ахмедлы…»

Нарком просвещения Азербайджана, заместитель наркома внутренних дел и нарком юстиции подписали инструкцию, подготовленную на основании постановления Совнаркома от 22 апреля 1923 года: «Ни одно произведение не может быть

допущено к публичному исполнению или демонстрированию без разрешения репертуарного комитета при Азлите».

Афиши приглашали бакинцев в театр Военморов (бывший Пель-Мюль) на «Гусарскую любовь»; в Государственный Свободный театр «Сатир-Агит», где «ростовский коллектив армянских артистов» давал «Сильву»; на концерт артиста Петербургского академического театра (бывшего Мариинского) И. В. Ершова…

А еще газеты звали на торжественное открытие базара в селе Сураханах — «плата за торговлю и место на базаре взиматься не будет»; приглашали во вновь открытый первоклассный семейный ресторан «Театрал», извещали о торгах и «соревновании на сдачу в аренду буфета, биллиардной, парикмахерской…».

Представительство Уральского горнозаводского синдиката в городе Баку закрылось, а взамен была открыта областная контора, «в район деятельности коей входят весь Кавказ, Закавказье, Туркестан, область быв. Букеевской орды и Персия».

С мая 1923 года управление уполномоченного Закнаркомтруда в Азербайджане начало публиковать «стоимость по местным рыночным ценам набора продуктов и предметов первой необходимости». Сводки выходили четыре раза в месяц — 1, 8, 15 и 22…

Али Рза (или Алирза) Алиев, бывало, приносил из депо эти газеты, уже побывавшие во многих руках, говорил жене: «Ну-ка, хозяйка, давай сравним».

Родительский дом

Ударнику железных дорог Алирзе Алиеву выделили участок земли. На огороде и в саду работали дружно и весело. Каждый в меру своих силенок трудился на грядках, пас овец. Хлеб насущный с ранних лет зарабатывался в поте лица. Лентяев Нахичевань не жаловала.

Иззет-ханум знала, казалось, все о цветах, деревьях, травах. Соседки приходили к ней за рецептами фирменного варенья.

Во дворе на вишни и яблони со своей почти десятиметровой высоты снисходительно посматривала красавица гекча. Она зацветала в марте, а уже в июле-начале августа манила своими розово-зелеными и светло-красными плодами, похожими на алычу, но не такими кислыми. Гасан привил к гекче ветку сливы. Еще много лет нахичеванская гекча радовала пацанву.

Первый хозяин алиевского дома в начале прошлого века привез из Персии черенок груши.

— Плоды она дарила дивные, — вспоминает Шафига-ханум. — До первого снега мы их не трогали. А потом срывали и подвешивали в доме. — Каждая груша тянула на 300–500 граммов и сохранялась всю зиму.

И еще одно детское воспоминание Шафиги освещает теплым светом их нахичеванский двор.

…Раннее утро, чешт, как говорят аксакалы, ревнители местных традиций. Иззет, взяв ножницы и сито, идет к розам, окаймлявшим их двор. Подобраться к ним непросто: шипы! Лепестки нежнейшие. Иззет, подставив сито, срезает их. Лепестки бросает в противень, куда налит сахарный сироп — иначе могут засохнуть. В лепестки, перетертые с сахарной пудрой, Иззет добавляла корицу и белый имбирь. Это варево считалось незаменимым снадобьем при простудах и желудочных хворях, которые не минуют ни одну семью.

Часть лепестков хозяйка сушила в тени, а потом прокладывала ими платья, юбки, чадры. Шафиге запомнилась белая мамина юбка и такая же ослепительно белая кофта с розовыми блестящими цветочками.

— Когда мама стирала эту пару и потом гладила, нагрев утюг угольями, я стояла рядом и глазела. Отутюжив каждую складку, мама укладывала юбку с кофточкой в сундук, а сверху усыпала розовыми лепестками. Надевая чадру, окропляла ее розовой водой. Осенью мама клала в сундук плоды айвы и их тонкий аромат пропитывал одежду, как доброта пронизывала ее натуру. От нее никогда не слышали резких слов; с торговкой, которая

бросила напарнице проклятие: «Сэни герюм очагын сенсун!» («Чтобы твой очаг потух!»), она перестала разговаривать.

Конечно, первыми перенимали мамины таинства дочки. Но и ребята мотали на ус. Легкое изящество одежды Гейдара Алиевича, вкус и опрятность — тоже из родительского дома.

На третьем году советской власти — в Азербайджан она пришла позднее, чем в другие республики Союза, — в Нахичевани появились приметы нового быта. Рядом с мавзолеем Момине-хатун («Высокопоставленная госпожа») разместился детский сад, куда Гасан водил Гейдара, а потом Гейдар, в свою очередь, провожал Джалала и сестренок. Семь с половиной веков минули с тех пор, как великий зодчий Аджеми Нахичевани поставил свое творение над усыпальницей жены атабека Мухаммеда Джахана Пехливана. Его стены столько видели и помнили, что ничему уже не удивлялись.

Подрастая, Гейдар с одноклассниками любил возвращаться к мавзолею, рисовать его устремленные в небо контуры. Вся Нахичевань — как живая книга истории. И другой знаменитый мавзолей — Юсуфа ибн Кусейира, созданный Аджеми. И мосты через Аракс, за которыми лежал Иран, и остатки караван-сараев, и Тельмановский клуб — вождь германского пролетариата, конечно, и не подозревал, что табличка с его именем красуется у входа в перестроенный молельный дом. (Вот куда докатилось эхо демонстраций в Мюнхене и Гамбурге, вот как отозвался жест со вскинутым кулаком: «Рот фронт!») А еще в Нахичевани открылся Дом пионеров — о нем и сейчас тепло вспоминает брат Гейдара Алиева, Агиль Алиевич, известный ученый-экономист, член-корреспондент Национальной академии наук:

— Там очень хорошо все было организовано. После уроков пришли домой, поели и — айда в Дом пионеров, в нем для всех находилось интересное дело.

Бесспорно, глубокий интерес Гейдара Алиева к родной культуре, архитектуре, театру родился под благотворным влиянием среды, в которой он рос.

Самый старший из братьев и сестер Алиевых, Гасан, смолоду любил природу, часами бродил по живописным окрестностям. «Очарованный странник» — так можно было бы сказать о нем. Но романтическая душа старшего из Алиевых была в ладу со строгой музой науки. Позже он окончил сельхозакадемию, стал ученым, партийным работником — секретарем ЦК по сельскому хозяйству. Его с большой теплотой вспоминают в Азербайджане.

В семье Алиевых гуманитарии и технари разделились поровну. Гусейн с малых лет возился с кистями, краской, карандашом. Детская мечта привела его в Ленинградскую

академию живописи. До конца своих дней он не расставался с мольбертом. Сура выбрала журналистику, Агиль — экономику — он снискал признание и в ученой сфере, и в деловых кругах. Джалал — известный биолог, академик Национальной академии наук Азербайджана. Он вывел новые сорта пшеницы. Шафига и Рафига стали педагогами.

Гейдар, как и Гусейн, мечтал об искусстве. По воспоминаниям сверстников, он много и хорошо рисовал, оформлял школьные спектакли, любил театр.

Вся родная Нахичевань открывалась Гейдару и его братьям, как большой музей под открытым небом. Детское любопытство влекло их в магары, — так называли здесь древние пещеры, — и к холмам, где можно было отыскать черепки, пережившие века. Наконечник копья напоминал о мужественных воинах, которые защищали отчий край от чужеземцев. Где-то далеко-далеко, в темной глубине времен скрывалась Мидия — Атропатена, самое древнее из известных науке названий Азербайджана. Позже, в техникуме, учитель истории объяснял будущим педагогам, как оно изменялось:

— У древних персов бытовало выражение «Адер-бада-ган», арабы говорили «Адербайджан» и «Азербайджан», что означает «Страна огня».

А вот это азербайджанские мальчишки знали и без учителя, потому что тот огонь был в каждом доме: нефть горела в очаге. Застывшей нефтью-киром — покрывали крыши. Керосином заправляли лампы и пуще глаза берегли пузатые стеклянные колбы.

…Тусклый свет керосиновой лампы выхватывал из полутьмы фигурки детей, занятых своими делами. Шафига возилась с куклой, Гусейн и Гейдар рисовали. Старший брат больше увлекался пейзажами, любил переносить на холст близкие горы, подернутые сизой дымкой… Гейдара же воображение «водило в далекие века, где храбрые воины преграждали дорогу чужеземцам. Под его карандашом оживали образы героев вождь освободительной войны IX века Бабек — он завещал сыну «лучше хоть один день прожить свободным, чем сорок лет жалким рабом»; вожак повстанцев, выступивших в начале XVII века против османских завоевателей, Кероглу, легендарные персонажи «Шахнаме» — богатырь Рустам-Зал, Сиявуш… И в школьном драмкружке Гейдар чаще всего играл роли любимых героев. Школьники, студенты ставили пьесы из национальной и мировой классики — Мамедкулизаде, Шекспира, Грибоедова… В клубе имени Тельмана крутили кино. Важнейшее из искусств еще было немым, но это не мешало мальчишкам по три-четыре раза

смотреть любимые картины. А потом гонять на самокатах, очень популярных в Нахичевани. Была такая быстрая самодельная «машина» на подшипниках и у Гейдара с Агилем и Джалалом.

Поколение Гейдара Алиева вошло в жизнь в эпоху исторических потрясений. Только что рухнула царская империя. Следом за ней сошла со сцены, едва успев заявить о себе, Азербайджанская Демократическая Республика. Азербайджан стал Советской Социалистической Республикой и в составе Закавказской Федерации (Азербайджан, Армения, Грузия) наряду с Украиной, Белоруссией, Россией образовал новое государство — Советский Союз. Его создали мечтатели и творцы, которые верили в лучшую долю и собирались осчастливить весь мир.

Почему одни встречи остаются в памяти на всю жизнь, а другие смываются, как талая вода весной?

— Смотря какие встречи, — отвечает мудрый Довлат Гейдарович, как называют его русские друзья-фронтовики, ветераны Великой Отечественной. Довлат Гейдар оглы Мамедов, заслуженный учитель Азербайджана, всю свою жизнь отдал детям. Только одна большая «переменка» была в его жизни — на четыре года Великой Отечественной войны, с которой не вернулись триста тысяч его земляков-азербайджанцев.

Жарким августом 1936 года Довлат отправился в соседнее село Гейдере, к другу отца Зейналабдину. Там как раз был гость из Нахичевани — молодой, симпатичный парнишка.

— Гейдар, — протянул он руку. А хозяин добавил:

— Это мой племянник, сынок Алирзы, брата из Нахичевани.

Так они познакомились, а вскоре и подружились, когда в том же августе поступали в Нахичеванский педагогический техникум.

Чуть позже нам посчастливилось встретиться еще с одним человеком, в памяти которого живы те далекие годы. Это старый учитель Лятиф Гусейнзаде. Он учил Гейдара, Довлата, их сверстников родному языку. Встреча с ним казалась невероятной до той самой минуты, пока мы не позвонили в дверь его квартиры в обычной бакинской пятиэтажке, в доме без лифта, с грязноватым подъездом, раскуроченными почтовыми ящиками. Но за дверью была аккуратная прихожая, в рабочем кабинете — книги до потолка на азербайджанском, русском, фарси, турецком — и компьютер. У нашего собеседника прекрасная память, вот только слух порой подводит, и тогда на помощь приходит Руфат, его сын, профессор.

К столетию своего учителя — это было в 2003 году — Гейдар Алиевич прислал Лятифу-муаллиму, старейшему педагогу страны, теплое поздравительное письмо и наградил его, первым среди учительства, орденом Независимости («Истиглал»).

— Гейдара, ему в ту пору было тринадцать лет, а в педтехникум принимали с четырнадцати, привел отец. Сынишка, мол, мечтает быть учителем, — вспоминает Лятиф Гусейнзаде. — Я в ту пору работал завучем. «Что же, давай побеседуем», — сказал я подростку.

Гейдар уверенно ответил на все вопросы, и завуч повел его к директору техникума Казыму Талыблы: «Этот паренек хорошо знает азербайджанскую литературу, историю, любит читать, владеет речью, думаю, из него получится хороший учитель». Директор предложил провести еще собеседование по математике. Преподаватель математики Тофик Бекташи, кстати, выпускник Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (после Нахичевани преподавал теоретическую механику в Баку), тоже остался доволен абитуриентом.

— Гейдар с первых же дней стал одним из самых лучших наших студентов, — продолжает Лятиф Гусейнзаде. — К нему с большим уважением относились даже горделивые старшекурсники и в глаза и за глаза называли «Генералом», словно предугадывая его будущее звание.

В техникуме, как вспоминают многие выпускники, были хорошие кабинеты и лаборатории, военно-спортивный комплекс, киноустановка. Студенты все свободное время отдавали спорту — прыжки, бег, турник, волейбол, тир. Ребята гордились, когда им перед строем вручали значки «Ворошиловский стрелок». Тогда и Гейдар Алиев получил первую в его жизни награду. Он успевал заниматься и военным делом, и спортом, и рисованием в кружке у Шамиля Казиева. Работы молодых художников показывали на городских выставках.

Одной из самых популярных тем была армейская. «Все мы в то время готовились защищать СССР, — вспоминает Довлат Мамедов. — На наших рисунках летели самолеты с красными звездами, наступали советские танки».

Далекая окраина жила одними заботами со всей большой страной. В Нахичеванской республике, в Джульфе строили горно-металлургический комбинат. Ребята считали его таким же важным для Советской страны, как Днепрогэс Магнитка или Уралмаш. Гордились успехами хлопкоробов республики и бакинских нефтяников. И ждали с нетерпением, когда свет придет в Нахичевань, где еще не знали электрических лампочек и где на весь город был десяток телефонов.

Но клуб имени Тельмана жарко аплодировал Ибрагиму и Зарош Гамзаевым — будущим народным артистам республики. Движок киноустановки раздвигал перед ними горизонт, и они видели и Баку, и Москву, и Ленинград, и немыслимо далекий

Комсомольск-на-Амуре… Часто в техникум приходили пограничники — русские, азербайджанцы, украинцы, армяне… Ребята завидовали им, гурьбой провожали до заставы. Именно тогда у Гейдара зародилось и сохранилось на всю жизнь особое уважение к пограничникам. Государственная граница Союза Советских Социалистических Республик проходила совсем рядом. Рукой подать, как говорят в таких случаях.

Мосты через Аракс в ту пору не объединяли, а разделяли разные берега. Но задумались об этом — и на одном, и на другом берегу — только через много-много лет. Для того должен был измениться сам окружающий мир. Или — точнее — люди должны были изменить его.

Пройдут десятки лет, сменятся эпохи — и Гейдар Алиевич Алиев скажет ретивым «обновителям» истории: «Нельзя перечеркивать прожитые годы ради кого-то, чего-то. Ибо они, хорошие ли, плохие ли — история, а перечеркивать историю никому не дано». Это был и ответ оппонентам, и совет умудренного жизнью человека. Ему и его поколению нечего стыдиться своей молодости — студенческой, комсомольской, военной…

1939 году он с отличием окончил педагогическое училище — так теперь называли их техникум. «Гражданин Алиев Гейдар Алирза оглы как выполнивший все установленные учебным планом 1938/39 г. требования, — говорится в дипломе, — пользуется правом преподавания в начальной школе, 1–4 классы неполной средней и средней школы».

AzSSR

XALQ MAARIF QOMISSARIATЬ

ATTESTAT

Bu attestat 1923 ilə doğulmuş Hüseynov

Həjdər Hürza oğlunun

Naxçıvan şəhər internasional

Pedaqoji məktəbi müxtəlif bölmələrini qurtarıb 3'la əlaq

və aşağıda gestirilən siniflərə aid olduğu üçün verilir.

Ana dili	3'la
Ana dilinin tədrisi metodikası	3'la
Ədəbiyyat	3'la
Azərbaycan dili	—
Rus dili və ədəbiyyatı	3'la
Rus dili tədrisi metodikası	3'la
Arifmetika	3'la
Arifmetikanın tədrisi metodikası	3'la
Alгebra	3'la
Həndəsə	3'la
Triqonometriya	3'la
Təbiətşünaslıq	3'la
Təbiətşünaslıq tədrisi metodikası	3'la
Tarix	3'la
Tarix tədrisi metodikası	3'la
Coğrafiya	3'la
Coğrafiya tədrisi metodikası	3'la
Fizika	3'la
Kimya	3'la
Pedaqogika	3'la
Məktəb gigiyenası	3'la
SSRİ Qanunvericiliyi	3'la
Xarici (fransız) dili	3'la
Rəsm	3'la
Rəsm tədrisi metodikası	3'la
Rəsmxətt	3'la
Fiziкultura	3'la
Fiziкultura tədrisi metodikası	3'la
Nəqmə və musiqi	3'la
Hərbi iş	3'la
Məktəbdə praktika	3'la

Verəndə Hüseynov Həjdər Hürza oğlu

(soyadı, adı və atasının adı)

1923-cü ilin tədris planı üzrə müəyyən edilmiş tələbləri ödədiyi üçün, tətbiqat məktəbində, tam olmayan orta və orta məktəblərin I-IV siniflərində müəllimlik hüququna malikdir.

25 iyun – 1939-cu il

№ 2157

Pedaqoji məktəb direktorunun müavini

Hüseynov

АзССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ

АТТЕСТАТ

Настоящий аттестат выдан Алиеву Гейдару Амруда оглы родился в 1923 году

в том, что он(а) с успехом прошел(ла) полный курс обучения школьного отдела Нахичеванского интернационального педагогического училища и обнаружил(а) при отличном поведении следующие знания:

По родному языку	отлично
методике преподавания родного языка	Отлично
литературе	отлично
азербайджанскому языку	
русскому языку и литературе	Отлично
методике преподавания русского языка	Отлично
арифметике	Отлично
методике преподавания арифметики	Отлично
алгебре	Отлично
геометрии	Отлично
тригонометрии	Отлично
естествознанию	Отлично
методике преподавания естествознания	Отлично
истории	Отлично
методике преподавания истории	Отлично
географии	Отлично
методике преподавания географии	Отлично
физике	Отлично
химии	Отлично
педагогике	Отлично
школьной гигиене	Отлично
Конституции СССР	Отлично
иностранному (французскому) языку	Отлично
рисованию	Отлично
методике преподавания рисования	Отлично
чистописанию	Отлично
физкультуре	Отлично
методике преподавания физкультуры	Отлично
пению и музыке	Отлично
военному делу	Отлично
практике в школе	Отлично

Фамилия Алиев Гейдар Амруда оглы

как выполнивший(ая) установленные учебным планом 1943 г. требования, получается право преподавания в начальной школе I ступени неполной средней и средней школы.

Директор Учитель

Документ написан на двух языках — азербайджанском и русском и бережно хранится сейчас в Нахичеванском музее Гейдара Алиева.

Рядышком на стенде коллективный снимок: студенты и преподаватели. Сначала, конечно, профили Ленина-Сталина, а потом, в традиционных овалах, педагоги. Иманов, Гусейнов, Земанов, Аббасов, Исрафилов, Бекташи, Искендер (погиб в Великую Отечественную), Ахундов, Григорьев, Мкртычян, Газиев… Даже по фамилиям под тусклыми снимками видно, что учили ребят люди разных национальностей, а больше всего среди них было, понятно, азербайджанцев.

Заканчивались тридцатые годы, славные и горькие. Ударные стройки и ночные «воронки»… Исчезли с газетных страниц строки Гусейна Джавида. Целые полосы занимали теперь отчеты с исступленных митингов: «Трудящиеся Баку единодушно приветствуют приговор Военной коллегии Верховного суда СССР над фашистской бандой троцкистских ублюдков. Над головами демонстранты несут тысячи портретов товарища Сталина и его ближайших соратников, знамена, транспаранты. Отвратительные рожи бандита Троцкого и осужденных глядят с карикатур, где подлые псы изображены со своими фашистскими хозяевами» *(газета «Молодой рабочий», орган ЦК и Бакинского горкома ЛКСМ Азербайджана. 1937, 2 февраля)*. Самед Вургун написал первые главы «Комсомольской поэмы», представил привлекательный образ Герай-бека, хотя это и был по идеологическим меркам представитель «враждебного класса». Только через годы придут к читателям романы «Мы» Замятина, «Котлован» и «Чевенгур» Платонова. Естественно, наш герой еще не мог осознавать всех тонкостей тотального нивелирования мысли. Но юный Гейдар Алиев не мог не знать о кампании, направленной против национального музыкального инструмента — тара (в России пытались даже ополчиться против скрипки); он читал стихи вдохновенного Мушфика «Звени, тар!». Черный тридцать седьмой оборвал и эти струны.

Спустя десятилетия Гейдар Алиев, первый секретарь ЦК КП Азербайджана, защитит Бахтияра Вагабзаде и его поэму «Гюлистан», в которой, вопреки запретам, говорилось о расчленении Азербайджана.

В те же годы Халил Рза написал «крамольные» строки:

Не желаю свободы за граммом грамм,

Хочу разорвать оковы, связавшие по рукам и ногам!

Когда Азербайджан стал независимой республикой, Президент Гейдар Алиев вручил одну из самых высоких премий страны Бахтияру Вагабзаде, Халилу Рзе Улутюрку, Мамеду Аразу, поэту пронзительно — искреннего таланта.

Но пока идут тридцатые годы. Гейдар Алиев окончил с отличием педагогическое училище, получил похвальную грамоту и аттестацию школьного учителя. Однако в школе поработать ему не довелось…

Довлата Мамедова призвали в армию. В школу-восьмилетку села Бананияр Джульфинского района он вернулся после демобилизации, позвякивая боевыми наградами. В этой школе начал учительствовать младший брат Гейдара Алиева, Джалал.

А у Гейдара был свой фронт. О нем до поры до времени полагалось помалкивать.

Глава II ЗДЕСЬ ТОЖЕ ФРОНТ

22 июня 1941 года, Нахичевань

Популярную до Великой Отечественной войны песню про дальневосточную границу, над которой тучи ходят хмуро, пограничники Нахичеванского отряда напевали на свой лад:

Над Араксом тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят…

Про тучи в солнечном краю, конечно, говорилось в переносном смысле. Потому что каждый день, каждую ночь на тысячекилометровой реке, а большая ее часть была пограничной, ждали сигнала тревоги. Прорывались с сопредельной стороны банды и грабили крестьян, угоняли стада. Шли на свой промысел контрабандисты. Иранская{1} (тогда писали: персидская) и турецкая погранохрана обстреливала советские наряды. «27 июля 1931 г. в 10 ч. 30 мин. в районе заставы Карагулук Нахичеванского погранотряда, — докладывал в Наркомат иностранных дел Союза ССР заместитель начальника Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ Бобрышев, — персидский аэроплан нарушил границу и перелетел на нашу территорию. Пролетая над нашей территорией, аэроплан взял направление на юго-восток (вдоль границы) и на участке заставы Базбаши возвратился обратно в Персию». Задолго до нападения фашистской Германии на СССР в Тегеране издали карту «Новое административно-территориальное деление государства Иран». «Границы Ирана, — говорилось в примечании к карте, изданной по решению меджлиса, — за исключением границы с Турцией, не являются официальными». Соседи фактически претендовали на Советский — в их лексике — Кавказский Азербайджан, на столицу республики Баку, которая даже в официальной переписке в Иране значилась под древним персидским названием Бад Кубе. Сам Иран гитлеровцы планомерно превращали в антисоветский плацдарм. «Германский легион» становился своеобразным соединением вермахта на территории этой страны, — отмечается в «Истории Второй мировой войны». — В пограничных с СССР северных районах Ирана гитлеровцы устраивали склады оружия и взрывчатки; формировались диверсионные и террористические группы для переброски в Советский Союз, прежде всего в районы бакинских нефтепромыслов и Туркменистана».

Словом, на южной границе, как и на западной, пахло порохом.

В Нахичевани первыми из гражданских о войне узнали железнодорожники. Их перевели на военное положение и сказали, что теперь они приравнены к солдатам. Так понял Алирза Алиев слова парторга депо, который, путая русские и азербайджанские слова, прокричал на митинге, что здесь тоже фронт и проходит он по Араксу, пограничной реке. Парторг, недавний кочегар паровоза, был недалек от истины. Он бросал слова, яростные и зажигающие, как уголь в топку своей горячей машины.

— Помните, товарищи, с той стороны Аракса готовят свой поход навстречу гитлеровской армии, точат зубы на наши нефтяные промыслы.

Тем летом, как и раньше, по всей Нахичеванской республике открылись пионерские лагеря. Их предстояло срочно эвакуировать, отправить детей по домам. На помощь сотрудникам лагерей, пионервожатым отправили из Нахичевани несколько групп крепких ребят. В одной из них, как вспоминают ветераны, был и восемнадцатилетний Гейдар Алиев. Уже тогда он мог познакомиться с будущим знаменитым геологом Фарманом Салмановым.

Фарман набирался сил в пионерском лагере в горах. Двадцать второго июня вожатые обещали повести ребят в поход. Но в тот страшный день на лагерную линейку вместо энергичного и жизнерадостного физрука выбежала растерянная начальница. И дрожащим голосом объявила, что началась война, гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз, а потому лагерь закрывается. Всем надо срочно вернуться домой.

Но как вернуться? Единственный автобус поломался. Предстоит спускаться по крутому спуску километров двадцать. Такая дорога детворе не под силу. «Несколько километров нес меня на плечах крепкий молодой армянин, — вспоминает Фарман Курбанович. — Теперь и не помню, кем он работал в пионерском лагере, но детей нес он поочередно весь этот долгий и длинный путь».

В мемуарах выдающегося ученого, лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда, одного из первооткрывателей тюменской нефти Фармана Салманова — россыпи таких выразительных эпизодов. Он умеет подметить деталь, оценить в человеке самое главное. Как живой, встает со страниц его книги дедушка Сулейман, которого на два десятка лет упекли в Сибирь за неподчинение властям, его жена-сибирячка Ольга — в Азербайджане, куда она вернулась с мужем,

ее нарекли Фирюзой. А в память о далеких краях младшую сестру самого Фармана назвали Амурой — по дальневосточной реке Амур…

Родину, как и родителей, не выбирают. Кавказ — общий дом азербайджанцев и армян, грузин и осетин, дагестанцев, чеченцев, ингушей, абхазцев… Встретится ли детям в этом многонациональном доме такой вожатый, как тот армянский паренек? Или теперь в моде другие наставники, у которых глаза выжжены ненавистью? Но это отдельная тема.

…С началом войны на улицах Нахичевани заметно прибавилось военных и военной техники. Даже непосвященные в армейские дела люди понимали, что готовится какая-то операция.

В ночь с 25 на 26 августа 1941 года советские войска вошли в Иран. Это было сделано в соответствии с советско-иранским договором 1921 года. Шахская армия сопротивлялась недолго: на отдельных участках до 13 часов 26 августа. Одновременно южные районы Ирана заняли войска Великобритании. В начале сентября английские и советские части вошли в Тегеран. На юге Ирана заняли позиции и около 30 тысяч американских солдат…

О событиях в Иранском Азербайджане{2} до самого последнего времени писали глухо и туманно. Вроде того, что там развертывалось освободительное движение, возглавлявшееся Азербайджанской демократической партией. Имя лидера этой Партии, главы Азербайджанской Демократической Республики Джафара Пишевари, «забывали» даже академические издания.

Национальное правительство Южного Азербайджана, созданное в конце 1945–го, просуществовало всего год. На подконтрольной ему территории трудились тысячи советских инженеров, геологов, строителей, учителей, работников культуры. Доктор исторических наук, один из самых глубоких исследователей этой темы Джамиль Гасанлы считает их помощь бескорыстной и самоотверженной. «Южный Азербайджан: начало холодной войны» — так называется его книга, охватывающая события с 1941 по 1946 год. События вокруг Южного Азербайджана самым непосредственным образом затронули и жизнь Гейдара Алиева.

…10 мая сорок первого друзья поздравили его с днем рождения. Впереди была сессия, летние каникулы, далеко за ними маячил сентябрь, третий курс. Но первого сентября индустриальный институт многих студентов не досчитался. Кто-то пошел на завод, заменив отца, призванного в армию, кто-то получил направление в военное училище, кого-то, как Алиева, отозвали в распоряжение военкомата по месту жительства. И уже 23 июня Гейдар принял дела в секретной части архивного отдела

НКВД Нахичеванской АССР.

Он возвращался домой поздним вечером, нередко затемно. На вымерших улицах Нахичевани гулко отдавались шаги. Иногда из темноты возникал патруль: «Ваши документы!»

Во дворе просторно стояли топчаны — по давней привычке нахичеванцы летом спали под открытым небом, дома — душно. Из комнат выносили постели, посуду. Иззет-ханум склонялась к примусу, накрывала стол Гейдару. Он теперь был за старшего в доме: отец почти все время в командировках, Гасан в армии, Гусейн в Баку… С ним, Гейдаром, советовался Джалал, когда узнал, что за учебу теперь надо платить — 150 рублей за год. Для семьи Алиевых — деньги невероятно большие. В семейном кругу посоветовали Джалалу поступить на подготовительное отделение в учительский институт. Там учили бесплатно да еще выдавали по 50 граммов хлеба в день.

— Сегодня Джалал принес свой хлеб домой, — с тихой гордостью сказала Иззет Гейдару.

— Спасибо, мамочка, — отозвался тот. — Я только чаю попью. Иззет-ханум полила ему на руки воду из кувшина, подала кусочек моющей глины гюль-аби, заменившей в годы войны азербайджанским семьям и туалетное мыло, и стиральное.

Однажды на рассвете, когда небо только отрывалось от земли, Алиевых разбудил плач в соседнем дворе. Там жила семья Хуршид-ханум. Муж был на фронте, с ней — пятеро детей, мал мала меньше. Иззет-ханум окликнула соседку:

— Чем помочь?

— Дети голодны, не могут заснуть! Иззет позвала Гейдара:

— Сыночек, помоги…

Они собрали лаваш, сыр, сахар, консервы и передали Хуршид. Обе матери расплакались.

Засыпая, Гейдар видел, как мама, присев на краешек тахты, обхватила голову руками. Похоже, в ту ночь со своими горькими думами она так и не заснула. Пробудившись от птичьего звона, Гейдар увидел ее на той же тахте. Иззет-ханум встрепенулась:

— Сейчас я приготовлю тебе завтрак, сыночек!

В тот день он решил еще раз попытать счастья в военкомате, может быть, удастся добиться отправления на фронт. Похожие сцены происходили тогда по всей стране. Военкомы, сами писавшие заявления по начальству с просьбой командировать в действующую армию, устало отбивались от просителей.

— Вы и здесь (варианты: на границе, в милиции, училище, в шахте) нужны.

Примерно так же отрезал Гейдару Алиеву дежурный в нахичеванском военкомате и на этот раз.

— Здесь тоже фронт. Закавказский. Когда будет надо, призовем и тебя.

Советская миссия в Южном Азербайджане

К тому времени в Азербайджане для отправки в Иран, помимо военных, были мобилизованы 3816 гражданских лиц. *(Статистику отыскал Джамиль Гасанлы.)* По его сведениям, в этом списке было 82 партийных работника, 100 сотрудников советских организаций, 200 чекистов, 400 милиционеров, 245 железнодорожников, 42 геолога-нефтяника. Возглавил все это хозяйство — «Советскую миссию в Южном Азербайджане» — секретарь ЦК Компартии Азербайджана Алиев Азиз Мамед Керим оглы.

Решение о составе миссии и ее главе принималось в Кремле. Азиза Мамедовича утвердили членом Военного совета 47–й армии, она размещалась в древнем Тебризе, столице Южного Азербайджана. Миссия действовала с июля-августа сорок первого года до лета сорок второго, когда события на советско-германском фронте заслонили все другие. К тому же через Иран Советский Союз получат теперь военно-стратегическую помощь от союзников. Поставки от Персидского залива шли через весь Иран на Каспий и дальше по Волге или по железной дороге.

Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Мир Джафар Багиров был одним из самых деятельных организаторов похода в Южный Азербайджан. Утверждают, что он проводил аналогию с освободительным походом Красной Армии в 1939 году в Западную Украину и Западную Белоруссию, после которого Украина и Беларусь приросли за счет земель, отторгнутых прежде Австро-Венгрией и Польшей.

Для того чтобы ознакомиться с ситуацией в Южном Азербайджане, Багиров тайно выехал в Тебриз через Нахичевань. Для таких, как он, граница с Ираном была прозрачной. Джамиль Гасанлы приводит его свидетельство об этой поездке: «Будучи в Нахичевани, я на 3–4 часа посетил Тебриз… Несколько раз в Тебризе мне попадались на пути стайки мальчишек и девчонок. Когда я захотел с ними побеседовать и попросил остановить машину, они бросились бежать. Я им сказал по-азербайджански: «Идите сюда». Услышав мою речь, они подошли ко мне… Земля Южного Азербайджана — наша настоящая Родина. Живущие на границе нашей республики граждане уже давно разлучены со своими родственниками… — Затем он остановился у висевшей на стене карты и сказал: — Когда иранское правительство делило страну на области, то указало Азербайджан вот таким (показал на карте). Это — ложь. Азербайджан расположен отсюда до сих пор (показал на карте). Если не кривить душой, то и Тегеран входит в

азербайджанские земли». На одном из совещаний в ЦК товарищ, вернувшийся из командировки, рассказал, что они проходили через село Туркменчай. Багиров бросил реплику:

— В этом селе большой азербаджанский народ был разделен на две части…

Жарким летом 1827 года, во время войны России и Персии, войска генерала Паскевича осадили Эривань (Ереван), а затем штурмом взяли крепость Аббас-Абад в десяти верстах от Нахичевани. Начались переговоры о мире. По поручению командующего русской армией в Закавказье их вел Александр Сергеевич Грибоедов, надворный советник Иностранной коллегии Российской империи и уже известный поэт.

Из донесения Грибоедова Паскевичу о переговорах с персидским шахом Аббасом-Мирзой:

«…Я вынужден был сказать, что не имею поручения разбирать то, что предшествовало войне, что это не мое дело.

— Так все вы говорите: не мое дело, — но разве нет суда на этом свете!

— Ваше высочество сами поставили себя судьею в собственном деле и предпочли решить его оружием. Не отнимая у вас ни благоразумия, ни храбрости, ни силы, замечу одно только: кто первый начинает войну, никогда не может сказать, чем она закончится.

— Правда, — отвечал он.

— Прошлого года персидские войска внезапно и довольно далеко проникли в наши владения по сю сторону Кавказа. Нынче мы, пройдя Эриванскую и Нахичеванскую области, стали на Араксе, овладели Аббас-Абадом, откуда я приехал.

— Овладели! Взяли! Вам сдал Аббас-Абад, зять мой, трус, — он женщина, хуже женщины.

— Сделайте то, что мы сделали против какой-либо крепости, и она сдастся вашему высочеству.

— Нет, вы умрете на стене, ни один живой не останется; мои не умели этого сделать, иначе вам никогда бы не овладеть Аббас-Абадом.

— Как бы то ни было, при настоящем положении дел уже три раза, как генерал получал от вас предложения о мире, и ни одно из ваших сообщений несходно с условиями, мимо которых с нашей стороны не приступят ни к каким переговорам. Такова есть воля государя… При окончании каждой войны, несправедливо начатой с нами, мы отдаляем наши пределы и вместе с тем неприятеля, который бы отважился переступить их. Вот отчего в настоящих обстоятельствах требуется уступка областей Эриванской и Нахичеванской. Деньги — также род оружия, без

которого нельзя вести войну. Это не торг, ваше величество, даже не вознаграждение за претерпенные убытки: требуя денег, мы лишаем неприятеля способов вредить нам на долгое время».

По Туркменчайскому договору граница между Россией и Персией теперь проходила по Араксу. Шах, уступая России две области и соглашаясь на огромную дань деньгами, уверял царского посла в вечной дружбе с его державой. Передавая эти слова, Грибоедов замечал: «Впоследствии, однако, подтвердились наблюдения, не одним мною сделанные, что у персиян слова с делами в вечном между собою раздоре». Следует, однако, заметить, что эти земли всегда привлекали пристальное внимание англичан, и всевозможные стычки и неприятные инциденты могли возникать не без их участия.

В Нахичевани и ныне сохранился дом генерал-губернатора (здесь размещается замечательный Музей ковров), где в июле 1827 года останавливался великий русский поэт и дипломат. Отсюда открывался превосходный вид на долину: «…я часто поднимал голову над бумагами и направлял подзорную трубу туда, где происходило сражение. Я видел неприятельскую кавалерию, скачущую по всем направлениям и переправлявшуюся через Аракс, чтобы отрезать Муравьева и его две сотни казаков. Он отлично выпутался из беды, не было никакой серьезной стычки, и вернулся к нам цел и невредим, хотя и не смог высмотреть того, что хотел».

Через год с небольшим разъяренная толпа разгромила в Тегеране Российскую императорскую миссию. Погибли 37 человек, среди них и Александр Грибоедов. Его везли к месту последнего упокоения в Тифлис, где осталась юная беременная вдова, Нина Чавчавадзе, по той же дороге, по которой он совсем недавно мчался на юг с особо важной государственной миссией. Проехали Нахичевань, дом генерал-губернатора; 11 июня (по старому стилю) неподалеку от крепости Гергеры скрипучую арбу встретил Пушкин. Вы помните, конечно, эти строки из его «Путешествия в Арзрум»:

«Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу.

— Откуда вы? — спросил я. — «Из Тегерана». — Что вы везете? — «Грибоеда». — Это было тело убитого Грибоедова, которое сопровождали в Тифлис».

И еще век прошумел над Араксом. Над домом генерал-губернатора, откуда в подзорную трубу смотрел в неведомую даль русский поэт и сокрушался «о скудности познаний об этом крае», подняли красный флаг. В городском театре на

азербайджанском и русском объяснялись с миром его герои — Чацкий, Молчалин, Скалозуб… Афиши к спектаклю по просьбе друзей рисовал студент педтехникума Гейдар Алиев.

Гейдар знал в лицо своего однофамильца Азиза Алиева, невысокого человека с орденами на гимнастерке, но мог ли тогда предположить, как сведет их судьба?

К концу сорок второго года советскую миссию в Иране почти свернули; только железнодорожники день и ночь несли свою бессменную вахту… Десятого мая сорок третьего отец вырвался домой, чтобы поздравить Гейдара с двадцатилетием, а через неделю слег: истощение. Двадцатого мая Алирзу Алиева похоронили. Первая потеря в семье Алиевых. И о ней с полным правом можно сказать: фронтовая потеря.

Южным Азербайджаном Москва вновь занялась весной 1944 года. Шестого марта Совнарком Союза рассмотрел вопрос «О мероприятиях по усилению культурной и экономической помощи населению Южного Азербайджана». Исход Великой Отечественной войны был уже ясен, хотя до победы еще оставались тысячи верст, еще предстояло освобождать Крым и Севастополь, 250 суток отражавший фашистский штурм, большую часть правобережной Украины, Белоруссию, Прибалтику, Европу, восстанавливать разрушенные города и села. В этой сумасшедшей круговерти дел, военных и мирных, Сталин не забыл о Южном Азербайджане. Может быть, в интересе Сталина к этой проблематике сказались и его юношеские бакинские впечатления и вообще личное понимание кавказской проблемы? Возможно, навела на новые решения Тегеранская конференция? Оставляем эти вопросы на полях нашей книги, потому что поиск ответов увел бы далеко от главной темы.

По программе, принятой Совнаркомом Союза, в Тебризе предстояло открыть азербайджанскую школу-десятилетку, создать показательную агротехническую станцию, построить трикотажно-чулочную фабрику… 10 июня 1945 года Сталин подписал секретное постановление «Об организации советских промышленных предприятий в Северном Иране». Открывались, филиалы азербайджанских фабрик и заводов с участием советских специалистов. «Постановление Совнаркома СССР от 10 июня, — замечает Д. Гасанлы, — предвещало в ближайшем будущем объединение Иранского Азербайджана с советским Азербайджаном». 21 июня того же 1945 года И. В. Сталин подписал постановление ГКО № 9168 «О геологоразведочных работах на нефть в Северном Иране». Нефтяники ехали под видом сотрудников гидрогеологического отряда, прикомандированного к штабу советских войск в Иране. В других районах Ирана, тоже

под прикрытием поисков воды, нефть и руду искали англичане.

Формировалась, разумеется, также по согласованию с Москвой, Азербайджанская демократическая партия (АДП). По предложению Багирова АДП возглавил редактор тегеранской газеты «Ажир» Мир Джафар Пишевари. (В ряде документов его еще называют Сеидом Джафаром.)

Вот как характеризовал этого незаурядного человека Багиров в письме Молотову, Берии и Маленкову 6 июля 1945 года: «Пишевари, уроженец южного Азербайджана, бывший член Коммунистической партии, долгое время занимал ответственные партийно-советские посты в Советском Азербайджане. В 1927 году Коминтерном переброшен на работу в Иран, где правительством шаха Резы был арестован и в течение 10 лет просидел в тюрьме, освобожден в 1941 году после прихода советских войск в Иран. Два его родных брата живут в Советском Союзе. Один из них служит в Советской Армии, капитан медицинской службы».

Пишевари, как обоснованно утверждает Д. Гасанлы, считал политически бесперспективным получение Азербайджаном национальной независимости в составе Ирана. Он рассчитывал создать Азербайджанскую народно-демократическую республику под эгидой СССР по типу Монголии, а в дальнейшем воссоединить ее с Азербайджаном. Не его вина, что международные карты легли не так.

…В Южный Азербайджан потоком шли автомашины, станки, книги — на азербайджанском и фарси, пластинки с азербайджанскими песнями. И оружие — но только не советское, а любых других марок, итальянское, чехословацкое. 21 октября 1945 года командующий Бакинским военным округом генерал армии И. И. Масленников и М. Дж. Багиров доложили Л. П. Берии:

«Во исполнение решения ЦК ВКП(б) от 8 октября 1945 года по вопросу Иранского Азербайджана и Северного Курдистана, нами проведено следующее:

Выделено 21 опытных оперативных работников НКВД и НКГБ Азербайджанской ССР, способных организовать работу по ликвидации лиц и организаций, мешающих развитию автономистского движения в Иранском Азербайджане. Эти же товарищи должны организовать вооруженные партизанские отряды из местного населения».

Второго октября 1945 года на первом учредительном съезде АДП Мир Джафар Пишевари был избран председателем президиума партии. Двенадцатого декабря 1945 года первая сессия Азербайджанского Милли меджлиса (Национального

собрания) сформировала национальное правительство. Премьер-министром стал Пишевари.

В те же дни в Южный Азербайджан были переброшены 80 оперативников-чекистов, прошедших спецподготовку.

А в Вашингтоне вышел номер журнала «Тайм», посвященный событиям в Иране. На обложке был портрет шаха Мохаммеда Резы. И подпись: «Шах Ирана. Его влиятельные друзья желают его нефти». На карте, опубликованной в журнале, Южный Азербайджан охватывал серп, рукоятка которого упиралась в Баку.

Национальное правительство Южного Азербайджана предложило широкую программу политических и социально-экономических реформ. Государственным языком стал азербайджанский. В Тебризе открылся государственный Университет. Сюда направили преподавателей из Баку. Для сирот и беспризорных открыли детские дома — два для мальчиков и два для девочек.

Однако все эти планы могли стать реальностью лишь при поддержке Москвы. А Москва не могла не считаться с волей Вашингтона и Лондона. Послевоенный мир на деле был многополярным. Советский Союз начал вывод войск из Ирана.

Уходили солдаты — среди них было много азербайджанцев.

— Мы будем недалеко, по ту сторону Аракса!

— Да высохнет Аракс до самого дна! — отвечали им.

Но Аракс нес свои быстрые воды, как и века назад, и вновь ему было суждено разделять один народ на две страны.

Москва еще пыталась защитить своих союзников, но дело было сделано: в северные районы своей страны Иран вводил свои войска. У частей Азербайджанской демократической республики оставались «4 пушки без снарядов и 2 миномета без мин». Азербайджан был готов сражаться, но Москва обещала только моральную поддержку.

11 декабря 1946 года Пишевари и его коллегам передали шифровку от Сталина.

«Кавам как премьер-министр имеет формальное право послать войска в любую часть Ирана, в том числе и в Азербайджан, поэтому дальнейшее вооруженное сопротивление нецелесообразно, ненужно и невыгодно. Объявите, что вы не возражаете против вступления правительственных войск в Азербайджан для соблюдения спокойствия во время выборов. Мотивируйте, что вы делаете это в интересах единства иранского народа, в интересах его свободы и независимости».

Так и сделали. Так и мотивировали.

…За несколько дней в захваченном Тебризе расстреляли

свыше трех тысяч человек. Азербайджанские учебники и книги пылали в кострах. Были закрыты Азербайджанский университет, Национальный театр, филармония, музеи. Снесены памятники национальным героям. Власть наводила конституционный порядок.

После настойчивых требований Багирова Кремль разрешил открыть пограничные пункты в Джульфе, Худаферине, Биласуфаре и Астаре. За два дня советскую границу перешли 5295 человек.

Группа партийных работников во главе с Пишевари временно осталась в Нахичевани. Затем его поселили в Баку. Он писал в Москву, передавал Багирову новые предложения. «Чтобы его успокоить, в мае 1947 года был создан специальный секретный комитет, якобы готовивший отряды федаев для засылки в Южный Азербайджан, — пишет Д. Гасанлы. — Но засылать никого не пришлось. Третьего июля

1946 года на 14–м километре трассы Евлах — Гянджа автомобиль Пишевари попал в аварию. Через несколько часов он скончался в районной больнице».

Неуемного политэмигранта похоронили на его даче в Бузовнах, это окраина Баку. На могиле, скрывая захоронение, посадили цветы. И только в марте 1960 года прах Пишевари перенесли в Аллею Почетных захоронений, созданную еще до войны, в 30–е годы. Пролетело время — и вот судьба — рядом с ним похоронили Азиза Алиева, потом его сына Тамерлана и дочь Зарифу, жену Гейдара Алиева. А в декабре 2003 года и Гейдар Али Рза оглы Алиев нашел последнее упокоение рядом с ними.

Все, чем они жили, что их тревожило, взрывало мысли и души, — теперь прошлое, достояние историй.

Ветер с моря гонит опавшие листья. Чуть пониже — памятники героям карабахской войны. На одном и втором, и третьем — красные ленточки. Так бакинцы выделили могилы руководителей республики, погибших в 1991 году. Госсекретарь, академик Тофик Исмайлов, министр внутренних дел, генерал Магомед Асадов, генеральный прокурор Исмат Гаибов, заместитель председателя Совета министров Зулфи Гаджиев… Они погибли в вертолете, который сбили армянские сепаратисты.

«Мы никогда не сможем распустить наши вооруженные силы, — настаивал Пишевари. — Нам именно надо сохранить всю нашу вооруженную силу и беречь ее».

«Мне кажется, что Вы неверно оцениваете обстановку, сложившуюся как внутри страны, так и на международной арене, — отвечал ему Сталин. — Во-первых. Вы хотите добиться всех революционных требований Азербайджана немедленно.

Однако нынешняя ситуация исключает возможность осуществления подобной программы…

Во-вторых. Безусловно, в случае, если бы Советские войска продолжали оставаться в Иране, Вы могли бы надеяться на достижение успеха борьбы за революционные требования азербайджанского народа. Но мы не можем держать их в Иране, в первую очередь потому, что нахождение Советских войск в Иране подрывает нашу освободительную политику в Европе и Азии. Англичане и американцы говорят нам: если Советские войска могут оставаться в Иране, то почему бы английским войскам не оставаться в Египте, Сирии, Индонезии и Греции, а американским в Китае, Исландии и Дании. Мы приняли решение о выводе войск из Ирана и Китая для того, чтобы вырвать это оружие из рук англичан и американцев и, расширяя освободительное движение в колониях, сделать свою освободительную политику более обоснованной и полезной. Вы, как революционер, конечно же, понимаете, что мы не можем поступить иначе».

Было еще и в-третьих — о политической ситуации в Иране, в-четвертых…

«Как нам стало известно, Вы сказали, что в начале мы вознесли Вас до небес, а затем стащили в пропасть и этим дискредитировали Вас. Если это правда, тогда это вызывает у нас удивление. Что же произошло на самом деле? Мы здесь применили обычный революционный прием, известный каждому революционеру. В тех условиях, которые сложились в Иране для того, чтобы обеспечить для себя выполнение известных, минимальных требований движения, необходимо это движение подгонять, исходя из минимальных требований, и создавать угрозу правительству, создавать возможности для уступок, которые будут сделаны правительством. Не забегая вперед, в нынешнем положении Ирана Вы не смогли бы получить возможности добиться исполнения тех требований, на которых правительство Кавама вынуждено сейчас согласиться. Таков закон революционных движений. Здесь не может быть и речи о каком-либо унижении для Вас. Очень странно, если Вы думаете, что мы могли бы допустить Ваше унижение. Напротив, если Вы разумно себя поведете и за счет нашей моральной поддержки сможете добиться исполнения требований, легализующих нынешнее фактическое положение Азербайджана, то тогда Вас, как пионера прогрессивно-демократического движения на Ближнем Востоке, благословят и азербайджанцы, и Иран».

Увы, моральной поддержки для «исполнения требований, легализующих нынешнее фактическое положение Азербайджана», то есть автономию в рамках единого государства, было явно

мало. Сталин не мог этого не понимать.

Поражение Национального правительства, крах Азербайджанской демократической республики горьким эхом отозвались и в Советском Азербайджане. Тысячи людей помогали своим кровным братьям по ту сторону Аракса: учителя и врачи, нефтяники и строители, геологи и артисты, партийные работники и военные…

Об этом молчали

Близость к этим событиям оказала большое влияние и на восприимчивую душу молодого Гейдара Алиева. Один из его зарубежных биографов, Александр Адлер, главный редактор французского журнала «Курье энтернасьональ», писал о «регулярных разведывательных операциях на турецкой территории», которые проводили советские чекисты. Среди них «значительно выделялся молодой лейтенант по имени Гейдар Алиев».

«Затем Гейдар Алиев служит в Тебризе, — продолжает Адлер, — став свидетелем трагических событий, суть которых он так хорошо понимает, — завоевание шахскими властями в весьма сложных условиях Южного Азербайджана. На него произвело глубокое впечатление… поражение коммунистических идей в Азербайджане, с которыми связывал свои надежды азербайджанский народ в тот период».

Национальное воодушевление — так можно назвать чувства, которые овладевали людьми в Советском Азербайджане, особенно в пограничных районах. А потом маятник качнулся в другую сторону — трагедию в Южном Азербайджане все азербайджанцы восприняли как общенациональную беду. Об этом тогда открыто не писали, но так говорили и думали очень многие.

Есть и свидетельство Гейдара Алиева, о котором нам рассказал Джамиль Гасанлы, депутат Милли меджлиса.

— Когда вышла моя книга, Гейдар Алиевич позвонил мне, поздравил, сказал: я рад, что в Азербайджане есть такой ученый. Вы написали о том, о чем в советский период молчали. Спросил, сколько мне лет. Я ответил: исполнилось 50. — «Как Вы точно описали те факты, которые я видел собственными глазами. Я удивлен. Думал, что Вам лет 70–75 и Вы современник тех событий… Вы рассказываете наряду с другими историческими моментами о встрече Багирова и Пишевари. Я в то время служил в Нахичевани, эта встреча была на моих глазах, мы ее охраняли…» Заканчивая наш разговор, еще раз поблагодарил и сказал, что, по его мнению, к истории надо относиться именно так, не предвзято, честно, объективно.

Заметим для полноты картины: ученый представляет в парламенте Народный фронт Азербайджана, оппозицию. С этих слов он начал беседу с нами, видимо, предположив, что мы встречаемся только со сторонниками Гейдара Алиева. Нет, мы выслушивали всех. И друзей его, и недругов. И тем ценнее были свидетельства, в которых люди, оценивая Алиева, переступали

через свои политические пристрастия:

— Это крупный политический деятель не только Азербайджана, но и всего современного мира. Он успешно строил независимое государство и вывел Азербайджан на один Уровень со странами развитой демократии. Он сбалансировано развивал международные отношения Азербайджана — с Россией, США, странами Запада и Востока. А меня лично порадовало то, что при своей огромной занятости, преклонном возрасте он прочитал монографию. И счел нужным позвонить.

Первое издание монографии доктора наук Гасанлы вышло на азербайджанском языке. А второе — по его инициативе — на русском.

— Я сделал это в знак уважения к России, — сказал он.

Мы спросили, не встречалась ли ему фамилия Алиева в списках лиц, командированных в те годы в Южный Азербайджан.

— Нет, — ответил ученый, — не встречалась.

Да, в тех списках герой нашего повествования не значился. А в каких значился? Мы ищем ответ в зыбкой дали времени, сопоставляя уже известные факты, дополняя их новыми сообщениями.

…В мае 1945 года полковник госбезопасности Волков, работавший под прикрытием должности советского вице-консула в Стамбуле, решил уйти на Запад. Вступил в контакт с британской разведкой и пообещал в обмен на политическое убежище передать секретные документы и назвать имена советских разведчиков в Турции. Если бы только в Турции — в Великобритании тоже. Ведь ранее он работал в английском отделе. Донесение англичан из Кабула вскоре оказалось в Лондоне в руках начальника отдела «Сикрет интеллиджент сервис»… Кима Филби, вклад которого в работу советской разведки не поддается оценке в привычном измерении. Филби в тот же день информировал о происшедшем — как о прелюдии грядущей катастрофы — сотрудника лондонской резидентуры НКГБ. Самого Филби британская разведка срочно направила в Стамбул, чтобы разобраться на месте. Но предателя уже вывезли в Москву. Киму Филби пришлось по возвращении в буквальном смысле отмывать британских разведчиков, работавших в Турции, перед начальством. В своем отчете он «списал» неудачу в том числе и на то, что Волков «наверняка выдал себя своим поведением или же много пил и болтал лишнее».

Главным резидентом советской разведки в Турции в эти годы работал Михаил Матвеевич Батурин. Его сын — космонавт и ученый Юрий Михайлович Батурин, написал о своем отце книгу. Вот что он рассказал о тех событиях корреспонденту газеты

«Трибуна».

— Так кто же кого спас: Михаил Батурин Кима Филби или Ким Филби Михаила Батурина? — спросил его обозреватель «Трибуны» Сергей Маслов.

— Банальная вещь: мир наш взаимосвязан удивительным образом, — отвечал Юрий Батурин. — И мы знаем об этом очень немного. Мы видим лишь какие-то поверхностные взаимозависимости. А когда открываются связи более глубокие — готовы восхищаться и удивляться. Понимаете, скрытая взаимосвязь двух разведчиков, из которых ни один не мог просматривать ее до конца, могла, как током, если не убить, то парализовать их обоих. А могла спасти. Все зависело от обстоятельств, но не в меньшей степени от профессионализма и того и другого. Если бы чуть менее оперативно действовал Михаил Матвеевич, Филби был бы раскрыт. И на сотрудников советской резидентуры, возможно, легла бы вина и за провал всей «кембриджской пятерки». И тогда бы значительная часть истории разведки и немножко истории международных отношений была бы написана иначе.

А может быть, Филби спас отца. Потому что и он действовал оперативно. Люди разведки — где бы они ни работали — понимают, что они — часть системы. Разведчик отдает себе отчет в том, что он отвечает не только за себя, за людей, которые у него на связи. Он несет ответственность и за людей, которых не знает и никогда не узнает. Оба разведчика, не зная друг о друге ничего или по крайней мере ничего конкретного, старались действовать как можно быстрее, как можно точнее. И они сделали все образцово.

И еще один — совсем небольшой — пример незаметных взаимосвязей, сказывающихся через много лет, привел в заключение Юрий Михайлович Батурин:

— Если бы Константину Волкову удалось уйти на Запад, по-другому сложилась бы карьера и жизнь одного из подчиненных Волкова по имени Гейдар Алиев, и, как следствие, немного иной стала бы история одного из современных государств.

Гейдар Алиев продолжал свою службу и, судя по первым наградам, весьма успешно: он был награжден медалью «За трудовую доблесть», медалью «За боевые заслуги» и орденом Красной Звезды — «за достигнутые успехи в области государственной безопасности СССР».

«По склонностям своим он был международником, — так написал о Гейдаре Алиеве помощник председателя КГБ СССР Игорь Синицин в книге «Андропов вблизи», — работал в резидентурах КГБ в Иране, Турции, Пакистане и Афганистане. Во

внешней разведке он дослужился до высокой Должности резидента в одной из этих стран. Скромного, серьезного и тонкого разведчика послали на укрепление органов безопасности в Азербайджан…»

Глава III ГЕЙДАР И ЗАРИФА

Восточная поэзия через века пронесла легенды о любви, нежной, чистой, верной. Тахир и Зухра… Хосров и Ширин… Лейли и Меджнун… Все отступало перед силой их верности друг другу — интриги, угрозы, зависть.

И как они ни сдержанны, — не смолк
Всеобщий пересуд и кривотолк.
Как будто ветер, вея поутру,
Приподымал за уголок чадру
С чела любви. Они терпели честно:
Ведь тайна лишь двоим была известна.
Но что терпеть, что пользы им молчать,
Когда с запрета сорвана печать?

Это — в переводе Павла Антокольского — начальные строки поэмы великого Низами. Гейдар Алиев с юных лет знал их на азербайджанском, не раз повторял своей Зарифе.

В середине просвещенного XX века судьба уготовила испытания любви Гейдара Алиева и Зарифы Алиевой — еще не мужа и жены, а двух влюбленных, у которых оказалась одна фамилия. Уверены, этот сюжет достоин таких же классических страниц, как чувства Лейли и Меджнуна. Когда-нибудь об этом расскажет большая сцена или большой экран.

Впрочем, спасибо талантливому режиссеру Вагифу Мустафаеву — он создал документальный фильм «История большой любви», с душевным тактом запечатлел исповедь Гейдара Алиева. С любезного разрешения автора фильма мы сошлемся на записанные им воспоминания Гейдара Алиевича о встрече с Зарифой-ханум, его судьбой, о том, как они отстаивали право самим строить свою семью.

Гейдар Алиев — это видно и по фотографиям — был видным парнем в молодые годы, привлекательным мужиком — в зрелые и даже позже; на него заглядывались и бакинские красавицы, и ленинградские, и московские. Но он, как утверждают многие, кто его хорошо знал, никогда не давал повода заигрывать с ним.

— И я понял, почему, — замечает старый учитель Лятиф Гусейнзаде. — Алиев по характеру — однолюб. Он очень любил свою жену. Наверное, это тот нечастый случай, когда две

половинки счастливо нашли друг друга.

Большие, искренние чувства не принято выставлять напоказ. Они зачастую скрыты от посторонних глаз. Но когда встретятся две давние, еще с девических лет подруги, а теперь замужние женщины-матери, о чем они спросят прежде всего друг друга?

— Зарифа, ты счастлива?

Зиночка (так звали ее дома) Азизбекова вспоминала, как они откровенничали, прочитав рассказ Стефана Цвейга «Письмо незнакомки».

— А ты сумела бы так любить? — спросила Зиночка подругу. — Все отдать и посвятить любимому?

— Если я полюблю, то, какой бы ни была моя любовь, тяжелой или радостной, я пронесу ее через всю свою жизнь.

Точно так мог бы сказать и Гейдар Алиев.

«Никогда не забуду всего, что она мне рассказала о своем счастье, большой, глубокой, преданной взаимной любви, прекрасных качествах друга жизни. Характерно, что и после этой встречи, спустя годы, не раз она так же неизменно тепло и как-то по-особому вдохновенно рассказывала о своем женском, семейном счастье, находила удивительные слова, которые, к сожалению, нельзя доверить бумаге».

Каждому из нас, наверное, случалось видеть слепого человека. Вот он идет, постукивая палочкой по краю тротуара, останавливается у перехода… Чаще всего находится кто-нибудь сердобольный, переводит через улицу и мчится дальше по своим неотложным делам. А для кого-то такая встреча становится потрясением на всю жизнь. Так и случилось с Зарифой Алиевой.

В годы Великой Отечественной войны в Баку разместили десятки госпиталей. Через них прошли свыше 500 тысяч человек. Один из госпиталей был в здании университета. Девочки-школьницы, студентки ухаживали за ранеными, обрабатывали раны, поили и кормили из ложечки неподвижных. Зина читала стихи, Зарифа играла на аккордеоне.

«Помню, у окна на спине неподвижно лежал обожженный с тяжелейшими переломами летчик. Он отказывался принимать пищу, почти не открывал глаз и был совершенно безучастным ко всему, что происходило в палате. Зарифа подолгу задерживалась у его койки, спрашивала о его семье, рассказывала ему о новостях с фронта. Оказалось, что у него дома почти такие же, как мы, дочери, что он не хочет стать обузой своей семье и поэтому не сообщает им ничего. Спустя некоторое время свое первое письмо домой он продиктовал Зарифе и мы его вместе бросили в почтовый ящик. Так у нее появилась еще одна «профессия» в палате — под диктовку раненых писать и отправлять письма их

родным».

Наверное, из той поры — ее обостренное чувство ответственности, готовность немедленно прийти на помощь.

Однажды, после дежурства в госпитале, она бежала домой с Зиночкой. Навстречу девчонкам шла красивая молодая женщина, шла неестественно выпрямившись, высоко подняв голову. И старалась держаться ближе к стенке.

«Зарифа судорожно сжала мне руку, приложила палец к губам и, глядя вслед удаляющейся скорбной фигуре, спросила: «Ты видела? Она слепая. Ты знаешь, я давно думаю о том, что должна стать врачом. Ведь у нас все врачи: и папа, и мама, и старшая сестра, и Тамерлан. Я хочу быть окулистом и постараюсь возвращать людям великий бесценный дар — зрение».

Прошли годы. Зарифа Алиева стала известным врачом-офтальмологом. Специалистом, признанным в медицинских кругах, а главное — среди больных. На одном из больших конгрессов она встретила Азизбекову-академика, известного историка.

— А ты помнишь, Зарифа, ту слепую женщину из сорок четвертого года?

— Все помню, — ответила Зарифа Азизовна. — И все свои операции… И нашу встречу в День Победы…

В тот день с самого утра бакинцы шли на Приморский бульвар. Казалось, там собрался весь город. Позже академик Азизбекова, внучка одного из 26 бакинских комиссаров, так вспомнила об этом дне.

«Словно весь Баку вышел в эти часы к морю. Незнакомые люди обнимали друг друга, поздравляли, плакали, вспоминали родных и близких. Мы пробирались к нашему любимому дереву, оно и сейчас стоит наискось от Кукольного театра. И там Зарифа остановилась, как вкопанная, перед женщиной в черном платье и почти покрывавшим седую голову черном келагае — траурном убранстве азербайджанских женщин. Зарифа, обычно застенчивая с незнакомыми людьми, смело подошла к ней и, обняв, тихо сказала: «Ана-джан, сними траурный платок, сегодня праздник». Женщина заплакала. Зарифа, еще крепче обняв ее, спросила: «Муж?»-«Нет, сыновья… Трое моих сыночков».

Возле них остановился высокий молодой человек.

«Не плачьте, мама», — тихо и нежно сказал он».

Как легенду нам рассказывали в Баку, что это была их самая первая встреча, Зарифы и Гейдара. В красивый сюжет хотелось верить, но, увы, в тот день наши молодые герои встретиться не могли. Гейдар Алиев с Зарифой познакомился лишь в сорок седьмом, в Кисловодске. Вот как он сам вспоминал об этом:

— Старший брат поехал отдыхать в Кисловодск и пригласил меня… Там я никого не знал, а у моего брата было много знакомых. Мне попалась на глаза одна девушка, мы потом с ней познакомились. Как выяснилось, мой старший брат знал ее семью, отца ее хорошо знал. И хотя знакомство было коротким, чем-то эта девушка задела меня за сердце…

Вскоре после этого знакомства старшего лейтенанта Алиева как перспективного офицера направили в Ленинград, в школу МГБ СССР по переподготовке руководящих кадров. В письмах старшему брату он словно бы мимоходом интересовался, что поделывает их кисловодская знакомая, как поживает. Гасан не томил Гейдара неизвестностью, тем более что от своего друга Тамерлана, брата Зарифы, знал о первых шагах доктора Алиевой.

Окончив с отличием курс разведнаук, Гейдар Алиев получил направление в Министерство госбезопасности Азербайджанской ССР — начальником отделения Второго отдела. Уточним для непосвященных: это контрразведка. И напомним: начальнику отделения 27 лет. Родные уговаривали его: пора создавать семью.

— Я и сам задумывался о создании семьи, — вспоминал Гейдар Алиевич. — Это естественно. И потом, согласно азербайджанским обычаям, мать, родственники устраивали нечто вроде смотрин. Среди тех, на которых мне предлагали жениться, были и очень хорошие, красивые девушки. Но, видимо, мои чувства к Зарифе были настолько сильнее, что мне захотелось вновь увидеться с ней.

На счастье, Гейдар встретил Тамерлана, с которым время от времени перезванивался. Как-то они гуляли по набережной Каспия и Тамерлан пригласил приятеля заглянуть к ним:

— Познакомлю с отцом, он не раз бывал в ваших краях. Современному читателю в России, да и в Азербайджане имя Азиза Мамед Керим оглы Алиева мало что скажет. Между тем еще при жизни его, врача, доктора медицинских наук, уважительно называли врачевателем общества. В 30–е годы он был наркомом здравоохранения Азербайджана, затем, в начале Великой Отечественной, возглавлял Советскую миссию в Иране, о чем мы уже рассказывали, был секретарем Дагестанского обкома партии… К тому времени, когда Тамерлан представил отцу своего товарища, Азиз Мамедович, недавний заместитель Председателя Совета Министров республики, был не у дел. Гостя он встретил с непритворным радушием, как всегда было принято в этом доме. Предложил чаю, заметив с улыбкой, что Зарифа скоро вернется…

Азиз Алиев был одним из самых образованных людей в республике. Профессиональное знание медицины, культуры,

музыки… Вовсе не из почтения к номенклатурным чинам его дарили своей приязнью композиторы Узеир Гаджибеков и Муслим Магомаев, кстати, дед и тезка популярного во всем Союзе певца Муслима Магомаева, ректор Азербайджанского университета Абульфаз Караев, легендарный Самед Вургун, выдающийся ученый, первый президент Академии наук республики Мирасадулла Миркасумов. Наркома Азиза Алиева, в отличие от иных коллег, не часто видели на трибуне. Он не любил «толкать речи». Занимался конкретным делом — создавал новые медицинские службы; писал учебники для медицинских вузов на родном языке; выискивал талантливых ребят и направлял их в ведущие вузы Союза. Расул Гамзатов вспоминал, как Азиз Мамедович Алиев предложил ему учиться в Москве, в Литературном институте имени Горького: «Тебе обязательно надо продолжить образование». Большой талант Расула Гамзатова засверкал в Москве еще ярче.

Возможно, эта история, услышанная в доме Азиза-муаллима подсказала через годы Гейдару Алиеву, уже первому секретарю ЦК Компартии республики, решение направлять талантливых ребят из глубинки в столичные вузы, возможно, он сам пришел к такой мысли. Во всяком случае в главном они оказались едины. Сегодня в иных странах советские и российские дипломы объявляют недействительными. Но это пройдет… Остается самое главное: школа в том большом и глубоком смысле, когда мы говорим о школе академика Ландау, тоже, кстати, бакинца, о школе академика Иоффе или академика Алферова. В Советском Союзе самые лучшие вузы страны были открыты — и не за деньги — для паренька из шахтерского поселка в Донбассе, для его сверстников из горного села в Азербайджане или забытого Аллахом кишлака в Узбекистане…

Жизнь отца, Азиза Мамедовича, была самым лучшим примером для его детей. Трое из них, Лязифа, Тамерлан и Зарифа, стали докторами медицинских наук. Зарифу Азизовну, одного из самых авторитетных офтальмологов Союза, избрали академиком АН Азербайджана.

Возможно, кто-то, читая эти строки, заметит: как не стать академиком при таком отце и муже?! Знаем, мол, как это все делается…

Не будем спорить. В полемике такого рода действенны факты, а не эмоциональные всхлипы. Так использовала или нет Зарифа-ханум авторитет отца и мужа?

Представьте себе такую сценку. В Баку на отдых прилетают с семьями два заместителя министра внутренних дел Польши. Их сопровождает заместитель председателя КГБ СССР Филипп

Денисович Бобков. По протоколу высоких гостей должен принять и первый секретарь ЦК Компартии республики Алиев. Но он в зарубежной командировке. Гостям город показывает Зарифа Азизовна. По программе — визит в один из райкомов партии. Она отправляет гостей на пышную встречу, а сама остается в машине.

— Я вас подожду здесь. Я же не партийный работник, не сотрудник ЦК.

Очень поучительный пример человеческой этики, а в основе всякого общения для Зарифы-ханум лежала врачебная этика, о которой она много размышляла.

«Подвижники нужны как солнце» — так назвала Зарифа Алиева одну из глав своей книги, посвященной врачебной этике. «Обращение к чеховской фразе, — пишет Фатима Абдуллазаде, — было предопределено ее отношением к русской культуре в целом. Через всю свою жизнь она пронесла страстную любовь к Чехову и Рахманинову».

Но мы забежали вперед.

Знакомство Гейдара и Зарифы приходится на годы, когда Азиз Алиев был в опале. «Через что прошли эти молодые люди — дочь неугодного властям опального политического деятеля и юноша, являющийся одним из подающих большие надежды сотрудников системы госбезопасности, — для того, чтобы быть вместе навсегда, останется их личной тайной», — замечала Фатима Абдуллазаде.

К счастью, Гейдар Алиевич не унес эту тайну с собой. И потому еще раз поблагодарим Вагифа Мустафаева за то, что летом 2001 года он записал эти трогательные свидетельства.

— Мои чувства к Зарифе становились все сильнее и сильнее. С ее стороны я тоже чувствовал любовь. И я принял решение: связать свою судьбу с ней.

На службе, конечно, знали, что Гейдар Алиев встречается с дочерью опального политика. По настоянию всемогущего Багирова, первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана, Азиза Мамедовича выставили из Совмина. Тучи нависли и над семьей. Жену Азиза Мамедовича, Лейли Гаджи Джаббар кызы, избрали делегатом XIII съезда Компартии республики. Утром, принарядившись, Лейли Гаджиевна ушла на съезд и вдруг неожиданно быстро вернулась. Дома удивились:

— Что случилось? Неужели съезд уже закончился?

— Нет, съезд продолжается, но Багиров меня прогнал. — Лейли-ханум нашла в себе силы улыбнуться. — Сказал, чтобы я сдала свой мандат и ушла.

Слух об этой истории, обрастая фантастическими деталями, разлетелся по всему Баку. Знакомые, друзья, даже родственники

обходили семью Азиза Алиева десятой дорогой. Телефон в их доме звонил все реже.

Гейдар Алиев вспоминал:

— Спустя несколько дней я увиделся с Зарифой-ханум.

Она мне сказала, что мы не можем больше встречаться. Я спросил: почему? Она сказала: «Ты же знаешь, что моего отца сняли с работы. А ты работаешь в органах и можешь пострадать. Думаю, наша связь должна прекратиться». Я возразил: наши отношения не могут зависеть от того, кто и где работает. Они не зависят ни от твоего отца, ни от моей работы…

Между нами зародились искренние отношения. Она меня очень любила. И я ее очень любил. И потому я сказал: ты не беспокойся. Она ответила, что не о себе беспокоится, тем более что отца уже сняли с работы. «Я беспокоюсь о тебе. Может случиться так, что это повлияет на твою службу».

Гейдар Алиев знал об этой ситуации побольше, чем Зарифа. За ее отцом следили. Телефон прослушивали круглые сутки. Понятно, фиксировали и звонки Гейдара, его разговоры с Зарифой. Вызов к министру госбезопасности республики Емельянову не стал для Гейдара неожиданностью.

— Мы немного поговорили о работе. А затем он спросил меня: «Ты с такой-то девушкой встречаешься?» — «Да», — ответил я. — «А ты знаешь, что ее отец Азиз Алиев освобожден от занимаемой должности?» — «Знаю». — «Товарищ Багиров о нем очень плохого мнения». — «У меня об этом нет информации».

Шеф посоветовал молодому офицеру прекратить знакомство с Зарифой Алиевой, потому что это может помешать его карьере. И пригрозил на прощанье: «Иначе ты не сможешь работать в органах».

Увольнение из органов госбезопасности было сродни «волчьему билету». Человека с такой отметкой в трудовой книжке или военном билете никуда не принимали. Гейдар Алиев мог потерять не просто любимое дело: ведь он был кормильцем в семье. На его попечении были мама, младшие братья и сестры, которые еще становились на ноги.

— И все же я оставался при своем мнении. И не прервал отношения с Зарифой. В то время Баку не был так освещен, как сейчас, мы находили укромные места, незаметные для постороннего взгляда. — Вспоминая об этом, Гейдар Алиевич лукаво улыбался, было видно, как приятно ему вернуться в молодые годы.

Чаще всего они виделись в Губернаторском саду, раньше его называли Английским. В этом старом парке, заложенном еще в XIX веке, было много темных аллей, где парочки укрывались от

любопытных глаз.

— У входа в сад была троллейбусная остановка. Я назначал встречу на этой остановке. Я был молод и смел, ничего не боялся, ходил, как положено по службе, с пистолетом. Зарифа была молодой девушкой, к тому же красивой. А вы знаете, красивые девушки обычно привлекают внимание, к ним могут даже приставать… Я подходил к остановке троллейбуса и ждал ее. Затем мы направлялись в сад.

Впрочем, уловки молодого чекиста не уберегли его от нового вызова на ковер к генералу Емельянову.

— Почему вы не выполняете наши требования? — спросил хозяин кабинета, в котором всего через десяток лет предстояло работать Алиеву.

— Знаете что, — отозвался Гейдар после затянувшейся паузы, — есть работа и есть человеческая жизнь. Я люблю свою работу. И вы меня цените как работника. И здесь поводов для беспокойства нет. Но вторая сторона моей жизни, которая, быть может, более важная для меня, — моя семья, мои чувства, моя любовь. Я люблю эту девушку. И она меня любит. Как я могу расстаться с ней? Я сказал ей, что это никак не укладывается у меня в голове. Я должен объяснить ей причину. Или сказать, что я ее не люблю. Или что у тебя есть какие-то недостатки, которые меня не устраивают и потому я должен расстаться с тобой. Я не могу сказать, что расстаюсь с любимым человеком, чтобы остаться в органах.

Емельянов был умным человеком и, как казалось Алиеву, понял его. Но одно дело Емельянов как старший товарищ, у которого были дети — ровесники Гейдара, другое дело — министр госбезопасности. Голос его стал тверже:

— Нам придется решать вопрос о твоей работе. Вероятнее всего, ты ее потеряешь…

Так бы, конечно, и случилось. Мог загреметь в далекие, холодные края Азиз Алиев, а следом вся его родня, друзья сыновей и дочерей… Но в ночь на первое марта 1953 года невидимые миру силы перевернули очередную страницу истории. В Москве, на Ближней даче потерял сознание человек, который правил Советским Союзом и половиной мира. Когда охранники осмелились к нему войти, он едва дышал. Пятого марта стране объявили о том, что Иосиф Виссарионович Сталин скончался. Через четыре месяца арестовали и судили Берию, следом — его выдвиженцев в республиках. В Азербайджане судили Багирова, министра госбезопасности Емельянова, его заместителей.

Больше Гейдару и Зарифе не приходилось скрываться.

— Наши встречи легализовались, — Гейдар Алиевич с явным

удовольствием припомнил словечко из профессионального языка разведчиков. — Мы оба были счастливы… А теперь, зная все это, скажите: стоит ли мне доказывать, насколько глубоки корни моей любви?!

Наша любовь прошла через трудные испытания. Нас хотели разлучить. Но мы не отступили. Ни она, ни я… Моя вера в силу искренней любви подтвердилась. И после этого мы тридцать лет счастливо прожили. У нас двое прекрасных детей — дочь Севиль и сын Ильхам… Но, к несчастью, Зарифа-ханум рано ушла из жизни.

В тот трагический апрельский день 1985 года, в залитую холодным дождем Москву мы еще вернемся, а пока останемся в Баку, где Гейдар и Зарифа позвали гостей на свадебный чай. Угощали «Мишками на Севере», самыми дорогими в то время и самыми вкусными конфетами. Купили, удивляя продавщиц, целый килограмм.

Однажды Зарифа, встретив Зиночку Азизбекову, справилась о самочувствии ее мамы.

«Я ответила, что на почве диабета она катастрофически теряет зрение. Это был ответ, ни к чему не обязывающий. Спустя два-три дня, открыв на звонок дверь, я не поверила своим глазам. На пороге стояла Зарифа. "Я ехала на работу и вспомнила твои слова о мамином зрении. Ты извини, времени у меня очень мало, но я хочу посмотреть все-таки глаза Иззет-ханум". (Ее звали так же, как маму Гейдара Алиевича. — *Авт.*) Удивительно, мама не видела Зарифу многие годы, но по голосу или интуиции узнала ее: "Доченька, какими судьбами?.."» Все, что можно было тогда сделать для старой женщины, Зарифа-ханум сделала — по велению своего доброго сердца.

В 1977 году Зарифа Алиева защитила в Московском НИИ глазных болезней имени Гельмгольца докторскую диссертацию «Состояние органа зрения у работников некоторых предприятий химической промышленности Азербайджана». Она глубоко занималась профессиональной патологией глаз. Индустрия открывала все новые производства — а как они сказываются на здоровье работников?

Очень точно сказал об этом академик РАМН, директор НИИ глазных болезней Михаил Краснов. Приведем его слова:

— В той области нашей науки, которая больше всего привлекала Зарифу Азизовну, ситуация складывалась даже несколько парадоксально. Труд создал человека, но он создал и особые условия жизни на производстве, где человек проводит треть сознательной жизни. Казалось бы, все это — аксиома, в том числе в отношении глаз и зрения. Состояние зрения для

полноценного труда в наше время не только исключительно важно, требования к нему в современном обществе растут с каждым годом. Между тем обобщающих научных трудов на эту тему до сих пор нет. Нужно было обладать социальным чутьем Зарифы Азизовны, чтобы поставить свое дарование на службу этой крайне трудоемкой, сложной, благородной, но не всегда благодарной задаче. Усилиями Зарифы Азизовны была впервые создана научно-исследовательская лаборатория профессиональной патологии зрения.

Из отзывов специалистов можно собрать несколько страниц о профессиональной стороне дела. Главное в них не только медицинский аспект, но и огромная социальная значимость работ Зарифы-ханум. А еще — ее человеческие качества.

«Я счастлива, что в течение многих лет имела удовольствие встречаться с Зарифой Азизовной в деловых, семейных и дружеских условиях, — писала директор Московского НИИ глазных болезней имени Гельмгольца К. В. Трутнева. — Мой покойный муж, профессор Шербатов Иван Иванович, был знаком с семьей Алиевых раньше, чем я. И я прежде всего от него слышала самые теплые слова в адрес Зарифы Азизовны, Гейдара Алиевича и еще тогда маленьких их детей — Или и Севы».

Профессору О. Добромысловой запомнилось множество мелких, но таких характерных деталей.

…Вместе с мужем, тоже профессором, она отдыхала в санатории недалеко от Баку. Их пригласили к Алиевым.

«В назначенное время мы вошли в дом, и я впервые увидела Зарифу Азизовну. Небольшого роста, подвижная, она сразу вызвала симпатию. Ее изящная фигура была обтянута шелком домашнего простого платья, на маленьких ногах — босоножки. Большие черные восточные глаза излучали доброжелательность».

Дружеская встреча продолжалась долго, муж Добромысловой играл Рахманинова, говорили о взрослых детях…

«Было уже поздно, когда мы после ужина собрались уходить. В это время с работы возвратился муж Зарифы Азизовны. Он вошел в комнату быстрым шагом, высокий, стройный. По его лицу было видно, что он устал. Мы заспешили уходить. И тут с милой улыбкой ему навстречу пошла Зарифа Азизовна. Подойдя к мужу, она приподнялась на цыпочки, так как муж был намного выше ее, нежно поцеловала его в щеку и что-то тихо проговорила. Очевидно, проинформировала, что за гости в доме. Любезно поздоровавшись, хозяин уговорил нас побыть еще немного, посидеть с ним и попить азербайджанского чая. В этот момент за столом в полном составе собралась вся семья и стала особенно заметной роль маленькой хозяйки, умело дирижирующей всей

семьей».

Через день-два Зарифа Азизовна с семьей улетела в Болгарию. Затем подошел к концу и отпуск Добромысловых. Люди постарше помнят, как было в те времена с билетами на самолет и поезд. В санаториях и домах отдыха их продавали по спискам, «дикари» занимали очереди у касс с вечера. Зарифа Азизовна из Болгарии позвонила своим знакомым в Баку, чтобы Добромысловым забронировали билеты и проводили их.

Академик Н. Пучковская припомнила такую чисто житейскую деталь. На съезде офтальмологов один из его участников повредил ногу. Конечно же, его устроили в одну из лучших бакинских больниц, конечно же, пригласили на консультацию самых авторитетных врачей, но мало того — Зарифа Азизовна привезла человеку, заболевшему вдали от своих родных мест, «вещи из своего дома, чтобы облегчить его длительное пребывание вдали от близких».

Добрым словом вспоминают Зарифу Азизовну все, кто ее знал. «Я видел ее, когда был в гостях в семье Алиевых в Баку и в Загульбе, — рассказывает Александр Сергеевич Дзасохов. — Зарифа-ханум отличалась редкостной доброжелательностью. Она по-настоящему соответствовала своему научному званию доктора медицинских наук. Это была счастливая супружеская пара. К несчастью, Гейдар Алиевич потерял супругу в апреле 1985 года в Москве. Я видел, как он был потрясен этой трагедией. Могу уверенно сказать, что Зарифа-ханум сыграла важную роль в становлении семьи Алиевых, в воспитании замечательных детей: дочери Севиль, ученого-востоковеда, и достойного сына своего отца — Ильхама, который продолжает дело Гейдара Алиевича, возглавляя суверенный и дружеский России Азербайджан».

…К своей свекрови, Иззет-ханум, она относилась словно к родной матери. И очень переживала, когда весной 1956 года мама Гейдара Алиевича тяжело заболела. В соседней палате лежал Самед Вургун. Чаще всего с Иззет-ханум оставалась Рафига. И чуть ли не каждый день наведывались Гейдар и Зарифа, ее брат Тамерлан.

Однажды они увидели, что дверь в палату, где лежала Иззет, обычно полуоткрытая, на этот раз закрыта наглухо. Как оказалось, накануне ночью скончался Самед Вургун и врачи не хотели, чтобы Иззет-ханум узнала об этом.

Шафига в то время преподавала в Ленкорани. Ей передали: «Мама очень хочет вас видеть». Взяв трехлетнюю дочурку, Шафига поспешила к автобусу… Но в больницу ее не повела, оставила у друзей. В палате уже были Гейдар, Джалал, Агиль и Рафига.

— А где дитя, Шафига? — спросила ее мама. Узнав, где осталась внучка, встревожилась:

— Вернись за ней, Шафига! Да поскорее. Там болеют гриппом, ребенок может заразиться… Иди, Шафига, береги дитя.

Больше они не виделись.

«Целый месяц она снилась мне по ночам, — вспоминала после Шафига, — бодрой и здоровой… Она утирала мои слезы…»

Глава IV «ЭТУ ПРОФЕССИЮ Я ВЫБРАЛ С ЮНЫХ ЛЕТ»

21 декабря 1980 года, Баку

В этот день в клубе имени Дзержинского, куда любили сбегать в кино и на танцы студентки из расположенного через дорогу, мрачноватого на вид пединститута, танцев не было. В монументальном здании с колоннами, знакомом всему Баку, отмечали 60–ю годовщину органов ЧК — КГБ республики. Подъезжали черные «волги», подвозили начальство. Знающие люди говорили, что из Москвы поступило приветствие товарища Андропова, а с докладом выступит сам Гейдар Алиевич Алиев.

Так и вышло. Зачитали приветствие члена Политбюро ЦК КПСС, председателя КГБ СССР, генерала армии Ю. В. Андропова; Юрий Владимирович пожелал «настойчиво повышать политическую бдительность в отношении подрывной деятельности спецслужб противника и других враждебных элементов». Затем выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Алиев.

Гейдар Алиевич много раз бывал в этом здании с торжественным портиком коринфского ордера и очень гордился, получив впервые приглашение — оно было напечатано на толстой четвертушке бумаги с профилем Дзержинского… Сколько же воды утекло с тех пор, сколько перемен даже в названиях: ЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — КГБ…

Он вышел к трибуне, привычно оглядел огромный, на тысячу двести человек, зал:

— Дорогие товарищи! В апреле нынешнего года трудящиеся нашей республики вместе со всеми братскими народами страны отметили 60–летие Азербайджанской ССР и образования Коммунистической партии Азербайджана. Недавно, 20 декабря, исполнилась 63–я годовщина органов ВЧК — КГБ СССР. А сегодня мы собрались на торжественное заседание, посвященное 60–летию органов ЧК — КГБ нашей республики, созданных на следующий день после победы Советской власти в Азербайджане.

Свои выступления он «доводил» по давней привычке сам, едва ли не до самой последней минуты. И в этот раз, просматривая еще и еще раз странички, подготовленные помощниками, дописывал, уточнял фразы, подбирал единственно точные слова.

— Органы ВЧК были созданы по инициативе нашего вождя и учителя В. И. Ленина, который придавал огромное значение их роли в обеспечении защиты завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции. Во главе ВЧК по предложению Ильича был поставлен один из его верных соратников

Ф. Э. Дзержинский. В те незабываемые годы под руководством В. И. Ленина зародились славные чекистские традиции… И сегодня с чувством большого удовлетворения можно сказать, что эти замечательные, подлинно ленинские традиции, традиции «железного Феликса» живут и приумножаются в практической деятельности органов государственной безопасности страны.

Завершался 1980 год и вместе с ним десятая пятилетка. Далеко не самая лучшая в истории страны. Экономика трещала по швам. Да только ли экономика?! В этот же день, 23 декабря, Москва хоронила Алексея Николаевича Косыгина, человека, который 16 лет возглавлял Совет Министров страны, с именем которого в народе связывали так много обещавшую реформу. Той осенью его отправили в отставку. В большой политике полагалось играть по заведенным правилам. Выражать чувства «огромной благодарности нашей великой партии, ее ленинскому Центральному Комитету во главе с выдающимся политическим и государственным деятелем современности товарищем Л. И. Брежневым за мудрую ленинскую внутреннюю и внешнюю политику».

Слова эти и фразы, и целые обороты типа монолитной сплоченности партии и народа, партии — ведущей и направляющей силы советского народа, ее лидеров, каждый из которых, конечно же, был верным продолжателем дела Ленина, воспринимались как неизбежный ритуал и пролетали, не задевая сознания. Но их следовало произносить. Избирать почетный президиум во главе с верным ленинцем, испытанным руководителем… И вставать при этом. И оглушительно аплодировать.

За стенами собраний, пленумов и съездов шла другая Жизнь — с очередями, анекдотами, повседневными хлопотами, обыденными разговорами… В них «железным Феликсом» называли сейф — но из этого зала такого шутника выставили бы вон.

— В этом зале сегодня я вижу представителей почти всех поколений чекистов Азербайджана. — Алиев не заглядывал в лежащие перед ним листки бумаги. — Людей, которые начинали свою деятельность в органах государственной безопасности в огненных двадцатых годах, которые активно трудились в них в тридцатые годы, участвовали в Великой Отечественной войне, обеспечивали безопасность в тылу. Здесь и те, кто пришел в органы в послевоенный период, и молодое поколение чекистов. И сегодня я хочу передать всем вам и свои личные поздравления, и самые добрые пожелания.

В зале было немало и тех, с кем Гейдар Алиев работал в свои

годы в НКВД — МГБ — КГБ: все-таки четверть века в разведке и контрразведке, пять лет во главе Комитета госбезопасности республики — в качестве первого заместителя председателя и председателя. Эти люди приняли эстафету из рук первых чекистов Азербайджана и передали новым поколениям. Гейдар Алиев с его обостренным интересом к истории предложил издать сборник документов и материалов, посвященный 60–летию органов ЧК — КГБ республики. В книгу вошел и уникальный исторический документ — «Краткий информационный отчет о деятельности Азербайджанской Чрезвычайной Комиссии (май 1921 — май 1922 гг.». Этот документ 28 апреля 1922 года вручали делегатам Второго Всеазербайджанского съезда Советов. Перелистаем хотя бы бегло его страницы.

«Уже в первом месяце существования Советской власти враги революции спровоцировали на выступление темную массу в целом ряде уездов АзССР. Восстание в Гянджинском, Карабахском, Закатальском, Нухинском и прочих районах Азербайджанской провинции есть не что иное, как выступление самой подлой белоханской реакции, использовавшей темноту, забитость и невежество народных масс для своих гнусных эксплуататорских целей».

Как можно понять из дальнейшего повествования, новая власть отпустила на все четыре стороны своих поверженных противников. Точно так же, между прочим, вожди Октября отпустили после революции царских генералов. Под честное слово, что те не будут воевать с трудовым народом. Дешевым оказалось барское слово. Ушли генералы на Дон, начали формировать Белую армию. И в Азербайджане случилось то же. «Оставленные на свободе контрреволюционеры, — говорится далее в брошюре, — использовали наше добродушие для борьбы с нами же». Подавлять восстание пришлось с помощью частей Красной Армии.

Справились с одной бедой, тут же спешила другая. «Твердо засевшая в меньшевистском Тифлисе объединенная контрреволюция не хотела успокоиться и продолжала организовывать и перебрасывать через границы АзССР и других соседних советских республик изрядное количество своих эмиссаров, оружия, денег и прочего для того, чтобы поднять пламя кровавой гражданской войны и тем самым окончательно разорить исстрадавшееся население».

Знает ли современный читатель, что такое «учтро»? Уездная чрезвычайная тройка. Их создавали для борьбы с бандитами, разбойниками (в Азербайджане их называют кочи), которые грабили людей на дорогах. Жесткие расправы с бандитами

помогли переломить обстановку. В августе 1921 года тройки были ликвидированы. На дорогах стало спокойнее. Зато страх поселился в Баку. «Не было ночи, чтобы грабители не произвели по несколько налетов на квартиры в различных частях города. Мирное население было терроризировано и боялось с наступлением ночи выходить на улицу». Чекисты устроили облаву. «И только лишь после расстрела 52 главарей в городе Баку и его районах наступило полное спокойствие». Республике угрожали не только бандиты. Бывший турецкий офицер Халил Шакир-заде, устроившийся в Баку, организовал партию «Иттихад-Ислам». Партия панисламизма, как характеризуется она в книге, создав повсеместно свои ячейки, готовила восстание. Прежде всего намечалось «убивать видных вождей Советского Азербайджана — тюрок и, сея всюду панику, поднять одновременно по всей республике восстание. Был уже план восстания и намечен список ряда товарищей, подлежащих убийству». Но заговор удалось раскрыть. В ночь на 2 июля 1921 года чекисты арестовали главарей заговора.

Алиев — распространенная в Азербайджане фамилия. И среди первых чекистов был рабочий — большевик Баба Али Елдаш оглы Алиев. Свое боевое крещение он получил во время бакинской забастовки 1907 года. Тогда царская полиция натравила на рабочих наемных бандитов. Городской комитет РСДРП направил на помощь рабочим своих мусульманских товарищей. Среди них был и Баба Алиев. После революции он стал чекистом.

Немало славных людей с полной верой в народное дело шли в ЧК — азербайджанцы и русские, армяне, грузины, украинцы, — да ведь в Баку были все национальности. Через многие годы в Азербайджане помнили заместителя председателя и начальника оперативного отдела Азербайджанской ЧК Габеркорна.

В одной из своих записок Сергей Миронович Киров, уже работая в Ленинграде, так характеризовал товарища, немца по национальности: «Предъявитель сей бумажки тов. Габеркорн — старый член партии, хороший работник, работал по линии прокуратуры и т. д. на Кавказе — Баку — Тифлисе… Повторяю — хороший работник».

В Баку, как и в Москве, есть свой Дом на набережной. В Москве это мрачноватое здание — жилой дом, о котором рассказывается в одноименной повести Юрия Трифонова. Большинство тех, кто жил некогда в престижном доме с видом на Кремль, стали в тридцатые-сороковые годы жертвами репрессий.

Бакинцы Домом на набережной называли здание КГБ, где почти четверть века работал Гейдар Алиев. Но еще прежде, чем

он пришел туда, недобрая ходила о том доме молва. Система государственной безопасности, необходимая любой стране, жестоко подавляя инакомыслие, не раз скатывалась до репрессий. Об этом рассказано во множестве публикаций, в рассекреченных документах и мемуарах. Азербайджан, конечно, не был исключением.

В 1956 году в Баку проходил открытый судебный процесс. Судили лиц, виновных в репрессиях в Азербайджане в 1937–1938 годах. Процесс называли открытым, но заходили в зал, как вспоминал Гейдар Алиевич, «лишь по определенным пропускам». У него, начальника отдела контрразведки (назначили в конце 1953 года), такой пропуск был. Звучали на суде страшные в своей откровенности признания, оглашались документы, скрытые до поры до времени в архивах. Потом их снова припрятали. Мол, сколько можно долдонить об одном и том же?! А люди хотели узнать правду, восстановить все имена неправедно осужденных, замученных родных и близких. Хватило бы тогда мудрости и мужества разобраться во всех делах, не гуляли бы по сей день мифы о десятках миллионов погибших в лагерях…

На памятном декабрьском собрании на исходе 1980 года и Гейдар Алиев не мог сказать всего, что было у него на душе. Должны были пройти годы…

15 июля 1997 года, Баку

— В то время, как молодой специалист, занимаясь архивными материалами, в частности, материалами 1937–1938 годов, последующего периода, я задавал себе вопрос: кто были эти антисоветские, националистические группы, пытающиеся свергнуть советскую власть? Часть из них была арестована или же расстреляна и погибла в далекой Сибири. Однако другая часть не была арестована. Но в архивных материалах их имена были в списке тех, кто являлся членами антисоветских националистических групп, отрядов, организаций. Тогда я подумал: если они были членами антисоветских, антиреволюционных организаций, то почему они на свободе? А если они не являются таковыми, то почему их имена здесь? Было столько выдуманных, несправедливых дел, что трудно было разобраться в них.

Эти слова похожи на дневниковую запись, на горькую исповедь человека, который столкнулся с огромной несправедливостью и пытается разобраться в клубке противоречий, в причинах и следствиях. Так и было… Как Президент Гейдар Алиев пытался разобраться — только не наедине с собой, а вместе со слушателями-сотрудниками органов национальной безопасности Азербайджана. В 1997 году своим указом он объявил 28 марта Днем профессионального праздника сотрудников органов национальной безопасности Азербайджанской Республики. Именно в этот день в 1919 году были созданы органы безопасности независимой АДР. И теперь, в День профессионального праздника он обращался к коллегам, сотрудникам органов национальной безопасности, «людям этой профессии, являющейся для меня с юных лет очень дорогой и интересной». Размышлял вслух, открывая свое сердце, призывая их к соразмышлению и к действию.

— Одной из самых больших ошибок бывшего НКВД было то, что большинство работавших там людей имели очень ограниченное мышление. Кроме дисциплины, их ничего больше не интересовало. Большинство из них были далеки от культуры, литературы. Люди, не знающие хорошо литературу, культуру, музыку, историю, не могут быть профессиональными работниками безопасности. Знаете, работник безопасности — это не просто работник сыска. Он должен обладать высокой культурой, должен уметь общаться и с поэтом, и с композитором, и с писателем, и с ученым, и с простым гражданином. В противном случае он не сможет отделить белое от черного,

плохое от хорошего, ошибку от преступления.

…В 1950 году молодой чекист Гейдар Алиев попытался найти материалы по делу выдающегося азербайджанского писателя и ученого Салмана Мумтаза. Один из старых сотрудников НКВД сказал ему, что видел, как во внутреннем дворе, там, кстати, была и тюрьма, охранники сжигали книги из библиотек Салмана Мумтаза и Гусейна Джавида. Остановить это варварство он не мог.

— Конечно, — продолжал Гейдар Алиевич, — откуда могли знать эти люди, что представляют собой эти редчайшие книги, имевшиеся у Салмана Мумтаза… Могли дойти до уровня Гусейна Джавида, Ахмеда Джавада, Микаила Мушвига те, кто вел по их делу следствие? Нет! Потому что большинство из них были неграмотными…

Вы знаете, я вспоминаю об этом еще и потому, что иногда встречаются и наши современники с очень ограниченным мышлением, бывают очень грубы, далеки от культуры. Считают, что занимают высокую должность, и это дает им все. Однако должность ничего не дает человеку, всего-навсего дает полномочие. А все остальное зависит от его ума, знаний, культуры. Если все это есть, то он сможет использовать должностные полномочия в интересах государства. Если нет, то не сможет, просто искалечит людей.

Такие граждане «с очень ограниченным мышлением» то и дело предлагали председателю КГБ республики, а после первому секретарю ЦК поприжать диссидентов, арестовать поэта, а еще кого-то послать туда, куда Макар телят не гонял… Алиев не позволил этого сделать. Он прикрыл от гонений многих талантливых людей, которыми сегодня гордится Азербайджан.

Вспомним, с каким рвением в те же годы боролись с диссидентами в Москве и Ленинграде, с «националистами» — в Киеве… Можно только пожалеть, что у талантливого поэта Василя Симоненко, к примеру, не нашлось такого защитника и товарища, как у его азербайджанских коллег. Там творцов, даже Олеся Гончара, заставляли шагать в ногу, здесь — пытались разобраться в их взглядах, дружески подсказать, посоветовать…

В 1969 году заведующим отделом культуры ЦК Компартии Азербайджана по предложению Гейдара Алиева утвердили Азада Шарифова, собственного корреспондента газеты «Известия» по Турции, Ирану и Афганистану.

— Азад, мы не случайно отозвали тебя в Баку, — сказал ему Гейдар Алиевич при первой встрече. — В республиках создаются отделы культуры ЦК, мы долго думали, кого назначить, и остановились на твоей кандидатуре. Ты вырос в театральной

семье, имеешь два высших образования по музыке и литературе. Кроме того, я знаю, у тебя хорошие отношения с Мирзой Ибрагимовым, Расулом Рзой, Сулейманом Рустамом, Имраном Касумовым. Ты близко знаком с Кара Караевым, Фикретом Амировым, Ниязи и Тофиком Кулиевым, Таиром Салаховым. Все они, слава богу, в зените славы и достойно представляют наш народ в мировом масштабе. Твоя задача в другом: помогать росту нашей талантливой творческой молодежи…

Растет отличная смена писателей, композиторов, художников и театральных деятелей. Например, братья Ибрагимбековы, Анар, Эльчин Юсиф Самедоглу, Фикрет Годжа. Из композиторов Ариф Меликов, Хайям Мирзазаде, дирижер Рауф Абдуллаев, режиссер Эльдар Кулиев, актеры театра и кино. Вот им и нужна наша помощь, а это значит, что надо, чтобы печатались книги писателей и поэтов, ставились пьесы драматургов, организовывались выставки молодых художников смелее выдвигались на первые роли актеры в театрах и кино. Вот в этом твоя задача, и в этом мы на тебя надеемся.

Десять лет Азад Керимович работал в ЦК Компартии республики, потом по настоятельной просьбе Алиева возглавил Госкино Азербайджана. В своих воспоминаниях профессор Шарифов, преподаватель Высшего дипломатического колледжа, обстоятельно пишет об этих памятных годах. Мы приведем из них лишь один, но очень характерный эпизод.

Известный азербайджанский драматург Анар написал комедию «Лето в городе». В ней высмеивались взяточники из вузов республики.

«Против спектакля выступили сотрудники Главлита, советская цензура, — вспоминает Азад Керимович. — Они требовали смягчить критику. Однако ни автор, ни режиссер с этим не соглашались. Настал день премьеры, билеты проданы, а разрешения Главлита нет. Как назло, в городе не было и начальника этой организации, с которым мы всегда наводили общий язык. Что делать? Тогда мы с Хейруллой Алиевым, зав. сектором литературы нашего отдела, решить взять ответственность на себя и разрешить премьеру без согласия Главлита. Спектакль прошел с огромным успехом. Через несколько дней Гейдар Алиевич по телефону спрашивает меня: «Что случилось в Аздраме?» Я объяснил ему ситуацию и пригласил на очередной спектакль.

Гейдар Алиевич приехал в театр с супругой. После спектакля он по своей привычке пошел за кулисы, где его ожидали актеры. Мы с Анаром шли следом и вдруг видим, что актеры заулыбались и стали аплодировать. Оказывается, Гейдар Алиевич улыбнулся

им. Он тепло поздравил автора, режиссера и весь коллектив с прекрасным спектаклем, который критикует недостатки нашей жизни.

Повернувшись ко мне, сказал, что эту пьесу надо перевести на русский язык, чтобы и русскоязычное население Баку могло увидеть ее».

Азад Шарифов и сейчас затрудняется сказать, что больше всего любил Алиев — литературу, театр, кино, музыку или живопись. Наверное, литературу, потому что прежде всего было слово. Но при этом он был театралом, вместе с Зарифой-ханум ходил на все премьеры в бакинских театрах. А после спектаклей беседовал с актерами и режиссерами.

В те годы в Баку были реставрированы Театр оперы и балета, драматический, заново построены театры музыкальной комедии и юного зрителя, восстановлены театры в Шеки, Сумгаите и Агдаме…

«И еще хочу сказать, какое огромное значение придавал Гейдар Алиевич развитию азербайджанского кино, — продолжает Азад. — Именно с его помощью пробились на союзный экран такие фильмы, как «В одном южном городе» и «Допрос», которым препятствовали в Баку и в Москве. При его поддержке и помощи киностудия «Азербайджанфильм» создала популярные исторические фильмы «Бабек», «Насими» и «Аккорды долгой жизни» об Узеире Гаджибекове. Эти фильмы смотрят и сейчас».

— Сегодня с большим чувством гордости могу сказать, что, когда я работал на руководящих должностях в органах государственной безопасности, был главой Азербайджанской Республики, не было предпринято никаких шагов, противоречащих национальным интересам азербайджанского народа.

Так говорил Гейдар Алиевич Алиев на памятной встрече в Баку, когда в первый раз отмечался профессиональный праздник сотрудников органов национальной безопасности республики.

О его работе в НКВД — МГБ — КГБ порой рассказывают легенды. Нам приходилось слышать о том, что Алиев был в Венгрии в 1956 году во время известных событий — и тогда якобы познакомился с Юрием Владимировичем Андроповым. Объясняем: это миф. Их первая встреча произошла в 1967 году. Тогда Алиев исполнял обязанности председателя КГБ республики, замещая Семена Цвигуна, который получил новое назначение — замом Андропова. Вместо него утвердили Алиева. Он уже был известен в кругах чекистов как волевой руководитель, непосредственный организатор ряда блестящих разведывательных и контрразведывательных операций. Среди них

и перевербовка агента («Дуэль»), и раскрутка летчиков американского самолета «Дуглас», которые выбросились на парашютах в Азербайджане, и нелегальные командировки в ряд зарубежных стран…

Это достоверные факты. А вот другая история, о которой нам довелось услышать от «летописцев» Алиева, — тоже миф. В коротком пересказе байка выглядит так.

— Как-то из Москвы поступил приказ. Исполнить его предписывалось молодому капитану Гейдару Алиеву. В вердикте начальства указывались имена пяти тысяч азербайджанцев, якобы дезертировавших из армии или сбежавших с фронта. Требовалось найти их. Молодой капитан оказался перед тяжелым выбором: долг и совесть… Он рисковал многим, когда решился внести изменения в заведомо предвзятую и антиазербайджанскую по сути реляцию. Многие имена в списке были вычеркнуты, заменены другими; часть из значащихся в списке ему удалось подвести под определение «пропавших без вести» и тем самым спасти от репрессивной машины сотни людей…

Генерал армии Филипп Денисович Бобков, в прошлом первый заместитель председателя КГБ СССР, которого мы попросили прокомментировать этот сюжет, раскатисто рассмеялся:

— Как вы себе это представляете? Пять тысяч дезертиров, с которыми разбирается один офицер, очень похожи на сто тысяч хлестаковских курьеров. Если и в самом деле их было так много, в чем я сомневаюсь, так как слышал на фронте много добрых слов о воинах-азербайджанцах, то с ними разбирался наркомат внутренних дел. А старший лейтенант Алиев, капитаном он стал позже, уверен, честно выполнял свой воинский долг. Дезертир в его глазах был предателем. А как назвать того, кто по словам сочинителя этой легенды переделывал документ? — спрашивает генерал. — Ответ один: пособником предателя и изменника. За такие действия отвечали по законам военного времени.

Да, молодому офицеру Алиеву приписывают явно не то, чем он занимался. Другое дело — он мог остановить от ошибочного шага того или иного человека, попытаться переубедить его. Речь идет о том, что в своем кругу чекисты тогда и позже называли профилактической работой, помогая оступившимся людям разобраться, не допустить преступления. В шестидесятые-семидесятые годы такие действия спасли от уголовного преследования многих и многих сограждан.

Среди тех молодых ученых, деятелей искусства, литературы, кого Алиев, уже председатель КГБ республики, спас от Уголовного наказания, был и Абульфаз Эльчибей, будущий президент Азербайджана. В советские времена он отличался

радикальным национализмом. Через годы, возглавив суверенную республику, запутался в сложном и противоречивом мире большой политики.

Но это все случится позже. Пока же завершаются пятидесятые годы. Алиев возглавляет Второй отдел (контрразведка) Комитета госбезопасности республики. Понятно, такие назначения делаются в Москве.

К этим годам относится знакомство Гейдара Алиева и Филиппа Бобкова, в ту пору заместителя начальника Второго главного управления КГБ СССР. Филипп Денисович всего на два года моложе Алиева, в зрелом возрасте эта разница совсем не чувствуется. На фронт он ушел добровольцем, как и его отец, рядовой, бронебойщик, вместе воевали в Сибирской добровольческой дивизии. На глазах сына близ псковской деревни Большие Гривны Денис Бобков погиб. Победу старшина Бобков встретил в девятнадцать лет в Курляндии с орденом Славы III степени на гимнастерке. В том же 45–м он получил направление в Ленинградскую школу контрразведки «СМЕРШ». Название это придумал Сталин; расшифровывается просто: «Смерть шпионам». Сорок пять лет в органах госбезопасности!

С Гейдаром Алиевым у генерала Бобкова сразу установились добрые, хорошие отношения.

— Первое знакомство быстро переросло в настоящее товарищество, — вспоминает Филипп Денисович. — Хочу сказать откровенно: у нас не было каких-то панибратских отношений. Мы дружили по-доброму до его последних дней.

Бобков — заместитель начальника контрразведки Союза; Алиев возглавляет Второй отдел КГБ республики. По делам службы часто бывает в Москве. Они вместе планируют операции.

— Какие именно, Филипп Денисович?

На прямой вопрос наш собеседник отвечает не сразу.

— Может быть, у вас сохранилось что-либо в домашнем архиве? — заходим с другой стороны. На этот вопрос ответ следует мгновенный, как удар рапиры.

— Все деловые бумаги остались в КГБ. Рассказать могу лишь о том, что помню.

Окно небольшого кабинета, где работает советник председателя правления Российского информационного агентства «Новости» Бобков, выходит на Садовое кольцо. Гул такой, что приходится закрывать окно — иначе, кроме шума, диктофон ничего не запишет. А записывать есть что.

— В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов нам пришлось заняться совершенно новыми проблемами, — рассказывает Филипп Денисович. — В советских вузах, в

частности в Баку, начали учиться студенты из многих стран мира. Конечно же, американская разведка попыталась активно использовать эту среду. Уже на первых этапах мы выявили несколько человек, которые были засланы в наши вузы. Они изучали обстановку и собирали информацию, которая в принципе интересует разведку. А кроме того, в их задачу входила организация эксцессов, беспорядков, что создавало бы впечатление, будто в Советском Союзе опасно учиться. Тема эта звучала серьезно, так что наш интерес к Азербайджану усилился и по этой линии. Мы не раз встречались с Алиевым, обсуждали, как лучше вести дело, как создавать атмосферу, чтобы обучение у нас пользовалось успехом… Словом, контрразведка в этом деле играла роль не последнюю.

Кстати, в то же время открылся Университет дружбы народов имени Лумумбы. И на первых же порах мы выявили трех агентов, которые непосредственно работали с посольской резидентурой в Москве и готовили провокации среди студентов.

Естественно, занимались мы и обеспечением безопасности стратегических объектов, безопасностью в промышленности, на транспорте, охраной секретов в экономике, предупреждением ЧП.

Хочу сразу сказать: в Алиеве я встретил опытного профессионала. Гейдар пользовался в нашем кругу авторитетом — это не только мое мнение, но и многих других коллег. Назову хотя бы Олега Михайловича Грибанова, серьезный контрразведчик был, начальник советской разведки, очень уважаемый чекист. Он высоко ценил Алиева как профессионала, начальника республиканского контрразведывательного аппарата. Щербак Федор Алексеевич, первый заместитель начальника контрразведки, опытнейший контрразведчик, с большим стажем, крупными профессиональными знаниями — и он с огромным уважением относился к Алиеву. Могу называть и других, но и из того, что я сказал, ясно: это был уважаемый в Комитете госбезопасности человек. Это уважение проявилось и в том, что его кандидатуру поддержали при выдвижении на должность первого заместителя председателя КГБ республики. Это было в 1964 году. И на этой ответственной должности Гейдар Алиевич проявил себя с самой лучшей стороны. Наши отношения еще больше укрепились, потому что Алиев курировал как раз те вопросы, которыми я занимался в Центре. Это и проблемы национальных отношений, и религия, и иностранный туризм.

Это был один из немногих руководителей республиканского звена, который тонко и чутко относился к межнациональной проблематике. Я это ценил.

Бобков и Алиев задумали и провели большое

социологическое исследование по комплексу межнациональных отношений. В институте социально-политических исследований, который тогда создавался, при поддержке Юрия Владимировича Андропова организовали закрытый отдел социологических исследований.

— Исследования печатали в одном экземпляре?

— Нет, конечно, — улыбнулся шутке Бобков. — Мы направляли их в ЦК КПСС, но, к сожалению, не все наши наработки получали поддержку.

…В одном из документов, направленных КГБ СССР в Центральный Комитет партии, анализировалась «враждебная деятельность националистических элементов». Записку от 17 января 1966 года № 2/9–299 подписал заместитель председателя Комитета госбезопасности СССР С. Банников.

«В отдельных районах страны, особенно на Украине, в Закавказье, в республиках Прибалтики и в некоторых среднеазиатских республиках наблюдается активизация враждебной деятельности буржуазных националистов, — говорится в отчете. — Буржуазные националисты обращают основное внимание на подбор и сохранение кадров, идейную обработку политически неустойчивых лиц, особенно из среды интеллигенции и молодежи, распространение националистической литературы и клеветнических измышлений по вопросу национальной политики нашей партии. В целях обработки в антисоветском националистическом духе политически неустойчивых лиц, идейной подготовки и закалки сообщников, привлечения на свою сторону новых кадров, националистические элементы стали широко использовать так называемые «легальные возможности», например, встречи с молодыми поэтами и писателями, творческие вечера, юбилеи национальных писателей, поэтов и композиторов, кружки художественной самодеятельности».

Затем следовал целый ряд примеров — Украина, Эстония, Армения, Азербайджан…

«В 1965 г. также была вскрыта антисоветская националистическая группа в г. Баку, именовавшая себя «Комитетом защиты Азербайджанского национального языка». В группу было вовлечено до 70 чел. в возрасте от 20 до 27 лет, в т. ч. 6 членов КПСС и свыше 20 комсомольцев. Под видом защиты азербайджанского языка руководители группы высказывали мысль о создании самостоятельного государства с выходом из СССР и выселении с территории республики русских и армян.

Участники группы считали необходимым захватить радиостанцию и телецентр для обращения к азербайджанскому

народу с призывом поддержать их требования. Они вынашивали также намерения 7 ноября 1965 года или 1 мая 1966 года выйти на демонстрацию с соответствующими лозунгами и в случае срыва их выступления начать вооруженную борьбу против существующего строя.

Разумеется, что организационная враждебная деятельность наиболее активных националистов, сознательно вставших на путь борьбы с Советской властью, была пресечена органами КГБ путем их ареста. Что касается значительной части лиц, проявлявших националистические взгляды под влиянием буржуазной пропаганды и воздействием антисоветских элементов, в силу недостаточной политической зрелости, недопонимания существа национальной политики Советского государства, то они были профилактированы» (*РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 235. Л. 62–65*).

— Когда председателем КГБ Азербайджана утвердили Алиева, своим заместителем он попросил назначить Виталия Красильникова, — говорит Бобков. — Он находился в моем подчинении. Это был надежный, очень хороший человек. Я согласился. Я тогда уже стал начальником Пятого управления, отношения наши оставались хорошими. Когда Гейдар Алиевич бывал в Москве, всегда заходил.

Чекисты были обязаны защищать конституционный строй, пресекать действия тех, кто вставал на путь вооруженной борьбы, стремился захватить власть. Но очень часто им, чекистам, приходилось исправлять то, что не сумели сделать партийные комитеты, весь огромный идеологический аппарат. Об этом с тревогой говорил и Гейдар Алиев.

«В 1967–1968 годах наблюдается значительное оживление деятельности зарубежных армянских националистических организаций, в особенности «Дашнакцутюн», по отношению к нашей республике. Из ряда капиталистических стран в адреса советских учреждений и редакций газет республики направлялись журнальные и газетные статьи с различными требованиями и обращениями националистического характера. Дашнакские круги за рубежом в искаженной форме преподносят отдельные факты из жизни республики» (*из выступления на пленуме ЦК КП Азербайджана 28 августа 1968 года*).

Средства массовой информации изо дня в день твердили о единстве партии и народа, о нерушимой дружбе народов, а подспудно в обществе накапливались проблемы, которых становилось все больше. Что происходит в обществе? Чем вызваны массовые волнения в ряде городов — Муроме, Темиртау, Новочеркасске? Какие политические процессы зреют в стране? Как участвуют в них идейные противники советской власти?

Заняться поиском ответов на эти вопросы предстояло новому Управлению по борьбе с идеологической диверсией, его назвали Пятым.

Напутствуя Бобкова в «пятерку», Юрий Владимирович Андропов говорил, что идет самая настоящая идеологическая война, решается вопрос: кто кого.

— Мы полны решимости укреплять Советское государство, а наши идеологические противники прилагают все силы, чтобы его разрушить, — рассуждал Андропов в тот поздний вечер в своем большом кабинете на Лубянке. Встреча началась в 22.00, теперь стрелки подползали к 23–м. Юрий Владимирович всем своим видом показывал, что встреча была неформальной: сидел без пиджака, иногда в раздумье оттягивал подтяжки. — Мы обязаны знать их планы и методы работы, видеть процессы, происходящие в стране, знать настроения людей. Это очень важно. Нам необходимо использовать самые разные источники: как легальные учреждения, социологические институты или информацию в печати, так и данные наших спецслужб. Помимо явлений, которые лежат на поверхности, существуют еще и тайные пружины… Очень важно научиться распознавать и хорошо понимать внутренние, глубинные процессы…

Пройдет полтора десятка лет, и Андропов, уже Генеральный секретарь ЦК КПСС, скажет, что необходимо наконец ответить на вопрос: «В каком обществе мы живем?»

Эти же слова встретились в одном из писем, адресованных в ЦК: «Во-первых, нужно выяснить, в какой стране мы живем…» Поразительное совпадение.

В какой стране мы живем

В самом конце 1965 года ЦК партии — уже новый, послехрущевский — поручил редакциям «Правды», «Комсомольской правды» и «Литературной газеты» направить в ЦК сводки писем «исключительного характера».

Седьмого января 1966 года выдержки из писем, «в которых содержатся неправильные взгляды, касающиеся нашей государственной и общественной жизни», в ЦК КПСС направили главный редактор «Литературной газеты» А. Чаковский и главный редактор «Комсомолки» Б. Панкин. Одиннадцатого января отчиталась «Правда». На первых страницах аналогичные пометки: «С сообщаемыми в справке фактами ознакомились. Материал использован при подготовке документа ЦК КПСС о повышении политической бдительности советских людей». Подписи инструктора, зав. сектором, зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС… Указание: «Архив». Штамп: «Секретно. Особая папка». Сомневаемся, чтобы еще хоть кто-нибудь в ЦК — повыше! — прочитал эти пронзительные строки.

ИЗ ПИСЕМ В «ПРАВДУ»

Москва. Анонимное

«Со дня смерти В. И. Ленина Компартия далеко зашла вправо и не может выбраться из этой трясины.

Нет у нас справедливости, нет критики. Сталинское управление так и осталось. На постах управления стоят жулики. Все партийцы пользуются привилегиями, а народ очутился на положении Иванов, которые только должны работать на положении крепостных.

Профсоюзы потеряли свое значение, не защищают рабочих.

Верховный Совет также потерял свое значение. Президиум Верховного Совета СССР имеет право награждать по указке партии. Вся партия превратилась в культ. Большую несправедливость внесла партия в закон о пенсиях. Почему одни получают огромные пенсии, а другим нет на жизнь? Не пора ли взять курс на ленинский путь? Профсоюзы и Верховный Совет СССР должны занять свои места.

Народный контроль должен быть впереди, тогда проходимцы не попадут на руководящие посты».

Калуга. Анонимное

«Стыдно на страницах газет писать о культуре, о возвышенных материях… Дайте людям мало-мальски спокойные условия для жизни. «Человек человеку друг», а на самом деле бьют, режут… Просто проклянешь всех, кто издает такие законы,

защищающие бандитов. Я пишу из Калуги, где за одну неделю с 10 по 17 декабря совершено столько подлых варварских налетов, где разгул советской молодежи дошел до открытых ничем не ограниченных проявлений своих взглядов на все, а людей заставляют перевоспитывать этих скотов.

Посмотрите, во что превратили город Космоса, это позор всем. Кто хоть поможет людям свободно, без оглядки ходить по улицам?»

Ленинград. Анонимное

«Думаю, что выражаю мнение большинства. Кому нужна комедия с выборами народных судей? И вся выборная система у нас сплошная ложь и обман. Кому не противно избирать уже выбранных людей? Поэтому они всегда сидели и сидят, как попки, на сессиях, что им ни дают, за все проголосуют. Не стало светлых, чистых, беспредельно преданных делу рабочего класса людей, какими были тысячи истребленных в сталинскую эпоху с молчаливого согласия сейчас живущих.

Дела наши в канун пятидесятилетия (советской власти. — *Авт.*) далеко не блестящи. Народ это знает, видит и ничем этого не заменишь».

Воронеж. Замков П. И.

«Почему ученые и писатели замалчивают ленинское историческое постановление о НЭПе? Это дало большой расцвет промышленности в стране после революции, особенно в сельском хозяйстве. При НЭПе на частных рынках бык-годовик в живом виде стоил всего 12–13 рублей, а в наше время (старый курс рубля) за эту цену и петуха не купишь.

У меня не укладывается в голове, почему сталинская колхозная система восхваляется. Ведь она себя не оправдала. Если бы эта современная техника была в руках хлеборобов старой закалки, мы давно бы перегнали все капиталистические страны. Колхозную систему хвалить и приукрашивать нечего, она себя не оправдала».

Чимкент, Казахская ССР. Вубов М. Ф.

«Прочитал статью в «Правде» доктора юридических наук Р. Рахунова «Законность и правосудие». После смерти В. И. Ленина такая публикация первая и то она страдает затенениями — спрятаны концы в воду. Автор не огласил плохой работы юстиции. Говоря о правонарушителях, надо вскрывать их суть, что в СССР порождает преступность.

С 1930 года лозунг «Вся власть Советам» утратил свое значение. Он заменился сталинской диктатурой. Вся полнота власти перешла в руки компартии. Она управляет страной, но не подотчетна перед народом. Всякие демократические свободы

пали.

Конституция 1936 г. узаконила это положение, она также уничтожила систему избирательного права, которая была дана Лениным. В. И. Ленин установил партмаксимум в 225 рублей. Он сам получал 215 рублей.

В 1930 году Сталин отменил установленный вождем максимум и пошли высокие оклады. Сейчас максимум в 700 рублей и минимум — 40 рублей. Как это выглядит на языках Маркса, Энгельса, Ленина — революция наизнанку?

Спрашивается, где братство и равенство, что с ним, что оправдывает хапуг и обирал государства, которые заразились жадностью и надменностью, а где же гражданская совесть, где высочайшие коммунистические воззрения. Ленин говорил, что у нас нет спецов, мы их не нанимаем, а покупаем, мы им дорого платим и они должны честно работать, будут вредить — будут наказаны. Сталин купил коммунистов за народные деньги, а они (коммунисты) сделали Сталина богом.

Сталинское правление привело сельское хозяйство в полный упадок. Крестьянство 20 лет работало за палочки и жило на положении крепостных. При такой ситуации о каком правопорядке могла быть речь? Тогда же родились драконовские законы от 7/VIII-1932 г. и от 4/VI-1947 года (за колосок, подобранный в поле, килограмм хлеба давали по 10–15 лет). С 1930 года по 1953 год были вынесены миллионы приговоров, из них львиная доля без вины. Вот те актуальные причины, которые порождали и порождают преступность, а вовсе не наследие прошлого. Так не бывает — родились в новом, а переродились в старое.

В стране все делает КПСС и не спрашивает народ. Народ отстранен от управления страной, у народа-производителя государственных благ ничего нет.

Прожиточный минимум очень низок. Наши ученые мужи, когда давали минимум в 40 рублей, из чего они исходили? Спросить надо, есть ли у них стыд и совесть.

Этим людям ничего не дала социалистическая революция, вот это следующая причина, порождающая преступность.

Слово за XXIII съездом КПСС — найдутся ли там здоровые силы, мудрый и здравый ум, расчистить такое болото и выйти на подлинно марксистско-ленинские позиции?»

Донецкая область. Анонимное

«Мы нашли газету «Правда» за 1919 г., в которой В. И. Ленин писал, что эта газета поможет людям разобраться во всем, что у нас творится. Средняя зарплата большинства рабочих 60–70 рублей. Разве можно прожить на эти деньги семье. Поэтому всюду

у нас воровство и взяточничество. Люди голодают, а наша страна запустила в воздух 100 спутников — это миллионы рублей. Наша просьба лучше снизить цены на продовольствие, а зарплату оставить такую, как есть. Мы просим вас лучшую жизнь построить на земле, а не в космосе. Довели рабочих и крестьян до воровства. 80 процентов воров и жуликов. Все берут взятки направо и налево».

Кривой Рог. Анонимное

«Да, строй в СССР изменился, а эксплуатация как была, так и осталась. За кого я буду голосовать, за партийных чиновников? Чем они занимаются?

Надо закрыть наряд на 7 рублей, а он закрывает на 5 рублей. Воруют у рабочего, а сами получают премии, разъезжают на «Волгах», а рабочему дуля. Это разве не эксплуатация? А обжалуй, тебя с работы выгонят или посадят. Где же она, свобода слова? Вот эта интеллигенция — наши эксплуататоры — советская буржуазия.

Гонят до того к коммунизму, как телят на бойню, а строят его на костях рабочих.

Рабочий СССР тратит на питание 65 % своей зарплаты, а рабочие ФРГ 34 %, а США 18 %, потому-то Вы и глушите зарубежные радиопередачи (Би-би-си и радиостанцию Свобода), чтобы рабочий не услышал правду. Я окончил институт иностранных языков. Но пошел в шахту, чтобы побольше заработать. Мне надо много, я люблю рестораны, бары. Мне всего 25 лет и я хочу жить. Цель моя сбежать под видом туриста в США».

Самаркандская обл., Узбекистан. Гуляев И. С.

«У нас у власти стоят потомки баев, шаманов и мулл. Грабители, вредители. Поэтому каждый год в Узбекистане гноят хлопок, уничтожают умышленно народное добро и никому до этого нет дела. Кто больше награбит и уничтожит, того награждают. В 1963 г. уничтожили в области больше половины скота и птицы, испортили весь хлопок, а области дали орден Ленина. Сообщили план, вал и все. Бумажная цифра и ура!..

Нет больше у нас советской власти, во главе стоят капиталисты, а главари их сидят в Кремле».

ИЗ ПИСЕМ В «КОМСОМОЛЬСКУЮ ПРАВДУ»

Анонимное. Без адреса

«В газете «Труд» от 20 июня 1965 г. я прочитал статью «Кому светит солнце» и рядом заголовок «Для избранных», где сказано: «На буржуазном западе тоже отдыхают, там тоже сияет щедро летнее солнце. Но кому?»

На снимке изображен ряд собственных яхт, чьи владельцы

загорают, веселятся на собственных пляжах, куда трудовому люду вход настрого воспрещен. Их, богачей, не беспокоит, как и где проведут свой отпуск миллионы их сограждан.

Подумал, какая же разница имеется между Западом и СССР. Пришел к выводу, что никакой».

Ленинград. Анонимное

«Десятки лет жестоко эксплуатируется простой народ страны. Судите сами, какую жизнь может обеспечить заработок в 50–150 рублей. При соответствующих кабальных ценах… А как «счастливы» колхозники в своей рабской бесправной жизни?.. Все они лишены даже Юрьева дня… Он не может уйти из колхоза работать на производстве, у него нет паспорта, ему не дают никакой справки и его никто нигде не примет».

Москва. Анонимное

«"Принцип социализма — кто не работает, тот не ест". Однако у нас немало людей, которые грабят, и они лучше живут, чем те, кто честно работает. Значит, этот принцип только на бумаге… Дело доходит уже до того, что даже в столице государства, строящего коммунизм, опасно ночью и даже поздно вечером выйти на улицу, а мы киваем на Америку. Назревает вопрос. Если сверху не могут решить эту проблему, то она решится снизу, путем создания дружин самообороны. Мы сами будем уничтожать все, что нам мешает строить и жить. На то мы и рабочие, ведущий класс. Хватит, скоро 50 лет советскому государству… Пора навести порядок с «золотой молодежью», из них растут паразиты».

ИЗ ПИСЕМ В «ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ» Новосибирская область. В. Бабин.

«…Мы здесь все вместе думаем, обсуждаем коллективно политику нашей партии. Я взял обязанность написать. Если у руководителей оплата труда будет выше, чем у рабочих, то неизбежна бюрократия, карьеризм. Моральное разложение, перерождение, проституция и эксплуатация. Следовательно, оплата труда всех руководителей, низших и высших, всех должностных лиц, всех представителей должна быть не выше зарплаты рабочих…

…При Сталине не только был создан культ личности. Сталин создал новый класс — социалистическую буржуазию. Создал диктатуру социалистической буржуазии. Народ наш не хочет уравниловки, но не хочет и буржуазии.

…В нашей партии есть честные силы, и они боролись. Частично это имело действие после смерти Сталина. Однако это оказалась вынужденная уступка буржуйских сил. Ныне очевидно, что культ личности Хрущева возник искусственно по вине всего

ЦК. Понятно, что недостатки лежат не на Хрущеве, а на всем ЦК. Нашей буржуазии было выгодно проводить свою политику через авторитет одной личности. И коллективная мудрость буржуазии шла через эту одну личность. Ныне есть опасность, что наша страна перейдет к еще большему буржуйству, что могут снова прийти времена репрессий. Времена Сталина — Берии. Почему же в нашей партии честные силы не достигли полной и окончательной победы? Потому что осуждение Сталина было слабое, сокращение зарплаты буржуйству было несущественно. Потому что эти вопросы решались от партии и народа скрытно и не было опоры на партию и народ.

…В настоящее время забота у ЦК партии об улучшении жизни народа идет по такому пути: директорам будет прибавлена зарплата с 300 до 600 руб. в месяц, а рядовым колхозникам с 30 руб. в месяц до 40. Ныне у нашего народа нет коммунистического воодушевления. У нашего народа ныне тоска по социализму настоящая. Да, после XX съезда еще не подул свежий ветер. Нет еще демократии. Высокооплачиваемые работники нашей власти — по существу представители высокооплачиваемого сословия, буржуазии, но не всего народа. И решают они в интересах своего класса — буржуазии…

…Сколько ошибок совершил нынешний ЦК партии. И все они были научно обоснованы. Много ошибок, но беда не в этом. Беда в том, что народ видит, что в ЦК партии нет совести. Надо не мудрить, как бы сохранить, оправдать буржуазную нечестную политику. Надо менять всю политику.

Ныне вам видно, что у ЦК партии нет ничего святого, коммунистического. Мы считали, что члены ЦК — это лучшие коммунисты, самые святые люди, но потом узнали, что они самые богатейшие люди страны… Народ считает, что коммунист должен быть исключительно честным человеком, без капли эгоизма, любящий людей, стремящийся дать людям счастье, близкий, родной народу. А какой должен быть первый, руководящий коммунист? Как Ленин, Дзержинский… Ложь и репрессии исчезнут лишь тогда, когда не будет социалистического буржуйства, когда не будет богатых и бедных, высших и низших».

Днепропетровск. В. Приходько.

«У меня сложилось два мнения: либо в стране новый политический кризис, либо новая политика, которая не за горами, вернет некоторые сталинские методы руководства. Ни то ни другое нежелательно для советского народа. Нужен качественно новый подход к пониманию действительности, нужен пересмотр некоторых истин, ставших почти догмами.

Во-первых, нужно выяснить, в какой стране мы живем, и

никогда не забывать Конституцию, лежащую в основе нашего государства. Свобода совести охраняет мои убеждения, свобода слова предусматривает скорее всего не безответственную болтовню, а в первую очередь появление в печати, предание гласности всех событий, которые происходят в нашей стране. Смаковать неприятности в стране нельзя — это ясно, но скрывать их — это обратная сторона медали: порождаются слухи, которые вызывают недоверие к сообщениям газет, к правительству, к партии. А это уже плохо. Но у нас мало обращают внимания на такие мелочи. Толпа остается толпой. А вот абстрактное слово «народ» мы применяем слишком часто к месту и не к месту.

…Несколько слов о КПСС. В настоящее время она насчитывает 10 миллионов человек. Когда-то В. И. Ленин предостерегал от чрезмерного разрастания рядов партии, и даже после победы Октября двери партии никогда широко не открывались, если не считать нескольких случаев. Когда Красная Армия не могла удержать натиск белогвардейцев и Советская власть была в кольце, был объявлен набор в партию. В тот момент расписаться в получении партийного билета — все равно, что подписать самому себе смертный приговор. Вот в такие моменты в партию шли коммунисты в полном смысле этого слова. Вряд ли это было заманчивой перспективой для проходимцев.

…Сейчас в партии не 600 тысяч, а 10 миллионов. Эта цифра настолько велика, что я поверю в ее содержание, если исчезнет один нолик. Мы забыли о тех требованиях, которые предъявлял В. И. Ленин к коммунисту. Вряд ли сегодняшний день ослабил эти требования. Многие идут в партию не из убеждений, а из-за выгоды. Может быть, хорошо то, что, постепенно разрастаясь, партия охватит большинство населения страны и потеряет свое значение, выполнив свою роль. Но количественный рост без повышения качества никогда не заслуживал одобрения.

…Как в области внешней, так и во внутренней жизни сделано очень много просчетов и ошибок. КПСС потеряла авторитет авангарда мирового коммунистического движения. Эти бесконечные пререкания с Китаем вскрывают всю бесплодность усилий двух партий навязать лозунги одна другой. Лидеры партий не сумели найти того общего, что несомненно должно было быть, но с удовольствием двух неуживчивых соседок смаковали недостатки друг друга. Это уже страшно. Если представители одного и того же мира не могут понять друг друга, то как же можно сосуществовать двум диаметрально противоположным системам? Неужели в нашей партии нет более или менее сильных теоретиков марксизма, ленинизма, которые смогли бы найти единственно правильный ленинский путь

дальнейшего развития, единственно правильный ленинский взгляд на сегодняшний день? Причем нужно не приспосабливать ленинские формулировки к нашему времени, а пойти гораздо более трудным путем, путем дальнейшей разработки ленинских принципов.

…В настоящее время именем Ленина играют всевозможные оттенки в коммунистическом, рабочем и освободительном движении и каждый считает себя правым. А как думает рабочий, простой советский рабочий (партийный или беспартийный — это роли не играет)? Рабочий говорит: «Бытие определяет сознание». Дайте мне то, что необходимо для жизни, предоставьте такие условия, чтобы мои мысли не были настолько заняты заботами о завтрашнем дне, чтобы наши жены и матери перестали носиться между магазинами большую часть своего «свободного» времени… Вот тогда, и только тогда моя сознательность подымется до такого уровня, что я начну задумываться: а прав ли я, съедая кусок белого хлеба с маслом, если на другом конце планеты умирают от голода дети. Так говорит рабочий. И он не доволен тем, что мы слишком «добрые». Мы так волнуемся за своих «друзей», что забываем о себе. Мы строим сотни предприятии в других странах, даем очень выгодные кредиты, заключаем все торговые договоры, какие только нам предлагают. И в то же время мы не отказываемся от кредитов Английского банка, в какой-то степени работая на капиталистов. Жизненный уровень в нашей стране, по сравнению с другими странами, невысок и в этом отношении нельзя кивать только на бомбы и ракеты.

…Наши советские люди в состоянии понять всю ответственность миссии, которая лежит на их плечах. Но если рядовой гражданин СССР должен обладать такими громадными моральными данными, то насколько повышается требовательность к людям, в чьи руки дана власть над нами…

…Если все останется по-прежнему, то по-прежнему будет нависать угроза повторения старых ошибок. Нам нужно быть немного скромнее, поменьше кричать о своих достоинствах. Поменьше умалчивать недостатки, меньшим вниманием окружать личность руководителя.

Я не коммунист и даже не комсомолец, просто гражданин. Но я хочу, чтобы у нас слова не расходились с делом, чтобы у нас исчезли «личности», чтобы не было «дворцовых переворотов». У нас ведь есть прекрасные коллегиальные органы правления, которые могут управлять страной».

Киев. Н. Киселева.

«Я со страхом думаю, что мне отвечать детям, когда они спрашивают — ты коммунист, ответь мне? А что им ответить?

Сядьте в Киеве на трамвай № 30 и езжайте до остановки «Копыленко». Вы увидите «Гастроном». Нет, это не обычный «Гастроном». «Простые люди» — как у нас почему-то принято говорить, называют его «объедками». Туда выбрасывают оставшиеся от партработников нереализованные продукты. Работникам ЦК их продают за иные деньги, за гроши. Есть у нас и закрытые больницы, и аптеки, и даже гостиницы. Это чудовищно!»

Москва. Громов.

«Все наше бытие и привилегированное положение по различным признакам — социальным, партийным и др. породило в действительности деление нашего общества. В то время как за 47 лет даже в Москве не удалось вытащить во народ из подвалов, «руководящие деятели» живут в таких вольготных квартирах, что создают весьма высокую среднюю жилищную норму, около 10 кв. метров на человека… В то время, когда «народу» предлагают вступать» в кооператив, «руководящие деятели» получают бесплатные квартиры в хоромах… В то время, как народ своими боками и руками пробивается из Медведково-Мазилово городским транспортом к месту работы, «руководящие деятели» на государственных автомобилях переезжают с одной улицы центра на другую… В то время, как 95 процентов народа вынуждено проводить свой отпуск диким способом, без лечения (ведь ВЦСПС обеспечивает им лишь 5–7 процентов трудящихся), «руководящие деятели» получают путевки бесплатно и нежатся на пустом пляже, куда их доставляет лифт (Верхняя и Нижняя Ореанда, санаторий «Украина» и др.)».

Эти письма редакции трех популярных газет передали в Центральный Комитет партии в начале 1965 года. Самое начало брежневской эпохи, косыгинских реформ. Люди еще верили в перемены. И требовали — обратите внимание! — «выяснить, в какой стране мы живем».

Через годы почти слово в слово, став генсеком, эту мысль повторил Юрий Владимирович Андропов: «Во-первых, нужно выяснить, в какой стране мы живем…» Он не успел это сделать, а его преемникам — Черненко, Горбачеву — было не до того.

…По двадцатым числам каждого месяца в КГБ Азербайджана платили зарплату. Шутники называли этот долгожданный день Днем Чекиста. Двадцатого же коммунисты платили в парткоме взносы. К новому председателю КГБ Гейдару Алиеву секретарь парткома полковник Быстров решил зайти сам.

— Товарищ Быстров, — сказал ему Алиев, узнав о цели визита, — коммунисты сами должны приходить с партийными взносами к вам. Идите в свой кабинет, я к вам зайду.

Глава V. ВО ГЛАВЕ РЕСПУБЛИКИ

14 июля 1969 года, Баку

Протокол № 16 заседания Пленума Центрального Комитета Коммунистической Партии Азербайджана (в оригинале документа именно так, все с большой буквы) от 14 июля 1969 года. Семь машинописных страничек с грифом «Сов. секретно». Повестка дня: «Организационный вопрос. О первом секретаре ЦК КП Азербайджана».

Понятно, что без высокого гостя из Москвы оргвопросы не рассматривают. В Баку прилетел секретарь ЦК КПСС Иван Васильевич Капитонов. Ему дают слово первым.

— Вам известно, — обращается Капитонов к залу, — что на протяжении последних десяти лет первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана работает товарищ Ахундов Вели Юсуфович. Товарищ Ахундов делал все возможное и отдал немало сил для развития экономики и культуры республики, для улучшения организационно-партийной и идеологической работы. За последнее время состояние здоровья т. Ахундова ухудшилось, и он сам понимает, что выполнять ему большую и сложную работу на посту первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана стало трудно. В связи с этим он обратился в ЦК КПСС с просьбой о том, чтобы перевести его на научную работу.

Просьбу доктора медицинских наук, а с недавних пор и академика уважили. Накануне пленума, в тот же день, его избрали вице-президентом Академии наук республики…

— Естественно, — плавно выруливает Капитонов, — возникает вопрос о том, чтобы освободить т. Ахундова от обязанностей секретаря и члена бюро ЦК Компартии Азербайджана. — Дальше надо называть преемника. — На пост первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана рассматривалось довольно много кандидатур, и это вполне понятно, вполне естественно, потому что в республике много хороших кадров и есть, конечно, большой выбор, если так можно выразиться.

После тщательного «всестороннего изучения и рассмотрения этого вопроса остановились на кандидатуре тов. Алиева Г. А., который работает в настоящее время председателем Комитета государственной безопасности вашей республики…».

Вряд ли для кого-нибудь в зале эта информация была неожиданной. Вели Ахундов в самом деле болел, около трех месяцев лечился в Москве. На встрече с Брежневым, когда просился на научную работу, даже показал медицинское заключение, говорил об «угрызениях совести» за то, что не может заняться республикой как следует. Бесспорно, называл Ахундов и

своих преемников. Но выбор в этот раз делал не он.

Еще в начале 1969 года, как вспоминал позже Гейдар Алиевич, ему позвонил из Москвы один его давний друг. О таких говорят, что они знают все. Он сказал Алиеву: «Гейдар, ты — единственный кандидат на место первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана!» Для Алиева весть была неожиданной: «Это невозможно. Не думаю, чтобы меня предложили на такую должность. Почему же я не знаю об этом?!» — «Придет время, узнаешь. А пока, Гейдар, готовься к новой работе!»

Через два-три месяца после этого разговора Гейдара Алиева пригласили в Москву — на встречу с Генеральным секретарем ЦК КПСС. Вот как он сам вспоминал об этих поворотных в его жизни событиях:

«В Кремле я направился в рабочий кабинет Брежнева. Леонид Ильич встретил меня открытой улыбкой. Между нами произошел такой разговор:

— Товарищ Алиев, мы пришли к решению предложить вашу кандидатуру на пост первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана.

— Я считаю для себя это большой честью, товарищ Брежнев. Но я не хочу этой должности.

— Как это не хочешь?! — удивился Брежнев, переходя на дружеское «ты». — Мы тебе доверяем такой ответственный пост.

— Быть первым секретарем ЦК Компартии республики — дело нелегкое. Потому и не хочу.

Но моим возражениям Леонид Ильич не придал значения. Было видно, что он для себя решение уже принял. И Политбюро, обсудив мою кандидатуру, пришло к единому мнению, что в нынешнем положении республики подходящим будет только Алиев».

Эти строки написаны спустя много лет после памятного кремлевского разговора. Возвращаясь к нему, Алиев замечал, что его преимуществом «была работа в КГБ, чистота личного дела, заслуженное мной доверие, любовь со стороны азербайджанцев. Вернее, я так расценивал…». Москва свой выбор сделала. Баку его, понятно, примет. Но с какими оговорками? Интересно сейчас вчитаться в напутствие уходящего первого секретаря своему преемнику: «Тов. Алиев имеет все данные — и политические, и деловые для того, чтобы стать хорошим первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана. Он достаточно образован, эрудирован, всесторонне подготовлен для того, чтобы освоить за короткое время большой объем работы, он достаточно партиен, объективен для того, чтобы быть ровным ко всем нашим кадрам, а в Азербайджане кадровый вопрос — решающий вопрос, если иметь

в виду прошлое и настоящее; мы знаем его как честного, достойного коммуниста» *(Центральный государственный архив политических партий и движений АР. Ф. 1. Оп. 56. Д. 4. Л. 5)*.

И вот что сказал Гейдар Алиев, только что избранный первым секретарем:

«Я сознаю свою ответственность в связи с вступлением на этот пост, понимаю сложность и трудность стоящих передо мной задач и хочу заверить, что приложу все, чем располагаю, чтобы оправдать это большое и высокое доверие. При этом я рассчитываю и надеюсь на помощь и поддержку всего состава ЦК Компартии Азербайджана, членов бюро ЦК, всех руководящих партийных, советских и хозяйственных работников нашей республики. Я считаю, что залогом наших будущих успехов может быть активная, совместная дружная работа» *(там же. Ф. 1. Оп. 56. Д. 4. Л. 16)*. (Избрание Алиева вызвало большой резонанс в Азербайджане, во всем Советском Союзе. Да и за рубежом. Еще не прошло и года после известных событий в Праге, когда советские танки поставили точку в недолгой истории «пражской весны». Кремлевские идеологи закручивали гайки по всем линиям. И перевод председателя КГБ крупной республики в партийную иерархию (все знали, как и зачем это делается) был ясным сигналом и кадрам партии, и либералам. С тех пор Гейдар Алиевич не раз в шутку повторял, что в его биографии, в его личном календаре есть свой день взятия Бастилии. Конечно, аналогия с парижскими событиями 1789 года условна. Герой нашего повествования не штурмовал бастионы власти. Новая должность (и новая, масштабная ответственность) всегда приходила к нему как заслуженное признание того, что уже сделано, как уверенность в том, что этому талантливому от природы человеку подвластны более масштабные дела.

Завершая свои воспоминания о встрече с Леонидом Ильичом Брежневым и последующем избрании первым секретарем, Гейдар Алиев говорил, что эта перемена в судьбе дала «возможность еще лучше служить моему родному народу, моей нации».

Первым, с кем после приема у Брежнева повидался Алиев, был Филипп Денисович Бобков. Та давняя встреча по сей день помнится генералу армии во всех деталях.

«Вдруг неожиданно, без обычного звонка, приходит ко мне Алиев. По всему видно — чем-то смущен.

— Филипп, можно попросить, чтобы нам никто не мешал поговорить?

— Конечно, — ответил я и выключил телефоны.

Гейдар сказал, что он только что от Брежнева. Есть предложение избрать его, Алиева, первым секретарем ЦК

Компартии республики.

— Я зашел к тебе просто поговорить, посоветоваться. Не хочется, понимаешь, никуда уходить. Хотя и согласие уже дал.

По прямой связи в это время включился Семен Кузьмич Цвигун, заместитель председателя КГБ СССР. До перевода в Москву он возглавлял Комитет госбезопасности Азербайджана, считался близким другом Брежнева — в послевоенные годы они вместе работали в Молдавии.

— Слушай, Филипп Денисович, ты Алиева не видел?

— А что?

— Да вот мне с проходной доложили, что он прошел в Комитет, а я его найти не могу.

Гейдар сложил руки: не говори, мол, что я здесь.

— Если увижу, скажу, чтобы зашел к вам, — ответил я.

И мы продолжили толковать наедине. «Конечно, я не мог отказаться от предложения Брежнева, — делился Алиев, — это огромнейшее доверие». Он прикидывал, чем заняться в первую очередь", преодолеть отставание республики невозможно без жесточайшей борьбы с коррупцией, разъедавшей все общество».

«Скажите, он — порядочный человек?»

Снова они встретились через пару лет в Баку. На вопрос Бобкова, удалось ли победить коррупцию, Гейдар Алиевич ответил так: «Гарантировать могу только одно — в ЦК партии Азербайджана взяток не берут».

А в ЦК КПСС? Наивный вопрос. Тот же Бобков в своей книге «КГБ и власть» пишет о немыслимо дорогих подарках Брежневу — в Грузии дорогому Леониду Ильичу, например, преподнесли золотой самовар, в Узбекистане уважаемому Андрею Павловичу Кириленко, члену Политбюро, секретарю и задушевному другу Ильича, первый секретарь ЦК Компартии республики Шариф Рашидов презентовал «шубы для жены и дочери из уникального каракуля специальной выделки».

Брали все, точнее — почти все. Исключение в верхушке власти по оценке такого информированного человека, как первый заместитель председателя КГБ СССР Ф. Д. Бобков, составляли немногие — А. Н. Косыгин, Ю. В. Андропов… Вокруг них группировались крупные организаторы, нравственно чистые и порядочные. Таких было немало в республиках, краях и областях. Владимир Васильевич Щербицкий и Александр Павлович Ляшко на Украине, Петр Миронович Машеров в Белоруссии, Гейдар Алиевич Алиев в Азербайджане, Николай Иванович Рыжков в Свердловске, Владимир Иванович Долгих в Красноярском крае, Владимир Кузьмич Гусев в Саратове. Это были партийные и государственные руководители новой формации, которые в служении народу видели не дежурную формулу, не набивший оскомину политштамп, а изначально высокое служение, жизнь для других.

Гейдар Алиев, возглавив республику, в общем-то, знал уже ее кадровый корпус. Представлял, какие участки, используя партийный слог, надо укрепить, от кого избавиться. Его любимый вопрос, когда предлагали нового назначенца: «Скажите, а он человек порядочный?» Затем вопросы о деловой квалификации, умении работать с людьми и многие, многие другие.

Но прежде всего: порядочен ли кандидат? Честен ли? Иначе не разорвать круговой поруки ворья и взяточников. Типичная для Азербайджана 60–х годов (и не только Азербайджана) история: директора совхоза за взятки снимают с работы. И тут же устраивают на ту же должность в другом районе. Коммунист Рамиз Тагир оглы Тагиров пишет в ЦК КПСС:

«Прошу вас прочитать мое маленькое изложение, но по мысли, написанной ниже, очень важное для нашего государства,

для нашего народа, для нашей партии». Неравнодушный человек с болью писал о пропавшем винограднике, угубленном абрикосовом саде, о дельцах — «каждый год 20–30 гектаров арбузов и дынь сажают и продают для своего кармана. Это обман государства, партии и народа».

В другом районе колхозники наотрез отказывались от кандидатуры проворовавшегося председателя. Секретарь райкома партии вызвал на собрание милицию. Ему кричали: «Теперь мы все получаем газеты и журналы! Теперь с милицией и под угрозами председателей колхозов не выбирают». Впору было вспомнить нравы эпохи Сефевидского государства (XVI век), когда по Азербайджану из уст в уста передавали присказку: «Кто объедает вашу область?» Не кто управляет, а кто объедает…

…Назим Ибрагимов был вполне успешным ученым и производственником. Возглавлял геологическую экспедицию, защитил кандидатскую диссертацию, завершал докторскую, находил время для общественной работы, для спорта. И видел свое будущее в науке, на производстве, а не на освобожденной партийной работе. Однако первый секретарь ЦК Компартии республики Гейдар Алиев считал иначе. По его мнению, именно люди такого склада, молодые и энергичные, профессионально хорошо подготовленные и, безусловно, порядочные были необходимы в партийных комитетах. Словом, в январе 1971 года Назима Садыковича Ибрагимова пригласили на беседу в горком партии, а потом в ЦК — его рекомендовали первым секретарем Октябрьского райкома.

Два часа продолжалась беседа первого секретаря ЦК с молодым ученым-коммунистом, Назимову тогда исполнилось 35. Он и сейчас, в свои 70 лет, помнит тот душевный диалог-напутствие. Алиев обозначил самые главные направления работы одной из крупнейших партийных организаций столицы, в которую входили НИИ, вузы, производственные объединения, предупредил:

— Имейте в виду: на секретаря райкома все смотрят — как он разговаривает с людьми, доступен ли, даже как в машину садится… Оставайтесь и на посту секретаря простым человеком, а не партийным чиновником.

В те годы в Баку было десять районов, десять райкомов.

— Позже Гейдара Алиевича упрекали в том, что он выдвигает только своих, нахичеванцев, — говорит Ибрагимов. — Но среди нас, первых секретарей, не было ни одного человека из Нахичевани. Я, например, родился в Баку.

Карадагский райком возглавил русский товарищ, Кировский — армянин, одного коллегу пригласили из Шемахи… Нет, кланы

здесь ни при чем. Все мы пришли из науки, с производства и работали так, что небу жарко было…

Коммунисты Октябрьского района Баку еще трижды избирали Назима Ибрагимова своим вожаком. Первый секретарь ЦК не раз бывал у него в районе, казалось, знал о своем выдвиженце все, но перед новой отчетно-выборной конференцией обязательно приглашал к себе на такую же большую беседу, как в ту первую встречу. Заинтересованно расспрашивал о планах, предложениях, о том, что волнует.

— Был я совершенно свободным человеком, — вздохнул Ибрагимов, — даже не подозревал, что обо мне тоже будут анонимки сочинять.

— Запомните, Ибрагимов, одну вещь, — сказал тогда Алиев. — Вы должны жить так, чтобы этим домыслам никогда не было подтверждений. — И положил руку на папку, которая была у него под рукой.

Позже по рекомендации Алиева Ибрагимов возглавил Госкомиздат республики. Первый секретарь не давал хода анонимкам на тех, в чьей порядочности был уверен. Наверное, и сам рассчитывал на такое отношение к себе. Однако, когда в его московские годы ЦК и Совмин Союза завалили анонимками и доносами на первого заместителя председателя правительства Союза, только у Николая Ивановича Рыжкова хватило ума поверить Алиеву, а не сфабрикованным бумагам. Но эта история впереди.

Напутствуя Алиева, его предшественник советовал «быть ровным ко всем нашим кадрам…». В принципе сказано так, что не придерешься. Мол, быть объективным, ценить людей по их отношению к делу… Или по личной преданности ушедшей власти? Новый первый секретарь очень скоро дал понять, что «ровным ко всем нашим кадрам» он не будет, что в руководстве партийных организаций, министерств и ведомств, предприятий и вузов больше нет места взяточникам, хапугам, дельцам.

Мы листали в архивах десятки, сотни дел, которые рассматривались в ЦК Компартии Азербайджана — спрос был одинаково ровный со всех, строгий и принципиальный, невзирая на ранги. По оценке помощника председателя КГБ СССР Игоря Синицина, Гейдар Алиев по своим деловым качествам и ненависти к коррупции был весьма близок к Андропову.

«Проверкой поступивших писем и сигналов установлено, что заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК КП Азербайджана Багиров Д. Н. совершил ряд недостойных действий, которыми скомпрометировал себя как партийного работника и коммуниста.

Багиров жил не по средствам и, чтобы скрыть это, совершал разного рода жульнические махинации. Так, на подставных лиц он приобрел легковую автомашину, получил дачный участок и соорудил на нем особняк, бассейн, гараж… На большинство строительных материалов никаких оправдательных документов нет.

За недостойные коммуниста действия, выразившиеся в использовании служебного положения в корыстных целях, морально-бытовое разложение, за неискреннее поведение Багирова Джамала Насреддин оглы, члена КПСС с 1961 года, партбилет № 02800043 снять с должности заместителя заведующего отделом оргпартработы ЦК КП Азербайджана и исключить из рядов КПСС».

…В Шемахинском районе вскрыты факты массового взяточничества в педагогическом училище, злоупотреблений служебным положением отдельных должностных лиц, хищений в крупных размерах… ЦК КП Азербайджана освобождает от должности первого секретаря Шемахинского райкома партии т. Саилова С. А., предложив «…вопрос о его партийной ответственности рассмотреть по результатам комплексной проверки работы Шемахинского райкома партии».

Аналогичные сюжеты — по Кировабаду и Хачмасскому райкому партии, республиканскому комитету профсоюза рабочих строительства и промышленности строительных материалов, Азербайджанскому государственному институту искусств им. М. А. Алиева и прокуратуре республики… Да, неприкасаемых не было. Первый секретарь ЦК верил, что только так, в открытой борьбе, можно справиться с пороками, хотя за гласность, не вошедшую еще в моду, ему доставалось и в Москве, и от коллег в других республиках.

— Помню, когда в 1975 году мы сняли с работы, исключили из партии, передали органам правосудия одного первого секретаря райкома партии, и все это полностью опубликовали в наших газетах на двух полосах, один из первых секретарей другой республики при встрече со мной сказал: зачем Вы так делаете?

И говорит, что пришли к нему некоторые первые секретари райкомов и говорят, что Алиев компрометирует институт первых секретарей райкомов партии. А я спрашиваю: Вы согласны с этим? Он говорит: с этим не согласен, но зачем нам все это делать достоянием общества? Я говорю: если они сами себя скомпрометировали, то чем же я их компрометирую? Я одного, двух, трех за их серьезные проступки, не только за ошибки, даже за преступления наказываю и делаю это достоянием общественности Азербайджана для того, чтобы спасти остальных,

чтобы они не шли по этому пути *(из записи беседы с журналистами России и Скандинавии 11 марта 2001 года, Баку).*

…К самому началу 70–х годов относится знакомство с Алиевым Бориса Пастухова, в ту пору второго секретаря ЦК ВЛКСМ. Борис Николаевич приехал на съезд комсомола республики. Оценивая первые шаги Алиева на партийной работе, особо отмечает его обостренное внимание к молодежи.

Призыв заниматься молодежью Алиев адресовал прежде всего себе. Среди первых стипендиатов республики, направленных в Москву, была талантливый математик Фатима Абдуллазаде. Ни она, ныне доктор физико-математических наук, ни Президент страны не забыли об этом. Вот как аукнулась через годы и десятилетия забота Алиева о молодежи.

— Мы были на съезде комсомола Азербайджана вместе с космонавтом Пацаевым, который позже — погиб во время полета вместе с Добровольским и Волковым, — вспоминает Борис Пастухов. — Меня поразило, насколько Гейдар Алиевич любознателен, как он тянулся к этому космонавту, как расспрашивал его — в этом не было ничего протокольного, формального. Я тогда в первый раз почувствовал, что этот человек может увлечься, словом, он не был ленив и нелюбознателен.

Прошли годы. Борис Николаевич уже первый секретарь ЦК ВЛКСМ. Приходит как-то после работы домой, пьет на кухне чай. Звонит телефон. На проводе Баку, Алиев.

— С кухни разговариваю с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана, — рассказывает Пастухов. — Спрашивает меня о Вагифе Гусейнове, секретаре ЦК ВЛКСМ: — Скажите, пожалуйста, он честный человек?

Понимая, что решается кадровый вопрос, спрашиваю Гейдара Алиевича, какие у него планы.

— Мы хотим его забрать, избрать первым секретарем Бакинского горкома.

Баку — огромная партийная организация, столица республики… Моя первая реакция была такой: он, конечно, достойный мужик, но, Гейдар Алиевич, вы меня извините, если не скажу, то погрешу. Мне кажется, это слишком смелое выдвижение. Он журналист, гуманитарий… Алиев слушает, снова повторяет свой вопрос:

— Вы мне скажите, он — честный человек, порядочный? — Насколько я его знаю, — отвечаю, — это достойный человек, порядочный, много работает, скромен, по-своему ярок, талантлив, но потянет ли этот огромный участок… — Это другой вопрос. Вы

мне все-таки скажите, он честный человек или нет. — И закончил наш разговор так: — Ну, хорошо, я буду завтра советоваться с секретарями ЦК КПСС, вам позвоню.

На следующий день он мне позвонил, сказал: мы серьезно обсудили и ваши доводы, но все-таки решили — дорогу молодым!

Чувство исполненного долга

30 марта 1971 года в Москве открылся XXIV съезд КПСС. Первого апреля на утреннем заседании выступает Алиев — он впервые на трибуне съезда. Держится уверенно, говорит о «торжестве всепобеждающих идей марксизма-ленинизма», о приближении нашего «коммунистического завтра», о неутомимой деятельности Леонида Ильича Брежнева… Впрочем, это была присказка, общая для всех ораторов. А дальше — по делу: о путях преодоления отставания в развитии производительных сил республики, о том, как выполняется принятое год назад, в 1970–м, постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию народного хозяйства и сельского хозяйства Азербайджанской ССР».

— В текущей пятилетке в Азербайджане планируется ввести в эксплуатацию свыше 100 новых предприятий — почти вдвое больше, чем в прошлом пятилетии, — говорит первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана. — В республике будут созданы современные отрасли машиностроения, предстоит реконструировать нефтеперерабатывающую промышленность, железнодорожный транспорт, обеспечить ускоренное развитие химической, пищевой и ряда других отраслей промышленности.

Позвольте, товарищи, от имени партийной организации и всех трудящихся республики горячо и сердечно поблагодарить Центральный Комитет нашей партии за заботу и большую помощь, оказанную Азербайджанской ССР, и заверить, что свою признательность мы воплотим в конкретные дела.

Через пять лет он с полным правом смог сказать с трибуны XXV съезда КПСС:

— С чувством исполненного долга мы докладываем, что задачи, поставленные перед Азербайджаном, успешно претворены в жизнь. Преодолено имевшее место длительное отставание экономики и создан коренной перелом в ее развитии. Впервые за долгие годы пятилетний план по основным экономическим показателям выполнен, и выполнен досрочно! Азербайджан достиг таких высоких темпов роста народного хозяйства, каких никогда раньше мы не имели.

В мае 2000 года Президент Азербайджана приехал в Гянджу; одна из встреч — с рабочими, специалистами глиноземного производственного объединения. Первую продукцию оно выдало в 1969 году. По всему было видно, как приятно Гейдару Алиевичу вспомнить то большое событие — и не только в масштабах республики.

— В 1969 году я был избран руководителем Азербайджана. В то время этот комбинат находился в трудном положении. Так как, с одной стороны, здесь шли строительно-монтажные работы — в то время многие цехи еще не были построены. С другой стороны, комбинат начал действовать, — говорил Президент на встрече с трудовым коллективом предприятия. — В те времена, можно сказать, я ежедневно обсуждал ход работ на строительстве… Процессы здесь шли трудно. Хорошо, что сейчас есть такой коллектив — инженеры, техники, высококвалифицированные рабочие, специалисты. Но в то время этого не было… Здесь не было кадров для обеспечения производства. Большинство кадров мы приглашали из России или же из других регионов СССР.

Удивительно, но через три десятка лет Гейдар Алиевич даже вспомнил фамилию первого директора комбината — Ямов.

Завод вошел в строй, а дальше начались проблемы, о которых при проектировании не подумали, а если и подумали, то решили сэкономить, потому что очистные сооружения в те времена сдавали в десятую очередь. Словом, на город, округу, на мавзолей великого Низами Гянджеви (1141–1209), чье творчество связано с Гянджой, день за днем с небес валилась пыль. Деятели культуры забили тревогу. Вспоминали заветы мыслителя:

«Любовь к этой земле почитай своим долгом. Не будь неблагодарным».

— Помню, — продолжал Гейдар Алиевич на встрече в Гяндже, — поэт Расул Рза, композиторы Кара Караев, Фикрет Амиров, поэт Сулейман Рустам и ряд других лично обратились ко мне с письмом. Они выражали свое беспокойство в связи с тем, что мавзолей Низами находится в таком плохом состоянии. И выход они видели в том, что раз уже здесь построено такое предприятие, то перенести его на другое место нельзя. И тогда надо перенести могилу Низами в такое место, чтобы она там не загрязнялась… Повторяю, помню, перед нами был поставлен вопрос: или перенести мавзолей Низами или разрушить комбинат. Такие комбинаты могут и строиться, и разрушаться. А Низами для нас — это такое бесценное богатство, которое не может ни с чем сравниться. И поэтому перенос мавзолея Низами, с моральной точки зрения, был бы для нас большим преступлением, мы бы не смогли сделать это…

На месте с проблемами комбината разобраться не удавалось. Первый секретарь ЦК обратился за помощью в Москву. Его принял Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин. И прямо сказал:

— Если вы начали какое-то дело, доведите его до конца. А то

каждый раз приходите и жалуетесь — то там запылилось, то здесь испортилось.

Косыгин напомнил Алиеву историю Кировабадского комбината.

…В самом начале 50–х годов первый секретарь ЦК Компартии республики Багиров пришел на прием к Иосифу Виссарионовичу Сталину с образцом алунита, добытым в Дашкесане. И с большой гордостью доложил, что из этого минерала можно получать глинозем, а без глинозема, как известно, нет алюминия, крылатого металла. В мировой практике глинозем получают из бокситов, бокситов же в Союзе не хватало, как не хватает и в России; выручают экспортные поставки.

В общем, Сталин поддержал предложение Багирова создать в Азербайджане стратегически важное глиноземное производство и поручил Косыгину, в то время своему заместителю по Совету Министров, «заняться этим вопросом».

— И я занялся, — говорил Алексей Николаевич Алиеву, — был подготовлен проект, направлены специалисты. А теперь вот вы приходите ко мне то с одной, то с другой жалобой.

Вспоминая эту давнишнюю историю, Президент Азербайджана задался вопросом: ошиблись ли они в то время? И уверенно ответил:

— Нет. Так как алунит — это действительно полезное ископаемое, подаренное нам природой, необходимо использовать его. Но надо, чтобы технология была такого высокого уровня, чтобы качественную продукцию получать и чтобы не отравлялась, не загрязнялась окружающая среда.

По предложению первого секретаря ЦК была образована авторитетная комиссия, в которую вошли ведущие ученые республики и хозяйственники. В итоге удалось «помирить» великого классика национальной литературы с его индустриальным окружением. Сейчас глинозем из Гянджи идет на переработку в Россию и Таджикистан, у предприятия отличные перспективы — в том числе и новые рабочие места, которые так нужны республике.

В те же майские дни 2000 года Президент Азербайджана побывал и в приборостроительном объединении «Джихаз». Здесь наряду с другой продукцией выпускаются счетчики горячей и холодной воды. И снова Гейдар Алиевич вспомнил 70–е годы:

— В 1975 году мы приняли очень важное постановление по развитию в Азербайджане приборостроительной промышленности, то есть это постановление было не нашим, а ЦК Коммунистической партии и Совета Министров Советского Союза. На основании данного постановления мы создали в

Азербайджане много приборостроительных заводов. Тем самым постановлением предусматривалось и развитие этого завода… Завод имеет большое будущее… Все это радует меня, так как в свое время я многое сделал для развития, модернизации этого завода. Сегодня я еще раз убеждаюсь в том, что эти усилия не пропали даром, принесли свои плоды. Этот завод очень нужен сегодня Азербайджану и внешнему рынку.

Советскую эпоху не раз пытались замазать черной краской. Помнится запруженное сбитой с толку толпой Садовое кольцо в Москве в ноябре 1990 года. Одураченные люди несли транспаранты, на которых цифра «73» — годы советской власти — была перечеркнута черным крестом. Отрезвление к ним пришло очень скоро — когда закрыли их научно-исследовательские институты, когда младших и старших научных сотрудников, кандидатов и докторов наук выставили вон. Знайте, мол, свое место на рынке: становитесь в рядок у станций метро, продавайте сигареты, тряпки, батоны, кефир…

Гейдар Алиев никогда не отрекался от прошлого, а значит, и от себя. Оценивая 70 лет советской истории Азербайджана, он убежденно говорил:

— В эти годы наука, просвещение, образование, культура, экономика Азербайджана получили стремительное развитие, облик Азербайджана изменился, наша республика окрепла, и в Азербайджане был создан очень богатый интеллектуальный потенциал.

Это действительно так. Семьдесят советских лет — четырнадцать из них, пятую часть, республику возглавлял Гейдар Алиев. Он сумел мощно двинуть вперед экономику, науку, образование, помочь возрождению духовной памяти своего народа. Вот бесстрастная статистика: за годы его руководства Азербайджаном в республике было открыто 1155 библиотек, 1316 клубов, 849 школ, 44 музея. С его именем связано и создание в 1971 году школы-интерната с военным уклоном, первого такого учебного заведения в республике. Ныне это военный лицей имени Джамшида Нахичеванского, известного в Азербайджане военачальника. За храбрость в сражениях Первой мировой войны он был награжден Георгиевским крестом и серебряным оружием, в советские годы командовал дивизией. За становлением лицея Гейдар Алиев, по его словам, смотрел, как за собственным ребенком. И это тоже был задел на будущее — подготовка своих офицерских кадров.

В октябре 1975 года в Баку проходили Дни советской литературы. В столицу Советского Азербайджана приехали самые популярные поэты и писатели всей большой страны. Они

выступали на встречах с читателями, приняли участие в открытии Дома-музея Самеда Вургуна, — его стихи Гейдар Алиевич любил с юношеских лет. По инициативе первого секретаря ЦК 23 марта 1982 года был открыт памятник другому большому поэту Джафару Джабарлы. А чуть раньше Алиев побывал в заснеженной Шуше, разрезал ленточку на открытии мавзолея Молла-Панаха Вагифа и произнес взволнованную речь…

Мог ли кто представить тогда, что всего через десяток лет над благословенной Шушей загремит канонада войны и автоматные очереди «освободителей» иссекут памятник великого гуманиста?!

Четырнадцать лет во главе республики… Приходилось встречать досужие рассуждения, имел ли лидер республики концепцию развития Азербайджана или же, руководствуясь своей безошибочной интуицией, шаг за шагом решал конкретные задачи. Думается, тут и спорить не о чем. Плановая экономика определяла перспективы Азербайджана в едином экономическом комплексе Союза. К концу 60–х годов в большинстве отраслей народного хозяйства республика отставала от общесоюзных показателей. Предстояло развивать новые производства, создавать рабочие места. Но прежде всего — выводить из кризиса нефтяную промышленность. К концу 60–х годов добыча нефти в республике упала на 1,3 миллиона тонн, газа — на 659 миллионов кубометров.

Нефть, газ, уголь были на особом счету в правительстве Союза. Председатель Совета Министров СССР Косыгин лично занимался энергетикой. Рассказывая об этом периоде в деятельности Алиева, сошлемся на фундаментальное исследование «Азербайджанская нефть в мировой политике». Его авторы Ильхам Алиев и Акиф Мурадвердиев отмечают, что первый секретарь ЦК раскрыл «истинные причины длительного отставания и напряженности, возникшей в этой важной отрасли промышленности».

Что же происходило в отрасли, которой всегда гордилась республика? Отставала геологоразведка. Распылялись ресурсы. Нарастали аварии. Выходили из строя скважины. При этом за десять лет (1960–1970) на развитие нефтедобывающей отрасли было направлено «примерно 45 процентов всех капитальных вложений в промышленность республики». Однако, начиная с 1966 года, добыча из года в год снижалась. Алиев повстречался со многими специалистами-учеными и производственниками, инженерами и опытнейшими бригадирами. По общему мнению, главным упущением было состояние буровых работ.

За 1966–1970 годы объем бурения скважин уменьшился на

один миллион метров. 31 процент пробуренных скважин не был доведен до проектной глубины. Половина рабочего времени терялась из-за аварий и простоев. Эти цифры и факты мы приводим по монографии, на которую уже ссылались.

После тщательной подготовки ЦК Компартии Азербайджана собрал республиканское совещание нефтяников и ученых отрасли. Это был большой совет с людьми, знающими о нефти все. Обращаясь к ним, Гейдар Алиев говорил: «От инженерно-технических работников, геологов «Каспморнефти» и «Азнефти», от каждого из руководителей обоих объединений требуется, чтобы они осуществили обязательные мероприятия по стабилизации добычи нефти на старых площадях путем улучшения разведочных и буровых работ и особенно в мезозойских отложениях, чтобы увеличили ресурсы для обеспечения в будущем прироста нефти и газа. При этом особое внимание должно быть уделено разработке морских месторождений нефти и газа».

Гейдар Алиев никогда не был кабинетным партчиновником. Да, первому секретарю в силу вполне понятных обстоятельств немало времени приходится проводить за письменным столом. Но его регулярно видят и на промыслах, в цехах нефтеперерабатывающих заводов, в лабораториях ученых. И это не прогулка дилетанта или высокопоставленного визитера. Он не стесняется переспросить то, что сегодня еще кажется непривычным, внимательно выслушать известных ученых — Азада Мирзаджанзаде, Артура Расизаде, обращается к работам уже ушедшего из жизни, замечательного ученого-химика, члена-корреспондента АН СССР, академика АН республики Юсифа Гейдаровича Мамедалиева. О таких людях сказано: горят на работе. В годы войны он разработал метод получения высококачественных добавок к авиационному топливу, стал лауреатом Сталинской премии, позже переименованной в Государственную.

Цифры часто называют скучной материей. Но, говоря о производстве, без них не обойтись. Объединение «Азнефть» выполнило план девятой пятилетки по выработке газа за три с половиной года, а план по добыче нефти — за 4 года и 8 месяцев.

Теперь предстояло выходить к новым рубежам. По инициативе Гейдара Алиева ЦК КПСС и Совет Министров СССР в 1974 году принимают постановление о значительном ускорении темпов и увеличении объемов работ по разведочному бурению глубинных структур Каспия, созданию и внедрению в производство новых технических средств для бурения, разработки и эксплуатации глубинных морских скважин.

Напряженный труд сотен людей дал результаты. Были введены в строй новые нефте- и газодобывающие установки, модернизированы нефтеперегонные заводы. В полную мощность заработал газоперерабатывающий завод — единственное предприятие этого профиля в республике, сданное в эксплуатацию в 1961 году. В 1986 году, после реконструкции, его производственная мощность достигла 6,5 миллиарда кубометров газа.

Новый завод по производству бытовых кондиционеров первоначально планировалось «посадить» в городе Запорожье, к которому Брежнев относился с душевной привязанностью. Там, на «Запорожстали», в первые послевоенные годы он дневал и ночевал, поднимая завод из руин. Союзные министры, конечно, об этом знали и настаивали: только Запорожье.

Алиев, заручившись поддержкой Байбакова, пошел к Брежневу. Леонид Ильич прислушался к его аргументам. Так Запорожский завод стал Бакинским. Для него закупили японское оборудование, технологию, тысячи кондиционеров пошли по Союзу и на экспорт.

25 декабря 1975 года он был сдан в эксплуатацию. На митинге первый секретарь с гордостью сказал: «История азербайджанской промышленности богата многими достижениями рабочего класса. Но сегодня мы со смелостью можем заявить, что в промышленной истории нашей страны никогда прежде не наблюдался подобный трудовой подвиг…»

Вспомним и другие новостройки тех лет: завод электрических приборов «Улдуз», Бакинский завод шампанских вин, Бакинский завод глубоководных оснований (первоначально строительство планировалось в Астрахани, за оборудование уплатили 500 миллионов долларов), завод «Электротерм», обувные фабрики, Ленкоранский консервный завод. Новые предприятия строились во всех регионах Азербайджана: в Нагорном Карабахе и Гяндже, Баку и Нахичевани…

За десять лет в Азербайджане было введено 22 миллиона м^2 жилья. Баку украсили современные архитектурные ансамбли: здание Верховного Совета республики, гостиницы «Москва», «Апшерон», «Гянджлик», дворец «Гюлистан», Институт космических исследований, «Дом творчества» в Шувелянах, железнодорожный и морской вокзалы…

«Это были лучшие годы, — вспоминал позже Президент Алиев. — Порой, даже окончив работу, я не уходил домой, размышлял, строил новые планы по улучшению положения нашей республики. Думал о том, как, используя возможности, предоставленные моей должностью, совершить полезные дела для

моего народа. Для этого требовались две вещи: успешно осуществлять руководство Коммунистической партией Азербайджана и постепенно наращивать свой авторитет. Считаю, что мне это удалось».

Центральная печать называла Алиева партийным руководителем нового типа. Это действительно так и было. Оценивая свою работу в ЦК Компартии республики, Гейдар Алиевич с полным правом мог сказать: «За 14 лет моего руководства Азербайджаном вместе со сплотившимися вокруг меня товарищами по партии мы совершили большие дела для Азербайджана».

Алиева оценили в Москве. Но что еще важнее — его оценили земляки.

— В нашем Джульфинском районе из года в год сеяли пшеницу, — вспоминает Довлат Мамедов, — хотя урожай собирали мизерный — по три центнера с гектара. Сколько ни протестовали, никому ничего доказать не могли. Говорят: план! Но вот первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана избрали Гейдара Алиевича Алиева и сразу не таким всесильным оказался и товарищ План. По инициативе Алиева в Нахичевани, в том числе и в нашем районе, начали развивать виноградарство. Лучше стало и для республики, и для людей. Виноград мы отправляли в северные районы Союза. В моем родном селе 64 семьи купили автомашины, многие построили двухэтажные дома, приобрели хорошую мебель.

На глазах преображалась Нахичевань. Появились современная гостиница «Тебриз», ГЭС на Араксе, заработал новый текстильный комбинат, открылся дворец культуры…

Это только один пример, пусть и не самый крупный.

Добавим по архивным документам и другие. Эта мозаика представит круг забот первого секретаря, его устремлений и дел.

…С 1970 года в Азербайджане повсеместно введено изучение русского языка с первого класса. Спустя два года бюро ЦК утверждает комплекс мер, направленных на дальнейшее улучшение преподавания русского языка в общеобразовательных школах республики.

…13 марта 1973 года бюро ЦК рассматривает мероприятия по подготовке и проведению 600–летия великого азербайджанского поэта Имадеддина Насими.

…Постановляет открыть в Баку 9 мая 1973 года памятник Герою Советского Союза Мехти Гусейнзаде.

…Рассматривает ход строительства третьего Бакинского водовода.

С января 1975 года в Баку начали принимать вторую

республиканскую телепрограмму — это тоже воля и энергия первого секретаря. Как и создание в городе Шеки Государственного драмтеатра, а в Баку — Инженерно-строительного института.

25 марта 1978 года бюро ЦК принимает постановление «О дальнейшем развитии в Академии наук Азербайджанской ССР работ в области космических исследований природных ресурсов».

И так день за днем, неделя за неделей — экономика, культура, наука, образование; задачи текущие и стратегические; проблемы молодежи и ветеранов; торговля и бытовое обслуживание; строительство метро в Баку; юбилеи выдающихся соотечественников и фестиваль «Мелодии Советского Закавказья».

В марте 1976 года на XXV съезде партии Гейдара Алиева избирают кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Впервые представитель Азербайджана вошел в штаб партии, а по сути дела и всего Советского Союза. Новая ступенька в карьере Алиева предоставляла больше возможностей для решения проблем республики — экономических, социальных, национальных.

— Он был, безусловно, выдающейся личностью, — высказал в беседе с нами свое суждение об Алиеве академик Примаков. — Для Азербайджана Гейдар Алиевич сделал чрезвычайно много. У него было негласное соревнование с Шеварднадзе, первым секретарем ЦК Компартии Грузии. Алиев в этом соревновании побеждал, побеждал Азербайджан, потому что его руководитель был более собранным, организационно лучше подготовленным.

— Я встречался с Алиевым достаточно часто, — продолжил Евгений Максимович Примаков, ныне президент Торгово-промышленной палаты России. — Однажды даже отдыхал у него три дня на даче в Мардакянах. Мы заходили в море и разговаривали…

— Наверное, не о морской стихии, не о том, как бегут валы от Баку до Махачкалы…

— Конечно, — улыбается Евгений Максимович, сам не чуждый поэтического дара. — Это был разговор о людях, о судьбах государства, разговор и о стране в целом, и об Азербайджане…

Можно понять, почему для своей откровенной беседы Примаков и Алиев выбрали море. У стен и у дверей по паре ушей, говорят в Азербайджане. А Каспий точно не заложит, не доложит, не настучит.

— Конечно, и тогда Гейдар Алиевич не обо всем высказывался в открытую, но мнениями мы обменивались достаточно откровенно. Алиев был прогрессивным человеком. Эта

прогрессивность сочеталась в нем с жесткой требовательностью. Это правильно. И я не подвергаю это сомнению. Он совмещал с одной стороны демократизм, с другой — необходимость твердого порядка. При нем Азербайджан пошел на большие преобразования — экономические и социальные.

Разумеется, на основе принятого тогда планового хозяйства, а не рыночного.

Евгений Максимович вспоминает, как поразило его однажды совещание, которое проводил Алиев. Как-то перед отлетом из Баку в командировку он собрал членов бюро ЦК в аэропорту.

— Поразительная четкость в постановке задач. Без крика, без нотаций, без ругани, хотя кого-то было за что ругать. Но он в этом отношении был очень сдержанным. И в то же время умел спросить. На прощанье пару слов: «Приеду — проверю». И попробуйте не выполнить…

Пусть справедливость верх берет

18 ноября 1981 года «Литературная газета» опубликовала большую беседу с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана Гейдаром Алиевым «Пусть справедливость верх берет…». Этот номер «Литературки», одной из самых популярных газет тех лет, передавали из рук в руки; беседу перепечатали многие местные издания.

— Думаю, что читателей «Литературной газеты» интересует восстановление и укрепление законности в республике именно в широком смысле слова, — отвечал Гейдар Алиев на вопрос журналистки Антонины Григо. — Хотя были у нас и сенсационные разоблачения и суровые наказания людей, имена которых долгие годы казались неприкосновенными и недоступными для закона. Кстати, именно эта сторона больше всего занимает буржуазных комментаторов. Буквально через десять дней после августовского пленума ЦК Компартии в 1969 году, на котором открыто и честно было сказано трудящимся Азербайджана о серьезных недостатках в жизни республики, буржуазная пресса подняла шум и изготовилась к сенсациям уголовного характера.

Мне хотелось бы подчеркнуть: произнося слово «законность», мы имеем в виду не столько Уголовный кодекс, сколько моральный кодекс нашего общества. И с этой точки зрения собственно правонарушения, их профилактика — не только юридический вопрос. Это социальный и нравственный вопрос, поскольку речь идет прежде всего о борьбе за человека, об уважении прав, охране достоинства и чести советского человека, о воспитании в нем лучших гражданских качеств, высоких моральных принципов.

Такой подход лежит в основе работы азербайджанской партийной организации, и именно он был горячо одобрен трудящимися, абсолютное большинство которых в своей жизни и труде руководствовалось этими принципами. Но в обстановке злоупотребления служебным положением, коррупции, очковтирательства, в обстановке неуважения к честному труду не могла не снизиться инициатива масс, не могла не воцариться моральная тревога, сменившаяся затем во многих слоях населения состоянием подавленности, равнодушия. Все это и было одной из главных причин хронического отставания экономики Азербайджана от среднесоюзных показателей. Мы должны были помочь народу поверить в справедливость, в

незыблемость ленинских норм жизни социалистического общества и управления им. Это — сердцевина многогранной восстановительной работы, это-то самое звено, ухватившись за которое можно было вытянуть всю цепь. Процесс был тяжелый, трудный. Я говорю «был» не потому, что сейчас положение идеальное, а потому, что необратимость этого процесса стала реальностью.

Доказательством тому — резкий подъем экономики, культуры, социальное развитие в последнее десятилетие.

…Я уже говорил, что мы ничего бы не могли изменить, если бы не верили и не убеждались многократно, что подавляющее большинство людей жили и трудились честно. Другой вопрос, что труд их зачастую пропадал втуне из-за расточительности, халатности, очковтирательства. В большинстве случаев принципиальные, честные кадры не могли продвигаться по службе, иметь работу по способностям.

Подготовке кадров мы придаем особое значение. И не случайно поэтому одновременно с наведением порядка в экономической и социально-нравственной сферах взялись за вузы. Необходимость активного вмешательства ЦК Компартии в дела высших учебных заведений была продиктована широко распространившимися фактами взяточничества, протекционизма, семейственности среди профессорско-преподавательского состава. Это явление нанесло большой вред делу подготовки кадров с высшим образованием и огромный моральный ущерб воспитанию молодежи.

Мы столкнулись и с таким явлением, когда отдельные преподаватели вузов, руководящие работники стремились устраивать своих детей в вузы по «родительским» специальностям. Нам пришлось ограничить такие действия, а вот на юридический факультет госуниверситета вовсе запретили принимать детей работников административных органов.

— Вот даже как! Но ведь, Гейдар Алиевич, хоть и существует афоризм о том, что Бог отдыхает на детях гениальных людей, однако всегда были и должны быть потомственные интеллигенты. Мы ведь только-только начали накапливать поколения советской интеллигенции. Разве это плохо, когда ребенок, выросший в атмосфере духовных семейных интересов, продолжает дело дедов и отцов?

— Мы говорим с вами о разных вещах. Давайте уточним предмет обсуждения. Что прежде всего характеризует интеллигента? Диплом о высшем образовании? Диплом кандидата, доктора наук? Думаю, что не это. Главная черта интеллигентного человека — *подвижничество* в служении

обществу. История России, к слову, полна примеров драматических судеб интеллигентов, которым сословные преграды мешали свободно служить народу, иметь талантливых продолжателей их дела. Они, как могли, преодолевали эти преграды. Рискуя жизнью, шли «в народ», уезжали в уездную глушь, на царские национальные окраины с цивилизаторской миссией. Они были счастливы, если дети обладали способностью продолжить их дело. *Дело*! А если способностей не было они настраивали их на то, в чем те могли бы реализовать свои личностные возможности с пользой для себя и для народа. Потому что дорожили фамильной честью и потому что оберегали своих детей от комплекса неполноценности, говоря современным языком.

А вот в наше время, когда уничтожены все преграды для свободного служения обществу, интересам рабоче-крестьянского государства, нередко появляются мещане с дипломами, которые используют доверие народа, народные деньги в корыстных целях.

Как можно назвать интеллигентами профессоров, даже академиков, устраивающих на свою кафедру, в лабораторию, институт собственных детей, внуков, родню да еще создающих им льготные условия для подготовки диссертаций, продвижения по научной лестнице независимо от того, есть ли у них к этому способности?

Что касается юридического факультета, то здесь тоже наше решение было связано с нездоровой тенденцией. Мы обнаружили, что абсолютное большинство зачисленных на этот факультет студентов — дети работников милиции, прокуратуры, судов, юридических кафедр, партийных, советских органов. Нас обеспокоило сложившееся положение, во многих случаях связанное со злоупотреблениями, а больше всего — вредные последствия, опасность появления некоей семейственности и «наследственности» в составе административных органов.

Когда я выступал против этих извращений, на первых порах до меня доходили высказывания о том, почему, мол, такие строгости, были же потомственные врачи, учителя, юристы, ученые — дед, отец, сын. Почему же, мол, сейчас это запрещается? Ответ мой на это таков: да, были и могут быть, но только на высокой нравственной основе, по призванию. Я лично глубоко уважаю и высоко ценю династии потомственных шахтеров, нефтяников, сталеваров, хлеборобов. Потомственность, основанная на честном отношении к делу, формирует в поколениях подлинную интеллигентность, будь то работники физического или умственного труда.

От каждого — по способностям, каждому — по труду. Это

закон социализма. А уж коль скоро произошли его искажения, то мы идем на крайние меры для выправления положения. Не семейные интеллигентские традиции под ударом, а семейственность, протекционизм, родственные кланы, которые держатся на круговой поруке: «Ты — мне, я — тебе». Мы с этим покончим. Это и есть, если хотите, классовый подход к проблеме…

— Но это вовсе не издержки местной специфики. Стремление «порадеть родному человечку» в устройстве его в «престижный» институт, в подыскании «теплого» места проявляет очень многие родители, иногда заведомо зная о неспособности отпрыска работать с полной отдачей. Это целое явление. Таких молодых людей называют «отцедети». Пишется в одно слово. Может быть, стоит разработать какие-то общие строгие требования…

— Я и говорю о явлении. А какое-то установление… Зачем нам лишняя регламентация? Как было сказано на XXVI съезде, хороших законов у нас принято немало, дело — за их точным и неукоснительным осуществлением. Любой закон живет только тогда, когда он выполняется — выполняется всеми и повсеместно.

Есть Конституция, есть моральный кодекс строителя коммунизма, есть гражданский долг, есть нравственные принципы советского образа жизни. На основании всего этого возникает и конкретная практика.

К примеру, мы были вынуждены запретить руководящим партийным работникам и должностным лицам строить дачи, приобретать собственные автомобили, защищать диссертации для получения ученых степеней…

— Позвольте, Гейдар Алиевич, мы же говорим о законности! А это, мягко говоря…

— Не ищите мягких слов. Да, это — волевое решение. Как первый секретарь ЦК Компартии я предложил, коллеги приняли.

В 60–х годах дачное строительство в Баку получило широкий размах. Кто строил дачи? В основном руководящие работники, интеллигенция. А во что это вылилось? Во многих случаях — в злоупотребления: незаконное использование техники, транспортных средств, стройматериалов, рабочей силы с предприятий, строек. Кроме того, сооружение дач стимулирует рецидивы частнособственнической психологии, индивидуализма, ведет к забвению общественного долга. Нам пришлось серьезно наказать, вплоть до исключения из партии, некоторых руководящих работников. Но от того, что мы запретили строительство дач, никто не пострадал, а общество выиграло. Не дача для директора завода, а пансионат, профилакторий для всего коллектива завода. Вот чем мы руководствуемся. За

последние годы таких пансионатов, Домов отдыха, в том числе и для руководящего состава, построено немало. Наши меры одобрены общественностью республики.

Запрет на приобретение индивидуальных автомобилей связан с фактами, причем участившимися, спекуляции автомашинами. Нам также пришлось наказать немало ответственных работников за это.

Я далек от рекомендации механически копировать наш опыт. Мы приняли такие решения в соответствии со сложившейся у нас острой обстановкой. Даже тень подозрения не должна падать на руководящих работников.

— А ученые степени? Мы же все время говорим о необходимости научного управления обществом. Если партийный работник или министр к тому же и ученый…

— Полагаю, вам известна довольно циничная, но точная перефразировка слов поэта: «Ученым можешь ты не быть, а кандидатом быть обязан». Без науки нам сейчас не обойтись. И каждый, кто занимается управлением, должен овладевать основами науки, особенно основами общественных наук. Более того, своей практической деятельностью вносить вклад в науку, уметь анализировать события, происходящие в обществе, и принимать глубокие, а не сиюминутные решения. Мы за то, чтобы все руководящие работники обладали такими качествами. Напротив вас сидит заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Афранд Фиридунович Дашдамиров. Ему еще нет сорока, а он — доктор философских наук, профессор. Пришел в аппарат ЦК как ученый и свою партийную работу сочетает с научной. И это приносит пользу. Из каждого правила есть и обоснованные исключения. Иначе правило превратится в догму.

Но никак нельзя было считать нормальным получение ученой степени кандидата технических наук бывшим первым секретарем Сумгаитского горкома партии Балакишиевым. Ведь до того, как стать партийным работником, он не занимался научными исследованиями, не приходилось ему выполнять даже инженерные обязанности, он никогда не работал на производстве. Поэтому не вызывают удивления результаты проверки. А они подтвердили сомнение: Балакишиев фактически не был автором диссертации, он использовал чужой труд. Решением ВАК СССР от 12 августа 1981 года за действия, несовместимые со званием советского ученого, Балакишиев лишен ученой степени. Ранее за серьезные недостатки Балакишиев был снят с занимаемого поста и направлен на рядовую работу.

Но это был не единственный случай. В 60–х годах стремление к ученым степеням стало модой среди руководящих работников.

Мы же пришли к выводу, что практической пользы от этого нет ни для науки, ни для партийной, государственной деятельности. А вред, моральный урон большой. Руководящие работники злоупотребляли положением, а ряды ученых засорялись. Вот чем объясняется этот запрет. Примеры таких моральных табу, может быть, неожиданные. Но сам по себе моральный запрет в трудовом коллективе — не такая уж редкость. Он вытекает из социалистических понятий о чести и порядочности, обретая конкретность в определенных обстоятельствах. И особые требования налагает на руководителя, возглавляющего коллектив. Моральный облик руководителя, моральный пример — важный фактор в воспитании людей. Если руководитель, например, с трибуны клеймит позором рецидивы мелкобуржуазной психологии, а в частной жизни допускает злоупотребления своим положением, занимается приобретательством, скупкой золота, спекуляцией, он стократ опаснее того, кто просто не знает иных ценностей в жизни, кроме вещей и денег.

— У меня создалось впечатление, что взяточничество вызывает у вас большее отвращение, чем любой другой вид преступления. А поэт Фикрет Годжа даже так говорит: «Взятка — нож, вонзенный в спину…» Почему именно взятка?

— Да потому, что взятка — универсальное преступление. Вокруг нее крутятся все другие пороки. Взяточник не дубленку из-под прилавка продает, он продает государственные интересы… Афоризм поэта — не преувеличение. На каждого из нас ложится вина за живучесть гнусного пережитка прошлого. Даже на порядочного, даже на презирающего тех, кто берет и дает. Личная честность и личная брезгливость — это еще не гражданские добродетели. Гражданственность предполагает активность, умение и желание бороться со злом.

— Один наш крупный юрист сказал так: «Человек, живущий на нетрудовые доходы, всегда сможет купить справку о «трудовых» доходах».

— Ну, это легко проверить. И наказать как следует и тех и других. А потом, и это главное, сами по себе конкретные меры пресечения зла — не самоцель. Они должны органично вписываться в систему всеобщей нетерпимости к нарушению закона. Выступление газеты — один из примеров проявления активной жизненной позиции. Активная позиция без реального поступка ничего не означает. Выработка активной гражданской позиции — стержень всей идеологической работы нашего времени.

— В кинофильме «Допрос» Азербайджанской киностудии,

произведшем, к слову сказать, большое впечатление на москвичей, следователь Сейфи делает все, чтобы вывести на чистую воду истинных преступников — больших должностных лиц. Создатели фильма — сценарист Рустам Ибрагимбеков и режиссер Расим Оджагов публицистически заострили принцип: «Закон — для всех закон». Но чтобы этот принцип восторжествовал, герой фильма не только противостоит нажиму, угрозам, но и вынужден пренебречь некоторыми процессуальными нормами ведения следствия. Можно догадываться, что его ждет расплата за это. Закон — для всех закон! «Добро должно быть с кулаками», — сказал поэт. Но у правосудия ведь тоже есть кулак.

Или вот давнее, но нестареющее кинопроизведение, коль уж искусство подсказывает примеры, — «Берегись автомобиля» Элъдара Рязанова. Преодолевая сочувствие, судьи и заседатели выносят приговор Юрию Деточкину, настолько бескорыстному, что даже любящая женщина обзывает его идиотом. Отношение к таким «нарушителям» бывает разное. Особенно у тех, кто стоит на страже буквы закона. Один юрист выразил сожаление, что Смоктуновский сделал из «анархиста» обаятельного героя.

— А я симпатизирую Юрию Деточкину! Конечно, он совершает ошибку, действуя в одиночку. Но, видимо, иначе не умел. И Сейфи иначе не мог. Живой человек может ошибаться. Все зависит от того, какими моральными соображениями он руководствуется.

Создатели фильма обратили внимание общественности на необходимость бороться с жуликами, показали новые виды их мимикрии. Благодаря таким, как Деточкин и Сейфи, успешнее идет борьба с негативными явлениями. Нужно, чтобы было больше таких людей, даже если они ошибаются в выборе форм и методов борьбы, чем равнодушных.

Писатели, поэты, кинематографисты в конфликтных ситуациях показывают противоречия между быстро меняющейся жизнью и существующими законами. Это касается не только юриспруденции, но и привычных представлений, косных традиций, незыблемого, казалось бы, положения вещей. И так они выражают свою гражданскую позицию, совершают поступки, создавая яркие художественные произведения.

Можно лишь сожалеть, что литература, я имею в виду прежде всего азербайджанских писателей, отстает от жизни. У нас пока мало произведений, где нашла бы отражение нынешняя борьба азербайджанских коммунистов с антиподами коммунистической морали, где действовали бы современные рыцари без страха и упрека. А ведь в реальной действительности их много!..

Мы — не идеалисты, мы не утверждаем, что раз и навсегда

добьемся абсолютного торжества Добра над Злом. Но добиться того, чтобы справедливость, законность, идейность перевешивали чашу весов, можно и нужно.

— Напрашивается, Гейдар Алиевич, пожелание успеха высоким словом поэзии:

«Пусть справедливость верх берет,
Пусть посрамленным будет гнет, —
Пускай восторжествует щедрость,
Добросердечных слава ждет», —

как говорил Низами.

— «Скромен будь. Богатство, гордость лучше
брось в костер, сожги!
…Если хочешь стать свободным от смутительных
страстей,
Вздохом огненным, единым весь докучный вздор
сожги!» -

так говорил великий азербайджанский поэт XII века Низами Гянджеви.

2 декабря 1982 года, Баку

— А сейчас нам надо рассмотреть организационный вопрос. Вы знаете, товарищи, что я назначен первым заместителем Председателя Совета Министров СССР и на пленуме ЦК КПСС переведен из кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС, — этими словами Гейдар Алиев открыл заседание бюро ЦК Компартии Азербайджана, последнее бюро, которое он вел еще по праву первого секретаря. Теперь предстояло избрать его преемника. — И следовательно, сегодня надо решить вопрос о первом секретаре ЦК Компартии Азербайджана… — Гейдар Алиевич зачитал документы, принятые в Москве и продолжил: — Я думаю, на основании всего этого необходимо принять решение: «Освободить Г. Алиева от обязанностей первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана и члена бюро ЦК Компартии Азербайджана». Но прежде, чем проголосовать за это, я хотел бы несколько слов сказать. — Гейдар Алиевич оглядел товарищей: — Прежде всего, я хочу сказать, что принятое Политбюро ЦК КПСС и 7–й сессией Верховного Совета СССР решение об избрании т. Алиева членом Политбюро ЦК и назначении первым заместителем Председателя Совета Министров СССР — огромное доверие партийной организации Азербайджана, нашей республике, нашему народу. Все единодушны, видимо, в том, что это надо рассматривать прежде всего как высочайшую оценку деятельности азербайджанской партийной организации, успехов трудящихся нашей республики, всей республики в коммунистическом строительстве, высокую оценку деятельности ЦК Компартии Азербайджана, бюро ЦК. Мне оказано большое доверие. Я сознаю и значение этого доверия, и огромную ответственность, которая на меня возложена. И хочу заверить, что я постараюсь сделать все для того, чтобы оправдать это доверие и это новое поручение нашей партии, Центрального Комитета, Политбюро.

Мне вспоминается сегодня 14 июля 1969 года, когда… я был избран первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана. И вот уже почти тринадцать с половиной лет мы вместе работаем и я выполняю эти обязанности. И сегодня… по истечении такого времени, такой большой работы, новое назначение по партийной, по государственной линии, безусловно, меня обязывает, выдвигает передо мной очень большие и ответственные задачи. И я вижу перед собой большую, сложную и трудную работу. И надеюсь, что я буду и на этой работе таким, каким я был до сих пор, постараюсь оправдать оказанное доверие, в том числе доверие партийной организации Азербайджана, Центрального

Комитета Компартии нашей республики.

У меня будет еще возможность шире высказаться на пленуме ЦК КП Азербайджана, но сейчас я хотел бы сказать, что… бюро ЦК, секретариат ЦК Компартии Азербайджана работают четко, слаженно, результативно, плодотворно. Многое сделано за эти годы, республика наша добилась больших успехов. Мы за короткое время преодолели длительное отставание. Республика вышла на передовые рубежи во всесоюзном масштабе. Двенадцать лет подряд находится в числе победителей социалистического соревнования, награждается Красными Знаменами Родины. За эти годы республика трижды награждена орденами Советского Союза — орденом Октябрьской Революции, орденом Дружбы народов. За досрочное выполнение планов десятой пятилетки — орденом Ленина, который был вручен совсем недавно Леонидом Ильичом Брежневым. В республике замечательная атмосфера, здоровая морально-политическая, морально-психологическая атмосфера, рабочий настрой. Дух дружбы, интернационализма, братства. Словом, товарищи, наша республика поднялась, и поднялась очень сильно.

И все это прежде всего результат деятельности Центрального Комитета, результат деятельности бюро ЦК, секретариата ЦК Компартии Азербайджана. И все то, что сделано, начиная с 14 июля 1969 года до сих пор, все это подготавливалось, вырабатывалось, определялось, намечалось здесь, на заседаниях бюро ЦК Компартии Азербайджана. Каждый наш шаг — большой и малый, — каждое мероприятие, каждое большое дело, которое в целом обеспечило успехи республике, — это результат нашей коллективной работы, коллективных усилий, коллективного разума бюро, коллективной деятельности бюро ЦК. Поэтому я сегодня имею полное основание сказать, что бюро ЦК Компартии Азербайджана, секретариат ЦК Компартии Азербайджана все эти годы были на уровне требований партии, решений его съездов, пленумов, всех требований Центрального Комитета КПСС.

И сегодня, когда я уже расстаюсь с вами, на заключительном заседании бюро ЦК, я счел необходимым сказать об этом с чувством большого удовлетворения и с чувством большой признательности.

Я хотел бы поблагодарить прежде всего членов бюро ЦК Компартии Азербайджана за нашу совместную плодотворную, активную, принципиальную работу в течение всех этих лет. Я хотел бы поблагодарить вас, дорогие товарищи, за вашу неизменную поддержку, за помощь, за понимание. За то, что мы, действуя принципиально, принимая острые решения, порой чересчур острые решения, всегда исходили из высоких принципов

партии, государства, из интересов нашей республики, из интересов нашей страны…

Мы много принципиальных острых вопросов решили. Разные были иногда мнения, суждения, но мы всегда находили самые верные решения и всегда действовали слаженно, всегда действовали дружно. Важнейшим достижением нашим общим является то, что удалось создать в работе бюро ЦК Компартии Азербайджана, секретариата ЦК здоровую, деловую атмосферу. Наша республика в прошлом страдала во многом от того, что в работе бюро, в работе секретариата, в деятельности ЦК Компартии Азербайджана не было деловой атмосферы, не было деловых взаимоотношений. Верх брали личные интересы. Конъюнктурный подход, интриги, склоки, групповщина и другие отрицательные явления. Мы очень быстро покончили со всем этим и не только покончили, с каждым месяцем, с каждым годом утверждали именно тот здоровый, деловой настрой, который Должен был быть в деятельности бюро ЦК. И мы этого добились именно благодаря утверждению принципов коллегиальности в работе бюро ЦК.

И сейчас у нас, повторяю, бюро ЦК действует очень четко, слаженно, целеустремленно, на принципиальной основе, на здоровой основе, на партийной основе, и я думаю, это гарантия для дальнейшей, такой же успешной, плодотворной работы ЦК. И вот поэтому, товарищи, я еще и еще раз приношу вам свою благодарность и высоко ценю деятельность каждого члена бюро ЦК, кандидата в члены бюро ЦК, каждого секретаря ЦК Компартии Азербайджана. У нас в заседаниях бюро ЦК, секретариата постоянно участвуют заведующие отделами ЦК, руководители некоторых партийных, идеологических учреждений, и сегодня я хотел бы их поблагодарить, и аппарат ЦК (я, наверное, об этом скажу отдельно, при встрече с работниками аппарата ЦК), заведующих отделами ЦК, всех других товарищей, которые постоянно с нами все эти годы трудятся, для того чтобы бюро ЦК действовало плодотворно, результативно и успешно. Большое спасибо и вам, товарищи. И наконец, я не сомневаюсь в том, что на основе накопленного богатейшего опыта, сложившихся твердых, устойчивых, деловых традиций в деятельности бюро ЦК, секретариата ЦК, работа будет идти и впредь и продолжаться, и каждый из членов бюро, каждый из руководящих партийных, советских, хозяйственных работников будет стараться приумножать достигнутое, обогащать накопленный опыт, развивать все то, что создано. И я уверен, что основа, фундамент настолько крепкий, настолько прочный, что у нас в будущем в нашей Азербайджанской партийной организации

подобные явления, которые существовали длительное время до 1969 года, никогда не повторятся.

Я хочу пожелать всем вам, дорогие друзья, товарищи, соратники, новых больших успехов в претворении в жизнь решений XXVI съезда КПСС, задач, выдвинутых ноябрьским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС, решений XXX съезда Компартии Азербайджана и пленумов ЦК Компартии Азербайджана. Вот что я хотел сказать.

Партийное бюро, большое или маленькое, не та служба, где звучат аплодисменты. Но в этот раз, не сговариваясь, все, кто был в зале, громко ударили в ладоши. А теперь надо было формально проголосовать, подняв руки… Но должен же кто-то сказать несколько слов — инициативу взял на себя второй секретарь ЦК Юрий Пугачев. Говорил чуть сумбурно, но искренне. О большом доверии, о том, как будет не хватать Гейдара Алиевича за председательским местом, заверял… Он же озвучил имя нового шефа: в ходе «широкого изучения мнения людей, коммунистов, членов ЦК, членов бюро ЦК… определилось окончательное мнение, которое было доложено Центральному Комитету КПСС, Секретариату, Политбюро, лично товарищу Андропову Юрию Владимировичу. И было признано целесообразным рекомендовать на этот пост товарища Багирова Кямрана Мамедовича, ныне работающего секретарем ЦК Компартии Азербайджана».

К этому времени Кямран Багиров прошел все собеседования в Москве, побывал у генсека. Политбюро рекомендовало избрать его первым секретарем. По сути, дело решалось в Москве, но процедура требовала своего: вот и голосовали члены бюро, голосовал пленум.

— Я вполне сознаю, — говорил Кямран Мамедович Багиров, — что значит быть во главе такой республиканской партийной организации, которая имеет такие славные революционные традиции. Если мне будет оказана честь со стороны ЦК Компартии Азербайджана, я обещаю приложить все свои силы, умение и в дружной работе со всем составом, составом Центрального Комитета, и сделать все, для того чтобы с честью справиться с обязанностями первого секретаря…

На следующий день, третьего декабря 1982 года, в клубе имени Дзержинского прошел пленум ЦК. Пленум освободил Гейдара Алиева от обязанностей первого секретаря ЦК Компартии республики и избрал вместо него Кямрана Багирова. Алиев пожелал Кямрану Мамедовичу «успехов на этом большом, очень трудном, — по себе знаю, — и ответственном посту и, конечно же, крепкого здоровья и всего самого наилучшего для того, чтобы наши надежды полностью оправдались».

Пройдет всего несколько лет, и семидесятые годы назовут застойными. Вот только кто, спросим, застоялся тогда? И позволительно ли наклеивать оскорбительный ярлык на эпоху и миллионы тружеников? Не было застоя на трассе Байкало-Амурской магистрали, на нефтяных промыслах Западной Сибири и Каспия, в шахтах Донбасса, Кузбасса, Караганды… Не тянуло сыростью застоя в Азербайджане. Здесь за неполные полтора десятка алиевских лет вдвое возрос национальный доход на душу населения, в 2,5 раза увеличился общий объем производства. Прирост национального дохода был равен всему объему за 1969 год. Почти втрое увеличилось промышленное производство; удвоилась производительность труда, в три раза возрос выпуск товаров народного потребления. Объем произведенной за эти годы промышленной продукции равен объему предшествующих 50 лет. Было построено 250 крупных заводов, фабрик, цехов, более двух миллионов людей улучшили свои жилищные условия. Фактически в этот период республика возвела второй Баку.

Азербайджан занял одно из ведущих мест в стране по производству нефтепродуктов, нефтяного оборудования, стальных труб, цветных металлов, синтетического каучука, электродвигателей, строительных материалов, бытовых кондиционеров, автомобильных шин, минеральных удобрений, фаянсовых изделий, ковров и ковровых изделий. 350 видов продукции, выпускаемой в Азербайджане, экспортировалось в 65 стран мира. В республике возникли новые отрасли машиностроения, электронная промышленность, была произведена крупномасштабная реконструкция нефтеперерабатывающих предприятий, строился Бакинский метрополитен.

Опыт Азербайджана, достижения этой самобытной республики, ее неординарный лидер вызывали интерес во всем мире, особенно в странах Ближнего Востока, Африки, Латинской Америки. Председатель Советского комитета солидарности стран Азии и Африки Александр Дзасохов предложил в канун 60–летия создания СССР (1982 г.) провести в Баку крупный международный форум, посвященный роли Советского Союза в политической, дипломатической и практической поддержке национально-освободительного движения молодых независимых государств постколониального мира. На конференцию приехали представительные делегации пятидесяти государств, лидеры национальных освободительных движений. Как вспоминает Александр Дзасохов, высокие гости были воодушевлены встречами с Гейдаром Алиевичем Алиевым, знакомством с Баку, городом многонациональным, многоконфессиональным, с

городом, в котором седина истории прекрасно сочетается с современными формами общежития, с развитой промышленностью и наукой.

Алиев добивался, чтобы Азербайджан занимал достойное место в государстве, чтобы представители республики продвигались на различные должности общесоюзного масштаба, разумеется, сообразно их организаторским способностям и личным качествам. Так было в период, когда после кончины замечательного таджикского поэта и крупного общественного деятеля Мирзо Турсун-заде встал вопрос о том, кто возглавит Советский комитет солидарности стран Азии и Африки. Именно тогда по инициативе Гейдара Алиева на этот пост был рекомендован и единогласно избран, а затем плодотворно работал земляк Алиева, автор многих замечательных романов, крупный ученый и энциклопедически образованный человек — Мирза Аждарович Ибрагимов.

Но сколько же грязи было вылито на те годы, сколько дел и людей пытались опорочить «прорабы перестройки» и их подпевалы, сами не забившие в жизни ни гвоздя. Алиев с цифрами в руках возражал тем, кто «встал на путь огульного охаивания прошлого, пытаясь очернить деятельность партийной организации республики в 70–е годы, трудовые достижения народа».

— Как доказать, что цифры, о которых вы говорите, это не приписки? — спросил Алиева журналист и телеведущий Андрей Караулов.

— Все цифры, которые я назвал, взяты из официальных источников. Для того чтобы опровергать официальную статистику, надо, наверное, приводить другие данные. Но ведь их же нет. Они не существуют, других цифр и быть не может. Потому что все, о чем я говорю, правда.

— Хорошо, вам приходилось сталкиваться с приписками, скажем, в деятельности министерств, предприятий, районов?..

— И до меня, и в период моей работы в Азербайджане приписки имели место в различных сферах хозяйства — как и всюду по стране… Мы как раз и начали свою деятельность с того, что вступили в активную борьбу со всеми негативными явлениями, в том числе и очковтирательством. Исчезли ли они? Нет. Они продолжали выявляться. Именно выявляться. Это было в масштабах целого района, в работе предприятий, строек, колхозов и совхозов. Все факты, которые становились известны ЦК, очень принципиально обсуждались на бюро. Мы считали, что таким путем мы можем предостеречь руководителей любого ранга от противоправных поступков… Мы работали над

проблемой полного уничтожения негативных явлений. И, скажу прямо, в этом отношении мы не шли на компромиссы.

Документы, с которыми мы познакомились, работая над этой книгой, подтверждают слова Алиева.

Глава VI. «ТЫ НУЖЕН ВСЕМУ СОЮЗУ, ГЕЙДАР!»

Последний визит генсека

С конца июля до последних дней августа 1982 года Брежнев принимал в Крыму зарубежных визитеров — лидеров стран социалистического Содружества: Густава Гусака (Чехословакия), Эриха Хонеккера (Германская Демократическая Республика), Войцеха Ярузельского (Польша), Юмжагийна Цеденбала (Монголия)…

А 24 сентября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР полетел в Баку. Как писали газеты, ему «предстояло принять участие в торжествах, посвященных вручению Азербайджанской ССР ордена Ленина, которым она награждена за большие успехи, достигнутые трудящимися республики в десятой пятилетке по производству продукции промышленности и сельского хозяйства». Наградили Азербайджан еще два года назад и вручить высокую награду могли давным-давно, но Алиев настаивал, чтобы вручателем был Леонид Ильич. И все-таки настоял.

Четыре дня напряженной программы — немалая нагрузка и для человека помоложе. Что же говорить о старом и больном генсеке, который смутно воспринимал все, что происходит вокруг?! Разве что припоминал, как десяток лет назад он, бодрый и подтянутый, энергично шагнул из вагона на перрон. Как под гром оваций и приветствий вышел на залитую людским морем привокзальную площадь и, оглядевшись, вручил двум черноокim красавицам букеты и сам обрадовался теплу этого города. Такого Брежнева российское ТВ не показывает. В сознание нескольких поколений впечатался образ старца, обрюзгшего, беспомощного.

Перелистаем газетные страницы, которые рассказывали «о пребывании товарища Л. И. Брежнева в Азербайджане», расспросим очевидцев, чтобы полнее представить, каким был этот большой спектакль в четырех отделениях.

…У трапа самолета товарища Л. И. Брежнева сердечно приветствовали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Алиев, Председатель Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР К. А. Халилов, Председатель Совета Министров республики Г. Н. Сеидов, члены бюро ЦК Компартии Азербайджана. Начальник почетного караула отдал рапорт товарищу Брежневу. Были исполнены гимны СССР и Азербайджанской ССР.

По национальным традициям дорогому гостю преподнесли дары азербайджанской земли. Пионеры вручили цветы.

На всем пути из аэропорта в город на улицах, проспектах и

площадях, украшенных транспарантами, панно, лозунгами, Леонида Ильича Брежнева сердечно приветствовали сотни тысяч жителей Баку.

Так писали газеты на следующий день, в субботу, 25 сентября 1982 года, и это было правдой. Столица Азербайджана не выделялась из общего ряда пышностью встреч. Такие же помпезные шоу устраивали генсеку в Киеве, Тбилиси, Ташкенте, — таким был стиль эпохи «развитого социализма». Последуем дальше за кортежем машин, который добрался до большой и красивой площади у моря — в то время она носила имя Ленина.

Газетчики, рассказывая о торжественной манифестации, едва сдерживают эмоции.

…Звучат фанфары. Собравшиеся встречают товарища Л. И. Брежнева и руководителей республики бурными аплодисментами, приветственными здравицами в честь Коммунистической партии, ее ленинского Центрального Комитета. Товарищи Л. И. Брежнев, Г. А. Алиев, К. А. Халилов, Г. Н. Сеидов, другие руководители республики направляются к правительственной трибуне, где находятся знатные люди Азербайджана.

Оглашается постановление Бакинского городского Совета народных депутатов: выражая волю всех трудящихся столицы Советского Азербайджана, в знак беспредельной любви и глубокой признательности за постоянную заботу о развитии экономики, культуры, науки и искусства города Совет народных депутатов присвоил Леониду Ильичу Брежневу звание Почетного гражданина Баку. Над площадью звучат овации, слова приветствий.

Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда Р. Бейбутов и начальник буровой установки Герой Социалистического Труда С. Нагиев вручают Леониду Ильичу медаль Почетного гражданина города и диплом. Юные ленинцы преподносят цветы.

Товарища Брежнева сердечно поздравляют с присвоением почетного звания представители рабочих, тружеников села, интеллигенции и молодежи. Мастера искусств и коллективы художественной самодеятельности исполняют национальные танцы и песни, славящие дружбу и братство народов нашей многонациональной Родины.

Так заканчивался отчет корреспондентов ТАСС о первом дне визита генсека в залитый теплым сентябрьским солнышком Баку. Надеемся, читатель простит нас за длинные выписки — они помогают полнее представить атмосферу тех дней, увидеть с

разных точек зрения героя нашего повествования. Для него, хозяина встречи, хозяина дома — это были, конечно же, особые часы и дни.

«Гость на гость, хозяину радость» — говорит русская пословица. Почти так же звучит азербайджанская: «Коли гость для гостя — радость, хозяину они не в тягость». Азербайджанцы по традиции все самое лучшее предоставляют гостю. В таких традициях воспитывали детей и Алирза и Иззет Алиевы. Если у семьи, даже большой, были только две комнаты, одну держали для гостя. Лучшую постель, одеяло, подушки — для гостя. Как-то маленький Гейдар с братом приехал из Нахичевани в село навестить родственников. «Нас принимали, кормили в прихожей, а в ту комнату не пускали, — вспоминал Гейдар Алиевич. — А это для кого? Это для гостей. Там одна кровать, хорошее шелковое одеяло, подушки. А сами даже без ковра. А я думал, ну хорошо. Гость один раз в год приезжает, или два раза, или три раза, эта комната пустует. А человек здесь живет круглые сутки, и весь год живет в таких условиях. Вот психология какая. Но, видимо, это связано с характером нашего народа: гостю — все лучшее, гостю все хорошее».

Пройдут годы, и один из интервьюеров напомнит Алиеву «слишком частые приезды Брежнева в Баку и слишком пышные приемы в его честь».

— Какая чушь! — в сердцах отзовется Гейдар Алиевич. — Ну что было плохого в приезде первого лица страны? Что плохого в том, что мы, азербайджанцы, по характеру своему гостеприимны, радушны? Что плохого в том, что весь мир, все радиостанции и спутники телевизионной связи были нацелены на Баку? Что плохого, наконец, в том, что в связи с приездами генсека удавалось выбить средства на новое строительство?

Надо отдать должное хозяевам: и в тот последний брежневский визит они не ограничились стандартной программой: венки к памятнику В. И. Ленина и к Вечному огню, дежурный подход к ветеранам. Леонида Ильича привезли на установку «Шельф-2», предназначенную для глубоководного бурения нефтяных скважин; на завод кондиционеров, где гостю вручала цветы бакинская красавица с обнаженными плечами. Вспомнив молодость, он нежно ее погладил. А в воскресенье Брежнев вручал Азербайджану орден Ленина. Прибегнем опять к репортажу ТАСС.

…Открывая торжественное заседание, тов. Г. А. Алиев тепло и сердечно приветствовал Леонида Ильича Брежнева. Он сказал, что приезд товарища Брежнева в канун 60–летия образования СССР, большого праздника интернационализма и братства

советских людей, — высокая честь и огромная радость для всех людей республики. Тов. Алиев подчеркнул, что искренние, сердечные чувства жителей Баку при встречах и беседах с Леонидом Ильичом, так же, как и торжественная, праздничная обстановка, которая царит в этом зале, — все это проявление горячей любви, беспредельной признательности трудящихся Азербайджана Леониду Ильичу Брежневу, единодушной поддержки внутренней и внешней политики Коммунистической партии и Советского государства.

Единодушно избирается почетный президиум заседания (задался ли, кстати, хоть кто-нибудь в зале простым вопросом: зачем эта виртуальная икона?) в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым. Слово предоставляется товарищу Л. И. Брежневу. Все встают и продолжительной овацией приветствуют Леонида Ильича.

Грузный человек с пятью золотыми звездами, тяжело ступая, шел к трибуне. Разложил листки:

— Дорогой товарищ Алиев!

Дорогие товарищи!

Вчера мы вручили республике высшую награду Родины — орден Ленина, а сейчас нам предстоит остро, с партийной прямотой…

Брежнев говорил медленно, спотыкаясь на таком трудном для его искусственной челюсти слове «Азербайджан». Впрочем, в стране, которая уже давно рассказывала анекдоты про своего вождя, к изъянам его речи привыкли; умельцы очень похоже копировали Ильича. Однако теперь по большому залу пролетел шумок: случилось нечто непредусмотренное. Генсек стал зачитывать речь, с которой ему предстояло выступать на следующий день, в ЦК… Со второго ряда к трибуне метнулся помощник генсека Александров — Агентов. Оратор не обратил на него никакого внимания. Растерявшийся помощник вернулся в зал. И тогда к Брежневу подошел Алиев, что-то прошептал и взял завтрашний текст.

— Что ж, бывает, — спокойно сказал генсек, и зал, переживавший вместе с ним, зааплодировал. Дальше Ильич продолжал без запинки, только разок вместо «нефть Азербайджана» сказал: «нефть Афганистана».

— С большим удовлетворением хотелось бы отметить, что Азербайджан вновь первым среди союзных республик выполнил социалистические обязательства по продаже хлеба государству. Примите, дорогие товарищи, сердечную благодарность Центрального Комитета партии и правительства за большую трудовую победу. В чем ключ этих успехов? — задался вопросом

оратор. И, оглядев зал из-под густых бровей, вновь вернулся к страничкам с нестандартно большими буквами. — Прежде всего в том, что Центральный Комитет Компартии Азербайджана, его бюро во главе с нашим уважаемым товарищем Гейдаром Алиевичем Алиевым принципиально, последовательно и энергично проводят в жизнь линию партии.

Шел четырнадцатый год с тех пор, как Гейдар Алиев возглавил Азербайджан. Завершался большой этап и его жизни, и в жизни республики, а эти два понятия он, человек долга, не разделял. Ему в самом деле было чем гордиться. Азербайджан из года в год выполнял и перевыполнял государственные планы экономического и социального развития. В республике один за другим вводились в строй новые заводы. Росла добыча нефти — 14 миллионов тонн в год, при этом две трети ее добывалось со дна Каспийского моря. Становились реальностью социальные программы.

В понедельник, встретившись с членами бюро ЦК Компартии Азербайджана и зачитав нужную речь, Брежнев улетел в Москву. Время отсчитывало его последние дни.

Пятого ноября он посидел в президиуме торжественного заседания, посвященного 65–й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском дворце съездов. Подремывая, слушал большой доклад Виктора Гришина, члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря Московского горкома партии. Виктор Васильевич не пожалел красок для генсека-председателя:

— В своих ярких докладах, выступлениях и трудах он обогатил марксистско-ленинскую теорию фундаментальными обобщениями и выводами. С его именем советские люди по праву связывают глубокий поворот экономики страны к многообразным задачам благосостояния народа, огромную организаторскую работу партии по их реализации. Незыблемая верность ленинским заветам…

Старался товарищ Гришин, ничего не скажешь, но и ему было далеко до коллеги Шеварднадзе. Эдуард Амвросиевич сделал политическую поправку к географии. Своим гордым заявлением о том, что солнце Грузии восходит на севере, в России, он затмил всех — ашугов и акынов, бандуристов и бардов.

Седьмого ноября Брежнев постоял на Красной площади, приветствуя парад и демонстрацию. На приеме в Кремлевском дворце съездов произнес небольшую речь и предложил многоэтажный тост:

— За нашу ленинскую партию! За великое братство народов — Союз Советских Социалистических Республик! За счастье и

благополучие каждой советской семьи! За прочный мир на земле и дружбу между народами! За здоровье всех присутствующих в этом зале!

Это был последний тост в его жизни. В пятницу, 12 ноября 1982 года, первые полосы советских газет вышли в траурных рамках.

…Из жизни ушел верный продолжатель великого дела Ленина, пламенный патриот, выдающийся революционер и борец за мир, за коммунизм, крупнейший политический и государственный деятель современности Леонид Ильич Брежнев.

Медицинское заключение о болезни и причине смерти… От комиссии по организации похорон: похороны Леонида Ильича Брежнева состоятся в понедельник, 15 ноября, в 12 часов дня на Красной площади.

12 ноября собрался пленум ЦК КПСС, который избрал генеральным секретарем Юрия Владимировича Андропова. В тот же день участники пленума пришли в Колонный зал проститься с Брежневым. В центре большого снимка — Андропов и Тихонов, слева — Шеварднадзе, Алиев, Кузнецов — в то время первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Смена в правящей верхушке КПСС и — автоматически — Советского государства требовалась давным-давно. Старцы, которые уже мало что соображали, правили великой страной. Точнее, не столько они, сколько окруженцы, тесной толпой «стоявшие у трона».

Брежнев тяжело заболел в 1974 году, во время поездки на Дальний Восток. Состояние его постоянно усугублялось. В минуты просветления он и сам чувствовал, что пора отойти от дел. Но окружение настойчиво его отговаривало от такого решения.

В полной прострации был Андрей Павлович Кириленко. Он еще числился секретарем ЦК и членом Политбюро, но давно не появлялся на заседаниях. Болел Черненко. За седьмой десяток перешагнули Устинов и Громыко… Та еще команда собралась!

За пару лет до ухода со сцены Леонида Ильича старые большевики проводили в лучший мир Михаила Андреевича Суслова, человека № 2 в партийной иерархии, «серого кардинала», который провел на Старой площади почти полвека. С ним считался Сталин. Он был одним из тех, кто во время кремлевской борьбы за власть после Сталина помог Хрущеву оттеснить от власти Молотова, Маленкова, Кагановича и «примкнувшего к ним Шепилова» (формула из официальных партийных документов, ушедшая в народ). В апреле 1964 года, когда Хрущеву исполнилось 70 лет, Суслов старательнее всех

провозглашал здравицы в честь дорогого Никиты Сергеевича. Через десять лет он с такой же партийной яростью обличал Хрущева и раздувал костерки славословия Брежневу. В общем, стране как воздух необходимо было обновление. Об этом во весь голос, определенно и четко, сказал Юрий Владимирович Андропов. Он почти два десятка лет возглавлял КГБ СССР, последние два года был секретарем ЦК КПСС, вел заседания Политбюро, оставался, как говорят, на хозяйстве, а потому лучше многих знал реальное положение дел.

Трудно сказать, была ли у Андропова проработанная в деталях программа обновления страны. Алиев по этому поводу говорил так: «У Андропова было много планов, которые он не раскрывал, эти планы остались неизвестными». Но прежде необходимо было определить, что на самом деле представляет собой «общество, в котором мы живем».

Ученые люди изощрялись в формулировках, придумывая названия системе: реальный социализм, зрелый, развитой… Но и этот плод, как оказалось, нуждался в совершенствовании. Перед страной все острее вставали прозаические, повседневные задачи: накормить и одеть людей, дать им крышу, образование, выпутаться из войны в Афганистане.

22 ноября 1982 года, Москва

Очередной пленум ЦК КПСС обсудил доклад заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР Николая Константиновича Байбакова «О Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1983 год» и доклад министра финансов СССР Василия Гарбузова «О Государственном бюджете СССР на 1983 год».

Еще в официальном сообщении говорилось о том, что пленум рассмотрел организационные вопросы:

«Пленум ЦК перевел из кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС тов. Г. А. Алиева.

Пленум ЦК освободил тов. А. П. Кириленко от обязанностей члена Политбюро ЦК и секретаря ЦК по состоянию здоровья и в связи с его личной просьбой.

Пленум ЦК избрал секретарем ЦК КПСС тов. П. И. Рыжкова».

Добавим: Алиев и Рыжков были избраны по предложению Андропова. Накануне, в воскресенье (у Юрия Владимировича и в КГБ, и в ЦК все воскресные дни давно были рабочими) он встретился с ними в Кремле. Как полагается, газеты опубликовали снимок нового члена Политбюро и поместили небольшую биографическую справку.

«Тов. Алиев Г. А. родился в 1923 году в семье рабочего. Член КПСС с 1945 года. Окончил исторический факультет Азербайджанского госуниверситета имени С. М. Кирова.

Работал заведующим отделом Совета народных комиссаров Нахичеванской АССР. Затем — в органах государственной безопасности, где прошел путь от рядового оперативного работника до председателя КГБ при Совете Министров Азербайджанской ССР.

В июле 1969 года был избран первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана.

На XXIV, XXV и XXVI съездах КПСС избирался членом ЦК КПСС. С марта 1976 года — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

Герой Социалистического Труда. Депутат Верховного Совета СССР ряда созывов».

По меткому выражению историка и публициста Роя Медведева, на кремлевском небосклоне появилась новая восходящая звезда. Спустя годы свою тогдашнюю оценку высказал Андрей Громыко, министр иностранных дел СССР, один из самых авторитетных деятелей в советском руководстве. Он признался, что подумал про себя: чтобы управлять Советским Союзом, нужен

вот такой молодой и энергичный руководитель. Жаль, Андрей Андреевич эту верную мысль не обнародовал в решающую минуту, когда после Андропова и Черненко пришла пора определять нового лидера.

Внешне все выглядело по-прежнему. Но только внешне. Еще воздавалось должное Брежневу и публиковалось постановление ЦК, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров «Об увековечении памяти Леонида Ильича Брежнева» — переименовать города и районы, присвоить имя Л. И. Брежнева заводам, колхозам, вузам, школам, площади и учебной танковой дивизии, где служил Леонид Ильич в 30–е годы…

А в стране начиналась сверка курса и — впервые! — прозвучало слово ускорение, которое пытался позже присвоить Горбачев.

Об ускорении темпов развития экономики, увеличении абсолютных размеров прироста национального дохода, продукции промышленности и сельского хозяйства, объема розничного товарооборота говорил новый генсек Юрий Владимирович Андропов. Заканчивалась вторая неделя после Брежнева. Первые же слова — не о том, что сделано, а о том, что предстоит сделать. Выделим лишь несколько основных моментов.

Юрий Андропов привлек внимание товарищей «к тому факту, что по ряду показателей плановые задания за первые два года пятилетки оказались невыполненными». Кое-кто, говорит генсек, наверное, просто не знает, как взяться за дело. Необходимо подумать о том, какая помощь должна быть оказана таким товарищам. И еще раз звучит ключевое слово — ускорить. Ускорить работу по совершенствованию всей сферы руководства экономикой — управления, планирования, хозяйственного механизма.

Генсек считает необходимым «создать такие условия — экономические и организационные, — которые стимулировали бы качественный, производительный труд, инициативу и предприимчивость». Но готовых рецептов решения назревших задач нет. Ответы предстоит найти, «обобщая отечественный и мировой опыт, аккумулируя знания лучших практических работников и ученых».

Генеральный секретарь подробно проанализировал узловые проблемы развития базовых отраслей промышленности — топливно-энергетического комплекса, черной металлургии, железнодорожного транспорта. Положение дел на железных дорогах было критическим — и именно этим участком, наряду со многими другими сферами, предстояло заниматься в Совмине Гейдару Алиеву.

Сразу после пленума ЦК партии собралась сессия Верховного Совета СССР. Седьмая сессия десятого созыва. В. один и тот же день, 23 ноября, в одно и то же время, в 16 часов, в Большом Кремлевском дворце открылось первое заседание Совета Союза, а в зале заседаний палат Верховного Совета — первое заседание Совета Национальностей. В Большом Кремлевском дворце, как писали газеты, депутаты и гости продолжительными аплодисментами встретили товарищей Г. А. Алиева, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, Д. А. Кунаева, Г. В. Романова, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, В. В. Щербицкого, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, Т. Я. Киселева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова.

Такой порядок продиктовали прессе на Старой площади: публиковать по алфавиту: сначала, понятно, идут члены ПБ, затем кандидаты, замыкают гвардию секретари ЦК. Разумная схема. Но нравилась она не всем. Как же! Открывает список Алиев, а Горбачев — только второй. Ущемляют, Михаил Сергеевич!

Полной истории Политбюро (Политическое бюро) нет и сейчас, хотя после того, когда вместе с Советским Союзом ушла в прошлое КПСС, идет уже второй десяток лет. На съездах партии делегаты избирали Центральный Комитет, а ЦК на пленумах избирал Политбюро, ту верховную власть, которая все знала, все решала, все направляла. В самом составе ПБ (так для краткости будем называть эту структуру) вокруг генсека складывалось, как говорили, ядро, проще — кучка особо приближенных, доверенных лиц. При Сталине в последние годы это были Маленков, Молотов, Берия, Хрущев; Брежнев ничего не решал без совета с Устиновым, Громыко, Андроповым, чуть раньше — Сусловым; Горбачев больше всех доверял Яковлеву, Шеварднадзе, Медведеву…

Сами члены ПБ оставили немного воспоминаний. В советские времена на эту кухню, где варились очень острые блюда, никого не пускали, не слишком открытой она оказалась и в постсоветские годы. Фактически недоступен для исследователей архив Политбюро. Новые хозяева сами выцеживают то, с чем, на их взгляд, можно знакомить общественность. И все же постепенно занавес поднимается.

…ПБ было создано в марте 1919 года — в него входили 5 членов ЦК; специально оговаривались функции: «принимает решения по вопросам, не терпящим отлагательств». Вот первая пятерка ПБ: Ленин — председатель Совнаркома, Троцкий — нарком по военным и морским делам, Крестинский — нарком по делам национальностей, Каменев — председатель Моссовета. По мнению историка Юрия Жукова, персональный состав Политбюро

свидетельствовал о том, что это узкое руководство страны, орган скорее государственный, нежели партийный. Сталин продолжил эту линию, закрепив к середине 30–х годов «полное слияние еще недавно существовавших, хотя и формально самостоятельно, двух ветвей власти — партийной и советской». Таким ПБ и оставалось вплоть до горбачевской перестройки, превратившей всевластное Политбюро в дискуссионный клуб.

Рыжков и Алиев, избранные на новые должности на одном пленуме, оказались как бы партийными крестниками. Их поздравляли товарищи. Оба обменялись крепким рукопожатием. Для Алиева в его успешной партийной карьере это был закономерный шаг вперед. А Рыжков признавался позже, что никогда не видел себя партийным работником: «Я ведь производственник».

Разумеется, шапочно они были знакомы давно, встречались на различных совещаниях, пленумах, сессиях, в Госплане Союза, где Рыжков, в недавнем прошлом генеральный директор знаменитого Уралмаша, работал последние четыре года. В руках первого заместителя председателя Госплана были финансы, ресурсы, и руководители республик частенько заглядывали к нему.

Госплан Союза возглавлял Николай Константинович Байбаков, из плеяды знаменитых сталинских наркомов. Николай Байбаков родился в Баку, там стал инженером-нефтяником, известным в деловых кругах профессионалом. В неполные тридцать лет он возглавил трест в Поволжье, а затем и всю нефтяную промышленность, руководил Госпланом РСФСР. В хрущевские времена его за непослушание сослали в Краснодар командовать совнархозом, правда, затем вновь вернули в Москву. После отставки Хрущева Брежнев и Косыгин предложили ему возглавить Госплан Союза. Но где бы ни доводилось работать, Николай Константинович никогда не забывал свою малую родину.

— Байбаков очень хорошо относился к Азербайджану, — замечает Николай Иванович Рыжков. — На протяжении многих лет он представлял республику в Верховном Совете СССР. Гейдар Алиевич, бывая в Москве, всегда заглядывал к Байбакову.

На эти встречи председатель Госплана, как правило, приглашал первейшего из своих первых четырех замов — Рыжкова.

Теперь, после памятного для них пленума ЦК, Алиев и Рыжков впряглись в одну упряжку. Рыжков в ЦК вел экономику, Алиев стал первым замом председателя правительства.

Нам приходилось слышать, что Гейдар Алиев не оставил

после себя никаких документов, что в его биографии все переписано, даже место рождения и происхождение родителей. Не согласимся с этой версией. Ведомство Андропова просвечивало кадры лучше любого рентгена. Уверены: о человеке, которого генсек брал с собой в Политбюро, он знал абсолютно все. Род до десятого колена. Связи и окружение, привычки и состояние здоровья. Черты характера. Интересы… Кстати, из тех характеристик высочайшие оценки интеллектуального потенциала и нравственные: непритязателен в личной жизни, аскетичен. Председатель Совмина Николай Александрович Тихонов перешел к Андропову от Брежнева. Почему-то Юрий Владимирович не стал его менять, но первым замом к Тихонову определил Алиева. Возможно, видел в нем преемника на втором посту в государстве? Это не досужая догадка. Такое предположение высказывали многие наши собеседники, знатоки кремлевской кухни.

— Уверен, на посту Председателя Совета Министров СССР Юрий Владимирович Андропов видел не Тихонова, а другого человека, — высказывает свою точку зрения Николай Семенович Конарев. Сейчас он возглавляет одну из крупнейших транспортно-экспедиционных фирм России, ЗАО «Интертранс», перед этим девять лет был министром путей сообщения Советского Союза — назначен по предложению Андропова в ноябре восемьдесят второго. — Совет Министров должен был возглавить человек более масштабный, мобильный, крупный управленец и политик. При этом, очевидно, учитывался и национальный момент — чтобы в правительстве многонационального государства были не только русские. Юрий Владимирович лучше многих других знал кадры. И я, анализируя тогда и позже его кадровую политику, пришел к выводу, что назначение Алиева было сделано с дальней перспективой. Жаль лишь, что Андропову судьба отмерила так мало лет…

Тихонова это назначение явно не обрадовало. В свое время он сам был первым замом у Косыгина и методично продвигался к заветной цели, оттесняя премьера с его незаемным авторитетом. В Алиеве престарелый Тихонов видел энергичного соперника, который пользовался абсолютным доверием генсека и мог в любой момент его заменить; остальных первых замов Николай Александрович не боялся — Байбаков, Архипов были его ровесниками, к тому же они не светились в партийной верхушке. Только два человека из Совмина — сам Тихонов и Алиев были членами Политбюро; казалось бы, самым первым среди остальных первых положено быть Алиеву. Но, уезжая в отпуск или в командировку, Тихонов никогда не оставлял вместо себя Алиева.

Конечно, это задевало Гейдара Алиевича, но он умел не подавать вида.

Пять лет в Кремле, в Совмине, пять лет, вместивших целую эпоху — от Андропова до Горбачева с безликим Черненко между ними.

— Наши пути постоянно пересекались, — вспоминает те годы Николай Иванович Рыжков. — Алиев занимался транспортом, легкой промышленностью, рядом других отраслей, а на меня как секретаря ЦК замыкались Госплан, Госкомцен и другие структуры. С первых же дней на наших новых должностях мы начали работать в тесном контакте. Встречались и в ЦК, и в Совете Министров, случалось, вместе работали над документами, обсуждали текущие и перспективные дела.

Гейдар Алиевич мне и тогда нравился, — такой, я бы сказал, солидностью. Он — очень контактный человек. Очень. Никогда не был замкнутым, нелюдимым, высокомерным. Спокойный, с юмором — иногда. С ним по-человечески было легко работать.

Совмин: рабочие будни

Будни Совмина и первого заместителя председателя правительства. Да еще члена Политбюро, а точнее не еще, а в первую очередь! Из чего они складываются? Перелистаем хронику первых месяцев 1983 года.

Третье января 1983–го, понедельник. В Прагу вылетает советская делегация для участия в работе ПКК (Политический консультативный комитет государств — участников Варшавского договора). Вместе с Юрием Владимировичем Андроповым, главой делегации, летят Н. А. Тихонов, предсовмина, министр иностранных дел А. А. Громыко, министр обороны Д. Ф. Устинов, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков.

Проводы по полной программе. Газеты, как положено по протоколу, перечисляют провожающих: от Алиева до Рыжкова. Он — крайний справа на обязательном снимке. Через два года Николаю Ивановичу предстоит переместиться в центр. Алиев в своей «олимпийке» — сзади Тихонова. Николай Александрович пытается порулить. Горбачева на снимке нет. Возможно, в отпуске. В этом же номере «Социалистической индустрии» карта пусковых строек года: пять (!) блоков на АЭС, три ГРЭС, новые разрезы в Якутии и Красноярском крае, которые дадут 20 миллионов тонн угля, газопровод Уренгой — Ужгород (4,5 тысячи км), Уренгой — Новопсков (1,5 тысячи км); новые мощности по производству стали, проката, крупнейшая в мире доменная печь — на Череповецком металлургическом заводе, нынешней «Северстали»… Это только тяжелая индустрия. А еще сахарные заводы, мясокомбинаты, кондитерские фабрики, текстильные производства, жилье, поликлиники, санатории… И задачки, которые подбрасывала жизнь, вроде производства отечественных видеомагнитофонов.

ЦК КПСС, как вспоминал Филипп Денисович Бобков, еще в 1980–м создал специальную комиссию. Несколько раз товарищи собирались и все высказались решительно против. «Нам этого не надо. Пусть таможня и пограничники делают свое дело — изымают видеокассеты на границе», — таково было общее мнение, в том числе министра связи СССР В. А. Шамшина, первого заместителя министра культуры СССР В. И. Попова, председателя Гостелерадио СССР С. К. Лапина. Предложение КГБ организовать производство видеотехники встретило понимание лишь у первого заместителя министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко и — с некоторыми оговорками — у председателя Госкино Ф. Т. Ермаша.

Прошло два года. На следующий день после того, как Ю. В. Андропов был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС, комиссия собирается снова. На этот раз решение передать вопрос о видеотехнике в Совет Министров СССР все-таки проходит. Заседание Совмина ведет Гейдар Алиевич Алиев. Советская промышленность начинает выпуск видеотехники.

9 апреля 1983 года Политбюро ЦК КПСС рассматривает проект Энергетической программы СССР на длительную перспективу, до 2000 года. Алиев, как всегда, при обсуждении кардинальных вопросов высказывает взвешенные, продуманные предложения.

12 апреля — Совет Министров и ВЦСПС вносят в Верховный Совет страны проект Закона СССР о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями. И в этом, новом для общественной жизни страны документе — мысль Алиева, его раздумья и точные предложения.

18 апреля — Всесоюзное совещание, посвященное развитию сельского хозяйства и реализации Продовольственной программы.

Тот же апрель, 22–е. Политбюро рассматривает вопрос о мерах по дальнейшему развитию топливно-энергетической базы в районах Забайкалья и Дальнего Востока в 1983–1985 годах и на период до 1990 года.

Вечером в Кремлевском дворце съездов — торжественное собрание в честь 113–й годовщины со дня рождения В. И. Ленина. В президиуме — вся кремлевская рать. С докладом выступает Горбачев. Не жалеет красочных эпитетов для Ленина и ленинизма, Коммунистической партии и Советского государства. До отречения генсека от своей партии, от идеалов, в верности которым он клялся, остается всего восемь лет. Кто бы мог тогда подумать?

Перечитывая сейчас тот доклад, то и дело замечаешь банальности. Мелькнула мысль о человеческом факторе в экономике и скрылась за дежурными оборотами типа «крепить дисциплину — дело каждого», аккуратными ссылками на нового генсека — как указывает товарищ Андропов…

— Мы уверены, — заливался Горбачев, — что в борьбе идей окончательная победа будет на стороне правды и гуманизма, на стороне марксистско-ленинской идеологии. Нам, коммунистам, историей вверено самое драгоценное достояние, каким располагает человечество, — идейное наследие гениальных мыслителей и революционеров Маркса, Энгельса, Ленина.

…Десятого мая 1983 года Гейдару Алиеву исполнилось 60 лет. Его наградили второй Золотой медалью Героя

Социалистического Труда. Газеты опубликовали теплое приветствие ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР. В череде поздравляющих в Кремль, к Алиеву заглянул и Филипп Денисович Бобков. Ему запомнилось, «с какой гордостью Гейдар показывал приветствие Юрия Владимировича Андропова. Для него это была, пожалуй, самая высокая оценка».

За этой гордостью, быть может, немного мальчишеской, проглядывает черта характера. Через годы, на одной из больших встреч, Президент Азербайджана сказал, что каждый человек желает, чтобы его труд был оценен: «И я всегда желал этого».

Заметим по этому поводу: Гейдар Алиев, по оценкам тех, кто его хорошо знал, не из породы честолюбцев, людей, по Далю, «страстных к чинам, отличиям, к славе, похвалам и потому действующих не по нравственным убеждениям, а по сим видам». Он всю свою жизнь трудился не ради похвал. Но кому не приятно похвальное слово, признание его дел?

В рабочем календаре Алиева больше всего времени занимает железнодорожный транспорт. Это — личное поручение Андропова. Генсек любил повторять, поглядывая на карту Советского Союза, что в нашей стране железные дороги выполняют роль и экономическую, и стратегическую, и общенациональную, объединяют народы нашего государства в единое целое. Между тем в последние годы дороги работали все хуже. Пригласили на Политбюро министра путей сообщения Павловского — ничего внятного сказать не может, все сторонний кто-то виноват. «Нам с таким министром не по пути», — заключил тогда Андропов.

29 ноября — через неделю после пленума — новым министром путей сообщения утвердили Николая Семеновича Конарева. О таких людях говорят: вырос на железной дороге. Работал и учился, учился и работал, считая самым главным знание дела и порядочность. Начальник отделения дороги, первый заместитель начальника и начальник Южной железной дороги (Харьков), заместитель министра, первый заместитель министра… В этой должности его и пригласили к Андропову.

В кабинете почти в полном составе — без товарищей из других республик — Политбюро.

— Товарищ Тихонов доложил мне о вашем согласии возглавить Министерство путей сообщения, — сказал Андропов. — Мы утверждаем это решение. От Политбюро вопросы транспорта будет вести товарищ Алиев. У вас к нам есть вопросы?

— Есть, — ответил Конарев. — У меня один вопрос. Если и дальше к железнодорожному транспорту будет такое же

отношение, как сейчас, то мы к 90–м годам будем здорово сдерживать всю экономику.

И дальше Николай Семенович назвал несколько цифр. В 1970 году сеть получила 80 тысяч новых вагонов. В 1980–м — 70 тысяч. Объем работы увеличился на 25 процентов, а парк вагонов уменьшился на 15 процентов. Каким же образом обеспечивать перевозки? Не лучше положение с локомотивами, рельсами. В начале 50–х годов капиталовложения в железнодорожный транспорт составляли 11 процентов бюджета, в нынешнем, 82–м — 4,2 процента. Да, нужно развивать и атомную энергетику, и другие отрасли, но что будет, если железные дороги не обеспечат перевозки?

В этом обсуждении принимал участие и председатель Госплана Николай Константинович Байбаков. Ему-то Андропов и адресовал заключительные и, видимо, продуманные и взвешенные еще раньше слова о 12–й пятилетке: это должна быть пятилетка развития транспорта, транспортная пятилетка!

Через несколько дней Алиев пригласил к себе Конарева — не через помощников, позвонил сам. Министр рассчитывал вернуться через полтора — два часа, так и сказал замам.

— А продолжалась наша встреча четыре часа пятнадцать минут! — восклицает Николай Семенович.

Да, четыре с лишним часа они «проходили» страница за страницей, проблема за проблемой все железнодорожное хозяйство, все тесно завязанные одну с другой службы. И лишь первые три-четыре минуты Алиев отвел для того, чтобы вспомнить, что он и сам из семьи железнодорожника, отец работал мастером станционной водокачки в Нахичевани, переживал за каждый паровоз…

Такой же обстоятельной и деловой была встреча с заместителем председателя Госплана Виктором Ефимовичем Бирюковым, одним из лучших в стране знатоков железнодорожного транспорта и вообще транспорта.

Вспоминается эпизод из нынешней российской действительности. Премьер Касьянов принимал руководителя одного из центральных ведомств. У того накопилось множество вопросов, излагал сжато, зная, что у председателя правительства день расписан по минутам. И вдруг из комнаты отдыха энергично вышел один из тех, кого на Руси называют олигархами, и сказал: «Миша, я очень тороплюсь, поехали!» Ребята с горячими глазами торопились делать деньги. Какие там проблемы отраслей, экономики, регионов! Интересно только то, что дает прибыль. Бабки. Бабкино время. Им все равно, чем править. Русской нефтью или русским углем. Небом России или ее морями. А всех,

кто не с ними, — в отставку, на пенсию или, как отправляли когда-то паровозы, в отстой!

Еще в годы работы заместителем министра Николай Семенович Конарев однажды в воскресенье дежурил по министерству. Звонок.

— Косыгин. Здравствуйте, как дела?

— Все нормально, Алексей Николаевич. Хорошо.

— Как же хорошо, когда вы не обеспечили вывоз зерна из Рижского порта?

Порты не успевали разгружать сухогрузы с импортным зерном, и те болтались на рейде. В Риге, Ленинграде, Мурманске. Вагонов не хватало.

— Примите меры и через два дня мне доложите, — закончил разговор Косыгин.

Через два дня, выполняя поручение премьера, Конарев набирает номер приемной Косыгина и узнает, что Алексей Николаевич в отпуске и звонил в МПС из Латвии. Его и на отдыхе не отпускала работа.

Еще один случай впечатался в память Конарева. В Западной Сибири росла добыча нефти. Чтобы отправлять ее на экспорт, параллельно строили мощные нефтепроводы, железные дороги и осваивали новые тепловозы. Двигатели для них сделали на Коломенском и Харьковском заводах. Государственная комиссия выбрала коломенский дизель, но он оказался неудачным. В конце концов дело дошло до Косыгина. На совещание в Совмин министр путей сообщения Павловский послал Конарева. Николай Семенович, переговорив предварительно со своими специалистами, пришел к твердому выводу: коломенский дизель не готов. В этом были убеждены и железнодорожники с мест.

— Как это не готов?! — перебил молодого заместителя министра зампред правительства Кириллин. — Вот акт, восемь подписей, в том числе и министра путей сообщения Павловского.

Кстати, Павловский, направляя своего зама на совещание к Косыгину, не сказал, что подписал документ. Его указание было другим: «Не давай согласия на коломенский дизель».

— Алексей Николаевич, — возмущался меж тем Кириллин, — как же так, министр подписал, а его заместитель не согласен!

В большом зале заседаний повисла тишина. Косыгин посмотрел на Конарева, на Кириллина, едва заметно улыбнулся.

— Знаете что, товарищ Кириллин, — мне неважно, кто и что подписал. Мне важна правда. Давайте сейчас послушаем начальника депо из Томска.

Так доискивался до истины Косыгин. Так работали Алиев, Конарев, Бирюков…

За те четыре часа они детально разобрали всю обстановку на железнодорожном транспорте.

— В Алиеве, — говорит Конарев, — я встретил не только заинтересованного собеседника, но умного, масштабно мыслящего государственного деятеля. Он четко отделял главное от второстепенного, умел находить то звено, взявшись за которое, по словам классика, можно вытянуть всю цепь. Я почувствовал, что это человек светлого ума. Он не замыкался только в технических проблемах, видел за ними людей…

Сейчас мало кто знает, что до конца 80–х годов железнодорожники не считались участниками Великой Отечественной войны. Они под бомбами и снарядами вели на фронт составы, отправляли из огненного кольца эшелоны с оборудованием в эвакуацию и вот…

— Я задался целью издать книгу, которая стала бы памятником железнодорожникам войны, — говорит Конарев. — И такая книга вышла. Называется она «Железнодорожники в Великой Отечественной войне». Она рассказывает о людях, которые сражались, стояли у руля, у правого крыла паровоза. Стрелочники, осмотрщики вагонов — какой героический труд! Представляете, 20 тысяч налетов на узлы и станции, 115 тысяч километров железнодорожных путей пришлось восстанавливать. Я с радостью подарил эту книгу Гейдару Алиевичу…

А для того чтобы железнодорожники, работавшие в спецформированиях, получили статус участников Великой Отечественной войны, понадобилось еще несколько лет.

В правительстве среди прочих обязанностей Алиев вел комиссию Совмина по оперативным вопросам, сокращенно КОВ. На заседаниях этой комиссии регулярно бывал Юрий Петрович Баталин — первый заместитель министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности, позже он возглавлял Госкомтруд СССР, был заместителем председателя правительства СССР.

— На эту комиссию выносились самые разные вопросы, которые требовали, как это видно из ее названия, срочного вмешательства, безотлагательных решений, — вспоминает Баталин. — Под особым контролем комиссии было развитие газовой промышленности, строительство пяти крупнейших газопроводов Западная Сибирь — Центр, а также экспортного газопровода Уренгой — Помары — Ужгород.

Центральная задача пятилетки — так говорилось об этих стройках в партийных документах. Баталин как первый заместитель министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности непосредственно занимался ими.

— На заседания КОВ, а проходили они, как правило, еженедельно, министр направлял меня, — продолжает Юрий Петрович. — Когда эти заседания стал вести Алиев, я был приятно удивлен, как он их ведет. Организованно, со знанием дела. Выслушивает разные точки зрения, сопоставляет и после этого принимает решение. Во всем чувствовался большой опыт, незаурядная интуиция.

На КОВ выносилось множество вопросов по самым разным отраслям. Оценить их с ходу подчас было невозможно. Тогда создавали группу, чтобы найти компромисс. Но чаще на это просто не было времени. Например, задерживается поставка труб на трассу. Почему? Завод срывает? Или железная дорога?

В каком звене произошли задержки? Где же истина? Один из вопросов, которым постоянно занимался КОВ, — «узелки» на трассах газопроводов, промыслах. Участки железной дороги от Свердловска до Тюмени и от Тюмени до Тобольска постоянно были перегружены. Прокладывали вторые пути, расширяли станционные… И все равно проблем хватало. Пригодился старый опыт — вести диспетчерское наблюдение по типу воинских эшелонов за составами, которые везли трубы и другие грузы для нефтяных и газовых строек. И в этом активное участие принимал Алиев. И потом Миннефтегазстрой никаких проблем не знал. Благодаря выдержке и собранности, умению разглядеть и оценить, кто работает, а кто только создает видимость дела, Алиев находил верное решение. Я бы добавил и большие психологические способности, умение разглядеть за словами суть. Председатель КОВ, как правило, принимал четкие, ясные решения. Он отличался выдержкой и логикой. Глушил всплески эмоций. По всему было видно, как тщательно, глубоко и серьезно Гейдар Алиевич готовился к заседаниям КОВ. Это было характерно для его стиля.

— Я был и на многих совещаниях, которые проводил Алиев по своим обязанностям в Совмине или по поручению правительства, — продолжает Юрий Баталин. — К нам, в Госкомтруд, стекались чуть ли не все финансовые проблемы. А чтобы решить их, требовались финансы. Например, ввести районные коэффициенты, стимулировать развитие тех или иных производств, регионов. Поднять зарплату учителям.

Но где взять деньги? Госкомтруд предлагает, Минфин возражает. В частности, такой конфликт был с повышением зарплаты учителям. Госкомтруд, опираясь на постановление ЦК и Совмина о школе, на мнение учительства, подготовил свои предложения, Минфин возразил: мол, требуют лишнего. Я был у министра финансов Гарбузова, в Госплане, на разных совещаниях.

Отстаивал нашу позицию, потому что она была глубоко аргументированной, выверенной, обсуждена с учителями в республиках, в Академии педагогических наук, в партийных и советских органах. Требования были большими, но мы, как я считал, нашли оптимальное решение. Однако для Минфина и это показалось слишком.

На одном из очередных совещаний, которое вел Гейдар Алиев, страсти обострились. Я докладывал о предложениях Госкомтруда, и вдруг Гарбузов, не спрашивая разрешения у Алиева, начал меня очень резко критиковать. Аргументов по существу у него не было, а в таких случаях переходят на личности: «Вы ничего в этой тематике не понимаете, такие предложения может вносить только дилетант!»

Баталин, помолчав и выдержав паузу, продолжил свое выступление. Гарбузов не унимался, опять прервал Юрия Петровича. Баталин все еще сдерживал себя. Но когда министр финансов прервал его в третий раз, сказав, что надо бы поучиться у старших и опытных людей, прежде чем выходить на такую ответственную трибуну, Баталин бросил реплику:

— Учиться? У вас учиться?

— Хоть бы и у меня, — отозвался министр.

— Чему учиться? Вашей грубости, наглости и беспардонности? — Такого натиска Гарбузов не ожидал. А Баталин отвел душу: — Если вы хотите учить, то учите, а не хамите. И это не в первый раз. — Действительно, Гарбузов, чувствуя за собой силу денег, огромное влияние, мог, мягко говоря, говорить с ходоками свысока. — Неужели вы не понимаете, что вы как член Центрального Комитета партии должны быть примером для нас?!

В зале все замерли, переглядывались. Гарбузов вскочил.

— Товарищ Гарбузов, вы садитесь, пожалуйста, — спокойно заметил Алиев. Но министр переходил на все более высокие тона. — Товарищ Гарбузов, — еще раз обратился к нему Алиев. — Вы посидите, послушайте. Если у вас есть аргументы, вы их приведете. А если аргументов нет, не стоит и возмущаться.

Закончилось совещание. Баталин вернулся к себе. И вдруг звонок первой вертушки. Алиев!

— Вы правильно осадили Гарбузова, товарищ Баталин, — говорит Алиев. — Он вел себя несдержанно. Но я вам рекомендую не горячиться, когда даете отпор.

Звонок запомнился Баталину, потому что это тоже был урок, который член Политбюро не стал давать при всех.

И еще одно наблюдение Баталина: Алиев всегда старался найти точный баланс между возможностями казны и интересами

отрасли, ведомства, человека.

Ближе к Алиеву Баталин присмотрелся, когда сам стал заместителем Председателя Совета Министров СССР. Он отвечал за строительство, ряд других направлений. Председателем уже был Николай Иванович Рыжков. По воспоминаниям Баталина, на заседаниях Президиума правительства Алиев обязательно аргументировал свою позицию. Он не мог сказать: «Я считаю, что так нельзя…» — и на этом поставить точку, как делали иные партбонзы, полагаясь на авторитет своей должности. Нет, Алиев продолжал: потому что — и выстраивал четкую систему доводов.

Гейдар Алиевич с юношеских лет ценил людей компетентных, глубоко знающих ту или иную проблематику. И теперь он оценил опыт Баталина-строителя. Если на заседании Комиссии по оперативным вопросам предстояло рассматривать вопросы строительства, обязательно просил Баталина принять участие: «Прошу вас, Юрий Петрович, быть лично. Вместе мы найдем обоснованное решение».

В конце мая 1983 года Политбюро обсуждает вопрос о дополнительных мерах по улучшению изучения русского языка в общеобразовательных школах и других учебных заведениях союзных республик. Дело было чрезвычайно важное. Из Эстонии и Грузии, Киргизии и Литвы в армию шли молодые ребята, едва умевшие объясниться по-русски. Получше обстояли дела в Азербайджане, ну и конечно на Украине и в Белоруссии. Кстати, Гейдар Алиевич Алиев владел русским в совершенстве, чем не раз удивлял и своих искушенных помощников, да и всех, с кем встречался.

— Я поразился, как глубоко он владеет русским языком, — замечает Виктор Ефимович Бирюков. — Работаем вместе над документом. А он очень внимательно вчитывается в каждую фразу, словно взвешивает ее: «Здесь точнее был бы деепричастный оборот». Он свою работу выполнял с большим усердием. И я бы сказал, с талантом.

Политбюро занялось русским языком потому, что в многонациональном Союзе — это язык межнационального общения, абсолютная жизненная необходимость.

В свое время, в бурное хрущевское десятилетие Украину, и не только ее, облетела такая история.

На пленуме ЦК Компартии Украины один из делегатов начал свою речь по-русски. Тут же Никита Сергеевич снисходительно перебил его:

— Разве вы не знаете украинского языка? Работаете-то на Украине! Первый секретарь бросил реплику в погоне за дешевой популярностью в кругах «самостийников», не подумав, что

половина республики русские люди и русский для всех — язык межнационального общения. Похожая история случилась в Баку. В Азербайджанском филиале Института марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС ученые обсуждали «Историю Коммунистической партии Азербайджана». Всего собралось около 200 человек — бакинцы и москвичи, коллеги из Туркмении и Грузии, Таджикистана и Казахстана… С учетом такой широкой аудитории обсуждение велось на русском языке. Участники совещания высказали ряд серьезных замечаний. Авторы «Истории», по их мнению, весьма вольно толковали исторические документы, в том числе и ленинские, лакировали и приукрашивали деятельность местных парторганизаций, уровень социально-экономического развития Азербайджана, в частности азербайджанской деревни в конце XIX — начале XX веков. Отмечалось и то, что в книге не получила достаточного освещения борьба против буржуазно-националистических партий и групп; «неумело, а в некоторых случаях и нарочито в книге освещена деятельность партийных работников. Вместо показа конкретной революционной и партийной работы большевиков авторы без конца (когда надо и когда не надо) целыми списками упоминают их фамилии. В то же время деятельность, например, Джапаридзе, Орджоникидзе, Сталина, Шаумяна, сыгравших огромную роль в создании и руководстве партийными организациями Азербайджана, освещена в книге крайне скупо». Один из местных ученых выступил тогда на азербайджанском языке, причем его выступление не переводили: «В книге стоят вопросы так, что Азербайджан мог присоединиться или к России, или к Ирану. А что, разве у Азербайджана не могло быть своего самостоятельного пути развития?» Для того времени крамола! Академик Сумбат-заде перевел часть спорной речи, чтобы, как говорилось в справке для ЦК КПСС, поправить ошибочное и вредное выступление. Закончилось совещание большим скандалом. Зам. директора ИМЛ при ЦК КПСС Н. Шатагин и двое его коллег накатали 15–страничную депешу в ЦК. Писали о встрече с первым секретарем ЦК Компартии республики Мустафаевым, о том, что просили ЦК КП Азербайджана реагировать на неправильные выступления. Мустафаев обещал. Но, «как видно из опубликованного в газете «Бакинский рабочий» от 30 декабря 1958 года весьма несамокритичного отчета о совещании, ошибочному выступлению тов. Курбанова на совещании оценки еще не дано».

Конечно, это был далеко не частный случай. И дело не только в личной несдержанности и грубости заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КП Азербайджана Курбанова. Этот

идеолог бросал коллегам такие реплики: «Какой культ Нариманова? Разве он мало сделал? А кто вас, киргизов, освободил?»

1 ноября 1983–го — Алиев во главе делегации КПСС во Вьетнаме. В той поездке с ним был Николай Иванович Рыжков — он чрезвычайно высоко оценивает работу Алиева как руководителя делегации. Во Вьетнаме была подписана долгосрочная программа экономического и научно-технического сотрудничества наших стран.

20 ноября. Алиев участвует в работе комиссии Политбюро по руководству и контролю за разработкой «Комплексной программы развития и производства товаров народного потребления и системы услуг населению».

3 декабря. Политбюро одобрило мероприятия по созданию единой системы управления воздушным движением СССР, разработанной правительством в связи с реализацией положений Воздушного кодекса СССР. Гейдар Алиевич принимал непосредственное участие в подготовке этого документа.

На 26 декабря был назначен пленум ЦК КПСС. Ожидали, что к этому дню Юрий Владимирович Андропов выйдет из больницы. Увы! Участникам пленума раздали текст выступления генсека. Под таким заголовком он был на следующий день опубликован в газетах: «Текст выступления Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Ю. В. Андропова».

«К большому сожалению, в силу временных причин мне не удастся присутствовать на заседании пленума. Но я внимательно ознакомился со всеми материалами, которые легли в основу плана будущего года… Направляю текст своего выступления».

Алиев с тревогой и горечью перечитывал это прощальное выступление. Все воспринимали его как завещание. Вот Юрий Владимирович словно посылает одобряющий привет Алиеву:

«Неослабного внимания хозяйственных, партийных и советских органов требует работа транспорта. Конечно, за последнее время здесь наметились положительные тенденции. Но, пожалуй, на транспорте больше, чем где-либо, резервов и неиспользованных возможностей, которые можно в короткие сроки привести в действие».

Через два неполных месяца пленум ЦК избирал нового генсека — Константина Устиновича Черненко. — Недолгий, до обидного недолгий, товарищи, срок суждено было Юрию Владимировичу Андропову трудиться во главе нашей партии и правительства.

Кто же знал, что преемнику судьба отвела еще более короткий срок?!

Юрия Владимировича хоронили под залпы орудийного салюта. Гудели — три минуты! — заводы, суда речного и морского флота.

В эти горестные дни Гейдар Алиевич не раз вспоминал их встречи — начиная с самой первой, в 1967 году. Как давно, казалось, это было! Андропов совсем молодой, едва перевалило за пятьдесят, а Гейдару только сорок четыре, оба высокие, крепкие…

«После похорон Брежнева, — вспоминал Гейдар Алиевич, — мы встретились с Андроповым наедине. — «Я нуждаюсь в тебе, хочу, чтобы ты приступил к работе в Москве». Как и раньше Брежневу, я ответил Юрию Владимировичу отказом. Не мог представить себя без Азербайджана, не мог расстаться с Азербайджаном, любимым краем. Но Андропов возразил: «Азербайджан уже тесен для тебя» — и мягко улыбнулся. Когда же я вновь возразил, он повторил построже: «Ты нужен всему Союзу, Азербайджан уже мал для тебя, Гейдар. Ты голосовал за избрание меня Генеральным секретарем, а теперь не хочешь мне помочь».

Конечно, азербайджанцы гордились своим человеком в Кремле! Помимо других обязанностей Алиев курировал связи Советского Союза со странами исламского мира, в котором к нему относились с подчеркнутым уважением. С важными дипломатическими поручениями ему пришлось побывать в Египте, Ливии, Пакистане, Иордании, Ираке.

«В 1984 году меня срочно направили в Дамаск, — вспоминал он. — В Сирии, как сообщил КГБ, между Хафезом Асадом и его братом Рифатом, возглавлявшим сирийскую службу секретной информации, происходит столкновение.

В Кремле не могли допустить смену режима или руководителя в Сирии. Я срочно отправился в Дамаск. Встретился с выздоравливавшим Хафезом Асадом. Несмотря на его недуг, наша встреча продолжалась восемь часов. Прошло немного времени, и он выслал своего брата Рифата в Испанию. Таким образом, проблема решилась, а Политбюро вздохнуло с облегчением».

На протяжении ряда лет послом Советского Союза в Сирии работал Александр Дзасохов, ныне он возглавляет Северную Осетию. «От Президента Сирии Хафеза Асада я слышал много добрых слов об Алиеве», — сказал нам Александр Сергеевич.

Чужие дети

На Алиева, первого заместителя председателя правительства Союза, замыкались два десятка министерств и ведомств. Приходилось, помимо транспорта, заниматься и книгоизданием, и материально-технической базой кинематографии, и здравоохранением, и детскими домами — это было прямое поручение Черненко по записке писателя Лиханова. И еще это был тот случай, когда официальное поручение и душевная заинтересованность абсолютно совпали.

Гейдар Алиевич еще в годы чекистской юности столкнулся с сиротами, беспризорниками, которых выбросила на улицы война. Бывал в детских домах в Нахичевани и в Баку. Знал, что 20 сентября 1945 года заместитель Председателя Совнаркома СССР Н. А. Вознесенский подписал постановление «О детских домах при промышленных предприятиях». При колхозах, совхозах детдома создавались еще раньше, нередко на деньги крестьян. Так, к примеру, было, в Азербайджане. Повсеместно при городских, областных управлениях НКВД действовали отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Помогал детдомам комсомол — в 1946 году молодежь Азербайджана собрала для них 92 стула, 348 тарелок, 275 ложек, 1725 книг, 305 тетрадей. Не от большого достатка делились ребята, порой отдавали последнее. Среди трех сотен тетрадок были и алиевские.

Со временем страна справилась с беспризорностью. А вот о сиротах, прямо скажем, забыла. Редко кто из партийных, комсомольских, советских чинов заглядывал в эту бездну бедствия. Видно, боялись ранить благодушное сознание. Для первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Алиева посещение детских домов, интернатов, где доживали свой век старые люди, было такой же нормой, как поездки на нефтяные промыслы или хлопковые поля. Удрученный казенным обликом этих заведений, он однажды пригласил в ЦК архитекторов и попросил разработать проект такого дома, в котором детям было бы тепло и уютно.

Писатель, председатель правления Российского детского фонда Альберт Анатольевич Лиханов посвятил защите детства, сирот, обездоленных без преувеличения всю свою жизнь. В помощниках у Черненко, избранного генсеком, оказался давний знакомый Лиханова по комсомолу Виктор Прибытков. Он разделял тревоги Лиханова и предложил ему написать записку на имя генсека.

Через пару дней Лиханов принес свою бумагу. Он писал о судьбе маленького человека, в самом начале жизни попавшего в беду. Убеждал, что проблемы воспитания должна разделять общественность. Требовал сиротам поддержки кардинальной. Предлагал программу действий — 45 продуманных пунктов. И в первом же ссылался на опыт Азербайджана.

«При огромном развитии школьного строительства в стране совершенно отсутствует строительство детских домов. Детские дома находятся в старых, порой дореволюционной постройки, помещениях. Отсутствует научно обоснованная концепция современного детского дома. Создав ее, на мой взгляд, надо начинать строительство новых детских домов. Такой — единственный, уникальный — пример подан городом Баку, где при личном внимании тов. Алиева всего несколько лет назад построен образцовый детский дом.

На мой взгляд, существование детских домов в крупных промышленных центрах и отдаленных сельских районах оказывает плохую услугу детям. В далеких селах не хватает квалифицированных педагогических кадров, в больших городах возникает нездоровый микроклимат, в котором активно участвуют родители, лишенные своих родительских прав.

Видимо, в идеале детский дом-школа (школа-интернат нового особого типа) должен находиться в 50–100 километрах от крупного центра (при хороших дорогах), что позволит, не отрываясь от большой культуры, воспитывать детей в спокойной атмосфере полусельской местности».

Свое письмо Альберт Лиханов закончил на высокой ноте: «В годы войны иные секретари райкомов партии начинали свой день с того, что заходили в детский дом. Это понятно. Там жили дети народной беды. Сейчас другие времена. И совсем по-другому слышится беда нынешних маленьких сирот. Но по-другому-то лишь для нас, взрослых, все разумеющих, слышится она. Для ребенка беда всегда горька, независимо от причины.

Партия всегда первой приходила на помощь детям. Верю, что решит она и эту конкретную заботу».

Через неделю Прибытков, помощник генсека, позвонил Лиханову и сказал, что резолюция получена. Константин Устинович поручил заняться этой проблемой Алиеву. Генсек, возможно, обратил внимание на пример с детским домом, приведенный в письме, возможно, вспомнил, с какой настойчивостью Алиев пробивал в ЦК квоты для абитуриентов, школу-интернат с военным уклоном… Дальше события, как вспоминает Лиханов, развивались так.

«Еще через несколько дней позвонила Любовь Кузьминична

Балясная, заместитель министра просвещения России, и сказала примерно следующее:

— Спасибо вам за письмо в ЦК, это очень поможет…

Не скрою, звонок был приятным, но я все-таки спросил:

— Скажите, Любовь Кузьминична, а само министерство разве не могло сделать то же самое?

— Конечно нет! — воскликнула она. — На нашу бумажку смотрели бы как на обычный чиновничий документ, а вы — писатель, действуете как бы от имени общества!

Спасибо этой женщине за попытку теоретического, что ли, обоснования той ситуации; я улыбнулся, не очень доверяя такому построению, и оказался сразу — и прав, и не прав.

Еще через несколько дней меня пригласили на совещание в Кремль к Гейдару Алиевичу Алиеву. Он был тогда первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. За длинным столом в его кабинете уже сидели люди. Похоже, все между собой знакомые; они оживленно переговаривались. Алиев же был за своим столом, заканчивал телефонный разговор. Его помощник подвел меня к нему, представил. Алиев доброжелательно улыбнулся, пожал руку и, обращаясь ко всем остальным, представил меня: «Это писатель такой-то, прошу любить и жаловать».

Я сел за общий стол, кивал, здороваясь, направо и налево, меня рассматривали с любопытством люди, которых я видел впервые. В кремлевских совещаниях я никогда прежде не участвовал и, хотя был редактором журнала, многих в Москве хорошо знал, здесь не было ни одного известного мне лица: передо мной отворился иной, совминовский, мир, и я, честно сказать, не знал, как себя вести.

Надо признаться, Алиев основательно помог мне. Его речь — короткая и довольно резкая — полностью совпала с прогнозом Балясной. Он многажды ссылался на меня и письмо, особенно подчеркивая, что я писатель и, таким образом, независимый человек, — а продолжая, как бы отверг вторую часть нашего с ней разговора, — дескать, жаль, что ведомства, ответственные за сиротское детство, сами не ставят и не решают вполне очевидные проблемы.

Он сказал, что генеральный секретарь поручил правительству подготовить проект постановления о помощи детям-сиротам. Назвал имена, обозначил еще какие-то, организационного толка, детали. Раза три повторил: консультируйтесь с автором письма, с ним согласовывайте детали, в конце спросил, обращаясь ко мне:

— Когда вы сможете принять участие в следующем совещании? Такого я не ждал: ведь моя роль — это роль

просителя. А тут такой вопрос задают. Похоже, я затратил какое-то время на обдумывание ответа, а Алиев уточнил, улыбаясь:

— Здесь сидят чиновники, и они придут, когда вы укажете, вы же человек других занятий, так что — когда у вас найдется время?

— В любой день, — пробормотал я. — Спасибо! Но, как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Я отменил все свои отъезды, ожидая звонков — от кого только? — но было тихо, а звонить Алиеву — неловко. Это странное затишье длилось месяца два, не меньше, и я уже не знал, что и делать. Прибытков успокаивал: «Раз за дело взялся Алиев, ты не волнуйся».

Наконец из Кремля раздался звонок: «Во столько-то сегодня совещание — приезжайте». Я приехал чуть пораньше, мне дают проект решения. Начал листать — и ахнул. От моих идей остались рожки да ножки. Я взмок, мне аж худо стало. Говорю секретарю: «Скажите Гейдару Алиевичу, что я хотел бы зайти к нему до совещания».

Меня пригласили. Я с ходу: «Это же ужас! Все урезано — до бесстыдства. Так же нельзя!»

Алиев улыбается и говорит примерно так: «Не волнуйтесь, сейчас сядем за стол, я дам вам слово, и все сделаем, как должно быть».

Началось совещание. Сначала выступают заместители трех министров, первый заместитель министра финансов. Улыбаются своему большому начальнику и в один голос утверждают, что подготовлен совершенно необыкновенный проект удивительнейшего постановления, которое перевернет всю сиротскую систему, улучшит, гуманизирует и т. п. Алиев дает им всем высказаться, а потом говорит: — Ну а теперь послушаем, что скажет автор обращения в ЦК. — И смотрит, улыбаясь, на меня.

Умиротворенно-обманные речи предшественников меня распалили вконец, среди откровенной ерунды, которую они пороли, было, к примеру, утверждение, что нормы на питание в доме ребенка достаточно увеличить на 20 копеек в день на одного малыша. Система аргументации была примерно такой: детей много в одном заведении, и когда в общий котел да на 20 копеек еды на душу прибавится — ох как достаточно выйдет! Для кого экономили эти люди и у кого урезали, во имя каких целей, мне и сейчас непонятно. Разве что это была демонстрация чиновничьего — во имя интересов казны — рвения. Только мнимое получалось рвение-то, потому как речь шла о детях в полном смысле государственных. К тому же у меня было заключение независимых диетологов — спецов по малышовому питанию —

козырь против бессердечия. Там и нормы витаминного потребления были, и фрукты с соками, кроме каш, и вся остальная, серьезнейшая для такого решения, аргументация. А речь шла о еде для сотен тысяч покинутых малышей: кто за них заступится еще, ежели не власть? И как она должна себя вести, эта власть, коли ответственна за таких маленьких людей? Скопидомничать? Защищать интересы неодушевленного, не известно кому принадлежащего бюджета? Но ведь бюджет этот, о котором и поныне только и говорят, — нарисуй ему голову и брюхо — явится некое подобие клопа, опившегося народной кровью — на самом-то деле вот таким малышам первоначально и принадлежит. Накорми и напои сперва сирых и убогих, да стариков не забудь — и уж потом все остальное дели, остатками наделяй все прочие многообразные потребности — так бы, кажется, должно разуметь и действовать отечество, ответственное перед своими гражданами.

Ан нет! Не только теперь, но и тогда, когда слово это угнетающее — бюджет — не часто слышимо было людьми, жили у подножия этого неведомого, незримого клопа церберы, понимающие свою службу как лай и охрану чего-то от кого-то.

Короче, вместо 20 копеек в сутки на малыша в доме ребенка пробил я 1 рубль 20 копеек, вместо 10 рублей на ситцевый халатик для производственной практики в детском доме или школе-интернате — целых две сотни, потому как большинство сиротских заведений было — да и осталось — в сельской местности, где ребята практикуются не в светлом и теплом цеху, а у трактора, и нужен им ватник, такие же штаны, шапка, валенки с галошами да рукавицы, не говоря уж о рубахе…

И вот так, пункт за пунктом, отбил я под наблюдением Алиева все, что выплеснули сидевшие за столом чиновники. И Алиев меня по всем позициям поддержал, кроме одной. Еще тогда, в 1984 году, я предлагал воссоздать Детский фонд имени В. И. Ленина.

Заместитель министра финансов, который только что не желал дать денег сиротам на телогрейки, вдруг вскинулся:

— Что скажет заграница? Что мы, своих сирот не обеспечим, что ли?

Резало, видать, еще и слово «благотворительность», которое я употребил в разговоре.

Алиев сказал извиняющимся голосом:

— Похоже, к этому мы еще не готовы…

Но я был счастлив тем, чего уже добился, не скрою, опасался, как бы вопрос о Фонде не перекатился в сферу идеологическую, а значит, Совмину и Алиеву неподвластную. Ясное дело, попади

замысел о возрождении благотворительного фонда, пусть и детского, пусть и под именем Ленина, пусть под знаком не организации, а воссоздания уже бывшего при советской власти дела, почему-то, однако же, закрытого, в руки к партийному боссу типа Суслова, постановление о сиротстве могло вообще накрыться. Ликуя от того, что удалось пробить, я отступился.

Видать, чтобы я не «блуждал» больше в аппаратных коридорах, а детей чиновники не объехали по кривой, Гейдар Алиевич сделал так, что я визировал новые варианты постановления. И вот — чудо! — в 1985 году решение было принято и обнародовано. Я ликовал.

Выражаясь нынешним языком, экономическое положение сиротского детства изменилось радикально. Стало больше еды, одежды. Одетые прежде серо детдомовцы преобразились. Курточки, платья, пальто, рубашки — да все у них стало новым и красивым, как у благополучных, «домашних» детей. У персонала выросла зарплата. Вообще, сиротство, стыдливо неупоминаемое прежде, вдруг стало в центре внимания. Дело обернулось таким манером, что в шефы к сиротским заведениям чуть ли не очередь стояла — заводы, колхозы, институты, театры, все хотели шефствовать, чинить крыши, помогать продуктами, деньгами, таскать ребят в театры и музеи — к тому же вход теперь туда делался для этих детей бесплатный.

ЦК принял еще одну мою идею и наградил орденами и медалями множество воспитателей, врачей, учителей, нянечек, поварих даже, ну и, конечно, директоров детских домов. Ясное дело — престиж людей, спасавших детей, вырос».

Прошли месяцы. Кабинет генсека занял Горбачев. Тихонова, отправленного на давно заслуженный отдых, сменил Рыжков. И в череде бесконечных совминовских забот тоже выделил для себя проблемы детства. В один из субботних дней он пригласил к себе Лиханова. Приведем еще несколько строк из записок Альберта Анатольевича.

«Я вооружился большой папкой с листками, на которых излагалась та или иная проблема, к иным были приколоты фотографии, а кроме того, я написал общую записку о проблемах детства.

Рыжков встретил меня в своей кремлевской резиденции не один, а с женой Людмилой Сергеевной. Сказал, что это знаменитый кабинет Сталина, где все сохраняется, как было. Хозяин с женой, чтобы было удобнее, сели по одну сторону стола, меня пригласили сесть по другую.

Естественно, что поначалу я волновался — таких рандеву у меня в жизни до сих пор не было, — не будет их и впредь, и дело

объясняется очень просто: характером Николая Ивановича, его глубокой порядочностью, сдержанностью.

Он сразу сказал, что читал мои статьи о детстве, а кроме того, обо мне рассказал ему Гейдар Алиевич Алиев, его первый заместитель. Так что Рыжков был в курсе моего письма 1984 года и прошлого постановления правительства.

Та памятная встреча продолжалась поразительно долго — три часа сорок минут. Постепенно мое выступление перед двумя слушателями превратилось в беседу. Николай Иванович рассказал, как начал работать во время войны, подростком, как бедовал, как стал студентом. Рассказала про свое детство и Людмила Сергеевна. Говорили они сдержанно, скромно — вот когда я ощутил, что мы люди одного поколения.

Похоже, еще ничто не омрачало отношений между Горбачевым и Рыжковым, и, как я узнал гораздо позже, Николай Иванович на другой же день рассказал генсеку обо мне, и они согласились, что надо меня привлечь к новому постановлению о сиротстве и, чтобы не гонять дело по кругу, образовать для этого маленький коллектив совминовских спецов. Главную роль отвели Виктору Ивановичу Власову, заместителю Гейдара Алиевича Алиева в Бюро Совмина по социальным вопросам, и мне».

Российский (прежде Советский) детский фонд, созданный в 1987 году, действует и сегодня. На его счету — многие и многие добрые дела, акции милосердия, тысячи спасенных жизней… Только вот беда — сирот становится все больше. И нет в России начальников, чью душу детская беда ранила бы так, как ранила Черненко, Алиева, Рыжкова…

БАМ остался в его сердце

День за днем обновлялся железнодорожный транспорт. Продолжалось строительство Байкало-Амурской магистрали, одной из самых больших строек XX века. 3150 километров второго пути к Тихому океану, новые города и поселки, станции и рудники, лесхозы и фабрики строила вся страна.

5 июля 1984 года. Политбюро ЦК «заслушало сообщение товарища Г. А. Алиева по некоторым вопросам, связанным со строительством Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Отмечено, что в целом строительство магистрали ведется высокими темпами. В суровых природно-климатических условиях выполнен большой объем работ, построено много мостов, тоннелей и других сооружений. В необжитых местах возводятся новые населенные пункты. Все это — результат целеустремленных усилий рабочих и инженерно-технических работников, местных партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций, шефской помощи трудящихся многих республик, краев и областей».

В этом, 1984 году коллективы стройки собирались завершить укладку главного железнодорожного пути — как водится, к празднику, 67–й годовщине Великого Октября, и на год раньше установленного срока открыть движение поездов на всем протяжении магистрали.

Обратим внимание: на год раньше срока — это значит в ноябре 1984 года. А уже июль! Между тем, как отмечает Политбюро по докладу Алиева, на трассе «с отставанием ведется сооружение объектов локомотивного и вагонного хозяйства, инженерного обеспечения трассы, жилья, детских учреждений, больниц, предприятий торговли, общественного питания». Политбюро ЦК КПСС предложило руководителям министерств и ведомств принять меры к своевременному вводу в эксплуатацию пусковых объектов Байкало-Амурской магистрали.

30 сентября того же 1984 года газеты сообщили о стыковке на БАМе. «Есть железная дорога от Байкала до Амура! — восклицала «Социалистическая индустрия». — Венчая титанический труд коллектива Всесоюзной ударной комсомольской стройки, вчера — на год раньше срока — сомкнули 3150–километровую колею БАМа на разъезде Балбухта бригады монтеров пути Александра Бондаря и Ивана Варшавского, которые шли навстречу друг другу с запада и востока».

Репортер не врал. Действительно, в таежном распадке рельсы сомкнулись. Телеоператоры показали, как укладывается «золотое

звено». Но никто не сказал, что не готов еще Северо-Муйский тоннель; там строится обвод. Ошиблись изыскатели и проектанты: направили трассу по разлому. Строителям преградила дорогу подземная река.

Пожалуй, ни один тоннель в мире не видел столько больших начальников, как Северо-Муйский. Приезжали министры, партийные чины, ученые. Одними из первых прилетели, когда стало известно об аварии на проходке, Гейдар Алиевич Алиев, министр путей сообщения Николай Семенович Конарев, заместитель председателя Госплана Виктор Ефимович Бирюков… Бирюкову уже было 72, но за ним, высоким, подтянутым, едва успевали спутники помоложе.

С той памятной командировки прошло уже два десятка лет. Бирюкову — за девяносто, но он по-прежнему зорок, точен в деталях и оценках. От Иркутска к Северо-Муйскому тоннелю приехали на специальном поезде. Один вагон у Алиева как члена Политбюро, другой — у остальных членов делегации. Ранним утром Бирюков в спортивном костюме выбегает из вагона.

— Вчера трава была зеленая, а сегодня почему-то серебрится. Батюшки, да это же снег выпал. В августе! — восклицает он с юношеской непосредственностью.

Из соседнего вагона, тоже в спортивном трико, спрыгивает Алиев.

— Гейдар Алиевич! — кричит Бирюков, так что эхо отдается. — Догоняйте!

— Догоню!

И они побежали по тропинке, два крепких, здоровых мужика, полных счастья и от этой слепящей травы, зазеленевшей под первыми лучами солнышка, и от первозданной таежной тишины.

А потом были три километра в тоннеле, где слева и справа грохотал по желобам едва приручeнный поток. Позже сюда добрался — дважды! — и Николай Иванович Рыжков и образно оценил маршрут: «Идешь словно внутри водопада!»

В салон-вагоне Алиева впервые прозвучало предложение: надо идти в обход тоннеля, иначе дорогу не сомкнуть. Николай Семенович Конарев, возвращаясь памятью к тем дням, даже сейчас волнуется:

— Самое острое чувство: как жаль, что такое случилось. Погибли проходчики… Загублен труд тысяч людей. И другое чувство: надо немедленно искать выход… Вы знаете, что такое у железнодорожников «двенадцатитысячник»? Высота подъема, — разъясняет Конарев специальный термин. — Это максимальный уровень подъема, который разрешали нормативы в то время. При обходе Северо-Муйского тоннеля подъем — 18 метров. Как

исключение — разрешили.

Алиев, разобравшись на месте, поддержал предложение Конарева строить обход. Но окончательное решение предстояло принять правительству. Учитывая масштаб работ, на месте решил побывать Николай Иванович Рыжков. И тоже поддержал строительство обводной дороги. А тоннель «добивали» еще два десятка лет.

Простившись со строителями тоннеля, пассажиры спецпоезда покатили на восток. Новые станции, распадки, сопки, покрытые багрянцем. Веточки багульника при встречах-прощаниях.

Под одним из снимков, сделанных в той поездке, короткая подпись: «БАМ. Знакомство со станцией Ургал. Г. А. Алиев — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. 1984 год». Гейдар Алиевич — в центре, на лацкане светлого пиджака депутатский значок. Генерал Когатько, начальник железнодорожных войск, вручает Алиеву большой альбом. Наверное, в нем снимки Ургала, как здесь все начиналось. Хлопает Конарев — он в железнодорожной форме, аплодируют еще какие-то люди. На заднем плане — пассажирский вагон…

Десять лет назад сюда, на безвестную тогда станцию, докатился из Донбасса поезд под названием «Донбасс». Следом подошли еще пять составов. Они привезли машины и краны, сборные конструкции и строительные материалы, котельную и электростанцию, баню и клуб. На колесах было, по железнодорожным документам, тринадцать тысяч тонн. На колесах был будущий город. Сложатся щиты в дома и протянутся дома улицей… Назовут первую улицу именем Артема. Как в Донецке.

Официально это называлось шефством трудящихся Украины над сооружением станции Ургал. Неофициально — Украина строила вокзал, станцию, город. Для этого был создан трест «Укрстрой». Отряд «Донбасс» — головной в тресте, его база.

Едва ли не все донбассовцы слышали об Ургале впервые. Заглянули в БСЭ. Большая советская энциклопедия, том 44–й, сообщала об Урге, рассказывала об Ургенче. Между ними быть бы Ургалу. Но когда готовилось это издание БСЭ, час Ургала еще не пробил.

Мы ходим по жизни и совершенно не знаем и даже не можем себе представить, замечал Константин Паустовский, сколько величайших трагедий, прекрасных человеческих поступков… происходило и происходит на любом клочке земли, где мы живем… А между тем знакомство с каждым таким клочком земли может ввести нас в мир людей и событий, достойных занять свое место в истории человечества или в анналах великой,

немеркнущей литературы.

Таков и Ургал, таежная станция на ветке от Транссиба к БАМу, куда один из нас, в ту пору журналист «Комсомольской правды», добрался почти одновременно с первым донбасским эшелоном. А самый-самый первый железнодорожный состав эта станция увидела седьмого ноября 1941 года. В тот день в Москве был военный парад. С Красной площади войска уходили на фронт, подступивший к столице. Здесь, далеко от Москвы, фронтом было строительство железной дороги. Грохот танков по главной площади страны и первый крик паровоза над безвестным поселком, над удивленной тайгой…

От Ургала живая нить дороги тянулась дальше на восток. К Комсомольску-на-Амуре… Этот БАМ дальневосточники называли старым. На трассе выходила своя газета и называлась она, конечно же, «Бамовец». Седьмого ноября 1932 года «Бамовец» рассказывал о том, как работают строители:

«Общее собрание работников связи выносит единогласное решение: построить мастерские к 15–й годовщине Октября. Бригада деревоотделочников выдвинула встречный план: окончить плотницкие работы к 1 ноября. Сегодня мы можем доложить, что взятые на себя обязательства выполнили полностью».

«Бамовец» напоминал о совсем недавних тогда боях с интервентами. «Теперь по тем местам, где проходили партизанские отряды, ложится трасса Байкало-Амурской магистрали, еще несколько лет — и вместо заброшенных партизанских зимовий, по тропам, известным партизанским разведчикам, потянутся рельсы, задымят паровозы, трубы фабрик и заводов Великой Социалистической страны».

Близкое будущее, которое виделось с лесов первых пятилеток, отодвинула Великая Отечественная война. С новой дороги до самого Транссиба сняли рельсы. Они были нужны Сталинграду.

Время сгладило старую насыпь. И теперь только старожилы примечали тот «перекресток истории» — старый БАМ.

Глеб Максимилианович Кржижановский, известный ученый-энергетик, заметил однажды, что борьба с Севером — это прежде всего борьба с пространством. Победить в этой борьбе без дорог нельзя. Всю историю освоения Дальнего Востока можно написать как историю строительства дорог. Еще в 1857 году граф Муравьев-Амурский, губернатор Восточной Сибири, командировал военного инженера Романова составить «проект колесного пути» от мыса Джой на правом берегу Амура, где был заложен город Софийск, к заливу Де- Кастри. Дорога эта, по

плану Муравьева, должна была строиться так, чтобы без больших затруднений ее можно было впоследствии обратить в железную. После изысканий инженер Романов издал брошюру «Софийско-Александрийская железная дорога».

Проект, однако, опередил свое время: страна еще не была готова к такому строительству. Лишь через десятилетия были уложены первые метры Великого Сибирского рельсового пути. Строительство Транссиба одна французская газета сравнивала по значению с открытием Америки и сооружением Суэцкого канала. В этом ряду оказалась и прокладка второго пути к океану.

Всмотритесь: на Восточном участке БАМа помечен кружочком город Ургал. Рядом с ним трасса пересекает Бурею.

Помнится, на «уазике» пробирались от Ургала к Бурее. По обе стороны стыла вечная тайга. Она лишь чуть-чуть расступилась, и стоит людям ослабить усилия, как вновь сомкнутся кроны, поглотив без следа узкий человеческий след-дорогу.

Деревья разбежались совсем неожиданно. В глаза ударил чистый свет реки. Синий лед и над ним на далеком, другом берегу снова черная, глухая стена тайги.

В этом месте через своенравную Бурею собирались прокладывать мост. Пока же на берегу был сколоченный из кругляков барак — расположение передового отряда транспортных строителей, да чуть ниже подворье Бородиных, одинокое на десятки километров. Михаил Матвеевич охотничал, а баба Паша в свои семьдесят восемь лет занималась хозяйством.

…Далеко отсюда реки с нанизанными на них селами и городами, где говорят, к примеру, так: «Днепр течет от Киева к Черкассам, а ниже Кременчуг, Днепропетровск, Запорожье…»

Хозяйка невзначай роняет: — Речка бежит от Миколай Иваныча. Не от города к городу — от человека к человеку. Точным словом баба Паша словно оживила карту, помогла увидеть того человека из статистических сводок, что мается один-одинешенек на своем квадратном километре.

Теперь, десять лет спустя, когда Алиев ехал по БАМу, он то и дело видел новые поселки. Их построили все республики, многие края и области. Нию — Грузия, Таджикистан — Олекму, Молдавия — Этеркан, Волгоградская область — станцию Дугда… Конечно же был свой бамовский адрес и у Азербайджана — станция Улькан на 210–м километре Западного участка трассы. Там, в таежном краю, на берегу быстрой Киренги поднялся поселок — красивые дома, школа, детский сад-ясли, медпункт, торгово-общественный центр… Алиев занимался этой стройкой, еще работая в ЦК Компартии республики. Именно он посоветовал использовать в оформлении вокзала и других зданий элементы

азербайджанской архитектуры. И сейчас, в этой многодневной и нелегкой командировке, Гейдар Алиевич испытывал душевный подъем. Да, многое еще предстояло сделать, но и то, что уже сделано, вызывало у каждого человека вполне понятное чувство гордости из-за личной причастности к такому большому делу.

В Москву делегация улетала из Владивостока. Члену Политбюро полагался в Ил-62 отдельный салон. Но Гейдар Алиевич не из тех, кто ищет сановного уединения. Он пригласил к себе спутников, попросил накрыть стол.

— Итак, друзья, сегодня я буду тамадой. — И для каждого, как вспоминает Виктор Ефимович Бирюков, нашел теплые, добрые слова.

…Прошумели — пролетели полтора десятка лет. В столице Азербайджана проходило большое международное совещание руководителей железнодорожных ведомств — 24 страны. Президент принял министра путей сообщения России Николая Аксененко. Обсуждались совместные проекты, министр рассказал о делах на российских железных дорогах, упомянул о БАМе… Как вы думаете, о чем спросил Алиев, услышав про Байкало-Амурскую магистраль? Конечно же о том самом тоннеле.

— Тоннель пробили на БАМе?

— Соединили 30 марта, — отвечал Николай Аксененко, — проверили и к концу года (встреча проходила в июне 2001 года. — Авт.) откроем рабочее движение. Тоже знаменательное событие, прошло 25 лет.

— Я был там, — сказал Гейдар Алиев. — Я и с востока был, и с запада. Тогда из 15 километров прошли три-четыре километра, и с другой стороны примерно столько же, то есть меньше половины проходки прошли. Я прошел, там же автомобильной дороги нет, три километра по колено в воде и с востока, и с запада… Это место одно из самых трудных. Что такое 15 километров для проходки? Ерунда. Посмотрите, когда в 1974 году начали строить БАМ, был определен срок 10 лет. А в 1984 году, через 10 лет, я приехал на БАМ на целых десять дней. Сначала от Москвы до Братска железной дорогой, потом оттуда до Владивостока, до Находки прошел, все станции осмотрел. 15 километров для тоннеля — это не такое уж большое расстояние. Но там сложные геологические условия. Я неоднократно собирал комиссию. Там много было академиков, специалистов, сейсмологов. Некоторые отговаривали, мол, давайте прекратим строительство, там высокая сейсмичность. Вот, мол, вы построите тоннель — и когда-нибудь он обвалится.

— Эта стройка послужила школой для всего мира, — заметил Николай Аксененко. — Там все побывали — из Америки,

Японии… Уникальная технология изобретена по проходке, мы справились с задачей.

— Поздравляю. Там есть и частица моего труда. Счастлив человек, который может сказать о таких дорогах, таких стройках: там есть и частица моего труда. Это право созидателей. А мир, как любил замечать Гейдар Алиевич, живет и развивается благодаря созиданию.

Столь же обстоятельно мы могли бы рассказать о других направлениях, которыми Алиев занимался параллельно с транспортом, образованием, здравоохранением — например, развитием кинематографии. Это тоже было поручением Андропова.

— А я человек дотошный, для того чтобы что-то такое сделать, что-то подготовить, мне надо было очень внимательно вникнуть, кроме того, что я знал кинематограф, я должен был знать его состояние, возможности и так далее. Много я провел встреч с очень крупными деятелями кинематографии, и все подготовили документ, проект постановления, — так вспоминал Гейдар Алиевич свою «киноэпопею». — Я сказал Ермашу, председателю Госкино Союза, вы соберите, пожалуйста, у себя самых выдающихся людей кинематографа, а я приду. Это был 84–й год. И несколько часов мы беседовали… Для того времени мы создали очень фундаментальный документ. Программу развития кинематографии Советского Союза.

Вот такой, повторим словечко самого Алиева, дотошный подход отличал его во всех делах. Дотошный, по Далю, — доточный, характерный для мастера своего дела, искусника сведущего и опытного. Вот каких мастеров недоставало в Кремле. «Мы увидели новые возможности Алиева, его огромнейший потенциал» — так оценивает кремлевские годы Гейдара Алиевича Президент Северной Осетии Александр Сергеевич Дзасохов, человек, сам прошедший кремлевские палаты, огонь, воду и медные трубы.

Свет угасшей звезды

А сейчас, уважаемый читатель, нам предстоит рассказать об одном из самых черных дней в жизни Гейдара Алиевича. 17 апреля 1985 года он, Ильхам, Севиль, родные и близкие хоронили Зарифу Азизовну.

После избрания в Политбюро ЦК КПСС и назначения в Совмин Гейдар Алиевич вначале приехал в Москву один. Зарифа Азизовна пока оставалась дома, завершала свои исследования.

В далекие уже, довоенные годы она повидала Москву раньше, чем Гейдар — для него, подростка из Нахичевани, столица Союза казалась чем-то недосягаемым. У родителей Зарифы возможностей было больше, и они отправили дочь к друзьям в Москву. Она вернулась, полная новых впечатлений, на ее прекрасных волосах едва держалась узбекская тюбетейка. Ей было тогда шестнадцать — вся жизнь впереди.

— В тот раз я открывала Москву, — шутливо сказала Зарифа мужу, — а теперь — ты.

«Я пока остаюсь в Баку, — писала она в Ленинград О. П. Добромысловой, — жалко бросать работу, мое детище лабораторию, которая проводит очень полезную, интересную работу… В Баку еще многое надо доделать самой».

И другое письмо.

«Я пока остаюсь в Баку. Думаю, год довести до конца, а потом уже уехать. Семья вся там. Ужасно скучаю по детям и по внучке».

30 января 1985 года из Москвы:

«Сейчас я в Москве. Меня очень хорошо приняли. Много заманчивых предложений, но я как-то не решаюсь… Но время еще есть на обдумывание». Ей оставалось жить два с половиной месяца.

З. М. Скрипниченко, профессор, доктор медицинских наук — они вместе собирались заняться исследованиями. Очередная встреча зимой 1984 года, дача. «Сердце сжалось при виде ее болезненного состояния. Хотя в настроении, во всем ее поведении ничто не предвещало грозных опасений. Она с увлечением говорила о новых исследованиях, проводимых в Баку на заводе, выпускающем бытовые кондиционеры… Захватывающая беседа нередко прерывалась тем, что Зарифа Азизовна принималась знакомить меня со своей уже намного увеличившейся семьей. В ее словах и в выражении лица были необычайная теплота и любовь. У ласковой Севиль к очаровательной Зарифочке прибавился еще братик, а жена Ильхама порадовала внучкой. С трогательной нежностью Севиль, держа на руках малыша,

смотрела на мать, стараясь скрыть тревогу в глазах, а маленькая Зарифа не отходила от бабушки. Приехавший из Москвы Ильхам прежде всего нежно и ласково приветствовал мать. Да, в доме чувствовалась тревога, но не настолько, чтобы думать о безвыходном положении».

Они собирались встретиться завтра и продолжить свои обсуждения. Но завтра Зарифу-ханум увезли в больницу. Это была их последняя встреча.

К Зарифе Алиевой профессор Скрипниченко пришла на кладбище.

— У ее могилы с тоской думала: к самому большому горю — терять друзей меня жизнь начала приучать рано, еще в дни Великой Отечественной войны, на фронте. Но к этому никогда не приучишься — с годами боль каждой новой утраты чувствуешь еще сильнее.

С тех фронтовых лет живет во мне и готовность: если погиб друг, подхвати и выполни до конца то, что он не успел сделать. Как непреложный закон приняла я в свое сердце последнюю просьбу глубоко чтимой и любимой Зарифы Азизовны о завершении начатых нами книг, считая своим долгом сделать все от меня зависящее, чтобы этот труд увидел свет, чтобы ее мысли стали доступны широкому кругу специалистов.

Свое слово профессор Скрипниченко сдержала.

— Как врач Зарифа, конечно, понимала, как опасна ее болезнь. Врачи лучше других знают, как болезнь изменяет все в человеке. Один уходит в себя; второй ни о чем ином, кроме своей болезни, не может говорить; третий становится капризным, даже жестоким по отношению к окружающим. Зарифа Азизовна оставалась сама собой. Больше всего она переживала от того, что не может оградить своих близких от переживаний за нее.

Рассказывают, что ее направили в онкологический центр. Смотрел академик Блохин. Сказал: «Хотя бы на две недели раньше!»

Так это было или не так, но Зарифа Азизовна ушла из жизни до обидного рано — в 62 года. Ее хоронили 17 апреля 1985 года. Шел дождь. К Дому ученых на Кропоткинской несли венки.

Утром Борис Пастухов собрал секретариат ЦК ВЛКСМ: «Кто хочет, ребята, едет, кто не хочет, не едет». Поехали в полном составе.

— Мы пришли среди первых, — вспоминает тот горестный день Борис Николаевич, — когда такой момент — придут, не придут? И вдруг является почти все бюро ЦК комсомола. Гейдар Алиевич никогда об этом не говорил, но тот момент, когда пришли молодые ребята, а для него уже начиналось тяжелое

время, уверен, он не забыл.

С портрета в Доме ученых на всех смотрели широко раскрытые глаза Зарифы. Многие, кто видел Зарифу-ханум, отмечают ее «удивительно выразительные темные глаза». Ленинградский профессор Добромыслов: «Ее отличал необычный взгляд восточных черных глаз… Глаза ее вопрошали, утверждали, восхищались, смеялись, а порой выражали удивление, несогласие и непримиримость, но они никогда не выражали безразличия. У Зарифы Азизовны были "говорящие глаза"». Профессор Шульпина: «…большие, буквально проникавшие в душу, темные выразительные глаза». Ее глаза выделяются и на первом, детском снимке, сделанном еще в 1924 году. Малышка с аккуратно подстриженной челкой прижимает к груди игрушку. Ее огромные глаза смотрят прямо на вас из немыслимо далекой дали времени. Как свет угасшей звезды.

Ровно через неделю после похорон Гейдару Алиевичу, уже при новом генсеке, третьем за последние годы, предстояло выступать на торжественном собрании, посвященном 115–й годовщине со дня рождения Ленина. Горбачев предлагал отказаться, произнесете, мол, речь в следующем году.

— Нет, — ответил Алиев, — я справлюсь.

Нового генсека Политбюро ЦК КПСС избирало 11 марта 1985 года. На месте были все, кроме Владимира Васильевича Щербицкого, первого секретаря ЦК Компартии Украины, — он возвращался из командировки в США. Громыко, отметив «неукротимую творческую энергию» и ряд других достоинств Горбачева, предложил избрать его Генеральным секретарем ЦК КПСС. Возражений не было. Тихонов: «Это — первый из секретарей ЦК, который хорошо разбирается в экономике». Гришин, первый секретарь Московского горкома партии: «Это широко эрудированный человек». Кунаев: «…как бы здесь ни развернулось обсуждение, коммунисты Казахстана будут голосовать за избрание Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева».

Рабочая запись заседания Политбюро («экземпляр единственный»!) сохранила и слова Гейдара Алиева. «Избрание Генерального секретаря ЦК КПСС — дело серьезное, историческое. На мой взгляд, кандидатура Михаила Сергеевича Горбачева является вполне достойной». Гейдар Алиевич оценил опыт товарища, скромность, доступность. «Это дает нам возможность с уверенностью сказать, что он вполне справится с обязанностями Генерального секретаря. Поэтому я в полной мере поддерживаю внесенные предложения…»

В закулисной дележке портфелей, которую мастерски

разыграл Горбачев, Алиев не участвовал. Хотя по своим деловым качествам, огромному опыту, дару организатора вполне мог стать генсеком. «Он зря поверил тем, кто исключил такую возможность», — утверждал популярный в 80–90–е годы публицист Артем Боровик. Артем говорил, в частности, о Тихонове, который считал, что Алиев для самой главной должности в Союзе «не вышел национальностью и верой». «А я считаю, — продолжал свою мысль Боровик, — что Алиев лучше бы других отстаивал национальные интересы России. Посмотрите, что Горбачев сделал с Союзом, что Ельцин сделал с Россией. Алиев шел бы по пути продуманных реформ, и судьба страны, наша судьба сложилась бы иначе». Напомним, что и Громыко видел в Алиеве руководителя масштаба Советского Союза. Но сдался на милость Горбачева, приняв должность председателя Президиума Верховного Совета.

22 апреля 1985 года, Москва

В советском календаре 22 апреля всегда было особым днем, потому что это день рождения Ленина. Торжественные собрания, венки к Мавзолею, праздничные концерты. На торжественном заседании, посвященном 115–й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, с докладом «Историческая правота идей и дела Ленина» выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев.

Это было его первое выступление такого масштаба в столице. Понятно, доклад воспринимается как документ ЦК, Политбюро, в него закладываются установки и для слушателей в своей стране, и сигналы для коллег, партнеров за рубежом… Но в таком докладе должно, обязано быть и нечто его, алиевское! Гейдар Алиевич попросил помощников основательно покопаться в ленинских работах, найти неизбитые положения. А вышло так, что он сам, сняв с полки синий томик, обратил их внимание на затронувшую его мысль:

— Посмотрите, большевики всегда были сильны тем, говорил Ленин, что «…внимательно всматривались в новые исторические условия, вдумывались в то, почему жизнь пошла так, а не иначе…».

Конечно, цитируя это положение, можно было бы поразмышлять, почему же часто жизнь идет иначе, но для трибун 1985 года это было преждевременно. Тогда все ленинские положения следовало считать абсолютно верными и подтверждать примерами, подводить теоретическое и политическое наследие Владимира Ильича под наши достижения.

Перечитывая спустя годы доклад Алиева, убеждаешься, что и после перелома эпох он не отказался от многих своих убеждений. С большим теплом и уважением Гейдар Алиевич говорит о великом русском народе, о русском языке, который обогатил другие языки наций и народностей Советского Союза, «открыл народам нашей страны широчайшие мировые горизонты. Через него миллионы и миллионы людей десятков национальностей приобщились к общечеловеческой культуре и сами вносят в нее самобытный вклад».

Став Президентом, Алиев не отрекся от своего отношения к России, русскому народу, русскому языку.

Деловые люди давно заметили: кто больше везет, того и побольше нагружают. Так было и с Алиевым. Помимо обязанностей, закрепленных за ним по Совету Министров и Политбюро, все чаще давали свои поручения Горбачев и Лигачев,

в то время второй человек в ЦК. Одно из них связано с печально нашумевшей антиалкогольной кампанией. Подготовку документа поручили Рыжкову, Алиеву и Соломенцеву, Председателю Совета Министров РСФСР.

— Мы основательно работали над этим документом, — говорит Николай Иванович Рыжков. — Документ прошел секретариат ЦК, который вел Горбачев.

Как считает Рыжков, на борьбу с пьянством Горбачева подвигли Соломенцев и Лигачев. Тема сама по себе бесспорная. Пьянство наносило огромнейший ущерб обществу. Распадались семьи. Тревога была, в общем-то, понятной и правильной. Но давно ведь сказано: заставь дурака Богу молиться, он и лоб разобьет. Так пошла и борьба за трезвый образ жизни. Возможно, Горбачева и его окружение, предполагает Рыжков, интересовала не сама по себе трезвость, а политические дивиденды, которые можно было извлечь из этой кампании. Кампания на первый взгляд казалась беспроигрышной, и была обречена на поддержку людей.

Но увы! Борцы за трезвость, как всякие фанатики, чувством меры не обладали. Тот, кто не видел очередей у винных магазинов времен перестройки, не поверит: «хвосты» тянулись на километры, магазины брали штурмом. В городах и селах процветало самогоноварение. Изобретательный народ бросился скупать тройной одеколон и лосьон. А в это время под нож бульдозера шли виноградники.

Характерный штрих к этому сюжету добавляет свидетельство Александра Тимофеевича Гаврилова. Однажды к нему, помощнику Алиева, приехал давний товарищ — Председатель Совета Министров Молдавии Устиян, знакомый еще с Целинной поры, и взмолился:

— Саша, сделай что-нибудь! Виноградники вырубают, мы же их столетиями пестовали. Пойди к шефу, расскажи.

— Набрался я то ли нахальства, то ли мужества, — вспоминает Гаврилов, — зашел к Гейдару Алиевичу. Он выслушал мой монолог, не перебивая, и в ответ только скрестил руки. Мол, сделать ничего нельзя.

Сейчас уже известно, что антиалкогольная кампания задумывалась в ЦК за несколько лет до этого оголтелого наступления. И первоначально поручение дали Пельше — был такой член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета партийного контроля при ЦК. Арвида Яновича знали как жесткого человека, но и расчетливого, осторожного. Он понимал, что с плеча рубить нельзя.

— Несколько лет после кончины Пельше антиалкогольная

комиссия не собиралась, — рассказывает Николай Иванович Рыжков. — И вот ее реанимировали. В душе мы понимали — делается что-то не так.

Однажды Рыжков, в ту пору уже Председатель Совмина, попросил Алиева зайти. Гейдар Алиевич извинился: «Я заканчиваю совещание, зайду минут через тридцать».

Когда Алиев появился в кабинете, Рыжков спросил, чем таким срочным он был занят.

— Обсуждали, является ли кефир алкогольным продуктом, — ответил Алиев. Рыжков знал: это поручение Лигачева. Кстати, второе поручение второго человека в партии.

Сегодня это кажется смешным, но тогда было не до шуток.

— Я критически относился к антиалкогольной кампании, — признается Николай Иванович Рыжков в нашей беседе. — Но как член Политбюро я был вынужден соглашаться. Политбюро приняло решение — надо выполнять. Мне нравилось работать с Алиевым, — продолжает Рыжков. — И когда я был в ЦК, и когда пришел в Совмин. В зарубежной командировке, в контактах с разными людьми человек иногда открывается с самой неожиданной стороны. Здесь я еще раз убедился: Алиев — контактный и доброжелательный человек, проницательный политик. С ним легко работать.

В сентябре 1985 года меня назначили Председателем Совета Министров СССР. И на первом же заседании, зная, что Тихонов по отношению к Алиеву проявлял несправедливость… В Совмине, как и в любой другой структуре, были свои группировки. Тихонов, уезжая в отпуск, в командировку, никогда не оставлял вместо себя Алиева. Оставлял Архипова, своего другого первого зама, который, кстати, не был членом Политбюро. Я понимал, что это очень ущемляло Гейдара Алиевича. И на первом же заседании при распределении обязанностей я сказал: «С этого дня, когда меня нет месте, обязанности председателя будет исполнять Гейдар Алиевич».

— Вы ему об этом сказали заранее?

— Нет.

— А как отнесся к этому Алиев?

— Я почувствовал, что у него отлегло от сердца. Растаял какой-то холодок недоверия, который был вокруг него в Совмине.

Что я могу сказать о его работе в Совмине? Работал он хорошо, очень хорошо. Алиев — системный человек, у него не было разбросанности, непоследовательности, характерной для иных руководителей, необязательности. В его натуре — абсолютная аккуратность. Очень, я бы сказал, организованный человек. Если ему поручил какой-то вопрос, а поручений было

много, он обязательно выполнял их.

У нас не было никаких конфликтов, внутреннего неприятия. Бывает, сидишь за одним столом с коллегами, внешне вроде всех знаешь, а за спиной бог знает что услышишь. У нас не было панибратства, водку не пили, домами не дружили — не было в Совмине таких обычаев… Я за пять лет в своем кабинете рюмку водки не выпил. У нас хорошие отношения были, деловые. И я очень доволен был работой Алиева…

В ЦК были известны случаи, когда генсеки, возвращаясь из отпусков, переписывали решения тех, кто оставался у руля. В Совмине таких случаев не было. Если рассматривалось что-то проблемное, спорное, Гейдар Алиевич выходил на связь: «Николай Иванович, решается то-то и то-то. Каково ваше мнение?»

Интересно сопоставить действия Алиева и Горбачева. Сделаем это на конкретном примере, посмотрим, как каждый из них занимался крупными экономическими проблемами.

Фарман Салманов, бывший начальник Главного Тюменского геологического управления, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, вспоминает:

«После прихода к власти Горбачева народ многого ждал от него, но, к сожалению, эти надежды не оправдались.

Не был отработан механизм подготовки и подбора кадров, их выдвижения на руководящие посты. Деловые качества по-прежнему оставались на втором плане, главным критерием была личная преданность, землячество, родственные или приятельские связи. Сколько «замечательных» кадров было выдвинуто из Ставрополья, так же, как до это с Днепропетровщины и из Молдавии!

Мне часто вспоминается анекдотичный случай, когда в сентябре 1985 года в Тюменскую область приехал Горбачев. Перед его приездом туда завезли несколько вагонов шоколадных конфет. И вдруг эти конфеты запретили продавать. Почему? Оказывается, конфеты назывались «Мишка на Севере», и местные перестраховщики сочли, что продажа таких конфет во время пребывания в Тюмени генерального секретаря может быть воспринята им как личное оскорбление.

Вообще поездка М. Горбачева в Тюмень оставила у меня крайне неприятный осадок, о чем я подробно записал в своем дневнике.

5 сентября 1985 года. Аэропорт в Нижневартовске. Большая группа встречающих: В. И. Долгих, Б. Н. Ельцин, Н. К. Байбаков, Б. Е. Щербина и другие. Прибыл самолет с М. С. Горбачевым и Р. М. Горбачевой. С ними А. Н. Яковлев, Г. П. Разумовский. Для

встречи Генерального секретаря ЦК КПСС накануне привезли самолетом из Москвы японский автобус, как будто нельзя было везти генсека местным автобусом.

Вечером в Нижневартовском горкоме проходило совещание. С небольшой информацией выступили секретарь горкома С. И. Денисов, секретарь окружкома В. А. Чурилов. После них Горбачев предоставил слово мне — начальнику Главного Тюменского геологического управления. Я рассказал о состоянии и перспективах геолого-разведочных работ, приводил конкретные цифры по подготовке сырьевых ресурсов для дальнейшего развития нефтяной и газовой промышленности. Горбачев неоднократно меня перебивал, пытался критиковать Байбакова и Долгих за плохую помощь геологам.

В заключение выступил Горбачев: «Геологи меня убедили в высокой перспективности этого края в части геологоразведочных работ. Я эти перспективы чувствовал, работой геологов удовлетворен, спасибо. Но отрасли надо помочь». Такая оценка нас окрылила.

Ночью мы вылетели в Уренгой. С какой радостью на следующее утро встречал народ на улицах Уренгоя Генерального секретаря ЦК КПСС. Стояла прекрасная солнечная погода. В центре города, где скопилось несколько десятков тысяч горожан, кортеж машин остановился. М. Горбачев вышел из машины и вступил в беседу с людьми. Одна пожилая женщина задала вопрос: как обстоит дело с выделением северянам жилья на Большой земле? Когда я услышал ответ, был просто поражен. Михаил Сергеевич на полном серьезе ответил: «Зачем вам квартиры на Большой земле?

Посмотрите, какой у вас чудесный климат. Постройте здесь побольше жилья»…

Разве он не знал, что Уренгой расположен вблизи полярного круга? Люди, приехавшие трудиться на Крайнем Севере из Европейской части России, Украины, Белоруссии, Азербайджана и других менее суровых мест, не могут здесь постоянно жить и работать. Здесь зона тундры с пониженным содержанием кислорода в воздухе, где не растут нормальные леса и травы.

На следующее утро Горбачев со своей свитой вернулся в Тюмень. Что творилось в аэропорту! Из Москвы привезли на самолетах четыре «ЗИЛа», чтобы возить генсека и его супругу. Дороги перекрыли. Движение по улице Республики организовали в обратном направлении. Постарались наши показушники — чтобы генсек не видел перекошенных деревянных домов, его перевезли через окраину города. Все это возмутило меня. Ведь в Тюмени до этого много раз бывал А. Н. Косыгин — второе лицо в

государстве. Никаких японских автобусов и правительственных «ЗИЛов» из Москвы никто не привозил. Все было организовано просто и по-деловому.

А здесь просто диву даешься. Только 4 месяца, как стал Горбачев генеральным секретарем, а такое барство — поездки в производственную командировку с женой, тяга к показухе и выпячиванию своей персоны.

Вечером на партийно-хозяйственном активе в Тюмени выступил Горбачев. Когда услышал его речь, ушам своим не поверил. Совсем противоположное по сравнению с тем, что он говорил два дня назад в Нижневартовске. Я ужасно расстроился. После долгих раздумий пришел к выводу: Горбачев просто зачитал доклад, составленный бюрократическим аппаратом в Москве. То, что я докладывал в Нижневартовске, прошло мимо его ушей. Что подсунули, то и прочитал. Вспомнил поездку Брежнева в Баку, когда тот перепутал листы и читал речь, совершенно ничего не понимая, о чем он говорит, а Алиев вынужден был в ходе его выступления заменить листы с текстом.

После долгих ночных раздумий пришел к выводу: новый генсек большой говорун, с противоречивыми высказываниями и слабыми экономическими познаниями, зато с большой амбицией и многими негативными чертами. С такими человеческими качествами вряд ли он способен умно управлять страной, и мы при его правлении вряд ли сможем добиться успеха.

Так и случилось: экономика с каждым годом катилась вниз, в производстве началась потеря темпов, а нефтяная промышленность первой дала тревожный звонок, начав резко снижать уровень добычи нефти, достигнутый ценой огромного напряжения всей страны.

Могу сказать только одно: чтобы наш народ жил хорошо и богато, он должен иметь умных и умело управляющих государством руководителей».

Мудрый Фарман прав. Вот только бы разобраться, отчего при любой системе — тоталитарной или демократической, социалистической или капиталистической — во власти то и дело оказываются граждане, которых и близко нельзя подпускать к власти? Примеров полно — и в недавней истории России, и в постсоветской хронике Азербайджана, и в летописях других народов.

31 августа 1986 года, Новороссийск

Тридцатого августа 1986 года в 22.10 вблизи Новороссийска столкнулись пассажирский теплоход «Адмирал Нахимов» и сухогруз «Петр Васев». Есть жертвы. Ведутся спасательные работы…

Примерно такие сообщения поступили в ночь на 31 августа по инстанциям: в ЦК КПСС, Совет Министров СССР, КГБ, Министерство морского флота… Молва разнесла весть о новом ЧП по всей стране еще до того, как о нем рассказали советское радио и телевидение. Первыми, как обычно, оказались голоса из-за «бугра». Рыжков позвонил Алиеву в полночь: — Гейдар Алиевич, вы назначаетесь председателем правительственной комиссии. Подбирайте людей…

В ту ночь Алиев едва ли уснул. Если б знал, что впереди пятнадцать почти бессонных ночей, может, и вздремнул бы. Но спать не хотелось. Ему вспомнилась первая командировка такого же рода — три года назад, на Волгу. Там, у города Ульяновска пассажирский теплоход «Александр Суворов», полный туристов, врезался в опоры моста. В кинозале как раз показывали комедию. Многие зрители пришли с детьми. Экранный смех смешался со стонами и криками. Теплоход понесло по течению — без верхней палубы, без кинозала… Причина катастрофы, как выяснилось на месте, — пьянь! Там Алиев увидел детскую стопу в модной кроссовочке — крови на ней уже не было, унесло волной вместе с маленькой хозяйкой. С мамой и папой.

Обычно Алиев приезжал в Совмин около девяти. В то утро он приехал намного раньше. Поручил своему помощнику по вопросам транспорта Владимиру Сергеевичу Ухову подготовить распоряжение Совмина о составе комиссии и оповестить всех.

— Вы летите с нами.

Домой Ухов заехать не успевал — только позвонил: «Буду дней через десять!» Заскочил в ГУМ — купить рубашку и всякую мелочь, нужную в командировке. В ночь с 31 августа на 1 сентября из аэропорта «Внуково-2» в Новороссийск вылетел правительственный самолет.

За три года работы с Алиевым Ухов хорошо присмотрелся к шефу.

— То, что он человек решительный, — рассказывал нам Владимир Сергеевич, — я догадывался и раньше. Но на Волге, у искореженного «Суворова», понял, что в полной мере его характер проявляется в критических обстоятельствах, где требуется собрать в кулак и волю, и эмоции, и мысль — и действовать.

Умно, жестко, напористо. Мне даже кажется, что в будничной, спокойной атмосфере Алиеву тесновато, его огромная энергия в такие периоды искана выхода, он загружал себя работой до девяти-десяти вечера.

Случалось, брался за дела, которые, как думалось нам, сотрудникам его секретариата, не по нашему ведомству. Но не дай бог сказать: это не наш вопрос, Гейдар Алиевич. Председатель правительства, генсек, как считал он, могут дать любое поручение, потому что знают, на кого можно положиться. А его дело — выполнить!

…По предварительным данным, на борту «Адмирала Нахимова» было 1234 человека: 888 пассажиров и 346 членов экипажа. Пароход после столкновения затонул за 7–8 минут. Спасти удалось 836 человек. А что же остальные?

Две недели новороссийской командировки — море сплошного горя. День за днем встречи с людьми, потерявшими родных и близких; подъем со дна моря узников «Нахимова» — 79 за первые три дня, 116 — к четвертому сентября. Десятки проблем сплетались в тугие узлы.

Гейдару Алиевичу предлагали оставить за собой общее руководство. В комиссии, мол, достаточно авторитетных людей — министр морского флота, заместитель председателя КГБ, заведующий отделом транспорта и связи ЦК — они разберутся в деталях, проведут прием.

— Нет, — ответил Алиев, — я буду ежедневно встречаться с людьми. А также члены правительственной комиссии — по вопросам, за которые они отвечают.

Правительственная комиссия проводила заседания дважды в день — в 10.00 и в 17.30. «И каждый вечер в 19 часов ее председатель Г. А. Алиев встречался с родственниками потерпевших, — писала газета «Труд» в репортаже из Новороссийска, — рассказывал им о сделанном за день, тут же оперативно решая возникающие вопросы».

В Черноморском пароходстве, к которому был приписан «Нахимов», как выяснилось, даже не знали точно, сколько человек вышло на теплоходе в море. И это считалось обычным делом. Капитаны, вопреки нормам, сами, словно извозчики, договаривались, как будут расходиться их суда. После двух-трех-четырех дней в морской воде тела, поднятые на поверхность, да еще в жару, быстро разлагались. Подогнали вагоны-ледники. Сделали гробы.

— Спрашивал Алиев со всех очень строго, — вспоминает Ухов. — Заместителя министра морского флота за срыв одного поручения отстранил от должности. Урок пошел всем на пользу.

— Горше всего было выслушивать тех, кто не смог опознать родного человека среди покойников и ждал, когда сможет отдать последний долг мужу или жене, брату, сестре, детям, отправившимся в свадебное путешествие.

С риском для жизни операторы сделали подводную видеосъемку. Вот камера приближается к борту и наплывает на голову женщины, застрявшей в перегородке. Ее длинные волосы от подводного течения шевелятся, как от легкого ветерка. Кажется, вот-вот она вскинет голову и молодой человек, который не отводит глаз от экрана, узнает в ней свою Наташу.

— Вы ее поднимете? — наконец глухо спрашивает он.

— Попытаемся… Если это не будет угрожать жизни водолазов, — отвечают ему. — Один водолаз уже погиб.

«Наше твердое убеждение, — говорил Гейдар Алиевич Алиев на одном из заседаний комиссии, — что крушение произошло в результате халатно-преступного, безответственного отношения к своим обязанностям капитана сухогруза" Петр Васев" и капитана парохода" Адмирал Нахимов"».

О ходе работ, о результатах расследования Алиев регулярно докладывал Рыжкову. По словам Ухова, два-три раза звонил Горбачев, вроде собирался приехать.

Впрочем, в это мало верилось. Станет генсек прерывать отдых! В мае он не нашел в себе сил побывать в Чернобыле, в сентябре-в Новороссийске, через год с небольшим — только после настоятельных советов Рыжкова — собрался в Спитак, взорванный землетрясением. Удобная позиция — жить вне чужого горя. Это поэты с их ранимой, больной душой уверены, что чужого горя не бывает (слова Константина Симонова).

И политики — не политиканы — считают так же. Тем летом Горбачев отдыхал с 20 августа по 20 сентября. Перед возвращением в Москву заехал на Кубань и в Ставрополь, жизнерадостно пообщался с электоратом. А Николай Иванович Рыжков с группой руководителей Украины и Белоруссии побывал в Чернобыльской зоне; Гейдар Алиевич Алиев держал на себе новороссийскую беду…

…В январе сорок второго года в блокадном Ленинграде Алексей Николаевич Косыгин увидел, как двое подростков тянули по стылой улице санки, на которых лежал их братишка или сосед. Типичная для тех дней картина. Так свозили покойников по всему городу. Что-то заставило Косыгина остановиться у этой горестной процессии и спросить, кого везут хоронить. Ребята еще не успели ответить, как Алексей Николаевич заметил, что у мальчика, лежащего на санках, дрогнуло веко. Может быть, в эти последние мгновения уходящей из него жизни, сквозь забытье, он услышал

голос, похожий на отцовский? Алексей Николаевич взял ребенка на руки, тот стал приходить в себя. Косыгин распорядился, чтобы мальчика отогрели, покормили, а затем вместе с братьями эвакуировали из Ленинграда.

По заданию ГКО Косыгину предстояло эвакуировать 500 тысяч ленинградцев, станки, краны, моторы и целые заводы, которые были нужнее на Большой земле. Огромная, сложнейшая государственная. задача и случайная встреча… Судьба блокадного города и судьба одного человека… Косыгин не разделял их.

Таким же был и Алиев. Это свидетельство самых разных людей, в том числе и помощников, которые ежедневно докладывали первому заместителю премьера почту, записывали его поручения, летали с ним в командировки.

— Что, на ваш взгляд, — спросили мы Ухова, — произвело на Алиева самое сильное впечатление в Новороссийске?

— Во-первых, сам факт столкновения. Оно не могло, не должно было произойти. Не было никаких предпосылок для столкновения. Спокойное море. Звездное небо. Пассажирский теплоход весь в огнях — бортовые огни, топовые. Современные навигационные приборы. Пароход, выходя из порта, получил сообщение диспетчерской службы о том, что навстречу идет сухогрузное судно. Та же служба предупредила капитана «Петра Васева» о выходе «Адмирала Нахимова», которому сухогруз обязан был дать возможность беспрепятственно идти по курсу. Сухогруз не сделал этого. Капитаны договариваются, как будут расходиться — вопреки правилам. Третий помощник капитана сухогруза «Васев» предупреждает:

«Мы сейчас столкнемся!» — «Я все вижу, — отвечает, посматривая на экран радара, капитан. — Разойдемся. Все идет нормально…» Самонадеянность и безответственность двух капитанов привели к непоправимой беде.

Невиданная безалаберность потрясала. И вызванная этим гибель «Нахимова», огромное людское горе… И снова безответственность: на берегу нет полных списков пассажиров и экипажа; приходится по самым разным свидетельствам восстанавливать их.

Алиев там почти не спал. Как и его помощник Ухов. Владимир Сергеевич до двух-трех часов ночи готовил протоколы — кому, что и когда следует сделать, а утром все начиналось сызнова. Алиев к девяти утра отправлялся из гостиницы в штаб, который разместился в пароходстве…

На пятнадцатый день Горбачев распорядился, чтобы Алиев передал комиссию Пастернаку, заведующему отделом транспорта

и связи ЦК, а сам возвращался в Москву:

— Рассмотрим вопрос о «Нахимове» на Политбюро.

Чем была вызвана эта команда? Только ли тем, что в Москве Алиева ждали другие дела, а здесь уже могли обойтись без него? Сомневаемся. И вот почему. Планировалась поездка Горбачева в Краснодарский край, встречи, выступления. Алиев с его новороссийскими делами, вообще вся история с «Адмиралом Нахимовым» Горбачеву мешали. В Краснодар генсек прилетел 17 августа и с аэродрома поехал в один из районов края. «По дороге он остановился в станице Новотитаровская и беседовал с ее жителями», — сообщали корреспонденты ТАСС. Жителей загоревший генсек спросил, довольны ли они тем, что «мы делаем сейчас в стране». Журналисты зафиксировали голос: «Довольны».

…30 октября Гейдар Алиев доложил на Политбюро о выводах правительственной комиссии по расследованию причин аварии теплохода «Адмирал Нахимов». Накануне, с утра, в зале заседаний Политбюро развесили карты и схемы — для наглядности. На этом фоне товарищи сначала потолковали о плане и бюджете на следующий год, потом заслушали отчет Комитета партийного контроля при ЦК КПСС о рассмотрении апелляций, направленных в адрес XXVII съезда КПСС… Наконец Горбачев предоставил слово Алиеву. Гейдар Алиевич докладывал коротко и емко. Собственно, все и так было ясно: преступная халатность капитанов судов, грубейшее нарушение правил безопасности мореплавания.

В решении Политбюро говорилось, что семьям погибших оказана необходимая государственная помощь. Непосредственные виновники катастрофы — капитаны судов «Петр Васев» и «Адмирал Нахимов» арестованы и привлечены к уголовной ответственности. Исключен из партии и снят с работы начальник Черноморского морского пароходства С. А. Лукьяненко. Освобождены от занимаемых должностей и строго наказаны в партийном порядке заместитель министра морского флота СССР А. В. Голдобенко и член коллегии председатель Всесоюзного объединения «Мореплавание» Б. С. Майнагашев, привлечен к партийной ответственности заместитель министра морского флота СССР Б. А. Юницын. Коллегии Минморфлота СССР предложено принять меры по коренному повышению безопасности судоходства, дисциплины и организованности в работе морского транспорта.

Помощники — люди наблюдательные. Видят то, о чем шеф и не подозревает. Вот о какой детали вспоминают, не сговариваясь, и Гаврилов, и Ухов.

— Заходишь в кабинет Алиева и прямо-таки чувствуешь по

лицу Гейдара Алиевича — он сейчас погружен в свои мысли, о чем-то размышляет.

Появление помощника возвращает к текущим заботам.

— Владимир Сергеевич, сегодня у меня будет встреча с председателем правительства Югославии. Вам следует подготовить: первое… второе… А вы почему не записываете?

Ухову неловко признаться, что в момент вызова был в приемной, свой любимый капитанский блокнот оставил в кабинете. Такие блокноты выдавали всем капитанам, которые в первый раз проходили по Кильскому каналу. Владимир Сергеевич, в недавнем прошлом капитан торгового судна, им очень дорожил.

— Я запомню, Гейдар Алиевич!

— Да? Сам Алиев при своей потрясающей памяти обязательно делал пометки в блокноте. И спрашивал, если поручение было выполнено неточно.

Сотрудники аппарата Алиева обычно уходили в отпуск вместе с шефом. На хозяйстве оставался Владимир Сергеевич Ухов. Коллеги завидовали: отдохнешь теперь!

— Ну да! — отвечал Ухов. — Вы же знаете, как отдыхает Гейдар Алиевич…

Знали. Уже привыкли. Алиев уезжал в отпуск в Азербайджан. Но в праздности не проводил ни дня. Первый звонок в Москву, Ухову в десять утра:

— Алиев. Здравствуйте, Владимир Сергеевич, что сделано? Следует короткий отчет.

— А по этому вопросу решения еще нет, Гейдар Алиевич.

— Позвоните мне в три часа.

И еще один разговор по ВЧ следовал в 6–7 часов вечера. Иногда телефонистка предупреждала о том, что «в данном районе защиты нет». Это значит, что Алиев забирался куда-то в глубинку, где по открытой связи не обо всем можно было говорить.

Он умел ценить добро

В технике есть такое выражение: усталость металла. Конструкции выдерживают нагрузки до определенной поры. Дальше мосты, или фермы, или перекрытия надо менять. Усталость металла можно точно определить приборами. А как определить усталость человека? Нет пока таких приборов.

После одного из совещаний у Рыжкова Юрий Петрович Баталин поднялся к себе, в кабинет на третий этаж; мельком взглянув на Ивановскую площадь, как всегда, полную машин, взялся за бумаги. И в эту минуту к нему зашел Алиев. Баталин, конечно, удивился: первый зам, член ПБ, не к себе пригласил, а сам зашел. Что случилось?

Гейдар Алиевич говорил о строительстве БАМа, об огромном комплексе проблем, которые еще предстояло решать на трассе, о том, что неспециалисту трудно разобраться в обоснованности тех или иных вариантов. И попросил Баталина взять на себя рассмотрение вопросов по БАМу.

Баталин возразил, что и ему трудно вникнуть во все дела.

— Все-таки вам легче, к вашему заключению, учитывая ваш профессиональный опыт, специалисты отнесутся с большим уважением.

Этот разговор, о котором знали только двое его участников, представляется нам очень важным. Сколько раз в давней и недавней истории вершители власти считали, что обладание властью моментально делает их корифеями всех наук: от агрономии до языкознания, от космонавтики до балета и изобразительного искусства. На счету дилетантов судьбы генетики и кибернетики в Советском Союзе, программы переброски северных рек на юг и многое другое.

Объяснение Гейдара Алиевича Алиева с человеком, который уступал ему в партийной и хозяйственной иерархии, — бесспорно, мужественный шаг.

— У меня к вам простая человеческая просьба взяться за это дело, — так закончил ту беседу Алиев. Таким тоном здесь никогда не говорили.

Баталин согласился, заметив, что вопрос надо согласовать с Рыжковым. Николай Иванович тоже понял Алиева. Так Баталин стал во главе правительственной комиссии по БАМу и Северо-Муйскому тоннелю.

В число министерств и ведомств, которые курировал Алиев, входил Госкомиздат. Возглавлял его Борис Николаевич Пастухов.

— Я не раз обращался к Гейдару Алиевичу, — рассказывает

он, — и должен сказать, что Алиев очень внимательно, творчески относился ко всем проблемам запущенной отрасли. Предстояло развивать, точнее создавать на современной основе полиграфию, производство бумаги, красок… Он решал крупные вопросы. Решения принимал взвешенно…

— Например?

— Алиев поддержал нас с развитием полиграфической промышленности, он был среди тех, кто поддержал нас в одной совершенно неожиданной идее. Мы решили объявить на Пушкина, а потом на Лермонтова безлимитную подписку. Эта подписка — на трехтомник Пушкина — собрала более 10 миллионов заявок. А где взять бумагу? Мы рассчитывали, что будет самое большее миллионов пять, но когда выскочило за десять, — пришлось чесать голову. Или извиняться перед подписчиками и возвращать деньги, или умирать, но найти резервы. И нашли. И был еще один очень интересный момент, — продолжает Борис Николаевич. — Мне — пятьдесят лет. Обычно — председателей комитетов, министров награждали. Но перед этим я был награжден орденом Ленина, а по нормам между награждениями должен пройти определенный срок. До следующей награды не хватало полгода-год. В общем, правительство награждает меня ценным подарком, — улыбается Пастухов. — В виде бездарнейшей картины в деревенском багете. Меня приглашают в Кремль и Алиев как первый зам, куратор, вместе со Смиртюковым, управляющим делами Совмина, эту картину вручают. А кабинет Алиева (сейчас его уже нет) окнами выходил на Москва-реку. Октябрь, уже холодно было…

Вручают эту картину, шутят…

— Конечно, Борис Николаевич, вы достойны ордена, но порядок есть порядок, ордена у вас еще будут, а вот картин, может, и не будет.

Я его поблагодарил и произнес одну из лучших речей в своей жизни.

— Какая разница, чем тебя награждают, важно, что работу твою замечают. Вы меня извините, Гейдар Алиевич, я вот что хочу сказать. Я вырос за этой рекой, в Замоскворечье… Мама у меня рабочая, батюшка в сорок втором погиб, а я стою перед вами, человеком, который представляет правительство страны. И для меня самая большая награда то, что я, мальчишка из Замоскворечья, где гонял с приятелями собак, прогуливал школу, сбегал с ребятами в кино «Ударник», сегодня имею честь стоять в Кремле перед двумя такими заслуженными людьми. Спасибо вам!

С подаренной картиной Борис Николаевич удалился.

Прошло много-много лет. Пастухов, первый заместитель

министра иностранных дел России, прилетает в Баку. Встречи, переговоры… Алиев потряс гостя своей фантастической памятью — про тот комсомольский съезд, где они познакомились. Он помнил все.

— И до самых последних дней был таким — помнил все.

И то, что было вчера, и то, что было двадцать лет назад. Я был поражен.

«А вы помните свое 50–летие? — спросил Гейдар Алиевич Пастухова. — Как мы со Смиртюковым вам вручали картину?»

«Да, помню…»

«А хотите, я повторю, что тогда сказал: ордена еще будут, а картины такой, Борис Николаевич, у вас уже не будет…»

— Эта картина висит у меня на даче и сильно ее украшает, — растроганно говорит Пастухов. — Ранняя весна, подмосковные березы… Смотрю сейчас на нее и снова вспоминаю Гейдара Алиевича Алиева. Он умел ценить добро…

Какое у вас хобби?

Рыжков, Баталин, Бирюков, Конарев, Пастухов, в общем-то, люди одного круга с Алиевым. А каким он запомнился подчиненным? Три года помощником Алиева, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, работал Александр Тимофеевич Гаврилов, журналист, ученый, издатель. До встречи с Гавриловым Алиев познакомился с десятком кандидатов, которых подобрали сотрудники Управления делами — с кем-то заочно, по анкете, с кем-то и лично. И вот настала очередь Гаврилова.

Узнав о приглашении, Александр Тимофеевич решил посоветоваться с одним из старых газетчиков, который хорошо знал Алиева. Вот как пересказывает сейчас Гаврилов ту беседу в мае 1984 года.

«Имей в виду, — что это человек Востока, а Восток, как известно, дело тонкое. Второе — это человек из КГБ, пытаться как-то обвести его вокруг пальца, хитрить — бесполезно, да и зачем? За ним — знание психологии, большой опыт работы в серьезном ведомстве и в ЦК республики. И третье, что я мог бы тебе посоветовать: в любых обстоятельствах, если он будет хвалить одного человека, не вздумай и ты его хвалить. — «Кто же этот человек?» — «Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе».

Вот с таким напутствием Гаврилов пошел на беседу к Алиеву, на второй этаж кремлевского корпуса Совмина в кабинет, где когда-то работал Вячеслав Михайлович Молотов. В приемной секретарь встретила улыбкой: «Гейдар Алиевич просит извинить его, сейчас он закончит встречу и примет вас». Прошло не больше десяти минут, и Гаврилова пригласили в кабинет.

— Позже я не раз убеждался: для Алиева характерны предельная точность, даже пунктуальность. Этого он требовал и от других.

Алиев вышел из-за стола, протянул руку:

— Садитесь, пожалуйста, Александр Тимофеевич. Чем вы увлекаетесь, какое у вас хобби?

— Вы знаете, Гейдар Алиевич, хобби у меня нет, — отвечает Гаврилов.

— А рыбалкой, допустим, увлекаетесь?

— Нет.

— А охотой?

— Нет.

— А марки собираете?

— Нет.

— А все-таки, чем вы увлекаетесь?

— Люблю читать. Люблю писать.

— И я люблю читать и писать, — отзывается Алиев. — Вы, наверное, читали мои выступления? — Гаврилов кивнул. — Как бы вы очень кратко охарактеризовали мой стиль?

— Публицистичность, — нашел формулу Александр Тимофеевич.

— Правильно!

Но на этом их знакомство не закончилось.

— Я вас, можно сказать, не знаю, — продолжал Гейдар Алиевич. — И когда я вас беру своим помощником, я все же рискую.

— Но и я ведь рискую, — в тон ему ответил Гаврилов. — Если я не справлюсь, разбираться придется мне самому.

Алиеву ответ понравился. Заметил, что не бросал людей, с которыми работал. Если даже приходилось с кем-то расставаться, то так, чтобы человек ни в чем не терял.

— Это я могу вам пообещать.

— Гейдар Алиевич, меня это устраивает. А жизнь — вообще риск.

— Что ж, оформляйте документы, — улыбнулся Алиев, — и приступайте к работе.

Три года Гаврилов работал с Алиевым. О своем шефе сохранил самые добрые чувства. Убежден: Алиев мог сделать для страны еще очень много полезного.

Завершая их первую встречу, Алиев заметил: «Все, что я вам поручаю, остается между нами. Если вы сочтете необходимым что-либо доложить мне лично, пожалуйста, докладывайте». Правда, не всем в секретариате первого вице-премьера это понравилось — среди чиновников всегда идет борьба за доступ в начальственный кабинет, всегда находятся завистники. Но что с ними поделаешь?! Зависть неистребима, как неистребимы коварство, двуличность, злоба… С этим ни христианская мораль, ни коммунистическая нравственность ничего поделать не могли. Впрочем, есть ли нравственность коммунистическая или религиозная? Пожалуй, нет. Есть просто нравственность. Или — нет.

Кстати, Гейдар Алиевич спрашивал своих сотрудников об увлечениях не просто так. Это был его коронный вопрос. Он был уверен, если человек увлекается, скажем, рыбалкой, то уже с понедельника думает только о крючках, червяках, подкормке… А это мешает работе. Конечно, можно было поспорить с Алиевым, что не всегда это мешает делу, и привести много примеров, но он стоял на своем.

— В 8.45 он уже был на работе, — рассказывает Гаврилов. — За исключением тех дней, когда по протоколу кого-то провожал или встречал. Я приходил в восемь. Просматривал почту — тассовки, другие материалы, подчеркивал, на что следовало обратить внимание.

В 9.15 рабочий день начинался официально — звонки, приемы, встречи, совещания. Алиев абсолютно точно планировал свое рабочее время. Конечно, жизнь вносила поправки, но в основном все было предусмотрено, и это позволяло вести большое хозяйство организованно и четко. Своего шефа мы уважали и чуть-чуть побаивались. Он ни к кому не применил жестких санкций, ни на кого никогда не накричал.

Но все знали, что не выполнить его поручение — невозможно.

Азербайджанские коллеги не раз приглашали Гаврилова в гости: «Приезжайте, Александр Тимофеевич, отдохнете…» Гаврилов не отказывался, но и не ехал, понимая, что такие поездки обычно заканчиваются некими обязательствами, а он как человек щепетильный ни перед кем не хотел быть в долгу.

По каким-то каналам Алиев узнал о том, что его помощник избегает поездки в Азербайджан. Пригласил Гаврилова.

«Слушай, Александр, — это был один из немногих случаев, когда шеф перешел на доверительное «ты», — мне говорят, что ты не хочешь поехать отдохнуть в Баку. Это в самом деле так?»

Гаврилов сослался на то, что жене врачи рекомендуют среднюю полосу России. Алиев посмотрел испытующе. Скорее всего, он догадывался об истинных причинах, но говорить об этом не стал.

«Ты напрасно не едешь в Баку — там такое замечательное море… — И чуть ли не поэму прочитал о Каспии. — Я во многих странах побывал, во многих морях купался, но лучше Каспия, поверь мне, нет. Это целебное море! Поезжай, Александр, отдохни…»

— Я пообещал, — вспоминает Гаврилов тот памятный для него разговор, — но поехать все же не смог. И сейчас понимаю: в Гейдаре Алиевиче говорила обида за Азербайджан: как это так, человека искренне приглашают, а он не едет, обижая хозяев.

Памятны Гаврилову совместные командировки с Алиевым по стране: Алтай, Чувашия, Волгоград… Это были сугубо деловые командировки. В стандартный набор — речь на партийно — хозяйственном активе, беседа в обкоме, проход по заводским цехам — Алиев неизменно вносил свои дополнения. Скажем, любил заглянуть на рынок, поинтересоваться ценами, попробовать что-либо с прилавка. На обедах по случаю приезда или отъезда, как вспоминает Гаврилов, его шеф ограничивался

одной — максимум двумя рюмками коньяка. За столом не сидел букой с недоступным видом, хорошо и живо говорил, блистал юмором. И еще примечательная деталь: он не брал подарков и потому ему дары не предлагали. Об этом знали. Такие характеристики распространяются мгновенно.

На Алтае приехали в какое-то село. Посмотрели школу, гостя очень тепло встретили, подарили огромные букеты цветов. Такой большой начальник в их глухомань завернул впервые. Беседа в учительской. Как живется? Зарплата? Загрузка?

— Дарят ли вам ученики цветы? — спрашивает гость.

— Конечно. Первого сентября, Восьмого марта, в конце учебного года.

— А вы не полагаете, что это похоже на взятку?

После затянувшейся паузы одна из учительниц холодновато отозвалась:

— Может быть, в Москве у вас это считается взяткой, там цветы, наверное, стоят дорого, а у нас — посмотрите — все дворы в цветах. Извините меня, эти цветы с коммерческой точки зрения ничего не стоят. Это одна сторона. Есть и другая. Моральная. Если бы мне в такой день не подарили цветов, я бы подала заявление об уходе. Значит, не пользуюсь авторитетом ни у школьников, ни у их родителей. И вам мы преподнесли цветы в знак уважения.

Гейдар Алиевич внимательно слушал. Но больше эту тему развивать не стал.

В московских литературных кругах еще в годы работы Алиева в Баку разнеслась история о том, как Гейдар Алиев однажды, приехав в столицу, читал в Союзе писателей на память Пушкина — лирику, поэму «Евгений Онегин». Мало сказать, что писатели, которые слушали гостя, были ошарашены. Своим знанием Пушкина Алиев обворожил их. (Кстати, через годы по инициативе Президента Азербайджана в Баку появится памятник великому русскому поэту.) Через день-два вся литературная Москва знала, что Алиев выдает наизусть Пушкина, Лермонтова, не говоря уже о классиках азербайджанской литературы — Низами, Физули, Джавиде…

Вспоминая этот эпизод, Гаврилов замечает, что у Алиева было очень развитое эстетическое чувство. Он профессионально оценивал архитектуру, разбирался в изобразительном искусстве, театре. Потому-то и тянулись к нему известные деятели искусства — Кара Караев, Ниязи, Муслим Магомаев, Таир Салахов. Кстати, Салахов, вице-президент Российской академии художеств, написал прекрасный портрет Президента Азербайджана.

Любопытная история в этой связи вспоминается Александру

Гаврилову. Посмотрел он спектакль «Двое на качелях» — не по приглашению, а как обычный зритель, с билетом, купленным в театральной кассе. Наутро звонок:

— Здравствуйте, Александр Тимофеевич, это Табаков.

— Здравствуйте, Олег Павлович.

— Мы с вами не знакомы, но я вам позвонил, чтобы спросить, понравился ли вам спектакль.

Гаврилов, соображая, чем вызван звонок мэтра, ответил, что как зрителю спектакль ему понравился, но официальные оценки, которые, видимо, хотел бы услышать его собеседник, он давать не готов.

— А Гейдару Алиевичу вы рассказали о своих впечатлениях? — вкрадчиво поинтересовался любимец публики.

— Нет, он меня об этом не спрашивал. Но если вы настаиваете, я расскажу.

— Да-да, очень интересно было бы узнать мнение Гейдара Алиевича.

При случае Гаврилов пересказал шефу этот разговор. Алиев рассмеялся:

— А если он вам еще раз позвонит, что вы скажете? — И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Скажите, что я этот спектакль не смотрел, никаких отрицательных эмоций высказывать не буду.

Эмоции высказывали деятели от культуры. Алиев же хотел подчеркнуть, что он в экзекуции над театром не участвует.

Творческие люди знали об этом и нередко обращались к Алиеву за помощью, хотя непосредственно культурой он не занимался. Репертуарная политика, творческая сторона — считались по другому ведомству. Совмин же отвечал за материальную сторону культуры — Алиев вместе с Рыжковым детально занимались Большим театром, развитием книгоиздания, кинематографии…

В почте Алиева однажды оказалось письмо известного киноактера Армена Джигарханяна: он просил помочь с квартирой. Алиев направил письмо председателю Моссовета Промыслову; не перекинул, а именно направил — с просьбой помочь.

Через два месяца Армен Борисович перезвонил Гаврилову: передайте, пожалуйста, мою огромную благодарность Гейдару Алиевичу.

В Политбюро ЦК КПСС

Заглянем теперь с помощью Бориса Николаевича Ельцина на строго-настрого закрытую для всех непосвященных «кухню» Политбюро. Что там происходило?

«Заседания начинались обычно так. Члены Политбюро собирались в одной комнате. Кандидаты как вторая категория состава Политбюро и секретари ЦК как третья, выстроившись в ряд, ждали в зале заседаний, когда появится Генеральный. За ним шли все остальные члены Политбюро по рангу.

…Здесь, на вершине, так сказать, на партийном Олимпе, кастовость соблюдалась очень скрупулезно.

Итак, заседание Политбюро объявлялось открытым. Горбачев практически не спрашивал, есть ли у кого-то замечания по повестке дня. Начиная заседания, мог поделиться какими-то воспоминаниями, где, что он видел, в том числе и в Москве. В первый год моей работы первым секретарем горкома партии такого обычно не было, а во второй год он все чаще начинал именно с этих вопросов: то-то в Москве не так, то-то плохо, давал мне, так сказать, внутренний, эмоциональный настрой.

Дальше начиналось обсуждение какого-то вопроса. Например, кадры, утверждение министров, с которыми перед этим иногда разговаривал Горбачев, а иногда вообще не беседовал, сразу будущего министра вызывали на Политбюро…. Обсуждение любого вопроса начиналось с предварительного знакомства с материалами повестки дня заседания Политбюро. Но, на мой взгляд, давали их поздновато. Иногда, правда, знакомили за неделю, но чаще — за сутки-двое, и потому изучить глубоко вопрос, касающийся принципиальных сторон жизни страны, за такой срок практически невозможно. А надо было бы посоветоваться со специалистами, обсудить его с теми, кто владеет данной проблемой. Но времени давалось мало, то ли специально, то ли из-за недостаточной организованности.

…Обычно вводное слово произносил Горбачев, делал это он всегда пространно, иногда приводил в подтверждение своих мыслей кое-какие письма, которые ему готовили, он читал одно, второе. Вся эта прелюдия обычно предопределяла итоги обсуждения проекта постановления, подготовленного аппаратом. Поэтому так и получалось, что аппарат на самом деле ведал всем. Члены Политбюро чисто формально участвовали в обсуждении этих вопросов.

…Скажем, пустопорожность наших заседаний была не так заметна, но чем дальше, тем яснее становилось, что наша

деятельность малоэффективна. Горбачев все больше любовался собой, своей речью — округло говорить он любит и умеет, было видно, что власть его захватывает, он теряет чувство реальности, в нем живет иллюзия, что перестройка действительно широко и глубоко развивается, что она быстро захватывает территории и массы. А в жизни все было не так.

Я не помню, чтобы кто-нибудь хотя бы раз попытался выступить достаточно резко против. Но я все-таки встревал…»

Такая вот оценка заседаний Политбюро. Дана она после всех событий, в период, когда Ельцин был без власти. Четко проглядывает обида на то, что его, Ельцина, обошли, отторгли. Он ничуть не хуже Горбачева, других членов ПБ, а его считают человеком второй категории, не допускают в специальную комнату, держат в общем зале… Небезынтересна и ельцинская характеристика персонально каждого члена Политбюро. Она немного напоминает гоголевско-чичиковскую оценку помещиков. Помните героев «Мертвых душ» — Собакевича, Ноздрева, Плюшкина?

Андрей Андреевич Громыко, в ту пору Председатель Президиума Верховного Совета, по словам Ельцина, «как бы» существовал. Он «что-то делал, с кем-то встречался, произносил речи, но на самом деле вроде бы и не нужен был никому… Громыко был как бы перенесен в настоящее из далекого и не очень далекого прошлого. При этом, естественно, он не очень сильно понимал, что происходит вокруг, о чем вообще идет речь».

Не нашлось у критика добрых слов для Председателя Совета Министров СССР Рыжкова, председателя Комитета партийного контроля Соломенцева, председателя КГБ Чебрикова, Лукьянова: «Он не может управлять нестандартными ситуациями, у него в полной мере проявился набор партийно-бюрократических качеств — негибкость, отсутствие внутренней свободы, широты мысли».

«В. И. Долгих. К его несчастью, Гришин записал Долгих в свой список ближайших сторонников, собирался включить его в состав членов Политбюро и предложил поставить его на место Председателя Совета Министров.

…Пожалуй, это был один из наиболее профессиональных, эффективно работающих секретарей ЦК.

Д. Т. Язов, министр обороны. Это настоящий вояка, искренний и усердный. Ему можно было бы доверить командование округом или штабом, но к должности министра обороны он не подготовлен. Ограничен, совершенно не приемлет критику…

В. В. Щербицкий, первый секретарь ЦК Компартии Украины. Горбачев боится его трогать, так же как в свое время он не хотел

решать вопрос с Алиевым.

В. А. Медведев, секретарь ЦК, член Политбюро. Главные его достоинства — послушание и отсутствие новых мыслей и идей».

Примерно такие характеристики раздавал коллегам Ельцин.

Если верить ему, на партийный Олимп взобрались одни бездари. Они-то и недооценили Бориса Николаевича. Они же, типичные представители советской государственной машины, по мнению Ельцина, погубили Горбачева.

Со многим в оценках первого Президента России можно поспорить. И, в частности, с негативными оценками Алиева, Рыжкова, Щербицкого… С тем, что один Ельцин, как он говорит, «встревал» на заседаниях Политбюро, остальные же помалкивали. Как раз чаще было наоборот: именно он отмалчивался.

Но главное даже не в этом. По точному замечанию помощника Генерального секретаря ЦК КПСС Валерия Ивановича Болдина, «борьба за спасение страны уже давно перешла в борьбу за выживание и популярность Горбачева». Помощник, а позже руководитель аппарата Президента СССР знал, о чем говорил. Он сам был участником самых узких посиделок у генсека-президента.

Горбачев, по многим свидетельствам, умел производить впечатление, когда хотел. «Но я и многие другие, — писал В. Болдин, — знали и иные стороны его характера, привычки: он бывал груб, мог обидеть и унизить собеседника». Так происходило даже с ближайшими товарищами, соратниками, говоря высоким партийным слогом. Валерий Болдин даже задается вопросом: «Как могло случиться, что эти люди позволяют генсеку обвинять их в неверности избранному курсу, унижать достоинство? Каждый волен иметь свое видение, свою точку зрения, и никакой крик и посвист словесной нагайки, казалось бы, не должен изменить их точку зрения».

Да, Горбачеву поддакивали далеко не все. Свои взгляды мужественно защищали Рыжков, Алиев, Слюньков, Маслюков.

Юрий Петрович Баталин обратил внимание, как независимо Гейдар Алиевич вел себя на заседаниях Политбюро.

— Когда правительство выносило какой-нибудь вопрос на Политбюро, там искусственно создавалась критическая ситуация. Я заметил, — рассказывает Баталин, — Алиев, понимая драматургию подобных заседаний, поведения тех или иных членов ПБ, всегда выступал твердо, иной раз даже жестко, отстаивая позицию правительства.

Помню, кто-то сделал замечание, кажется, Горбачев: «Гейдар Алиевич, вы тут не по-партийному себя ведете, отстаиваете хозяйственную линию, а вы же член Политбюро». За словом в

карман он никогда не лез. И сейчас ответил корректно, но с достоинством. Я, говорил он, отстаиваю предложения, которые глубоко, с участием ведущих специалистов, обсуждены в правительстве. У нас сложилась четкая позиция. И если она будет принята, это будет отвечать и партийным интересам.

Словом, позицию правительства он отстаивал очень твердо, убедительно и решительно. Это мне запомнилось.

Нередко возникали противоречия между ним и Горбачевым. Наверное, это была одна из причин, из-за которой Горбачев отправил его в отставку.

— Значит, Горбачев видел в нем соперника?

— Соперника, пожалуй, нет, — отвечает Баталин, — а сильного оппонента — да. Не нравилось Горбачеву то, что Алиев не поддакивал ему, а защищал свои позиции.

Один из характерных примеров — отношение к чернобыльской катастрофе.

— В тот день, хотя и была суббота, я находился на работе, — вспоминал Гейдар Алиевич, — кстати, все субботние дни я работал. Я услышал, что на атомной электростанции произошел взрыв, но подробностей не знал. Я спросил управделами Совмина Смиртюкова: что произошло? Я член Политбюро, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, ничего об этом не знаю. Он ответил, что на Чернобыльской АЭС произошла авария. Это случилось в конце дня.

В воскресенье не работал. Естественно, ничего не смог узнать. В понедельник утром Горбачев собрал членов Политбюро. Причем проводил заседание у себя в кабинете. Позвонили мне утром между 10–11 часами, вызвали. Дали очень куцую информацию.

Швеция, Польша, Германия, другие европейские страны распространили сообщения о радиационном излучении. По существу, сообщение о чернобыльской трагедии было известно всему миру. В такой момент Горбачев проводил заседание… Мы чувствовали, что произошла трагедия, надо принять меры. Предусмотренные для этого меры, по-моему, были недостаточны. Я сейчас не хочу выставлять себя героем, поймите меня правильно. Я выступил и сказал, что в связи с этим вопросом надо дать незамедлительную информацию. Причем информацию достоверную. Все должны знать, что произошло. Ибо суть события уже известна всей Европе. Тогда Лигачев резко перебил меня: «Что вы хотите? Какую информацию вы хотите?» Я сказал: «А какой она может быть? Я хочу, чтобы дали точную информацию. Ведь мы не можем утаивать такой факт».

Тогда и Александр Николаевич Яковлев выступил, как я.

Впоследствии мы как-то встретились с ним, он выразил недовольство действиями Лигачева. Он сказал мне: видите, только мы с вами предложили дать полную информацию. Но Лигачев тогда был более влиятельным человеком. Вот так все происходило…

«Это очень важная деталь, — считает депутат Верховной Рады Украины Борис Олейник, известный поэт. — Горбачев боялся приехать в Киев. Даже когда Щербицкий хотел отменить первомайский парад и попытаться эвакуировать хотя бы детей из зоны трагедии, Горбачев пригрозил ему, мол, ты сеешь панику среди населения. Гейдар Алиев по сути заставил Горбачева согласиться с тем, что на Украине произошла широкомасштабная трагедия. Мы помним и ценим позицию Гейдара Алиевича Алиева».

На одном из заседаний Политбюро, свидетельствует тот же Валерий Болдин, генсек «необузданно разнес в пух и прах Г. А. Алиева, после чего тот с тяжелым инфарктом попал в больницу и года два не мог прийти в себя. Конечно, критиковать Алиева было за что, но почему его столь беспардонно порочили на заседании, где вообще-то должен быть дух товарищества и уважительной критики? Его отправили на пенсию, на пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев тепло отозвался о нем и его работе, но при публикации стенограммы эти слова выбросил».

Как оценить такие действия генсека, казалось бы, большого моралиста? О своей репутации среди современников и потомков он заботился очень тщательно. Вот небольшой, но весьма характерный пример.

23 августа 1985 года. В ЦК КПСС под руководством нового генсека Михаила Горбачева идет большое совещание. Обсуждаются планы экономического и социального развития СССР на 1986 год и двенадцатую пятилетку. Выступает председатель Госсельхозтехники В. Ежевский, министр Союза. Говорит о том, что необходимо снижать вес сельхозтехники.

— Снижение веса на одну тонну, — тут он обращается прямо к генсеку, — экономит в год, Михаил Сергеевич, 900 килограммов дизельного топлива. Кроме того, облегчение машин меньше уплотняет почву и не нарушает ее плодородия. Таким образом, применение эффективных профилей дает здесь двойной эффект.

Горбачев: «Подожди, ты слышал, что Колпаков говорил, обращаясь ко всем машиностроителям и другим потребителям металла?»

Министр черной металлургии СССР Серафим Васильевич Колпаков, один из самых крупных специалистов отрасли, сказал что-то дельное. Но мы сейчас не об этом, не о производстве

профилей и облегченных машин. Мы — о деловой этике. Глава партии, а в Советском Союзе это был и руководитель страны, прилюдно тыкает министру, человеку, который значительно старше его. Но в историю эта деталь не должна попасть. И тогда в стенограмму вносится поправка: вместо подожди — подожди ТЕ, вместо ты слышал Вы слышали. Мелкая деталь, но — и характерная.

Сопоставляешь воспоминания людей, близко знавших Горбачева, и порой кажется, что речь идет о разных лицах. Болдин представляет образ несдержанного, мягко говоря, человека. А вот другой помощник, Георгий Хосроевич Шахназаров, рисует портрет этакого добряка:

«В отношении к людям Горбачев ровен и доброжелателен. Не слышал, чтобы на кого-нибудь кричал. Иной раз, впав в раздражение, повысит голос, но тут же спохватывается, улыбнется или махнет рукой, как бы предлагая забыть неприятный эпизод. С теми, в ком разочаровался как в работниках или кто подвел его, расстается без сантиментов, но и не питая злобы. Не мстителен: никого из своих противников со свету не свел, не посадил, не выслал, не лишил работы».

Вот такой ангельский портрет. Читатель сам может судить, сколько в нем правды. Или — каким одаренным лицедеем был тот, кто оказался на несчастье большой страны во главе ее. Кстати, первым признался в своей ошибке Андрей Андреевич Громыко, министр иностранных дел, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР и, бесспорно, к тому времени самый авторитетный человек в Политбюро. Именно он рекомендовал пленуму ЦК КПСС после третьих похорон (Брежнев — Андропов — Черненко) избрать генсеком Горбачева. За поддержку кандидатуры Горбачева его гонцы обещали ветерану ПБ спокойную старость на непыльной должности Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Довольно быстро прозрели и другие коллеги генсека, этой цельной натуры, по оценке Шахназарова, которую «подвели природная беспечность и фанатичная уверенность в свою звезду». Провозглашенная перестройка не давала отдачи. И не могла дать — потому что это был набор бессвязных действий. Впечатление тех лет — страна тонет в словах. Чуть ли не каждый день меняются цели: ускорение научно-технического прогресса и антиалкогольная кампания, госприемка и борьба со спекуляцией, надежда на кооператоров и свободные выборы, огонь по бюрократии и возвращение власти Советам; бесчисленные мирные инициативы… Прав Шахназаров в своем выводе: «Едва ли не каждый последующий шаг власти направлен на то, чтобы

отменить предыдущий или, по крайней мере, сгладить его последствия. Словно тычется она сослепу в стену, тщетно пытаясь найти выход на верную дорогу».

А верная дорога, между тем, все не находилась. В народе нарастало раздражение. Кругом — очереди, ничего не купишь, самое популярное словечко — достать. Достали талоны на мебель, обувь, одежду, продукты. На нефтепромыслах и шахтах профсоюзные лидеры делят одну синюшную курицу на двух обладателей счастливых талонов.

Из-за поспешных кадровых назначений обостряются национальные отношения в ряде республик, в том числе в Казахстане. По авторитетному свидетельству Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева (письмо авторам этой книги), «Гейдар Алиев был единственным из руководства Политбюро ЦК КПСС, кто пытался в преддверии алма-атинских событий 1986 года уговорить Горбачева не принимать скоропалительных решений. Он настаивал на том, что нельзя было ставить во главе Казахстана вместо уходящего на пенсию Д. Кунаева «привозного» лидера, а надо выдвинуть местного. Однако к нему не прислушались, и случилось то, что случилось, — возмущенный народ вышел на площади и улицы, что в итоге вылилось в кровавое столкновение.

Так же было и потом, когда он начал активно критиковать руководство Кремля в отношении издержек в национальной политике, в частности в Закавказье, и начал бить тревогу по поводу назревавшего карабахского кризиса. Это стало той каплей, насколько я знаю, которая переполнила чашу терпения и он был отправлен в отставку».

Да, так и было. На том Политбюро, когда решался вопрос о Колбине, все промолчали. После заседания Алиев зашел к Горбачеву. Вот как сам Гейдар Алиевич вспоминает об этом разговоре:

«Знаете, Михаил Сергеевич, я там не хотел ничего говорить, потому что там не было соответствующей обстановки. Но я хочу вам сказать, что как-никак я знаю национальную психологию людей. Вы допускаете ошибку. Колбин неплохой человек. Он может быть хорошим первым секретарем. Он был первым секретарем Ульяновской области и, кажется, работал неплохо, хотя занимался и очковтирательством. Это всем известно. Хочу сказать, что его вы могли бы назначить в самую крупную парторганизацию России. Он будет работать. А для Казахстана Колбин не годится. Учтите, что вы допускаете ошибку. Горбачев, взглянув на меня с досадой и злостью, сказал: «Ладно, посмотрим». Так что я выполнил свой долг».

Вспоминая позже свои московские годы, Алиев говорил, что он как трезвый политик не мог согласиться с реформами, которые не были просчитаны, проверены научным экспериментом или жизнью. «На заседаниях Политбюро я нередко резко выступал против авантюрных планов, и, надо сказать, мне удавалось порой удержать Михаила Горбачева от некоторых непродуманных решений. Но вот Егора Лигачева, моего главного «оппонента», с его антиалкогольной кампанией удержать не удалось, — какой огромный вред был нанесен республикам, в которых разводили виноград, Азербайджану в том числе: выкорчевывались целые плантации, останавливались заводы».

Алиев вел себя независимо, не подлаживался под изменчивые настроения генсека, отстаивал, если был убежден, свое мнение и оказался неугоден Горбачеву и его окружению.

Среди мероприятий, предложенных Алиевым в рамках Международного года молодежи, был конкурс работ учащихся профтехучилищ. Выставку этих работ открывали на ВДНХ. По ходу подготовки последовала директива Лигачева: мероприятие проводится под эгидой ЦК. Вспоминает Александр Тимофеевич Гаврилов:

— Открывается выставка. Выступает Юрий Петрович Баталин, рассказывает… И в это время Алиев решил что-то добавить… Лигачев поворачивается к нему: мол, ты чего лезешь? Баталин докладывает, а других докладчиков нам не надо. Один член Политбюро другому… При всех… Когда я услышал эту реплику Лигачева (привожу не дословно, но за смысл ручаюсь), мне стало стыдно. Как он мог позволить себе такой тон? Все-таки Алиев — такой же, как ты, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель председателя правительства Союза! Да если бы и не было у него этих должностей?! Что страшного случилось, что он несколькими словами дополнил Баталина?

— Они в Политбюро, видимо, уже «приговорили» Алиева? — спрашиваем мы Гаврилова.

— Да, приговорили, — уверенно отвечает он. — Приговорили Горбачев с Лигачевым да Яковлев…

Александр Тимофеевич вспоминает весьма примечательный эпизод, связанный с собственной биографией. Заведующему секретариатом Алиева не нравилась самостоятельность Гаврилова, то, что он имеет прямой доступ к шефу, минуя его, зава. В общем, между ними — при всей деликатности Гаврилова — вспыхивали искры. Александр Тимофеевич даже попросил друзей подыскать ему другую работу. Этот разговор дошел до Яковлева, и он как-то поинтересовался у Гаврилова:

«Ну, как тебе там? Как тебе с ним?»

«С ним у меня нормально, — ответил Гаврилов, понимая, что его собеседник избегает имен. — Сложности с его окружением».

— Чувствую, Яковлеву это не понравилось, — рассказывал дальше Гаврилов. — Он хотел, видимо, чтобы я плохо отозвался об Алиеве. А у меня с ним деловые, нормальные отношения, ничего плохого я о нем говорить не собирался.

«Не переживай, — закончил разговор Яковлев. — В сфере идеологии тебе место найдется».

Дальше события развивались так. Гаврилову предложили место заведующего сектором в отделе пропаганды ЦК партии, но… Яковлев сказал Гаврилову, что не хочет ему (Алиеву) звонить: «Ты подай заявление и уйди, а мы тебя потом заберем».

«На это я не пойду», — ответил Гаврилов.

Мы беседуем в его небольшом кабинете на пятом этаже «Российской газеты». На столе, заваленном книгами, верстками новых изданий, едва находится место для двух чашечек кофе.

— Я думаю вот что, — продолжает Гаврилов. — Алиев пришел при Брежневе, но по рекомендации Андропова. Он был любимцем Брежнева, как и Шеварднадзе. Но главное — это был выбор Андропова. Ему сразу поручили транспорт, как в свое время Дзержинскому, чтобы навести там порядок. Он уделял транспорту исключительное внимание и очень слаженно работал с министром путей сообщения Конаревым. У них были очень хорошие, товарищеские, даже дружеские отношения. Горбачеву, Лигачеву, Яковлеву такие люди были не нужны. Это страшное дело…

Уинстон Черчилль как-то сравнил политическую борьбу в Советском Союзе со схваткой бульдогов под ковром. Горбачев и Яковлев доступными им методами формировали свою команду. А Лигачеву — скорее всего — показали компромат на Алиева, и он примкнул к сильным.

— Я считаю, что Алиев играл огромную положительную роль. Он тщательно соблюдал управленческие моральные нормы, никогда не пытался подставить ножку Николаю Ивановичу Рыжкову. И они работали рука об руку.

Атака на Алиева готовилась исподволь. И, как чаще всего бывает в большой политике, чужими руками. Под внешне благородными целями.

В начале 1987 года один из авторов этой книги работал в газете «Социалистическая индустрия». Вспоминается, как главный редактор, вернувшись с совещания в ЦК КПСС, собрал редколлегию: нам поручено разобраться, что происходит в Баку, в Азербайджане (Алиев еще член Политбюро, но атака уже готовится). По партийной прессе прокатилась серия критических

материалов. В их ряду оказалась и серия публикаций «Социндустрии». Косвенно это был удар по Алиеву, хотя газета взвешенно писала о социальных проблемах большого города, по достоинству оценивала постановление Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии городского хозяйства города Баку на 1985–1990 годы», принятое по инициативе Алиева.

Десятое мая 1987 года выпало на воскресенье. Сотрудники секретариата поздравляли Гейдара Алиевича с днем рождения в понедельник. Поздравляли немного растерянно. Потому что в почте не было письма или телеграммы ни от Горбачева, ни от Политбюро. Никто со Старой площади не звонил.

— Я про себя думал, — рассказывает Александр Гаврилов, — понятно: решили от него избавиться. Но ведь день рождения! Он же — человек, ваш товарищ и даже соратник, как вы говорите. Вы столько лет общались, он — член ПБ, первый зампредседателя правительства. Но не послал приветствие Горбачев и молчит окружение. Первым его поздравил в тот день Конарев, исключительный мужик. Правда, попозже, когда мы передавали ему документы, Алиев как бы вскользь сказал, что накануне Горбачев позвонил ему в машину, поздравил. А может быть, и не было того звонка — мы об этом уже не узнаем.

В тот понедельник Гейдар Алиев почувствовал себя плохо. Прибежал врач, послушал и сказал, что его надо немедленно госпитализировать. Алиев отказывался.

— Я не имею права вас не госпитализировать. Вы отвечаете за свои дела, а я — за свои. Я категорически настаиваю на госпитализации.

Гейдар Алиевич попытался сам дойти до машины «скорой помощи», но в коридоре сдался. Дальше его понесли на носилках.

Навещали Алиева руководители Азербайджана — Багиров, Сеидов. Заглядывал министр путей сообщения Конарев. А что же соратники из Политбюро? Неужели им незнакомы простые человеческие чувства? Неужели в их мире правил только расчет? Похоже, что так и было. Только Николай Иванович Рыжков приезжал к Алиеву в больницу. Он вспоминает:

— Спустя годы Алиев признался мне: грешным делом подумал, что Николай Иванович приехал, чтоб подсластить пилюлю. Я как сейчас помню, проводил кого-то из зарубежных премьеров, позвонил в больницу узнать, нет ли сейчас процедур, и решил заехать. Он был очень благодарен и только позже признал, что ошибся в своем предположении.

Горбачев поставил цель: расчистить вокруг себя поле. И Лигачев ему активно помогал. Шаг за шагом они зачищали площадку. Нехорошо все это. Непорядочно.

Николаю Ивановичу врезалась в память такая история.

— Нужна была квартира для сына или дочери Алиева. Семью его я мало знал, с женой встречался раз или два, моя Людмила ее знает больше. В общем, кому-то, сыну или дочери, была нужна квартира. И мы приняли решение — дать квартиру в новом доме рядом с нынешним «Президент-отелем», раньше это была гостиница «Октябрьская». Дом цековский, Управления делами ЦК и Совмина обменивались квартирами, работали вместе. Словом, выделили квартиру и вдруг приходит Алиев: нам, мол, отказали. Я позвонил Кручине в Управление делами ЦК: «Николай Иванович, что ты делаешь?» Он замялся. «Слушай, это же непорядочно, Алиев еще вчера был членом Политбюро, он остается первым заместителем Председателя Совета Министров, семья уже готовилась переезжать. Мы с тобой вместе приехали в Москву, вместе работали в ЦК партии». — «Да, Николай Иванович, разве я не понимаю». — «Какого же хрена?!» Тут же звоню Смиртюкову. В общем, решили вопрос…

— Но это же наверняка тормозили не Кручина или Смиртюков.

— Конечно… Был еще такой случай. Уже когда Алиева освободили, мы сидели часа три, очень откровенно говорили. Я сказал, что у меня в сейфе лежат бумаги… Я полистал их…

— Николай Иванович, я знаю, кто это написал. У вас такая бумага, у Горбачева, Яковлева… Это месть непорядочных людей.

В долгом и добром разговоре за чашкой чая Николай Иванович спросил своего собеседника и о знаменитом перстне. Все, кто смотрел репортаж из Баку о последнем визите генсека, помнят, как Леонид Ильич любовался перстнем.

— Гейдар Алиевич, идут разговоры, что вы вручили Брежневу перстень с бриллиантом. Он сидел в президиуме и крутил этот перстень. Все освещение было направлено на него, и мы видели, как блистали лучики.

— Николай Иванович, сплетни все это, — ответил Алиев. — Зачем мне все это? — И достал журнал. На обложке снимок: брежневский самолет. От трапа отходят Гейдар, Брежнев и другие лица. Сзади — начальник охраны, генерал. — Я зашел в самолет, как положено хозяину. Пригласил Брежнева: «Леонид Ильич, пойдемте». Так всегда полагалось. Ну неужели вы думаете, что в самолете я сунул ему перстень. Присмотритесь: на руке Брежнева то самое кольцо. Он прилетел с ним. Неужели я такой идиот, чтобы, приглашая гостя спуститься на азербайджанскую землю, начинать с подношения?

— В общем, разговор был очень откровенный, — заключает Рыжков. — Я ему поверил, а через пару дней с этим пакетом

зашел к Горбачеву. Мы с ним встречались почти ежедневно, а то и два-три раза в день. Генсек увидел пакет, тут же бодро отозвался: «У меня такой есть». «Михаил Сергеевич, я разговаривал с Алиевым». — «Ну и что?» — «Я считаю, надо положить эти бумаги подальше и забыть о них». Я так и сделал — никакого хода им не дал. Что сделал Горбачев со своими бумагами, не знаю.

Генсек о них не забыл. Готовилось громкое дело. «Будет процесс почище рашидовского», — приводит слова Горбачева его помощник Черняев. Не получился процесс. Не мог получиться, потому что «факты оказались ерундой». К такому выводу после многочисленных проверок, комиссий пришел и Яковлев. Ему доложил Пуго, председатель Комитета партийного контроля: оснований для возбуждения дела нет.

Александр Николаевич Яковлев охотно призывает большевиков покаяться за их реальные или мнимые грехи. Но почему-то за свои грехи, хотя бы за расправу с Алиевым, его семьей, не кается. Вроде он ни при чем.

«Вы знаете, Артем, я рад, что Зарифа не была свидетелем всех тех унижений, через которые мне пришлось пройти, когда я был изгнан из состава Политбюро».

Так говорил Гейдар Алиевич Артему Боровику, замечательному журналисту, погибшему в авиакатастрофе. Свидетельство Артема записал Вагиф Мустафаев. В том же фильме Боровик рассказывает, как Гейдар Алиевич звонил Шеварднадзе (ему как министру иностранных дел подчинялся МГИМО, где преподавал Ильхам), просил: «Оставьте парня в покое. Почему вы его бьете дубиной по голове?» И все-таки, продолжает Артем Боровик, Ильхама уволили. А он в то время содержал отца, семью. Эта семья битая, много испытавшая.

…После отставки Алиева журналисты допытывались у Рыжкова:

— Вы с ними работали, правда же, он плохой человек?

— А если я скажу, какой он хороший, вы не станете писать? Вам это неинтересно? Я всем говорил тогда и повторю сейчас, что не буду бросать камни в этого человека. Да, мы работали вместе. И он хорошо работал.

Рыжкову вспоминается эпизод в аэропорту «Внуково»:

— Сижу перед вылетом, пью чай. Подходит незнакомый азербайджанец: «Николай Иванович, давайте выпьем по бокалу шампанского. Я хотел бы с вами выпить за нашего Гейдара. Вы единственный человек, который не бросил в него камень, не пошли на поводу у других».

Но эта встреча была позже. Пока же Горбачев тасовал карты — менял во второй или третий раз свое окружение.

Однажды черед дошел и до Евгения Максимовича Примакова, члена Политбюро ЦК КПСС, а после — Президентского совета. Академик занимал в Кремле тот самый кабинет, где до него работал Алиев. Рассказывая о событиях 1991 года, Примаков пишет:

«После XXVIII съезда КПСС я всецело сделал упор на работе в Президентском совете. Занимался не только внешнеэкономической деятельностью, но и вопросами, выходящими за ее рамки. Отношения с Михаилом Сергеевичем были хорошими, и я мог ставить перед ним проблемы довольно острые, решение которых, на мой взгляд, было необходимо. Но постановка этих вопросов вызывала определенную напряженность. Сознаюсь, главное, что меня волновало, даже возмущало, — это недостаточная решимость в укреплении власти Закона». Но в этом-то, заметим, и был весь Горбачев. На соображения Примакова он ответил, что «хочет избежать в тяжелые времена перехода к другому обществу гражданских столкновений — их могли бы спровоцировать решительные меры по наведению порядка в стране в целом». Примаков считал, что в словах Горбачева была только частичная справедливость: «Скорее даже справедливость намерений, а не возможных результатов отказа от такой активности, что в конце концов подтвердилось путчем, организованным ГКЧП».

Их острый телефонный разговор закончился фразой Горбачева: «Я чувствую, что ты не вписываешься в механизм».

За много лет до Горбачева похожую реплику о своих вчерашних соратниках бросил Сталин: они, мол, выпали из тележки на крутом повороте… Там — выпали, здесь — не вписались… Вот уже с кем не хотел бы быть в родстве Михаил Сергеевич, так это с Иосифом Виссарионовичем. Но при всей разнице характеров и действий оба они избавлялись от оппонентов. Правда, сталинские заканчивали свой путь в лучшем случае в лагерях, а горбачевских — «всего — навсего» настигали инфаркты, как Алиева или Рыжкова.

Николай Иванович не раз один на один встречался с Горбачевым, убеждал, что его экономический курс ведет страну в тупик.

— На последних заседаниях Политбюро до крика, до мата доходило, — вспоминает он. — Стенка на стенку шли. В открытую оскорбляли друг друга. После одного из таких заседаний я позвонил Горбачеву: так дальше нельзя. На заседания Политбюро приходят приглашенные, они разносят по всей Москве, как мы здесь за грудки хватаем друг друга. Мы же люди, а после таких ПБ спать невозможно. Михаил Сергеевич

предложил встретиться на следующий день, в субботу. Я в субботу и так всегда работал, а он — нет. Встретились… Когда окончили беседу, я понял, что в другой комнате была Раиса Максимовна.

— Я убедился, что наши позиции принципиально расходятся… С ним Медведев, с ним Яковлев… Это люди, которые в жизни ничего не сделали, они книг, которые подписаны их именами, даже не читали, ржавого гвоздя не вбили.

Гейдар Алиевич Алиев, как считают наши собеседники, безусловно, справлялся — и хорошо! — с тем огромным объемом работы, который достался ему в Совмине и ЦК. Две золотые звезды Героя Социалистического Труда (вторая при Андропове) были достойной оценкой его работ. Он нередко повторял чеховские слова: самое главное — работа, а остальное все приложится. И в больнице, едва почувствовав себя лучше, приступил к делам. Приглашал на совещания министров, руководителей служб, которые замыкались на него. Помощники записывали поручения. А вернувшись в Совмин, ловили участливые взгляды коллег.

— На нас смотрели как на утопленников, — заключает Александр Гаврилов.

Филипп Денисович Бобков за свою долгую жизнь в разведке и в большой политике повидал всякое; знает, как складывались на Олимпе симпатии и антипатии, какие сложные конструкции выстраивались, какие союзы — кто и против кого дружит, кого топят или в современной терминологии — мочат. Его оценка отношения Горбачева к Алиеву категорична:

— Это было абсолютно отрицательное отношение. Абсолютно! В отличие, скажем, от того, как к Алиеву относился Андропов — очень хорошо. Андропов не боялся сильных, самостоятельно мыслящих людей, он ценил их, выдвигал. А Горбачев таких людей боялся и избавлялся от них — Алиева, Романова, того же Ельцина, Рыжкова, Баталина…

После отлучения Ельцина от Политбюро Горбачев предложил ему должность первого заместителя председателя Госстроя — министерский пост. Ельцин не ожидал такого подарка — министр СССР! И тут же дал согласие. Горбачев заметил: «Но до политики я тебя больше не допущу». Он еще считал себя всевластным: не допущу! Двигал людей, словно фигуры на шахматной доске. Но сам уже проигрывал страну.

Впрочем, думал ли он о стране? Правда, любил при случае повторять слова из популярной песни: «Жила бы страна родная…»

…Юрий Петрович Баталин вспоминает об одной из своих последних встреч с Алиевым в Москве:

— Это было уже после его отставки, в больнице на Мичуринском проспекте. Мы тепло, как всегда, поздоровались, разговорились. Вид у Гейдара Алиевича в ту пору был неважный — заметно похудел, казался изнуренным. Отошли мы в сторонку, присели. И он бросил фразу, которая мне запомнилась. Дословно я ее не приведу, а смысл такой: все-таки меня не уничтожили, мне удалось остаться живым, теперь я выберусь. Он говорил так, что было понятно: речь идет не только о физическом здоровье. По слухам, его хотели убрать, но не смогли.

Впору задаться вопросом: кому так сильно мешал Алиев, уже ушедший в отставку? Московским вершителям судеб? Алиев понимал истинное лицо Горбачева, Яковлева, выступал против них. Но здесь, скорее, дело ограничивалось ненавязчивым сервис — контролем: прослушками и тому подобными штуками. Силам, которые рвались к власти в Азербайджане? Алиев не раз говорил, в том числе и своим армянским друзьям в Москве, в частности, заместителю министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Союза Араксляну: «Если бы я был в тот период в Азербайджане, никакого Карабаха, никакого Сумгаита бы не было».

— Это точно, — добавляет Юрий Петрович Баталин. — Я убежден в этом. Алиев сумел прекратить войну в Карабахе. Начались переговоры. Понимаю, как трудны такие переговоры. Но какими бы долгими они ни были, все равно это лучше войны.

В одно время с Алиевым в больнице на Мичуринском проспекте оказался писатель Альберт Лиханов.

— Спецы по политическим отношениям считали уже опасным для себя общаться с Алиевым, — рассказывает Альберт Анатольевич. — А я решил его проведать. У Гейдара Алиевича в это время был Ильхам, мне показалось, что он чем-то расстроен. Ильхам деликатно поднялся и вышел, а мы как-то незаметно разговорились и проговорили до позднего-позднего вечера.

Лиханова поразила палата, в которую определили Алиева («палатка», по его словам), убогая, тесная.

— Даже у меня палата была лучше. А у одного из правительственных чинов, к которому я тоже заходил, — шикарный люкс со своей кухней и буфетом. Мне ужасно обидно было за Алиева.

В тот долгий зимний вечер Алиев был очень откровенен.

— Он вспомнил Нахичевань, свою семью, как начинал, как строил свою жизнь. Видно было, что он сам увлекся воспоминаниями, — замечает Лиханов. — Потом дошли до новых времен… Алиев сказал, что ему нанесли удар, и прямо назвал Горбачева. Сказал, как его, Алиева, предавали, впрочем, это

характерно для нашей истории… Он говорил, ничего не боясь, ни на что не оглядываясь, хотя там, конечно, были прослушки.

После этой встречи мы с ним наладились по вечерам гулять. Я запомнил его пораженным несправедливостью, но несломленным… Гейдар Алиевич — очень сильный человек, блестящий организатор.

Всю свою жизнь был предан делу, был предан партии. И обидели его ни за что. Он работал не за страх, а за совесть.

Один из царей в Александрии спросил Евклида, не существует ли простого способа познакомиться с геометрией.

«Царского пути в геометрии нет», — ответил Евклид.

— Нет царского пути и в управлении, — любил добавлять Алиев. — Надо учиться. А тот, чьи притязания превосходят его знания и способности, всегда терпит поражение.

Глава VII. «Я НЕ КАМЕНЬ, НЕ ЖЕЛЕЗО, А ЧЕЛОВЕК»

19 октября 1987 года, Москва

В Кремле открылась сессия Верховного Совета СССР. В президиуме — руководители палат Верховного Совета, правительства, члены Политбюро.

«Порой кто-то входил, кто-то выходил, — вспоминал об этом дне Гейдар Алиевич. — Горбачев сидел передо мной. Вижу, он встал и вышел. Погодя поднялся и Лигачев, кивнул Рыжкову, чтобы и он вышел в комнату президиума. Там мы собирались до заседания, в перерывах пили чай. Через некоторое время пригласили меня.

Горбачев, начав со мной разговор, сказал, что, по его мнению, я должен уйти из Политбюро и Совмина. Я сказал, что причины, по которой я должен уйти, не знаю. Я не считаю, что должен уходить, но если вы так считаете, то возражений у меня нет. «Тогда вы должны сказать, чтобы мы знали: уходите по собственному желанию или по болезни».

В перерыве я отправился домой. Мои сын и дочь были дома. Объяснил им ситуацию. Молодцы они! Сказали: папа, ты не беспокойся, что ж такого…

Вечером, придя к Горбачеву, я сказал, что ухожу. Да, я ухожу, и можете заявить, что ухожу по состоянию здоровья. Он встал, обнял меня, поцеловал и сказал: «Большое спасибо, Гейдар Алиевич!»

К этому времени они были знакомы уже почти два десятка лет. Встречались на пленумах ЦК партии, сессиях Верховного Совета… В 1972–м Гейдар Алиевич с семьей отдыхал в Пятигорске. В один прекрасный день позвонил Горбачев, сказал, что хотел бы проведать, посмотреть, как отдыхается. Приехав, пригласил в Карачаево-Черкесию. Таким вниманием первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС одаривал далеко не всех секретарей и министров, отдыхавших в его вотчине.

Особое внимание, понятно, первым лицам: Брежневу, Андропову, Косыгину… Однажды Михаил Сергеевич пробросил Андропову давно заготовленную фразу:

— Нельзя Политбюро ЦК формировать только из людей преклонного возраста. У хорошего леса всегда должен быть подлесок.

Андропову льстивый образ с намеком понравился. И когда Горбачева — не без его помощи — избрали в Политбюро, Юрий Владимирович, поздравляя коллегу, вспомнил эту присказку:

— Ну что, «подлесок», давай действуй!

И Алиев поддержал этот выбор Андропова: «У меня мнение о

Горбачеве было положительное. Правда, — продолжал Гейдар Алиевич, — после того как его избрали Генеральным секретарем ЦК КПСС, он очень изменился. Это не только мое мнение, но и мнение других членов Политбюро». Но пока до избрания было далеко.

В той поездке в Карачаево-Черкесию они присмотрелись друг к другу, подружились. «Мне понравился Гейдар Алиевич, — вспоминал Горбачев начало их знакомства. — Очень умелый человек, очень способный вести диалог и на самом высоком уровне, и на самом простом. Это и мне было всегда близко. Мы как-то сошлись». «Это было началом нашей дружбы или добрых отношений», — добавляет Алиев.

…Следом за сессией Верховного Совета собрался пленум ЦК. 22 октября газеты опубликовали информацию: «Пленум удовлетворил просьбу т. Алиева Г. А. об освобождении его от обязанностей члена Политбюро в связи с уходом на пенсию по состоянию здоровья».

Для посвященных в тайны Кремлевского двора это не было неожиданностью. Алиева, как за несколько лет до этого Косыгина, «трамбовали» врачи: вам, мол, уважаемый Гейдар Алиевич, пора на пенсию, здоровье не позволяет больше переносить такие нагрузки. Тактичный по натуре пациент не выдержал нажима: ваше дело лечить меня, а как я буду дальше жить, работать или нет, вас не касается!

Выйдя из больницы, он постепенно втянулся, в работу. Внимательно изучает материалы съезда учителей, который задумывался при его участии; посылает свои замечания к совещанию в ЦК по вопросам коренной перестройки управления экономикой. В конце июня коренную перестройку (на меньшее вожди не замахивались) обсудил пленум ЦК КПСС. Из Политбюро вывели Кунаева, от обязанностей секретаря ЦК освободили Зимянина. В члены Политбюро произвели Александра Николаевича Яковлева. Алиев только хмыкнул: во шагает! В январе избрали кандидатом в члены Политбюро, через полгода — полноправным членом…

В начале сентября Алиев вышел на работу. Повседневные дела — заседания в ЦК и Совете Министров. 18 сентября члены Политбюро ЦК КПСС Г. А. Алиев, Л. Н. Зайков, В. П. Никонов, Н. И. Рыжков, Н. Н. Слюньков посещают выставку «Химия-87». По различным деталям Алиев фиксировал, как изменялось отношение Горбачева к нему. «Я это чувствовал постепенно, — говорит он в документальном фильме Вагифа Мустафаева «История одной зависти». — А до этого у нас были теплые отношения».

История одной зависти

Горбачев в этом фильме утверждает, честно глядя в камеру, что уход Алиева «был связан с состоянием здоровья. И я вам скажу: огромное давление республики. Огромное давление… Мол, своим положением, находясь здесь, он мешает республике. И я пришел к такому выводу.

Я не думаю, что здесь была проявлена какая-то кровожадность. Или тем более — сведение счетов. Все сделано было очень по-человечески с ним. Никто его не топтал, не унижал. То, что вокруг говорят, меня не интересует и не касается. Я-то знаю, что моя совесть чиста».

Читатель уже знает, как отставляли Алиева. Прочитает, как расправлялись с ним, и сам сделает выводы, чья совесть чиста, а чья-не очень. Первое, о чем Михаил Сергеевич спросил Мустафаева, сколько фильмов он снимает про Алиева.

— Двенадцать.

— Двенадцать! — удивился экс-генсек и экс-президент. — Мы с Геншером (бывший министр иностранных дел ФРГ. — *Авт.*) про меня одну серию сняли.

— Это ваши проблемы, — устало отозвался режиссер.

Он три года добивался от Горбачева согласия на съемки.

Наконец звонок из Москвы: «Михаил Сергеевич дал согласие. Ждет вас. Съемка в течение десяти минут».

Мустафаев и оператор тут же вылетели в Москву. Едва сошли с самолета, звонок мобильного телефона: «Михаил Сергеевич не может встретиться с вами».

Можете представить чувства кинорежиссера… Подъезжает к посольству Азербайджана, у памятника Низами его догоняет еще один звонок: «Михаил Сергеевич согласился!»

…Вошли в здание «Горбачев-фонда» на Ленинградском проспекте, недалеко от городского аэровокзала. В глаза бросился аквариум.

— Вот здесь будем снимать, — сказал Вагиф. Первые кадры — сдержанный, а то и бесстрастный разговор на общие темы. Но вот Мустафаев напрямую спрашивает, почему генсек удалил Алиева. «Горбачев начинает нервничать, — вспоминает Вагиф, — волнение передается оператору, камера у него в руках трясется… А нам еще надо задать много вопросов».

Один из них был связан с Ильхамом, сыном Гейдара Алиевича, преподавателем Московского государственного института международных отношений. Его заставили уйти из института. Горбачев сказал, что впервые об этом слышит.

«Историю одной зависти» показывали на кинофестивале в Екатеринбурге, фильм получил Гран-при. Когда Горбачев говорил, что впервые слышит об эпизоде в МГИМО, на весь зал раздался женский голос: «Да врет он все, этот Горбачев!» А рыбки за его спиной все виляли и виляли. Генсека, по оценке начальника его личной охраны генерала Медведева, отличали бесхарактерность и непостоянство. Он бесконечно тасовал свое политическое окружение, бросая и левых, и правых. В эти жернова попал и Гейдар Алиевич Алиев.

Владимир Медведев — генерал КГБ СССР, многолетний руководитель личной охраны Л. И. Брежнева (14 лет) и М. С. Горбачева (6 лет). После Брежнева и до Горбачева, два с половиной года, он служил в резервном отделении Девятого управления КГБ, которое обеспечивало безопасность глав высокопоставленных делегаций. В этом качестве он дважды готовил визиты Гейдара Алиева — первый в Вологду и Череповец, второй — во Вьетнам.

Конечно же, Алиев хорошо помнил Владимира Тимофеевича по прежним встречам, в том числе и в Баку, куда генерал прилетал с Брежневым. Выслушав протокольный рапорт о том, что визит подготовлен, тут же по-дружески спросил, как дела, как работается в новой должности.

«Я знал, что Алиев был на высоком счету у Брежнева, — вспоминает генерал Медведев. — Знал, что в Политбюро ЦК он включен по рекомендации Юрия Владимировича Андропова».

Во Вьетнаме Алиеву предстояло посетить металлургический завод. Первым по будущему маршруту главы советской Делегации прошел Владимир Медведев. Заметил в груде металлолома у мартеновских печей снаряды. Хозяева убрать железяки отказываются: они, мол, не опасны.

«Когда прибыл Гейдар Алиевич, — рассказывает Медведев, — я ему, разумеется, доложил о снарядах и попросил, нельзя ли от поездки на завод отказаться. Но это не в характере Алиева отказываться. «Нельзя, — ответил он, — нас ждут там люди, надо ехать». Он всегда такой был. И, кстати, к собственной безопасности относился не то чтобы пренебрежительно, с бравадой, нет — не это было для него главное». Любопытно привести здесь еще одно свидетельство такого рода — журналистки Эльмиры Ахундовой. Она среди других репортеров сопровождала Президента в его очередной зарубежной поездке. Незадолго до этого, в июле 1995 года, только счастливый случай спас самолет, на котором Алиев возвращался после визита в Болгарию и Румынию. Кое-кто откровенно побаивался новой атаки террористов. И тогда прямо в самолете, ответив на вопросы

Эльмиры, Гейдар Алиевич добавил: «Ты не бойся, ничего со мной не случится. Меня хранит Аллах, потому что знает — я еще нужен своему народу».

Жаль, что даже Аллах не мог защитить человека от партийных козней.

Мы еще расскажем о том, как глубоко и емко оценил Нурсултан Назарбаев деятельность и личность Гейдара Алиева, вспомним, как вызревал и взорвался Карабах… Пока же вернемся к XXVII съезду КПСС, на котором Гейдара Алиева, уже персонального пенсионера союзного значения, избрали членом Центрального Комитета. Биографическая справка перечисляет его партийные и государственные должности, вплоть до самой последней (на то время): «С октября 1987 г. по ноябрь 1988 г. государственный советник при Совете Министров СССР».

Должность почетная. Вернулись силы. Он, как всегда, к 8.30 приходил на работу в свой небольшой кабинет и все острее чувствовал: в его советах никто здесь не нуждался.

Недолгое время Алиев оставался государственным советником при Совмине СССР и членом ЦК КПСС. Потом его освободили и от этих «нагрузок». Мнение авторитетного и мудрого политика Александра Сергеевича Дзасохова, Президента Республики Северная Осетия-Алания: «С Алиевым поступили несправедливо».

Как-то после отставки Гейдар Алиевич попросил заведующего «своим» секретариатом подобрать для него некоторые материалы. Услышал в ответ оскорбительную реплику: «Вы у нас уже не работаете».

Тогда по своей доброй воле бумаги стал подбирать Александр Гаврилов. Бдительный зав тут как тут:

— Вы для кого это готовите?

— Для Алиева.

— Запомните: он у нас уже не работает!

И все же Александр Тимофеевич ослушался шефа. «Иначе поступить было бы не по-людски», — рассудил он.

Маленький штрих человеческой порядочности на фоне холуйского подличанья.

Пришлось переезжать на другую дачу — «дали какую-то деревяшку», — в сердцах замечает Лиханов. — Ладно, своей фазендой Гейдар Алиевич не обзаводился, устроился и в «деревяшке». Сняли охрану — Бог с ней. Но зачем же отозвали домработницу, которая прибирала, готовила — он ведь после инфаркта, после смерти жены. Унизили мерзко, мелочно.

Помнится примечательная картинка в Кремлевском дворце съездов. Вестибюль в перерыве заполнили партсекретари,

министры, большие военные чины… Кучкуются, шумно здороваются, обнимаются с теми, кого давненько не видали. И старательно обтекают одного человека, отводя от него глаза. Это Гейдар Алиевич Алиев, уже не член Политбюро, не первый зампред в Совмине. Еще вчера эта публика вилась бы вокруг, чтобы засвидетельствовать уважение, мелькнуть будто невзначай перед глазами, напомнить о себе: есть, мол, такой Добчинский-Бобчинский.

Виктор Поляничко, понаблюдав за унизительной сценкой, не выдержал, кивнул одному из авторов этой книги:

— Витя, подойдем, поговорим с Гейдаром Алиевичем.

Мы подошли. Увидели, как благодарно вспыхнули его глаза.

Тот дворцовый сюжет был только началом отчуждения, прелюдией травли, через которую предстояло пройти Алиеву. Он еще не знал, что его будут предавать ученики, выдвиженцы, товарищи из самого близкого окружения. «Мне кажется, самое, страшное — ошибиться в людях, — скажет он. И еще у него вырвется:…вы знаете, в отношении меня было совершено много несправедливостей. Я ведь тоже человек, не камень, не железо, а человек!»

Это был тот эмоциональный порыв, пожалуй, единственный в годы жестокой и несправедливой опалы, когда открывается израненная душа. Никому больше Гейдар Алиевич не говорил об этом. Сильным положено все переносить в себе, сжигая сердце. И только кардиограммы знают, какими мегаваттами воли оплачены их пики и кривые.

Горбачев, хотя и твердил о новом мышлении, действовал вполне традиционно: расправлялся с предшественниками. Хрущев низвергал Сталина, Брежнев — Хрущева, Горбачев — Брежнева… Каждая минувшая эпоха получала черную метку: культ личности, волюнтаризм, застой… Да, от чего-то в прошлом следовало отказываться, извлекать из пройденного уроки, чтобы не допускать новых ошибок. Но не рушить все подряд.

Расправа

В советские годы была популярна сталинская формула: кадры решают все. Именно кадры начал выбивать Горбачев — Кунаева, Алиева, Щербицкого, а затем, в апреле 1989 года, выставил из ЦК сразу сотню с лишним товарищей. На их место определил, как очень скоро выяснилось, перевертышей.

В Баку сместили Багирова, — только потому, что рекомендовал его в свое время Алиев. Рекомендовал, учитывая деловые, человеческие качества, Кямрана Мамед оглы. За его плечами была большая производственная, хозяйственная школа, опыт партийной работы: слесарь, инженер, декан, заместитель управляющего трестом, заведующий отделом строительства и коммунального хозяйства Совета Министров Азербайджанской ССР, первый секретарь Сумгаитского горкома партии, секретарь ЦК… По общему мнению, принципиальный, честный, порядочный человек. Он не позволил бы себе даже подозрением оскорбить Алиева. Но ведь его рекомендовал Алиев. А против Алиева уже лепили дело.

Инспирированные статьи из центральной печати тут же перепечатывали бакинские издания — на русском и азербайджанском языках. Отвечать на обвинения, клевету, несмотря на провозглашенную гласность и плюрализм мнений, не давали. В Баку устроили гонения на братьев Алиева — Гасана, Агиля, Джалала. Агиля Алиева, заведующего кафедрой политэкономии медицинского института, доктора экономических наук, выставили из вуза в день рождения, 10 декабря 1988 года. А за пару лет до этого в том же институте Агиля Алиевича чествовали, говорили много добрых и уважительных слов, с почтением вручали памятные адреса. Они и сейчас хранятся в его офисе, хорошее напоминание о чести и бесчестии. Два года известный ученый, автор множества научных работ, глубоких исследований, монографий был безработным.

Академик Джалал Алиев, крупный биолог, писал в своей книге «Наука истинна», изданной в 1999 году:

«Последнее десятилетие, тяжелым плугом прошедшее по полю нашей жизни, заставило меня, человека немолодого и много повидавшего, окончательно убедиться в том, насколько эфемерными могут оказаться наши представления об устойчивости общества, частью которого мы являемся, о неизбежности победы правды над ложью, убедиться, насколько хрупким является благополучие людей и народов, если они по неразумию, легкомыслию и наивности вручают свои судьбы

авантюристам и лицемерам, готовым ради собственных корысти и тщеславия на все, что угодно.

Как и очень многие, я оказался втянутым в политику, совершенно не собираясь ею заниматься. Теперь-то я осознал справедливость утверждения о том, что если ты не будешь заниматься политикой, она займется тобой».

Политика достала академика в лаборатории, добралась до него на экспериментальном поле, где он с коллегами пестовал новые сорта пшеницы. Ученый мужественно вступился за честь брата, достоинство всей семьи. Отправил десятки писем во все инстанции — в Генеральную прокуратуру Союза и Президиум Верховного Совета, в редакции центральных и республиканских газет, в ЦК Компартии Азербайджана, ЦК КПСС, в Политбюро…

В ответ приходили отписки. Только журнал «Смена» (№ 19 за 1988 год) извинился перед Гейдаром Алиевым.

«В статье «…И одна ночь» («Смена». № 15. С. 18) говорится о том, что Л. И. Брежнев, будучи в Баку, принимал роскошный перстень от Алиева. Поскольку редакция не располагает документальными доказательствами по данному эпизоду, мы приносим свои извинения Г. А. Алиеву и нашим читателям».

Карабах

18 февраля 1988 года Горбачев утвердил в должности своего нового помощника — Георгий Хосроевича Шахназарова, ученого, политолога. Едва ли не в тот же день к нему напросился на прием армянский публицист и писатель Зорий Балаян. «Я знал его по интересным выступлениям в «Литературной газете», — пишет Шахназаров в своей книге «Цена свободы», — и поэтому охотно откликнулся на предложение встретиться, не подозревая, что разговор пойдет о Карабахе. Но гостя волновало только это. — Всматриваясь в худощавое смуглое лицо с необычайно черными даже для южанина, узкими глазами, можно было понять, что для этого человека, как и для многих его соотечественников, воссоединение Карабаха с Арменией стало не просто мечтой, а делом жизни или смерти».

Далее Шахназаров сокрушается: «Ничего не могло убедить их в том, что нужно искать компромиссные решения. Час настал, сейчас или никогда! — так сформулировало для себя задачу национальное самосознание, выразителями которого стали Балаян, Тер-Петросян и их сподвижники».

Но к помощнику Генерального секретаря ЦК КПСС, «обрусевшему армянину родом из Карабаха, уроженцу Баку», как он о себе пишет, это не относится? Разве не он в числе первых должен заставить своих земляков «искать компромиссные решения»? Нет, он передает генсеку просьбу Балаяна принять его вместе с поэтессой Сильвой Капутикян. «Такая встреча состоялась 26 февраля и имела немалое значение для последующих событий», — замечает Георгий Шахназаров.

В Азербайджане, как и во всей стране, об этой встрече узнали из теленовостей. Ждали — генсек примет и представителей азербайджанской интеллигенции. Но он этого не сделал. В те дни генерал Бобков был в Карабахе. Он рассказывает:

— Я лично убедился, как много делал Алиев для развития автономной области, для упрочения национальных отношений. И даже первые вспышки не привели здесь к конфликту. Приведу два простых примера.

22 февраля 1988 года мне пришлось быть на дороге из Степанакерта в Агдам. Там шла толпа возбужденных людей. Им навстречу вышла пожилая женщина и бросила под ноги азербайджанский платок. Они остановились. Вернулись. Это о чем-то говорит?

Второй пример. В этот же день в этом же районе армяне застрелили двух азербайджанцев. Представляете, какой мог быть

взрыв, если бы люди в округе узнали об этом? Мы обратились к азербайджанцам, собрали самых уважаемых людей. «Давайте, — говорю, — переступим через это горе, через эту утрату». С нами согласились. Похоронили погибших, не разжигая из этого ЧП искры ненависти.

В Степанакерте во время одного из митингов подстрекатели потащили гробы. Рядом со мной стояла актриса областного театра, армянка, запамятовал, к сожалению, ее фамилию. Она с отчаянной смелостью, с настоящим мужеством выступила против провокаторов. Провокация не прошла.

Скорее всего, это была Кнарик Погосян — о ней писали газеты в репортажах из Карабаха. Тогда же «Социалистическая индустрия» рассказала, как рабочие алюминиевого завода в Сумгаите спасали от погромщиков своих товарищей-армян. Начальник охраны завода Исмаил Алиев свозил на предприятие целые семьи рабочих и специалистов — здесь они были под надежной защитой. Был среди спасенных и дядя Костя со своей семьей — так все на заводе называли мастера-литейщика Константина Айказовича Мартиросяна. А он назвал Исмаила своим родным братом.

Карабах ворвался на первые полосы центральных газет, на телеэкраны в феврале 1988 года. Власти Нагорно-Карабахской автономной области приняли решение выйти из состава Азербайджанской ССР. Это был запал, который поджег целую цепочку этнических конфликтов.

«Демографический энциклопедический словарь», изданный в Москве в 1985–м (первый год правления Горбачева и последний мирный год в Советском Союзе), так представляет Нагорно-Карабахскую автономную область:

«Расположена в юго-восточной части Малого Кавказа, в составе Азербайджанской ССР. Территория 4,4 т км2. Население к 1983 г. — 170 тыс. человек. Центр — г. Степанакерт». (Переименован в 1923 году, в память о Степане Шаумяне, члене РСДРП с 1900 года, председателе Бакинского СНК, расстрелянном в числе 26 бакинских комиссаров.)

С середины XVIII века, напоминает словарь, эта территория, входившая прежде в состав различных тюркских держав, стала частью Карабахского ханства, образованного на территории центральной части Азербайджана. В 1805 году Карабахское ханство перешло под власть России. К началу конфликта в Нагорном Карабахе наряду с армянами жили азербайджанцы, русские, люди других национальностей.

Экономика, социальная инфраструктура, культура автономной области развивались вместе с Азербайджаном.

Строились заводы и фабрики, водохранилища, открылся пединститут с преподаванием на армянском языке. В целом НКАО превосходила социально-экономические показатели Азербайджана и Армении. Конечно, как и везде, возникали проблемы, но решались они в добром согласии всех живших здесь людей. Открыли, к примеру, авиалинии Степанакерт — Баку и Степанакерт — Ереван и обслуживать их по инициативе первых секретарей ЦК Алиева (Азербайджан) и Демирчяна (Армения) стали попеременно азербайджанские и армянские пилоты.

28 июня 1988 года, Москва

В столице, залитой жарой, открылась XIX Всесоюзная конференция КПСС. Разморенные речами делегаты в перерывах искали тенечек у кремлевских белых берез, курили, смачно поругивая генсека. По стране уже полыхало, а самовлюбленный глухарь все толковал, «как углубить и сделать необратимой революционную перестройку…». Три последних года ему казались поворотными — только куда? «Усилиями партии, трудящихся удалось остановить сползание страны к кризису в экономической, социальной и духовной сферах. Общество теперь лучше знает и понимает свое прошлое, настоящее и будущее». Тех, кто считал иначе, генсек предпочитал не слышать.

На следующий день, выступая с той же трибуны, писатель Юрий Бондарев сравнил перестройку с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка. И это было сущей правдой.

— Только согласие построит посадочную площадку в пункте назначения, — продолжал Юрий Васильевич. — Только согласие. Однако недавно я слышал фразу, сказанную молодым механизатором на мой вопрос об изменениях в его жизни: «Что изменилось, спрашиваете? У нас в совхозе такая перестройка мышления: «Тот, кто был дураком, стал умным — лозунгами кричит; тот, кто был умным, вроде стал дурак дураком — замолчал, газет боится. Знаете, какая сейчас разница между человеком и мухой? И муху, и человека газетой прихлопнуть можно. Сказал им, а они меня в антиперестройщики». В этом чрезвычайно ядовитом ответе, просоленном народным юмором, я почувствовал и досаду, и злость человека, разочарованного одной лишь видимостью реформ на его работе, но также и то, что часть нашей печати восприняла, вернее, использовала перестройку как дестабилизацию всего существующего, ревизию веры и нравственности. В тот же день на конференции выступал и Абдурахман Везиров, новый первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана. Говорил, что перестройка Азербайджана связана с большими трудностями, слишком велик груз прошлого.

— Разлагающее влияние на социально-политическую, моральную обстановку в республике в первую очередь оказывали извращения в кадровой политике, которой были присущи клановость, землячество, угодничество, процветали приписки, злоупотребления служебным положением…

В выступлении первого секретаря явно чувствовалась политическая линия М. Горбачева. Гейдар Алиев хотел бы

ответить оппонентам, да кто даст трибуну? Кто позовет его, чтобы управиться с ситуацией? Никто не зовет. Надеялись, что наведут порядок, покрепче завернув гайки.

Приведем три некогда совершенно секретных документа.

Первый — записка в ЦК КПСС «О неотложных мерах по наведению общественного порядка в Азербайджанской ССР и Армянской ССР».

«Развитие событий в Азербайджанской и Армянской союзных республиках вокруг Нагорного Карабаха приобретает все более опасный характер. Ширится забастовочное движение, увеличивается количество несанкционированных митингов и демонстраций. Выступления и действия их участников становятся все более агрессивными и неконтролируемыми, перерастают в массовое неповиновение.

В сложившейся обстановке имеющимися правовыми средствами пресечь эти антиобщественные действия не представляется возможным.

В связи с этим полагали бы необходимым в качестве временной меры принять Указ Президиума Верховного Совета СССР, предоставляющий возможность силам, обеспечивающим поддержание общественного порядка, изолировать организаторов, подстрекателей и активных участников подобных противоправных действий.

Проект постановления ЦК КПСС по данному вопросу прилагается.

23 ноября 1988 года.

А. Яковлев
В. Чебриков
Г. Разумовский
А. Лукьянов»

На письме размашистый росчерк Горбачева: «За» (*РГАНИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 5. Л. 1–5*).

Второй документ — датированное тем же днем, 23 ноября, постановление ЦК КПСС «О неотложных мерах по наведению общественного порядка в Азербайджанской ССР и Армянской ССР»: «Одобрить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР по данному вопросу (прилагается)» (*РГАНИ. Ф. 3. Оп. 102. Д. 1058. Л. 22–26*).

Ну и, наконец, проект Указа о неотложных мерах, на которых настаивала разномастная четверка:

«1. Предоставить право должностным лицам органов внутренних дел и внутренних войск, уполномоченным Министром внутренних дел СССР, в местностях или населенных пунктах, в которых введен комендантский час, задерживать в административном порядке на срок до 30 суток лиц, разжигающих своими действиями национальную рознь или провоцирующих нарушения общественного порядка, либо понуждающих к антиобщественным действиям, а также препятствующих осуществлению гражданами и должностными лицами их законных прав и обязанностей.

2. Установить, что лица, задержанные в соответствии со статьей 1 настоящего Указа, содержатся по установленным законом правилам в спецприемниках Министерства внутренних дел СССР или в иных помещениях, определяемых Министром внутренних дел СССР.

3. Настоящий Указ ввести в действие с 24 ноября 1988 года». Проект стал Указом.

Одному из нас, бакинцу, довелось пережить все эти события, как говорят, изнутри, другой прилетел на время из Москвы. Приведем несколько страничек из его дневника.

Бакинский дневник

28 ноября 1988 года.

Никогда еще не улетал в командировку по родной стране с таким гнетущим чувством. Никогда еще не провожали так в редакции. Для газетной жизни с ее чуть ли не ежедневными командировками чьи-то приезды — отъезды — в порядке вещей. «Летишь, старик? — спросят на ходу. — Куда?» — И не дождавшись ответа, несутся дальше. Сейчас — иное дело. Те, кто побывал уже в зоне конфликта, считают своим долгом повспоминать увиденное, другим хочется просто потолковать «вокруг Карабаха».

Все свободные до вылета минуты вызваниваю Баку. Что там происходит? Знакомые журналисты, партийные работники, до которых удается дозвониться, растеряны: такого еще не видели. Сотни тысяч на площади днем и ночью. На заводах — забастовка. Улетевший днем раньше Джаваншир Меликов, собственный корреспондент «Социалистической индустрии» в Азербайджане, уточняет: нефтеперерабатывающий комплекс работает. В город введены войска.

В аэропорту на первый взгляд все спокойно.

— Может, заглянешь в зал вылета? — спрашивает встретивший меня Джаваншир.

В большом зале не протолкнуться. Женщины, дети, старики. Узлы, чемоданы. И — тишина, поразительная для такой массы людей. Угрюмая, готовая взорваться тишина. Что заставляет этих людей улетать? Не знаю. И не чувствую пока себя вправе спрашивать. Надо разобраться, что случилось с полюбившимся мне городом за последний год. Почему так недолго работал Кямран Багиров, энергично взявшийся за дело? Какие боли обострились? Какие появились вновь?

Узелки, особенно такие тугие, как национальные, надо развязывать очень осторожно, бережно. Тем более в краях, где давние и недавние свары напоминают костры, подернутые пеплом. Подсуетится усердный человек над затухающими огоньками, — тут же пламя оживет.

На огромной площади, говорят, тысяч четыреста, а может, и все пятьсот. Физически чувствуешь, как напряженно они внимают словам, произносимым с трибуны. Площадь — своеобразный барометр общественного мнения. Звучат призывы защитить заповедную Топхану, где Армения собиралась построить пансионаты и дома. Не отдать Карабах. Всем бастовать. В этот вечер я услышал и рефрен, адресованный партийному комитету:

— Позор Наримановскому райкому партии, который не позволяет рабочим бастовать.

И гулкое эхо: «Позор! Позор! Позор!» Что ж, надо познакомиться с райкомом, удостоившимся такого внимания площади.

30 ноября.

— Я воспринял эти призывы как одобрение нашей работе, — сказал мне первый секретарь Наримановского райкома партии В. Касумов.

За плечами Вагифа Касумовича — двенадцатичасовой рабочий день. С утра он был у проходных электромашиностроительного завода. Сам в прошлом рабочий, опытный хозяйственник, он решил говорить с людьми напрямую. Одних переубеждал, другим возвращал уверенность в себе, третьим помогал отделить правду от лжи, разобраться в лавине слухов.

— Экстремальная обстановка моментально проверяет людей, — говорит Касумов. — За считаные дни узнаешь цену каждому.

В Наримановском районе, одном из крупнейших в республике, свыше 50 предприятий, объединив свои силы, развернули строительство жилья. И вот теперь все это приходится отложить.

Причины понятны. Производственное объединение «Азэлектромаш» — его продукцию ждут тысячи потребителей в СССР, сорок зарубежных стран — потеряло уже миллион рублей прибыли, еще миллион потеряет на штрафах. А по району, городу потери увеличиваются в десятки, сотни раз. На четыреста тысяч похудел фонд социального развития предприятий Наримановского района, очередники недосчитались 20 квартир.

Восемь часов вечера. В кабинете первого секретаря — члены бюро райкома партии, секретари парткомов, директора предприятий. Собрались не для отчета и не для «накачки» — идет свободный, подчас острый анализ ситуации, последних наблюдений, тенденций. Пикетчикам, которые пытались блокировать заводы, отпор дан. Работу начали все предприятия в районе, правда, далеко не на полную мощность.

1 декабря.

Сегодня условились встретиться с Виктором Петровичем Поляничко, вторым секретарем ЦК Компартии Азербайджана. В Баку он едва ли месяц, до этого четыре с половиной года был в Афганистане. Знакомы мы, пожалуй, лет тридцать — со студенческих времен на Стромынке, где жили студенты факультета журналистики МГУ. С тех дней запомнился крупный,

энергичный парень, не успевший еще снять солдатскую гимнастерку. Незаурядный человек всегда вызывает интерес — стараешься не потерять его из виду. Так было и с Поляничко. Весточки о нем доносились то с Оренбуржья — на строительстве горно-обогатительного комбината, ударной стройке, он руководил комсомольским штабом, то из Москвы, то из Челябинска… На Урале и свела нас вновь судьба: его, уже первого секретаря обкома комсомола, и меня, собственного корреспондента «Комсомольской правды». Жаль, не часто встречались такие комсомольские и партийные работники, как он.

На часах было 22.30, когда из кабинета второго секретаря ЦК потянулись участники позднего совещания. Виктор подошел к дверям, кивнул нам с Джаванширом: «Заходите, ребята». Оставив свой большой стол, заваленный бумагами, папками, газетами, он сел рядом с нами, подвинул чай, блюдце с конфетами. На воспоминания в этот вечер времени не было, сразу — о текущем моменте, как говорили когда-то.

— Ситуация сложная, но мы ею управляем. Карабах пройдет, и площадь пройдет, а нам, коммунистам, надо будет смотреть в глаза людям. Вот это бы донести до всех.

Резкий междугородный звонок прервал разговор.

— Дашкесан? Слушаю, Рауф Велиевич. Спасибо! За сутки это самая добрая информация.

Виктор Петрович вернулся к столу, помолчал.

— Может, еще чаю? — Что-то далекое мелькнуло в его глазах, и вдруг, без всякой внешней связи, вырвалось: — Четыре с половиной года не был в отпуске, отвык, не знаю, как люди сейчас отдыхают. Когда выпадает свободная минута, забиваюсь в угол и читаю. Только не о войне. Осточертела война…

Мы молчали, боясь спугнуть эту неожиданную исповедь, понимая, что в другой обстановке ее, может, и не было бы…

Скрипнула дверь. Заглянул и вошел Афранд Дашдамиров, заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК:

— Ребята, пожалейте Виктора Петровича!

Накатывалась волна забот, срочных и сверхсрочных, безотлагательных. А Виктор только разговорился, рассказывал, как в Герате хоронили афганского товарища, партийного работника. Над могилой выступал Наджибулла. Выступал под аккомпанемент разрывов, мины падали все ближе. Виктор уговаривал его уйти в укрытие, Наджибулла не соглашался. И только закончился траурный митинг, отъехали на сотню-другую метров, как очередная мина угодила прямо в свежий холм. Эти годы навсегда останутся с ним.

— Ну, что принес, Афранд Фиридунович? — поднялся Поляничко навстречу Дашдамирову.

— Растет число беженцев. Сегодня это самое главное.

Пока доезжаем от ЦК до гостиницы, машину пять раз останавливают военные патрули. На последнем посту молоденький лейтенант, заглянув в редакционное удостоверение, просит:

— Пишите правду, ребята.

2 декабря.

Будто из давних тревожных сводок ворвалось в наши дни горькое слово: «беженцы». Уходят азербайджанцы из Армении. Уходят армяне из Азербайджана. В Баку с утра выстраиваются очереди у касс Аэрофлота, аэропорт и железнодорожный вокзал переполнены. Люди снимаются семьями со всем своим скарбом, а подчас и не успев собраться. Обгоняя их, клубятся слухи один нелепее другого.

Накануне я подошел к кассам Аэрофлота. У входа канатом огорожен квадрат. Внутри два патруля — военный и милицейский. Плюс добровольные контролеры. В списках многозначные номера. Как и всюду в эти дни в Баку, едва начинаешь с кем-то разговаривать, тут же оказываешься в плотном кольце. Люди напряжены, но стараются говорить спокойно, сдерживая тех, кто горячится.

Кто отрывает этих людей от родных очагов? Кто сеет слухи? Угрожает?

Люди бегут не от стихийного бедствия. Бедствие, которое заставляет разрывать дружеские узы, пострашнее природных.

— Это наше общее горе, — так оценил ситуацию слесарь Александр Степанович Скоробогатов, русский человек, волжанин, для которого азербайджанская земля стала второй родиной. В конторке управления рядом с ним сидели инженер А. Сукясов, начальник управления Т. Эминов, слесарь П. Киселев…

— В войну в одном окопе сражались русский и армянин, узбек и татарин, — говорил Скоробогатов. — У нас был общий враг — фашизм. А что происходит теперь? Кто-то хочет заставить нас видеть друг в друге врага. Кому это нужно? Мне? Вам? Знаете, наш коллектив отверг забастовки. Мы работали и работаем. Но так тяжело на сердце, что даже домой не хочется идти. Посмотрите на лица рабочих — какое подавленное у всех настроение. Я думаю о беженцах, точно о родных — и армянах, и азербайджанцах. Это никому не нужное переселение будоражит людей и там, и здесь. А выход, по-моему, один: пусть власть наша твердо скажет: товарищи, остановитесь, оглянитесь! Вам нечего делить. Подумайте о детях ваших, которым жить на этой земле.

Жить рядом.

В Нагорном Карабахе арестовали одного из лидеров движения «Крунк», директора Степанакертского комбината стройматериалов М. Манучарова. Вместе с ним арестованы десять его пособников.

— Эти люди превратили комбинат строительных материалов и бюро гражданского обслуживания в источники нетрудовых доходов, — сказал заместитель Генерального прокурора Союза ССР А. Ф. Катусев.

— Степень вины каждого будет установлена судом. На сегодняшний день имеется достаточно доказательств для предъявления им обвинения в хищениях. Не могу не подчеркнуть: Манучаров и сообщники добывали деньги на людской скорби, похищая дорогостоящие стройматериалы, получая взятки за установление надгробных памятников. Их кредо предельно безнравственно: «Если хочешь разбогатеть, используй горе народное».

Какими же рублями измерить слезы и горе беженцев? Кому мы предъявим этот счет?

Верховный Совет СССР призывает трудящихся Армении и Азербайджана проявить мудрость и выдержку, перешагнуть через взаимные обиды и обвинения.

Услышат ли люди эти слова? Услышит ли Кубинка?{3}

3 декабря.

Узкая, грязная улочка. Вросшие в землю домишки, подслеповатые окна, пристройки, надстройки. Иные висят на подпорках прямо над тротуаром, как большие скворечники. С улицы к «скворечнику» поднимается крутая лесенка.

Почти у каждой калитки крутится детвора.

— Кому чурек? Чурек кому?

Теплые лепешки, только что из печи, под руками — в картонной коробке, на бумажной мешковине.

— «Мальборо» надо? Водка надо? — торопится вдогонку другой пацаненок, совсем малыш, видно, и в школу еще не ходит. Услышав «нет», беспечно возвращается к друзьям. До следующего прохожего.

— Пиво надо? «Мальборо» надо?

Дети играют и работают, старательно исполняя заданный взрослыми урок. Представляет ли город все последствия этого открытого урока, который день за днем дает Кубинка? Клубятся и распадаются стайки молодых людей, заросшие личности томятся у перекрестков… Каких покупателей поджидают они? Что предлагают?

Забастовки, мы знали, бывают там, за рубежом. Слышали, как

мужественно держались английские шахтеры, французские докеры, как власти разгромили сопротивление американских авиадиспетчеров… Бывали, мы знаем, стачки у нас. Раньше. В учебник истории вошла, к примеру, морозовская. И бакинская начала прошлого века, когда была принята знаменитая «Мазутная конституция», защищавшая права рабочих-нефтяников.

«После Октябрьской революции, создавшей пролетарское государство, забастовка потеряла смысл как средство борьбы за интересы рабочего класса», — утверждает одна энциклопедия. «Забастовка, стачка, — одна из основных форм классовой борьбы пролетариата в капиталистических странах, заключающаяся в коллективном отказе продолжать работу на прежних условиях», — дополняет вторая.

Но чьи же интересы отстаивала бакинская забастовка 1988 года? И какой она была согласно ученой классификации — политической или экономической? Частичной или всеобщей? А может, это была «забастовка скрещенных рук» или «забастовка" усердия"»? Жизнь разбила умозрительные схемы.

…Словно на рабочую смену, стекались людские потоки к площади имени Ленина. Тут и там среди кишащей толпы шесты с названиями заводов, фабрик, вузов. Вокруг сбиваются свои. Разгар рабочего дня, в цехах — пусто, а здесь едва протолкнешься.

— Что вас привело сюда? — спрашивал я.

Случалось, отвечать не хотели. Но чаще охотно вступали в разговор. Напоминали о своих конституционных требованиях — Нагорный Карабах, демонстративное противопоставление руководства автономной области республике, незаконное строительство в заповедной зоне — Топхана. Знали, сколько их завод не выпустил холодильников (кондиционеров, ламп, буровых задвижек, ботинок и т. д. — по профилю предприятия). Говорили об этом легко, и мне подумалось, что наши подсчеты потерянных миллионов рублей таких людей, в общем-то, мало трогают. Но чего они добивались, коротая ночи у костров, скандируя лозунги о Карабахе и заповедной Топхане, которые поначалу заглушали все остальные? За ними постепенно прорезались и другие голоса. В одном из списков требований, поступивших в ЦК Компартии республики, было свыше 200 пунктов. Распределение квартир. Поступление в вузы. Экология… Можно добавить еще: в объединении «Азэлектромаш» возмутились, почему председатель совета трудового коллектива — главный инженер. Совсем недавно сами же выбирали… Или заставили выбрать? Теперь совет возглавил рабочий. На почтамте забастовщики потребовали, чтобы рабочая столовая была открыта

и во вторую смену. Что, казалось бы, проще? Неужели и для этого нужно бросать сумку почтальона? Неужели начальники, профсоюзы, народный контроль, партийные комитеты, наконец, не могли сами подумать о жизненных нуждах людей? Или кто-то умело спекулировал на действительных трудностях, национальных чувствах, патриотизме?

На машиностроительном заводе имени лейтенанта Шмидта мне рассказали о двух рабочих, известных своим добросовестным отношением к делу. У обоих большие семьи, и наши станочники даже прихватывали время после смены, зарабатывая в 2–3 раза больше среднего. Во время забастовки и один, и другой боялись включать станок. И не досчитались по двести рублей. А в целом по заводу рабочие потеряли только на зарплате 213 тысяч рублей. Вычтем еще потери из фондов социального развития и материального поощрения, штрафы за сорванные поставки. И получим итог забастовки для одного рабочего коллектива — потеряли 1370 тысяч рублей, 91 квартиру. А на очереди — 750 человек.

Обычно по воскресеньям в Баку работают 49 предприятий с непрерывным технологическим процессом. В это воскресенье ожили свыше 100. Часть заработанных средств трудовые коллективы перечисляют в фонд беженцев. Повсеместно идет сбор одежды, обуви, посуды. В Баку открыты десятки сборных пунктов.

Один из них расположился в Доме культуры строителей. Вдоль всего фойе протянулись столы с яблоками, мандаринами, бутербродами. На втором этаже добровольные помощники разбирают одежду, детскую, взрослую — мужскую и женскую. Понимаешь: это выражение людского участия, милосердия.

Худенькая молодая женщина прижимает к груди свертки. Ее зовут Азиза. С мужем Фазилем и детьми они бежали из Масисского района Армении. За юбку матери держатся двое — мальчик лет пяти и трехлетняя девчушка.

— Вы вернетесь назад, когда обстановка улучшится?

— Йох, йох, йох, — дрогнул голос Азизы Исмайловой. — Нет, нет, нет.

5 декабря.

В цехах я видел списки тех, кто перечисляет свои деньги беженцам. Азербайджанские, русские, армянские, украинские фамилии.

Вчера с утра работали все предприятия. Но к середине дня обстановка в городе вновь обострилась. Толпы на улицах перекрывали движение. В разных местах возникали стихийные митинги и стычки. Я видел, как двое русских солдат вместе с

милиционером — азербайджанцем уводили от не помнившей себя толпы пожилую армянку. Ее усадили в холле гостиницы «Баку», и она сидела, будто окаменев, потерянно опустив голову. Видел, как бесновались небритые парни у подъезда обувной фабрики — им преградили путь солдаты. Видел колонны с черными флагами, от которых шарахались прохожие и прижимались к бровке машины… И наша, признаюсь, прижалась тоже. Перед этим мы толкнулись в один переулок, второй, третий — не проехать. Всюду людские толпы. Наконец Акиф, водитель корпунктовской машины, ас, махнул рукой: «Все, становимся». За нами прижалось такси. Водителя тут же выволокли из машины: «Почему не бастуешь вместе со всеми?» И — удар по лицу. Шлепнулась наземь модная кепчонка. Взъерошенный, заросший парень подбежал и к нашей «Волге». Акиф что-то бросил по-азербайджански, парень помчался дальше.

Что вывело на улицы эту разгоряченную толпу? По какому поводу над ней подняты черные флаги?

В ночь с воскресенья на понедельник власти предложили участникам несанкционированных митингов освободить площадь. Просьба осталась без ответа. После уговоров последовала команда очистить площадь от палаток, в которых дневали и ночевали группки молодых людей. Оружие при этом не применялось. Погибших и раненых не было.

И все же слухи о жертвах полетели по городу. На перекрестках, у министерств, ЦК КП Азербайджана начали формироваться шествия с черными флагами.

А кто и как помог людям в этот трудный день узнать правду? В трудовых коллективах «ходоков» везли прямо на место события: говоришь, что на соседнем заводе сам видел четыре трупа? Поедем, покажешь и нам. Говоришь, что площадь Ленина усеяна покойниками? Поехали вместе, посмотрим…

Огромная ответственность легла на плечи воинов. Они сделали все, чтобы предотвратить конфликты, избежать большой беды.

Тем, кто пытался ворваться на территорию завода, остановить транспорт, сегодня давали отпор. Зачастую сами рабочие вместе с милицией. Так закончился понедельник, 5 декабря, когда гудели бакинские улицы и площади, когда бакинское телевидение весь день передавало концерты классической музыки и старые фильмы, когда заводы работали…

7 декабря.

Ровно в три часа дня, как условились накануне, приехали с Д. Меликовым в производственное объединение «Азэлектросвет». В то же самое время наши коллеги в Ереване должны были быть

на заводе «Луйс». Эти предприятия — побратимы, мы задумали совместный репортаж об их связях.

— Давайте начнем со звонка в Ереван, — предложил генеральный директор В. Джалилов, — поговорим с нашим давним другом Вениамином Акоповичем Тумасяном. Замечательный человек, Герой Социалистического Труда, он не раз бывал у нас.

Заказали «Луйс». Через несколько минут секретарь генерального директора сказала, что с Ереваном телефонной связи нет, там, говорят, землетрясение…

8 первый момент подумалось, что это неудачная шутка. Но разве такими вещами шутят? Вскоре пришло подтверждение: это горькая правда.

Но тогда мы еще не знали подробностей. Говорили о том, как жил коллектив «Азэлектросвета» в эти дни, как восстанавливал, преодолевая сопротивление демагогов, трудовой ритм. Среди тех, кто не оставил цехи, были Али Азизов и Иван Пахомов — слесари — вакуумщики высочайшего класса, мастера — самородки. В свое время они смонтировали роботизированную систему, как шутя замечают сами, «железную женщину». Теперь на сложной и вредной операции начисто исключен ручной труд. Этой системой заинтересовались армянские коллеги, направили в Баку своих специалистов. Две недели занимались с ними Азизов и Пахомов.

В четверг рано утром в корпункт «Социалистической индустрии» позвонили Али Азизов и секретарь парткома «Азэлектросвета» Эльдар Шириев. Они попросили со страниц газеты обязательно сказать, как потрясены все в коллективе тем бедствием, которое постигло братский народ. «Завод послал телеграмму соболезнования нашим армянским братьям, — добавил Шириев. — Начинаем сбор средств для оказания помощи. В беде не оставим!»

«Народ Азербайджана готов в эти трудные дни оказать вам всю возможную помощь для преодоления разрушительных последствий землетрясения, — говорилось в телеграмме ЦК КП Азербайджана, Президиума Верховного Совета, Совета Министров республики, направленной ЦК Компартии Армении, Президиуму Верховного Совета и Совету Министров Армянской ССР. Телеграмму опубликовали утренние газеты. А в те ночные часы, когда в типографии печатался тираж, со станции Баку уже отправился в Армению эшелон с горючим, которое так необходимо сейчас там.

Азербайджанские строители сформировали колонну техники. Они спешили помочь в беде, а им пришлось вернуться обратно. Почему?.. Вот что отвечали рабочие.

Михаил Арешев, водитель «Татры»:

— Колонна кранов и большегрузных машин из Азербайджана была сформирована на границе двух республик. Мы были последними в колонне. Нас сопровождали: спереди БТР, по бокам — милиция и сзади ГАИ. Для чего такой конвой, стало ясно вскоре после того, как мы вступили на территорию Армении. С обгонявших нас легковых автомашин неслись неприкрытые угрозы, брань, нам показывали кулаки. Всю ночь мы добирались до Ленинакана. Между Спитаком и Ленинаканом дорога обвалилась, и наша колонна остановилась: пропускали встречные машины. Тут же на наши машины набросились молодчики с черенками от лопат — убирайтесь обратно в Азербайджан, нам ваша помощь не нужна. Хорошо, что колонна вскоре вновь пришла в движение.

— Утром колонна подъехала к Ленинакану, — продолжает рассказ газорезчик — сварщик Владимир Лозован. — Краны тут же забрали. Нам сказали: ждите. Но стоило отъехать от нас военным, как машины обступили молодчики. По номерам машин определили, что мы из Азербайджана.

«Будете работать — убьем!» — Один говорит мне: «Твое счастье, что ты русский, если не будешь работать, мы тебя не тронем».

Обратились к милиционеру, попросили показать дорогу к комендатуре. Он подсел в кабину, и мы поехали. Но, узнав, что мы из Баку, остановил машину:

«Мне тут надо выйти…»

Мы остановились, и тут же машину окружила толпа. Говорим: «Дорогие, милые люди, да мы к вам с чистыми намерениями, в кузове — баллоны, в кабине сварщики. А они вон как нужны, горе крутом какое». Ничего не хотят слушать, затмение какое-то в головах. Схватились за палки, камни… Вот мы и вернулись.

— Ума не приложу, — добавляет сварщик Рафик Кузахмедов, — неужели можно спекулировать на такой беде! Неужели не понимают, что вся их ненависть не стоит дыхания спасенного хотя бы одного армянского ребенка?

Трагически завершилась еще одна попытка азербайджанцев помочь армянскому народу в его беде: 11 декабря 1988 года, не долетев до аэропорта в городе Ленинакан (Армения), потерпел катастрофу военно-транспортный самолет Ил-76. Погибло 9 членов экипажа и 78 человек, которые направлялись для участия в ликвидации последствий землетрясения. Все погибшие были азербайджанцы.

К сожалению, национализм слеп. Мне часто вспоминалось в

эти дни мудрое замечание Герцена: исключительное чувство национальности никогда до добра не доводит. Собственно, к этой мысли пришел и большой азербайджанский писатель Акрам Айлисли, размышляя над событиями в двух республиках, когда площади в Баку и Ереване были забиты людьми, демонстрирующими свой горячий «патриотизм».

«Многим из нас понятно, — говорил он, — если патриотизм — вещь очень хорошая, то выставлять его напоказ все равно плохо. Это дико, безнравственно и очень опасно. Но как быть, если многие, даже видные деятели науки и культуры, и там и тут с тех пор, как наступила гласность, заняты лишь тем, что изливают горькие слезы по поводу большой любви к своему народу? В аудиториях, в печати, выступая по телевидению, они соревнуются, стараясь перещеголять друг друга в комплиментах своей нации. Среди них есть и озлобленные неудачники, и вполне преуспевающие деятели. В это ужасное для Армении время я тоже в душе плачу по погибшим там людям. Для меня было бы ужасно, если хотя бы один из них в своем окровавленном сердце унес обиду к кому-нибудь из людей моей национальности, унес туда, откуда никто никогда не возвращался. Горе объединило нас. Останемся вместе и после, когда общими усилиями вернем к жизни разрушенные города».

31 декабря.

Скрипнула калитка, и снова стало совсем тихо. Ветер с близких предгорий крутил сухие листья во дворе и раскачивал одинокую прищепку на бельевой веревке. Казалось, хозяйка только что сняла просохшие на ветру рубашки и сейчас вернется обратно. Рукомойник на веранде был полон воды, будто вот — вот налили, на полочке зубная щетка, мыло. Тросточка подпирает калитку. А где же хозяин? О нем, истории его дома я прочитал в бакинской газете «Вышка».

«Мой брат, Мовсесян Гайк Андреевич, как и я, ветеран Великой Отечественной войны, фронтовик. Живет он в селе Ширванзаде Шемахинского района, — писала Нина Андреевна Мовсесян. — В начале этого года случилось с ним несчастье: из-за неисправности в электрических проводах сгорели дотла его двухэтажный дом и все имущество. Беда. Иначе не скажешь. Но в этой беде мой брат не остался один. Сосед Аршак Григорян, инвалид войны, на все три месяца забрал его семью к себе. А другой сосед Гариб Рашидов старался помочь, чем мог. Не прошло и трех месяцев, семья брата вселилась в новый дом, построенный бесплатно».

Говорилось в письме о доброй помощи первого секретаря Шемахинского райкома партии И. Искендерова, директора

совхоза им. Димитрова В. Айрапетян, председателя сельсовета С. Григоряна.

«Спасибо всем этим людям за истинную дружбу, — заканчивала письмо Н. Мовсесян. — Думаю, этот новый дом, возведенный в селе брата, так и останется на времена для всей округи еще одним памятником нашей неразделенности».

Было лето 1988 года, так хотелось верить, что ссоры, раздоры останутся в прошлом и будет опять дружная жизнь, дружная работа, как на строительстве дома для Гайка Андреевича Мовсесяна, как на окрестных виноградниках…

Под забором чернеют обгорелые стропила, дом из векового камня, прочный, нарядный, смотрит на простор широкими окнами. Но пусто за ними. Нет хозяина в новом доме. Опустели все армянские дворы.

Какая сила развела соседей? Что не поделили с ними Гариб Рашидов, его брат Абдурахман? Им нечего делить. Земля одна у них с рождения, рядом могилы дедов. На одном памятнике имена фронтовиков, азербайджанцев и армян, не вернувшихся с войны. Работу вот, правда, делили, и за себя, и за товарища впрягались. Сколько дел переделали их руки, сбились, почернели пальцы, никакая мочалка не отмоет въевшуюся в кожу землю. Эти руки выкладывали стены, настилали крышу. Как на смену, приходили односельчане на пепелище, поднимали новый дом для фронтовика, земляка.

Когда опять в нем загорится свет? Когда вернутся в родные села, города, поселки азербайджанские и армянские переселенцы? Наверное, сколько судеб, столько и ответов.

В селе Ширванзаде, мне кажется, нашли свой ответ. Нашли, не копя в сердцах обиды, по-соседски присматривая за пустыми домами, за оставленной скотиной, думая о будущей совместной жизни.

Вместе с братьями Рашидовыми идем к мемориалу. Фотографии из семейных альбомов бережно вмонтированы в стену памяти. Открытые лица под пилотками, гимнастерки с «кубарями». Здесь и Самед Рашидов, и Абдул Рашидов, семеро росло в семье, двое пали на Отечественной. А всего на обелиске тридцать семь фамилий. Азербайджанских и армянских. Вместе защищали Родину.

— Так хочется, чтоб вернулись все, кто от нас уехал, — тяжело вздохнул Гариб Рашидов. — Вот мы и телефон нашли. Это Гайка Андреевича, это нашей Виолетты, директора. Позвоните и вы им, скажите, всем селом просим вернуться.

Есть в азербайджанском языке такое выражение — «гариб ахшам». В буквальном переводе — чужбинный вечер. Вижу за ним

вековую печаль людей, покидавших отчий кров. Наверное, похожие слова есть и в армянском языке. Как бы ни старались украсить дом переселенцев, все равно он для них чужбинный.

Где вы встречаете Новый год, Гайк Андреевич Мовсесян? Я не дозвонился до вас. Но, может быть, вы прочитаете эти строчки: в ваше село уже вернулись шесть семей. Приехали обратно Виолетта Айрапетян и Сергей Григорян. Первый секретарь Шемахинского райкома партии И. Искендеров рассказал мне по телефону, как радушно их встретили. Поехали автобусы и за другими вашими земляками в районы Армении. Понемногу настраиваются домой и переселенцы-азербайджанцы, приехавшие в Шемаху. Оживает детскими голосами школа. Загорелся свет по соседству с вами. И, наверное, согрелся тендир — печь для хлеба. Я видел его холодным. Но рядом лежал аккуратно нарубленный хворост — это братья Рашидовы заготовили. Загорится очаг, вы достанете мягкий хлеб, от его запаха станет теплее на душе. И вы вместе разломите хлеб.

Так заканчивался дневник 1988 года, заканчивался надеждой. Увы, несбывшейся. Страна летела под откос…

«Я добивался встречи с Горбачевым»

Гейдар Алиевич Алиев, персональный пенсионер союзного значения (была такая официальная формулировка) оставался членом Центрального Комитета КПСС. Практически отстраненный от дел, он тем не менее пытался что-то подсказать властителям, посоветовать, поделиться своими рекомендациями.

— Я добивался встречи с Горбачевым, но он меня не принял. В тот момент я уже был пенсионером. Помощники говорят: он занят, мы доложили. Там всегда ответ простой — мы доложили, он знает, нужно ждать, когда пригласит. Ждал день, два, месяц, нет ничего. Позвонил еще раз. Разумеется, он меня не принял. Я добивался встречи с Лигачевым. Он тоже не хотел меня принимать, но однажды утром я просто пришел в ЦК очень рано, сел у него в приемной, — то есть вот так, явочным порядком, сижу и жду. Приезжает. Я ему про обстановку в Нагорном Карабахе излагаю свои взгляды. Он слушал, слушал, ничего толком мне не сказал, — а я-то думал, что в какой-то степени могу быть полезным.

— Вы предлагали Лигачеву конкретный план действий? — Ну… В общем, я говорил ему, что обстановка такова… нужно принимать самые решительные меры. «А мы, — говорит он, — меры принимаем». Вот и все. То есть в моем участии нет никакой нужды. И мои советы тоже не требуются. Тогда я пошел к Разумовскому, он, кстати говоря, принял меня не сразу, хотя я был членом Политбюро, а он только секретарем ЦК. Я тоже говорил, говорил, он сидел, вроде бы слушал, но я так и не понял, дошли до него мои советы или все без толку *(из диалогов с телеведущим Андреем Карауловым)*.

«Сов. секретно. ЦК КПСС.

О мерах в связи с обострением обстановки в Нагорном Карабахе и вокруг него.

Развитие событий в Нагорном Карабахе и вокруг него может привести к массовым вооруженным столкновениям между азербайджанским и армянским населением в НКАО, Нахичеванской АССР и на всей территории Азербайджана. Принятых мер по обеспечению общественного порядка и безопасности населения силами внутренних войск и подразделений милиции может оказаться недостаточно.

В связи с этим уже сейчас следовало бы предусмотреть возможность использования

подразделений Советской Армии для защиты населения. На случай такого катастрофического развития событий следовало бы подготовить предложения также и о введении чрезвычайного положения в отдельных местностях Азербайджана и Армении.

В связи с этим можно было бы поручить Министерству обороны СССР (т. Язову Д. Т.), МВД СССР (т. Бакатину В. В.), а также Председателю Верховного Совета СССР (т. Лукьянову А. И.) заблаговременно подготовить соответствующие предложения для их внесения в установленном законом порядке на рассмотрение сессии Верховного Совета СССР.

29 августа 1989 г.

Н. Слюньков В. Чебриков»

В другой записке, адресованной Горбачеву, секретарь ЦК КПСС и председатель КГБ предлагали «изъять из районных и городских отделов и отделений милиции Азербайджана и Армении автоматическое и снайперское оружие… принять на обслуживание частями Закавказского военного округа противоградовую зенитную артиллерию и ракетные установки, расположенные на территории Азербайджана и Армении». И еще много других, в общем-то, разумных мер, вроде «выявления и обезвреживания националистических и экстремистских вооруженных формирований, образованных для проведения насильственных действий» (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 10. Д. 42. Л. 1–4).

К этому времени из двух республик бежали свыше 300 тысяч человек. Кремль событиями в Союзе больше не управлял. Генсек рассчитывал только на армию.

21 января 1990 года, Москва

С утра в Леонтьевском переулке, у здания постоянного представительства Азербайджанской ССР в Москве стали собираться встревоженные люди. Их привела сюда весть из Баку: в город введены войска, есть жертвы среди мирного населения. Что случилось? Официальной информации уже мало кто верил. Все ждали какого-то разумного объяснения. Именно тогда о своей позиции во весь голос заявил Гейдар Алиев. В постпредство он приехал из Барвихи, где лечился: «Теперь не до этого!» Больше он не молчал.

Заявление, с которым выступал Алиев, записывали десятки телекамер и микрофонов.

«Уважаемые товарищи, дамы и господа! Как вам известно, долгие годы я возглавлял партийную организацию Азербайджана, был избран членом Политбюро ЦК КПСС, работал первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Более двух лет как я нахожусь на пенсии, перенес обширный инфаркт, по болезни ушел на пенсию. С декабря 1982 года, когда уехал из Азербайджана, сегодня я впервые переступил порог Постоянного представительства Азербайджанской ССР в Москве. Меня привела сюда трагедия, случившаяся в Азербайджане. Я узнал об этом вчера утром и, естественно, оставаться равнодушным к этому событию не смог. Пришел сюда прежде всего для того, чтобы здесь, в Постпредстве, которое является небольшим островком азербайджанской земли в Москве, выразить свое соболезнование всему азербайджанскому народу в связи с трагедией, повлекшей большие жертвы. Во-вторых, хочу выразить свое отношение к этому вопросу. Я прошу Постоянного представителя Азербайджана в Москве Зохраба Ибрагимова довести мои слова, глубокую скорбь, искренние соболезнования азербайджанскому народу. К сожалению, сейчас не располагаю другой возможностью.

Что касается событий, происшедших в Азербайджане, то считаю их антиправовыми, чуждыми демократии, полностью противоречащими принципам гуманизма и строительства в нашей стране правового государства. Есть определенные причины сложившейся в Азербайджане обстановки. Не хочу подробно останавливаться на деталях, это заняло бы много времени. На протяжении двух лет продолжается межнациональный конфликт между Азербайджаном и Арменией, который возник в связи с событиями в Нагорном Карабахе и вокруг него. Два года — достаточный срок для того, чтобы руководители Азербайджана и

Армении, высшее партийно-политическое руководство страны отрегулировали этот вопрос, положили конец междоусобной войне, межнациональным конфликтам и создали условия для свободного проживания каждого человека, независимо от его национальной принадлежности, в нашем общем федеративном Союзе ССР.

Однако считаю, что за эти два года достаточных мер в этом направлении принято не было. Если в начале возникновения осложнений в Нагорном Карабахе были бы предприняты необходимые меры, прежде всего высшим партийным политическим руководством страны, то сегодня мы не наблюдали бы эскалации напряженности и потерь, имеющих место с той и другой стороны в течение этих двух лет, и той военной акции, которая была предпринята в ночь с 19 на 20 января 1990 года, обернувшаяся человеческими жертвами».

Алиев говорил о том, что в Азербайджане были возможности для политического урегулирования положения. «Однако они не были использованы, и в ночь с 19 на 20 января в Баку были введены крупные контингенты Советской Армии, войск МВД СССР. К каким трагическим последствиям это привело, теперь уже хорошо нам известно. Считаю поведение людей, принявших такое решение, политически ошибочным. Допущена грубая политическая ошибка. Они просто не знали подлинной обстановки в республике, психологии азербайджанского народа, не имели достаточных контактов с различными слоями людей. Не могли представить себе, что дело обернется такой трагедией.

Нужно было это предвидеть и принять необходимые меры, посчитать, что важнее и нужнее. Между прочим, поступали сообщения, что погибло немало и военнослужащих. Спрашивается, в чем вина русского парня, направленного по ошибочному решению высшего партийного руководства страны для подавления так называемого мятежа в Азербайджане?

В Азербайджан со стороны введен крупный контингент войск. Кстати, мне хорошо известно, сколько войск находится в Азербайджане. Там и так дислоцировалось достаточное количество войск: 4–я армия, Каспийская военно-морская флотилия, дивизия десантных войск, войска противовоздушной обороны, внутренние войска МВД. Зачем нужно было дополнительно вводить туда войска? При необходимости можно было использовать находящиеся там войска. Руководство Азербайджана, принявшее такое решение, должно нести ответственность за это, и прежде всего Везиров, который удрал из Азербайджана. Должны нести ответственность и те, кто дезинформировал высшее политическое руководство страны.

Считаю, что высшее политическое руководство страны своевременно не имело достаточной и объективной информации. Руководство страны ввели в заблуждение, в результате чего было принято такое решение.

Все причастные к трагедии должны понести наказание». В тот же день Гейдар Алиевич отправил телеграмму ЦК КП Азербайджана, Верховному Совету и Совету Министров республики:

«Народу Азербайджана!

С глубокой болью узнал о трагедии, постигшей наш народ в связи с вводом в Баку большого контингента советских войск, приведшим к гибели многих людей. В эти скорбные для нас дни выражаю глубокое соболезнование семьям и близким погибших, всему азербайджанскому народу.

Я осуждаю предпринятую акцию, считаю ее антигуманной, антидемократичной, противоправной. В этот тяжелый час призываю вас к благоразумию, сплоченности и единству.

Прошу опубликовать мою телеграмму в республиканской печати, передать по радио, телевидению и огласить на траурном митинге.

Гейдар Алиев

21 января 1990 года, Москва»

Стреляет «Правда»

А через две недели, 4 февраля 1990 года, за день до открытия пленума ЦК КПСС «Правда» шарахнула по нему статьей «Алиевщина, или Плач по «сладкому» времени». И снова ложь и фальсификация.

В тот же день Алиев отправил телеграммы в ЦК КПСС и в редакцию «Правды»: «Глубоко возмущен в связи с публикацией в «Правде» статьи «Алиевщина, или Плач по «сладкому» времени», которая носит клеветнический и провокационный характер. Прошу обязать редакцию газеты предоставить мне возможность выступить с опровержением».

Какое опровержение?! Гласность играла в одни ворота. Несмотря даже на то, что доктор медицинских наук В. Эфендиев, чьим именем была подписана статья в «Правде», ее не писал. Телеграммы об этом ушли и в ЦК КПСС, и в «Правду», и Г. Алиеву:

«Глубокоуважаемый Гейдар Алиевич!

Статья, опубликованная в «Правде» 4 февраля 1990 года под моим именем (выделено в подлиннике. — Авт.), носящая сугубо политический характер и отражающая события конца января 1990 года, *мне не известна, мною не написана и не подписана* (выделено в подлиннике. — Авт.). В ней использованы некоторые положения о здравоохранении, подготовке медицинских кадров и социально-экономическом положении в стране в застойный период, в свое время высказанные мною. С уважением,

Доктор медицинских наук В. М. Эфендиев

05.02.90»

Статья в «Правде», подписанная фамилией Эфендиева, вышла, как вы уже знаете, четвертого февраля. Пятого открылся пленум ЦК КПСС. Конечно, день публикации выбирали с расчетом: товарищи успеют прочитать и высказаться. Высказался главный редактор газеты «Советская культура» Альберт Беляев, пришелец в редакторское кресло из ЦК КПСС, где он оттрубил два десятка лет. По его словам, статья «Алиевщина» «потрясла всех. Вот такие люди и подрывают веру в партию». Беляев предлагал записать, что пленум считает несовместимым с членством в КПСС вельможное поведение руководящих лиц в партии, грубость и хамство по отношению к товарищам, использование своего служебного положения в корыстных личных целях.

Кто бы спорил? Тем более что теми же или другими словами об этом говорилось и в партийном уставе. Его требования обязывались выполнять, вступая в партию, и Алиев, и Беляев, и

те, кто рекомендовал ему припечатать «алиевщину». Алиев не принимал экономическую, социальную, национальную политику Горбачева, и потому его пытались морально добить.

— Мне как первому заместителю председателя Совета Министров СССР, — рассказывал Гейдар Алиев, — приносили снимки очередей за вином в Москве. Кошмар! Получая информацию о настроениях людей и содержании разговоров в этих очередях, направленных против руководства страны, мы доводили их до Горбачева и Лигачева, но они только посмеивались и говорили: ничего, сейчас так, потом перестанут. Они не реагировали на это. Не реагировали!

За период после 1985 года в стране идет разрушение — разрушение в экономике, социальной сфере. Люди стали плохо жить, намного хуже, чем когда бы то ни было. Морально-психологическая атмосфера в стране осложнена до крайности, межнациональные конфликты стали обычным явлением, разрушается Союз Советских Социалистических Республик, происходят неуправляемые процессы. И все это Горбачев хочет выдать за перестройку. То она у нас на «крутом повороте», то она на «переломе», то на «особом переломе», то перестройка «вступила в этап серьезных испытаний» и так далее.

Ну что сказать, после войны я помню только один случай, когда не было хлеба — в период Хрущева. Сейчас не хватает хлеба. Причем где? В столице. После войны я не помню ни одного случая, чтобы не было табака. Теперь, видите ли, пытаются давать объяснения. Какие могут быть объяснения, скажите пожалуйста? Ведь мы прежде производили значительно меньше табака, чем сейчас, но кризиса не было.

…Сейчас в стране очень осложнились межнациональные отношения. Горбачев и другие пытаются все свалить на прошлое, на Сталина, на период застоя, но никто не говорит о том, какие ошибки были допущены за последние два-три года, хотя ясно, что все межнациональные конфликты связывать только с прошлым — это необъективно и нечестно. В период Сталина и позже были, конечно, ошибки, но если уже определять, когда и сколько их было, то в последние годы их гораздо больше…

И Горбачев все время противоречит сам себе. В докладе, который он сделал 5 февраля (1990 года. — Авт.) на пленуме ЦК, он опять довольно долго (хотя сам доклад небольшой) говорил о событиях в НКАО. И снова ничего ясного не сказал, кроме того, что сейчас ему, видите ли, стало окончательно понятно, что вопрос об НКАО должен решаться при целостности Азербайджана. Ну а почему об этом два года назад не было сказано, спрашивается? Значит, тогда он занимал позицию

другую, среднюю: ни вашим — ни нашим, идите и деритесь, кто кого побьет — разве так можно? Если это федерация, союзное государство — значит, союзное государство должно было сразу выразить свое мнение. Вот еще ошибка в национальной политике. Только не надо забывать, что до перестройки никаких проблем между армянами и азербайджанцами в Закавказье не было; за 14 лет работы на посту первого секретаря ЦК КП Азербайджана я каждый год, иногда не один раз, бывал в Нагорном Карабахе, и ни один человек из этой автономной области не ставил передо мной вопрос о том, что НКАО нужно вывести из состава Азербайджана и передать Армении. Никто, понимаете?! Отдельные националистические настроения были в Армении, там кое-кто вынашивал такие планы, но они не были поддержаны населением НКАО (из диалогов с телеведущим Андреем Карауловым).

Может быть, Гейдар Алиев приукрасил картину, говоря, что до перестройки проблем между армянами и азербайджанцами не было?

— В Азербайджане в те годы не было никаких межнациональных конфликтов, — утверждает генерал армии Филипп Бобков, а уж он, тогда первый заместитель председателя КГБ, знает не только то, что писали газеты, но и то, что газеты не писали.

Мы перечитали тот давний доклад, о котором упоминал Алиев, рассуждения многословного генсека о конфликте вокруг Нагорного Карабаха, о попытках «развязать этот тугой узел». В самом деле, очень мало по существу, все больше о туманных «определенных силах в обеих республиках и в самой НКАО», о представителях теневой экономики, об антиперестроечных, коррумпированных силах, которые сумели перехватить лидерство, направить действия введенных в заблуждения людей в деструктивное русло. А что же сделала власть, чтобы погасить пожары, спасти страну?

Гейдар Алиевич по давней привычке начинал день с газет. Выступления на пленуме читал, подчеркивая строки, которые были особенно ему близки.

Вот первый секретарь Киевского горкома партии Корниенко приводит выдержки из письма рабочего-коммуниста, адресованного Горбачеву: «Куда мы идем? Не пора ли вам, Михаил Сергеевич, и руководству страны в целом, пока еще не поздно, задуматься над судьбой социалистического государства, над судьбой честного трудового народа и принять самые неотложные меры?»

«Апогей недоверия к органам власти и руководству партии еще не наступил, но от роковой черты мы уже недалеко», — бьет

тревогу секретарь парткома Ленинградского производственного объединения «Ижорский завод» Юрий Архипов.

Посол Советского Союза в Польше Бровиков говорит о «гипертрофированной амбициозности, личных ошибках, которые допустили руководители нашей партии и государства. Такая ошибка — провозглашение тотальной демократизации общества без наведения дисциплины и порядка в стране. Дисциплина без демократии проживет, а вот демократия без дисциплины немыслима, ибо она неизбежно превращается, точнее, вырождается в общественно-политический хаос».

Только глухие могли не слышать эти голоса тревоги, думал Алиев. Но, может быть, они — Горбачев, Яковлев — и не хотят их слышать?

Московская блокада

17 мая 1990 года коммунисты Нахичевани избрали Гейдара Алиева делегатом XXXII съезда Компартии Азербайджана. Съезд открывался восьмого июня; Гейдар Алиевич купил авиабилет на первое, чтобы до съезда побывать в родной Нахичевани…

«Не успел я забронировать билет на авиарейс Москва — Баку, — вспоминал он, — как тут же начались звонки. — Сперва позвонили заместители Пуго по Комитету партийного контроля при ЦК КПСС Слезко и Герасимов. Советовали отказаться от поездки, мол, в Азербайджане обстановка напряженная, и мой приезд еще более накалит атмосферу. Затем повели со мной торг. Есть, дескать, у них в КПК материалы на Алиева. Если он в Баку не поедет, они сдадут документы в архив, если поедет — дадут им ход… 30 мая позвонил сам Пуго. Как оказалось, с теми же целями. Я ему говорю: "Странное дело — вы меня так давно не вспоминали, хотя я пережил трудные дни: болел, лежал в больнице, а вот теперь, когда я выкарабкался и хочу поехать на родину, вы вдруг обо мне вспомнили. Нет у вас права запрещать мне эту поездку"».

В Баку Гейдар Алиевич собирался остановиться у Джалала, младшего брата, своего боевого защитника.

Из воспоминаний Джалала Алиева:

«29 мая мне позвонил весьма известный в республике человек, пожелавший увидеться со мной. В назначенное время мы встретились в садике около Академии наук, где он поведал мне об опасности, подстерегающей Г. Алиева в случае его приезда. «Срочно позвоните брату. Передайте, чтобы он не приезжал, в Баку. Иначе его застрелят у трапа самолета», — сказал он без всяких предисловий. На подобные слова, услышанные от кого-либо другого, я отреагировал бы иначе, но об угрозе предупреждал человек, в то время достаточно влиятельный, поэтому нельзя было игнорировать возможность такого исхода. Я оказался в очень трудном положении, ибо от решения допустить или предотвратить приезд Могла зависеть жизнь дорогого мне человека. Но решать надо было немедля, и тогда я позвонил Аждару Ханбабаеву, директору издательства «Азернешр», чтобы договориться о встрече.

На следующий день, 30 мая в 10 часов утра, обсудив этот вопрос с ним в его кабинете, мы заказали разговор с Москвой. Нас долго не соединяли. Сейчас я понимаю, что это было неспроста. Лишь после многократных в течение четырех часов звонков Аждара по «вертушке» и его обращения к ответственным

чиновникам из Минсвязи мы дозвонились. Опасаясь за жизнь Гейдара Алиевича, я, естественно, не мог принять однозначного решения и был поражен смелостью и решительностью Аждара Ханбабаева, который не колебался ни единой секунды. И брату сказал, что не стоит придавать значения всей этой шумихе и угрозам, что интеллигенция настроена решительно и будет встречать Алиева в аэропорту. Помню, брат просил не поднимать излишнего шума, пускай, дескать, меня никто не встречает, кроме Джалала. Ханбабаев возразил: уж я-то вас буду встречать непременно…

Вечером того же дня мне вновь надо было переговорить с Аждаром. Я позвонил ему домой. Трубку сняла какая-то женщина. Давясь рыданиями, она сказала: «Аждара тяжело ранили, братец. В больнице он…» Через несколько часов, так и не приходя в сознание, Аждар скончался».

Вот как вспоминал об этом Гейдар Алиев: «Естественно, я стал сопоставлять факты: 30 мая в 12 часов дня он разговаривал со мной по телефону, а в 9 вечера был убит. Человек этот, насколько я знал, был спокойным, порядочным, с грязными делами связан не был, политикой не интересовался; он долгие годы работал в «Азернешре» — это самое крупное издательство Азербайджана, был уважаем среди представителей интеллигенции. Естественно, все это вызвало у меня вопросы: почему он был убит именно в этот день и по какой причине?

— Интересно, Вы допускаете мысль, что руководство страны или, скажем, руководство Азербайджана настолько Вас боятся, что последствия их страха, если он есть, могут быть любыми?

— Вы знаете, мне трудно говорить о том, боятся меня или не боятся, но явное негативное отношение со стороны отдельных руководителей страны я испытываю на себе уже три с лишним года. К сожалению, я подвергался нападкам и со стороны предыдущих руководителей Азербайджана. Причем совершенно необъективным, но и сейчас почему-то вопрос моего приезда к себе на родную землю превратили в большую проблему» *(из диалогов с телеведущим Андреем Карауловым)*.

Алиева фактически заблокировали в Москве. Съезд Компартии Азербайджана прошел без него. Есть предположения, что тот съезд мог вернуть его к власти, избрать делегатом XXVIII съезда КПСС.

Гейдар Алиев прилетел в Баку 20 июля. Поначалу он рассчитывал вернуться в свою старую квартиру или получить другую, ведь при нем здесь построили целые районы. Но в ЦК ему в бакинской прописке отказали. Теперь оставалась только родная Нахичевань. За пару дней до вылета ему нужно было повидаться с

родными людьми, братьями и сестрами, с не изменившими товариществу друзьями и обязательно побывать у могил павших в ту черную январскую ночь…

С памятников смотрели молодые лица — четырнадцать, восемнадцать, двадцать, двадцать восемь лет… Ильхам Аллахвердиев, Фариза Аллахвердиева, Вера Бессантина, Ильгар Ибрагимов, Агабек Новрузбекли… Им бы жить и жить, растить детей, поднимать внуков… Но не будет у них внуков, не будет детей… В день поминовения придет рано постаревшая мать, погладит памятник отец, словно прикасаясь к сыну.

Гейдар Алиев медленно шел от памятника к памятнику, вглядываясь в лица: может, знал кого-то. Нет, когда он уезжал из республики, они были совсем мальчишками. Гоняли в футбол, бегали купаться на Каспий — их любимое море блестит там внизу, но попробуй добраться до него… Боль от невозможности вернуть парней и девушек, пожилых людей — их тоже немало легло здесь — сжимала сердце.

Глава VIII. ПРАВО БЫТЬ СО СВОИМ НАРОДОМ

22 июля 1990 года, Нахичевань

Из Баку в свой родной город Гейдар и Джалал Алиевы летели почтовым рейсом. Романтично! Братья, улыбаясь, посматривали на пачки газет и журналов, посылки и мешки с письмами, которыми был набит борт.

Из воспоминаний Джалала Алиева:

«В Нахичевани почти никто не знал о приезде Гейдара Алиевича. Из аэропорта мы отправились в город на «Жигуленке» одного знакомого. Какой-то пожилой мужчина, увидев в машине брата, сказал: «Подумать только — такого человека в какой машине везут!»

Приехали в старый родительский дом, откуда совсем недавно проводили в последний путь старшую сестру Суру-ханум. Весть о возвращении Гейдара Алиева мгновенно разнеслась по всему городу. Народ потянулся к нашему двору. На узкой улочке началось столпотворение.

Под вечер направились к могиле Гусейна Джавида. Нахичеванцы восторженно приветствовали Г. Алиева. При виде неухоженной могилы великого поэта Гейдар Алиевич очень расстроился. Затем мы пошли к центральной площади. К 6–7 часам вечера здесь собралось около 80 тысяч человек.

Многие держали в руках портреты Алиева — кто с одной звездочкой, кто с двумя; видно, выпотрошили старые запасы на книжных складах.

Гейдар Алиевич не скрывал волнения: после трех лет фактической изоляции, преследований вдруг такая теплая, сердечная встреча на родной земле».

Сквозь плотную толпу, окружившую Алиева, пробился его сокурсник по педтехникуму Довлат Мамедов. От кого-то из общих знакомых Гейдар Алиевич уже знал о хождениях Мамедова по редакциям, которые продолжали чернить поверженного, как им казалось, человека.

— Спасибо тебе, Довлат! — негромко сказал Алиев.

— За что?! Я сделал то, что должен был сделать, — ответил старый учитель-фронтовик. — «Дедуля, что здесь ошибочного?!» — с апломбом бросили мне в редакции, словно они — последняя в жизни инстанция. — «А что истинного в ваших статьях, полных клеветы?» — возразил я. — Но опровержение публиковать отказались.

— Ничего, — сказал Алиев, — не волнуйся. Совсем скоро их поправит сама жизнь.

Никогда еще на этой площади не было так многолюдно.

Люди заполнили балконы окрестных домов, забрались даже на крыши.

Гейдар Алиев, взяв мегафон, поприветствовал земляков. Он не собирался долго говорить. Обращался больше к тем, кто стоял рядом, но тишина была такая, что его слышали даже в самых дальних уголках просторной площади. Немного слов прозвучало тогда, но именно такие слова восточная пословица сравнивает с мечом. Возвращаясь домой, Гейдар Алиевич выглядел посветлевшим: «Народ действительно не забыл меня».

Постепенно разошлись встречающие-провожающие, знакомые и соседи. Остались только свои — Гейдар, Джалал, племянница Санифа, ее дочери. Джалал безуспешно пытался настроить старенький телевизор, пока Гейдар не сказал ему, улыбнувшись, что с этой техникой управляться труднее, чем на делянках.

— Я очень хотел послушать здесь разные «голоса», — признавался позже Алиев, — но в нашем доме не было приличного приемника, хорошо, что у соседей нашелся вэфовский, когда-то в Риге выпускали.

Теперь только по редким снимкам и воспоминаниям можно представить родительский дом Алиевых. Вот Гейдар Алиевич стоит в дверях; вот Санифа, как в детстве ее бабушка Иззет-ханум, поливает дяде из кувшина…

— С давних пор он любил умываться водой из колодца в нашем дворе. Я лила воду из кувшина, в котором она сохраняла прохладу в любую жару, и Гейдар Алиевич с удовольствием плескал на себя холодные струйки; к этому, как говорили родственники, он привык с детства. Дядя вообще любил все, что напоминало ему о родном доме. Любил блюда, которые готовила в свое время его мама, моя бабушка: дюшбере, похожие на русские пельмени, пирожки — кутабы, долму… Любил фрукты из нашего сада. В течение многих лет мы отправляли их — в Баку и Москву. Он считал, что нахичеванские плоды ни с чем не сравнимы.

Санифа Султанова, племянница Гейдара Алиева, заведует Нахичеванским загсом. В республике ее хорошо знают и как поэтессу. А рассказала о ней специальный корреспондент газеты «Бакинский рабочий» Светлана Мирзоева. Эта журналистка, пожалуй, чаще других коллег встречалась тогда с Гейдаром Алиевым, бережно собрала воспоминания людей, с которыми он дружил, которым помогал, особенно деятелей искусства, литературы. И создала увлекательную, душевную книгу, скромно подписав свое имя лишь в конце — как в газете. А на обложку книги вынесла портрет Гейдара Алиева и его слова «Искусство прошло через всю мою жизнь…».

Надеемся, читатель обратил внимание на то, что в первый же свой день в Нахичевани Гейдар Алиев пошел к могиле Джавида. О чем он думал там, склонив голову? Какие строки повторял? Может быть, эти?

Силясь отыскать опору
В беспредельной пустоте,
Горестно душа металась,
Ударяясь в небосклон…

Через день-два Гейдар Алиевич заглянул в музей Джавида. Когда он был здесь в последний раз? Пожалуй, в 82–м, когда республика готовилась к столетию со дня рождения поэта, драматурга, философа Гусейна Абдулла оглы Расизаде, родившегося 24 октября 1882 года в Нахичевани, а умершего 5 декабря 1941 года в сибирской ссылке. Какая ирония судьбы — глашатай свободы, поэт, которого при жизни называли Шекспиром Востока, умер пятого декабря, в день Сталинской Конституции. Надорвался на лесоповале, не выдержав сибирской стужи? Или разорвалось сердце от душевных мук? Горестно душа металась…

Музей Джавида — по-азербайджански Вечного — разместился в старом родительском доме. Фотографии, документы, детали быта начала XX века: керосиновая лампа, самовар, забредший в этот край из России, патефон, изящные армуду — грушевидные стаканчики для чая… В нишах (здесь их издавна называют стенными шкафами) блюда и кувшины, у каждого свое предназначение, свое название.

Под стеклом — подлинное распоряжение Тайшетского районного Совета народных депутатов от 21 ноября 1982 года. Приведем этот документ полностью:

«На основании постановления бюро Нахичеванского обкома КП Азербайджана от 12 октября 1982 г. разрешить тов. Джафарову Гамиду Гора оглы, секретарю Нахичеванского обкома КП Азербайджана, с могилы № 59 кладбища деревни Шевченко Тайшетского района Иркутской области вывоз останков видного поэта и драматурга Азербайджана Гусейна Джавида Расизаде для захоронения на его родине в г. Нахичевани.

Председатель Тайшетского райисполкома

В. А. Смирнов».

Жена пережила его на много лет, умерла в родной Нахичевани в 1976 году. Их сына Артура призвали в армию. В 28

лет погиб в боях… Теперь они были снова все вместе…

Над их последним пристанищем Гейдару Алиеву виделся белый, как снежные вершины, мавзолей. Летом 1990 года его время еще не пришло. Но он знал: это время настанет. И оно пришло быстрее, чем думалось, — в октябре 1996 года.

— Вчера (29 октября 1996 года. — *Авт.*) мы почтили память великого писателя, поэта, драматурга, ученого-философа азербайджанского народа Гусейна Джавида, — говорил Гейдар Алиев на встрече с общественностью Нахичеванской Республики, — приняли участие в церемонии торжественного открытия его мавзолея. Это был большой праздник науки и культуры, и это не только наш праздник, то есть собравшихся здесь, но и праздник всего азербайджанского народа. Вчера этот праздник, можно сказать, поднял на ноги все население автономной республики. На улицах, площадях вокруг мавзолея Гусейна Джавида собрались десятки, сотни тысяч людей. Все в хорошем настроении, с гордостью поздравляли друг друга.

Это был и для меня большой праздник, потому что я добился осуществления решения, принятого мною четырнадцать лет назад.

…Таким творением, уверены, гордился бы и великий зодчий Аджеми ибн Абу Бекр, создатель мавзолеев Юсуфа ибн Кусейира и Момине-хатун. Они пришли к нам на рубеже первого и второго тысячелетий. Рубеж второго и третьего тысячелетий добавил к ним прекрасный мавзолей Джавида.

Стал мир совсем иным — нельзя его узнать,
И превратилось в кровь вчерашнее вино.
Обеты прежних дней не может мир сдержать.
Руины, и дворцы, и хижины — одно.
Богатство потерял тот, кто вчера блистал.
Вчерашний лютый враг любезным другом стал…

(«Вчера и сегодня», перевод с азербайджанского В. Григорьева).

В 1990 году Нахичевани, как и повсюду в Союзе, продуктов не хватало. От соседа к соседу передавались весточки: знакомые зарезали корову, поезжайте, может, купите пару килограммов мяса. Иногда зятья Санифы успевали к распродаже, и тогда дома готовили любимый бозбаш.

Гейдар Алиевич очень горевал, что не смог приехать на похороны сестры Суры — его тогда не выпускали из Москвы. И на

следующий же день по приезде пошел на кладбище, оставил цветы у свежего еще холмика, постоял у могилы отца…

В первые дни в Нахичевани Алиеву очень не хватало газет. Местные Санифа выписывала, а бакинские и московские появлялись в киосках лишь во второй половине дня, а то и на следующий день. Выручал радиоприемник, подаренный соседом.

Бакинские издания о возвращении Гейдара Алиева молчали. А вот московские рассказали тут же — «Комсомольская правда», «Известия», «Аргументы и факты». В Нахичевань посыпались письма. Люди писали, не зная адреса: г. Нахичевань, Гейдару Алиеву. Одни искренне поздравляли с возвращением, вторые утверждали, что такой лидер необходим Азербайджану, третьи, прослышав, что у Алиева нет жилья, предлагали свое: «Живите в нашей квартире, просторной, светлой, в центре города, мы устроимся у родственников».

Люди помнили добро. И отвечали добром. Как вспоминает Санифа Султанова, один из бакинцев появился в их доме с ключами от своей квартиры: «Пожалуйста, живите у нас». Крестьянин из села Неграм предлагал принять в дар только что построенный и хорошо обставленный дом.

Это большое село, где в начале века писал свою смелую прозу блистательный Мамедкулизаде, выдвинуло Гейдара Алиева кандидатом в депутаты Верховного Совета Азербайджанской ССР. Были предложения и от других округов, но он свой выбор уже сделал: баллотироваться в Нераме. И 30 сентября 1990 года стал народным депутатом Азербайджана и депутатом Верховного Совета автономной республики.

Возвращение к истокам

…Уютный зал на первом этаже небольшого здания, скорее похожего на школу, заполняют депутаты. Среди них нашел место и Гейдар Алиев. Но ему не дают остаться в зале — аксакалы приглашают Гейдара Алирза оглы Алиева в президиум и предлагают вести сессию. Под грохот аплодисментов он идет к невысокой сцене. Земляки верят в его звезду, надеются услышать слово умудренного человека, обращенное к исстрадавшемуся народу. Что ждет Нахичевань? С кем теперь по пути? На какие силы опереться в этой нежданной войне, в немыслимой для Союза блокаде?

Эта сила, по убеждению Алиева, — собственная история народа, всего Азербайджана, Нахичевани, возвращение к духовным истокам. Россия, говорит он и позже не раз возвращается к этой мысли, объявила свой государственный суверенитет раньше всех союзных республик, начав процесс развала Советского Союза… По предложению Гейдара Алиевича из названия республики исключаются слова «советская социалистическая». Верховный Совет отныне называется Верховным меджлисом. Автономия возвращает себе трехцветное — сине-красно-зеленое знамя Азербайджанской демократической республики.

Осенью 1990 года бакинскую журналистку Эльмиру Ахундову утвердили собственным корреспондентом «Литературной газеты» по Азербайджану. Одно из первых заданий — взять в Нахичевани интервью у Гейдара Алиева. Напомним: за пару лет до этого «Литературка» опубликовала об Алиеве разгромную статью; в дело, похоже, пошел тот самый «компромат», которым не стал мараться Рыжков. Гейдар Алиевич написал доказательное опровержение и сам пришел с ним в редакцию, несмотря на недавний инфаркт. Его ответ печатать не стали.

«Узнав, что Гейдар Алиев часто бывает в обкоме партии, — вспоминает Эльмира Ахундова, — я позвонила в приемную первого секретаря и попросила помощника справиться у Гейдара-муаллима: имеет ли он время и желание встретиться с собкором «ЛГ»? При этом я была уверена, что моя фамилия Гейдару Алиеву ничего не скажет, так как человек я в журналистике новый и в большой прессе начала выступать совсем недавно. Однако, против ожидания, мне было велено передать, что к Эльмире Ахундовой Гейдар Алиев относится с искренним уважением и рад с ней познакомиться в любое удобное для нее время. Признаться, ответ удивил меня и я, грешным делом, даже подумала — не

спутал ли он мою скромную персону с кем-либо из более маститых азербайджанских журналисток.

Столь подробно я останавливаюсь на предыстории встречи только потому, что она является еще одним свидетельством весьма примечательного качества этого политика — его поразительной памяти. Когда через несколько дней я прилетела в Нахичевань и наше знакомство наконец состоялось, Гейдар-муаллим напомнил мне об одной статье, с которой некоторое время назад я выступила в «Бакинском рабочем». Оказывается, только благодаря этой статье я была обязана тем, что произошла наша встреча. Вот как об этом рассказал сам Гейдар Алиевич. Я записала его слова на диктофон и воспроизвожу их дословно:

— Летом 1990 года, еще находясь в Москве, я просматривал газеты и обратил внимание на статью в «Бакинском рабочем». По-моему, она называлась «Все мы вышли из прошлого». Статья привлекла мое внимание своей логичностью, объективностью и несомненными художественными достоинствами. Я, естественно, заинтересовался именем автора. Под материалом стояла подпись — Эльмира Ахундова. Попытался припомнить: знаю ли я такого журналиста, встречался ли с вами прежде?

Прочитав статью, я живо вспомнил прошлое — годы, когда я работал в Азербайджане и когда каждое интересное, пусть даже не очень значительное событие в сфере литературы и искусства воспринималось мною с большим воодушевлением. Я всегда внимательно следил за нашей журналистикой, был искренне рад, если в газете появлялся какой-нибудь неординарный материал, свидетельствующий о творческом, научном или интеллектуальном потенциале этого автора. Я часто звонил в редакции «Бакинского рабочего», «Вышки», «Коммуниста», говорил с редакторами, высказывал свое мнение о той или иной статье, интересовался авторами. Некоторых приглашал к себе, чтобы познакомиться лично. Поэтому всех азербайджанских журналистов я знал довольно хорошо. Однако вас я так и не смог припомнить.

Статья мне очень понравилась, особенно в обстановке, когда печать в Азербайджане и других республиках чрезмерно увлеклась нигилизмом, пошла по пути огульного отрицания, одностороннего освещения нашего прошлого. Я с удовольствием прочитал статью, дал почитать ее своим близким. И, знаете, даже на душе стало легче. Поэтому, когда вы позвонили и представились корреспондентом «Литературной газеты», сказав, что получили от редакции задание взять у меня интервью, я испытал двойственное чувство: с одной стороны, недоверие к руководству «Литературной газеты». У меня есть на это

основания. Эта газета в последнее время опубликовала немало тенденциозных статей, выражающих интересы тех или иных группировок и далеких от реальной действительности.

А с другой стороны — ваша фамилия. Знаете, я сейчас осторожно отношусь к встрече с журналистами, потому что несколько раз «обжегся». Иные из них, побеседовав со мной, получив ответы на интересующие вопросы, допускали затем вольности, искажали мои мысли. Однако, вспомнив ту вашу статью в «Бакинском рабочем», я подумал — этот человек не может допустить подобную нечестность.

Не стоит и говорить, насколько лестным для меня был этот отзыв. Однако он ко многому обязывал. Я пообещала Гейдару-муаллиму, что не злоупотреблю его доверием и сделаю все, от меня зависящее, чтобы интервью вышло в газете без купюр и искажений. Кстати, мое честное слово сыграло не последнюю роль в том, что наше интервью не появилось в «Литературке» вовсе. В нем Алиев подвергал резкой критике ошибки, допущенные высшим политическим руководством Союза и, в частности, М. Горбачевым при проведении перестроечных реформ, в результате чего огромное государство оказалось на грани общенародной катастрофы. Это интервью и сегодня не потеряло своей актуальности, а тогда произвело бы эффект разорвавшейся бомбы, тем более если учесть, что Михаил Горбачев еще был в силе, являлся Президентом и до его отставки оставался почти год. Сократить или «смягчить» некоторые места Гейдар Алиев отказался, и я была с ним солидарна».

Будем верны исторической правде — возвращение Гейдара Алиева в большую политику не было триумфальным шествием. Ему предстояло разгрести завалы лжи и клеветы, убедить сомневающихся, привлечь сторонников.

Очевидцы вспоминают, как депутаты Верховного Совета Азербайджана на первой сессии в феврале 1991 года пытались «побольнее оскорбить того, перед кем еще совсем недавно стояли навытяжку». Из 340 избранников народа лишь один человек, поэт Бахтияр Вагабзаде, напомнил коллегам о том, что эти же стены помнят шквал рукоплесканий в адрес Алиева. «Пинать поваленный дуб — невелика храбрость, — сказал он. — Лучше бы прислушаться к советам опытного политического деятеля».

О чем же говорил тогда Гейдар Алиевич? Что жгло его Душу? Что советовал?

«По поводу моего возвращения в Азербайджан и избрания народным депутатом распространились различные слухи. В ответ на это заявляю, что вернулся на родную землю отнюдь не для того, чтобы вновь прийти к власти, и не для того, чтобы свести с

кем-то счеты, а только и только затем, чтобы в этот тяжелый и сложный для республики период разделить с родным народом его горе, выполнить свой гражданский долг, включиться в борьбу за свободу. Меня как азербайджанца никто не может лишить этих прав.

Хотел бы довести до сведения Верховного меджлиса некоторые свои мысли и предложения о положении, сложившемся в Советском Союзе и Азербайджане.

Первое. Вот уже несколько лет страна, советское общество, система государственного управления находятся в состоянии политического и экономического кризиса. Обострились до предела межнациональные отношения. Советский Союз распадается.

Причины этого: безусловно, нельзя отрицать воздействия на создавшееся положение ошибок и просчетов, допущенных на различных этапах нашего прошлого. Однако основными причинами являются серьезные, грубые и непростительные ошибки, допущенные во всех сферах нашей жизни в период, который мы называем «перестройкой».

К сожалению, все это замалчивается, а официальные круги и средства массовой информации подвергают огню сокрушительной критики только прошлое.

Можно с полной категоричностью утверждать, что начавшиеся в нашей стране в 1985 году перемены не имели под собой научно, политически и экономически обоснованной, долговременной стратегии. И, осуществленные наспех, порой противоречащие друг другу меры, естественно, не дали положительных результатов…

В последние пять лет Горбачев дал народу много обещаний, однако ни одно из них не сумел претворить в жизнь. В результате между словом и практическими действиями образовалась пустота, между политическим руководством и народом — пропасть. Возросло недоверие народа к руководству, неуверенность людей в будущем. Коммунистическая партия потеряла авторитет.

Второе. Положение, создавшееся в стране, характерно и для Азербайджана. Руководство республики, как и прежде, слепо проводит в Азербайджане линию центра и старается претворить в жизнь все указания свыше. Результаты налицо: в Азербайджане положение является еще более тяжелым и невыносимым.

Это связано с надуманной армянскими националистами проблемой Нагорного Карабаха. Более трех лет наша республика, азербайджанский народ подвергаются непрекращающейся агрессии со стороны Армении. В результате нарушена

территориальная целостность Азербайджана…

Необходимо определить: где, кто, какую допустил ошибку, как было, как случилось, что народ проявил такую беспомощность, отдал свою землю. Необходимо прокомментировать все это. Здесь В. Поляничко сказал, что потере Нагорного Карабаха способствует Горбачев. Признаться, и я думаю так же. Необходимо полностью раскрыть предательскую по отношению к Азербайджану позицию руководителя страны Горбачева в этом вопросе, и это должно быть отражено в нашей истории… можно было бы предупредить опасное развитие событий и оставить Армению — Арменией и Азербайджан Азербайджаном. Это мог бы сделать лишь мудрый человек, руководящий Союзом. Но у Горбачева не хватило этой мудрости. У азербайджанских же руководителей не достало смелости, совести, храбрости, чтобы отстоять интересы и честь своего народа…»

А для него, Гейдара Алиева, понятия Родины, земли, достоинства и чести народа были неразрывны.

Через месяц, 7 марта 1991 года, сессия Верховного Совета Азербайджана обсудила вопрос об участии республики в референдуме, назначенном в связи с новым Союзным договором, который готовил Горбачев. Высказывались разные точки зрения. Большинство депутатов считали, что в референдуме надо участвовать, надо защищать Советский Союз. Слово попросил и депутат Алиев.

— Решается судьба будущего Азербайджана, — говорит он. — Поэтому и мне хотелось бы поделиться своими мыслями и предложениями.

С 1922 года Азербайджан находится в составе Советского Союза. За это время наш народ прошел сложный исторический путь, достиг немалых успехов. На этом пути были и лишения, и трудности. Этого нельзя отрицать.

Все мы родились, получили воспитание, образование, сформировались в период существования этого Союза. Все мы, во всяком случае большинство из нас, чрезмерно верили этому Союзу, преданно служили ему, счастье, светлое будущее своего народа видели только в этом Союзе. Я и мои коллеги, долгое время вместе со мной руководившие республикой, неустанно трудились ради упрочения Союза и добивались воспитания у азербайджанского народа чувства преданности и любви к этому Союзу. Однако происходящие в последние годы в мире, в стране общественные, политические процессы изменили наше отношение к прошлому, наше мировоззрение…

И дальше, анализируя экономические и политические связи

между центром и республиками, политику Горбачева, Алиев делал вывод: Союз начал распадаться. А проект нового Союзного договора непригоден.

— Одним словом, я против вступления в новый Союз и проведения в этих целях референдума без всяких условий. Это — единодушное мнение всех моих избирателей и депутатов Верховного меджлиса Нахичеванской автономной республики, депутатом которой я являюсь. Я за полную независимость, экономическую и политическую самостоятельность Азербайджана. Азербайджанский народ уже вступил на этот путь…

Некоторые пытаются доказать, что наша республика не имеет возможности жить отдельно от Союза, самостоятельно. В стране широко распространена и мысль о том, что республики, входящие в Союз, не смогут жить отдельно от Союза, ибо связаны друг с другом тесными экономическими, техническими узами.

Эти утверждения безосновательны. Во-первых, Азербайджан располагает всеми возможностями для того, чтобы быть самостоятельным государством. Во-вторых, каждое государство мира осуществляет взаимные экономические, торговые, технические связи с другими государствами в нужном им направлении, участвует в мировой экономической интеграции, и все это не лишает их самостоятельности. Поэтому экономические связи находящихся в Союзе республик не могут препятствовать достижению ими самостоятельности. На мой взгляд, если Азербайджан станет самостоятельным государством, он может осуществлять двусторонние, равноправные, взаимовыгодные экономические связи с каждой из входящих в Союз республик и даже с самим Союзом, если он останется…

Азербайджанский народ должен объединиться, как зеницу ока беречь свою священную родную землю. Азербайджанская республика должна идти путем экономической и политической самостоятельности, вести борьбу за полную независимость.

Народных депутатов, весь азербайджанский народ призываю к этому и заверяю, что с этого пути я не сверну.

«Что нового в Нахичевани?» — задавались теперь вопросом политики в Баку и Москве, в Тегеране и Париже, Анкаре и Нью-Йорке… В Нахичевань на встречу с Гейдаром Алиевым прилетали дипломаты, журналисты, общественные и государственные деятели… Среди других председатель парламента Нахичеванской республики принимал заместителя начальника штаба Закавказского пограничного округа Константина Тоцкого.

Пройдет девять лет, и на встрече с Президентом Азербайджана генерал-полковник Тоцкий, директор Федеральной

пограничной службы России, припомнит их нахичеванские диалоги.

— В 1991 году я имел честь быть принятым вами в Нахичевани. Вы дали мне очень много ценных советов. Обстановка тогда была очень непростая. Вы относились к этому очень трезво, ставили конкретные задачи. Тогда это воспринималось достаточно тяжело. Сейчас прошло время, мы все осознали, пережили, поняли, что так и должно было быть. Есть конкретная территория, есть этот народ, есть власть, и не только Москва должна была устанавливать порядки на границе. Вы это очень честно разграничили. Есть порядки общегосударственного масштаба, есть местные проблемы, которые тоже надо учитывать.

Из ЦК КПСС в Нахичевань прилетел Рафаэль Гусейнов, консультант отдела межнациональных отношений, кстати, первый азербайджанец в аппарате ЦК, начиная с 1975 года, в недавнем прошлом журналист «Комсомольской правды». Алиев знал его еще по Баку, когда Рафик, так зовут Рафаэля Джагидовича друзья, редактировал газету «Молодежь Азербайджана». Гостя из Москвы Алиев встретил настороженно, удивился, узнав, что направил его Лигачев, но за внимание поблагодарил. Сказал, что ничего ему не надо, вот только бы вернули квартиру в Баку. Но для Баку Гейдар Алиев был нежелательной персоной. И опасной.

19 июля 1991 года, Москва

Этим днем датировано заявление коммуниста Гейдара Алиева в партийную организацию Кабинета министров Союза о выходе из КПСС. Можно представить, с какими чувствами он писал это заявление, как вспоминал свой путь в партии, отцовское напутствие, но лучше вчитаемся в строгий, выверенный текст. В нем — горечь пережитого предательства, боль народа, трагедия всей большой страны. Часы истории отсчитывали ее последние минуты, но рулевые были слепы.

Гейдар Алиев передал свое заявление в ту партийную организацию, где состоял на учете с 1982 года, со времени перевода в Москву. Документы такого рода лучше не пересказывать, а прочитать от первой до последней строчки.

«Довожу до вашего сведения, что я принял решение о выходе из КПСС.

Сразу же хочу предупредить, что это не просто дань «моде», а итог выстраданного мною тяжелого пути разочарований и переоценки ценностей на протяжении последних лет.

Основные причины, побудившие меня сделать этот шаг, заключаются в следующем.

***Первое.** Вопрос о выходе из КПСС у меня возник еще 20 января 1990 г. в связи с военной агрессией против азербайджанского народа, осуществленной политическим руководством центра и ЦК Компартии Азербайджана. В результате январских событий погибли и получили увечья сотни невинных мирных жителей, среди которых были старики, женщины, дети. Осудив этот антигуманный, антиконституционный, противоправный акт в своих выступлениях, я надеялся, что ЦК КПСС, ЦК КП Азербайджана вскроют это преступление, выявят виновников. С трудом переборов себя, терпеливо ждал. А в ответ на эти выступления вскоре была организована массированная травля против меня со стороны печатных органов партии, которую начала газета «Правда». Все ои попытки выступить в этих же средствах массовой информации аргументированным опровержением надуманных фактов против еня были тщетны. Гласность, провозглашенная как основное завоевание перестройки, на практике оказалась односторонней.*

Неоднократные обращения народных депутатов Верховного меджлиса Нахичеванской Автономной Республики, различных групп граждан, видных представителей интеллигенции об установлении виновников январской трагедии и их наказании упорно

отвергаются коммунистическим руководством Азербайджана.

Прошло полтора года. Не только ничего не сделано для вскрытия этого чудовищного преступления, виновники которого давно известны, а наоборот, предпринимаются все необходимые меры для его сокрытия в расчете на то, что время поможет забыть эту трагедию. Однако история нам неоднократно доказывала, что никакие годы, десятилетия не смогут заставить забыть и простить кровавые преступления против своего народа.

Второе. *В результате лицемерной политики центра вот уже более трех лет сохраняется острая конфликтная ситуация в Нагорно-Карабахской области Азербайджана, возникшая усилиями армянских националистов под покровительством ЦК мои меня КПСС. Область, по существу, вышла из-под государственного управления Азербайджана.*

Государственный суверенитет, территориальная целостность Азербайджана, вопреки Конституции, грубо нарушены. Между Арменией и Азербайджаном идет необъявленная война, почти ежедневно гибнут люди с той и другой стороны. И все это в пределах Советского государства с его «гуманной» идеологией.

Убежден, было бы желание у руководства партии, межнациональный конфликт, возникший в связи с так называемым вопросом о Нагорном Карабахе еще в 1987–88 гг., можно было бы предотвратить в самом начале, не допустить все более усиливающегося противостояния, кровопролития, принесшего тяжелейшие бедствия и страдания как азербайджанскому, так и армянскому народам. Значит, политическому центру этот конфликт был нужен.

Третье*. В период демократизации всего общества, провозглашения политических свобод и плюрализма широкое демократическое движение, поднявшееся в Азербайджане в 1988 году для защиты территориальной целостности республики и демократизации общества, упорно подавляется усилиями ЦК КП Азербайджана под руководством ЦК КПСС. За эти годы репрессировано по политическим мотивам много лиц.*

Полтора года двухмиллионная столица Азербайджана без каких-либо оснований живет в режиме чрезвычайного положения. Именно в этих условиях были проведены так называемые «демократические» выборы в Верховный Совет республики и референдум с заведомо положительным результатом в пользу сохранения Союза. Наивно полагать, что при чрезвычайном положении можно надеяться на какую-либо демократию и свободное волеизъявление народа. Демократические организации неоднократно поднимали вопрос о том, что абсолютное большинство избирателей республики не участвовало в

референдуме, итоги его сфальсифицированы. Однако коммунистическое руководство Азербайджана не сочло возможным даже рассмотреть эти обращения.

Я выступал и выступаю против навязываемого центром нового союзного договора. Не может быть суверенитета нескольких государств в составе одного суверенного государства со всеми вытекающими из этого понятия свободами, полномочиями и функциями.

Нужно предоставить всем союзным республикам подлинную политическую, экономическую свободу и самостоятельность для национально-государственного возрождения. Это никак не препятствует экономической интеграции и традиционным культурным связям республик, наоборот, будет способствовать их совершенствованию и развитию на двусторонней и многосторонней основе.

Являясь народным депутатом Азербайджана и Нахичеванской Автономной Республики, я в своих выступлениях неоднократно поднимал все эти вопросы, предлагал Компартии Азербайджана, полностью потерявшей авторитет у народа, отказаться от монополии на власть, обеспечить условия для свободной и равноправной деятельности всех политических сил, создать условия для становления демократического общества, политического плюрализма и гласности в полном объеме.

Однако все эти выступления и мои предложения не только не рассматриваются коммунистическим руководством Азербайджана, а вызывают ответную реакцию в виде новых, подготовленных и организованных нападок в мой адрес. Редактора газет, журналисты за публикацию моих выступлений в Азербайджане освобождаются от работы, подвергаются гонениям.

Все вышеизложенное заставило меня пойти на крайний шаг и объявить о выходе из КПСС, хотя для меня решиться на это было чрезвычайно трудно. Я вырос в семье коммунистов, и вся моя сознательная жизнь связана с Коммунистической партией. Я связал свою судьбу с партией большевиков в двадцатилетнем возрасте в 1943 году.

Я искренне верил в идеалы Коммунистической партии и активно участвовал в осуществлении ее планов. Теперь вся эта вера разрушена.

Бесконечные заявления об обновляющейся партии, обновляющемся Союзе республик — очередной обман народа.

Необходимо честно и открыто сказать народу, что коммунистический эксперимент, социалистический выбор в нашей стране себя не оправдали, созданный и поддерживаемый силой Союз республик себя исчерпал.

Я представляю трудности, которые возникнут передо мной после этого заявления, предвижу всевозможные нападки и моральную травлю. Трезвый анализ пройденного партией пути привел меня к настоящей позиции, которую я изложил. При этом я сознаю и меру своей ответственности.

Покидая ряды КПСС, выражаю свое уважение ко всем честным и порядочным коммунистам, которые еще верят и надеются.

Гейдар Алиев 19 июля 1991 г. г. Москва».

Гейдар Алиевич принял мужественное решение. Он видел дальше, чем еще стоявшие у власти господа, представлял, по какому вектору развиваются события. До августовского путча оставался ровно месяц.

Путч

Десятого июля на торжественном заседании Верховного Совета РСФСР состоялась инаугурация Ельцина, Президента России. Отношения между двумя властями — союзной и российской — обострились до предела.

Кто должен управлять почти двумя третями страны — Союз или Россия, персонально Ельцин или Горбачев? Союзный парламент принимал законы, российский их игнорировал. Выступая на одном из больших хуралов, ближайший советник Ельцина Михаил Бочаров (его в то время прочили в премьеры) десять раз повторил в своей речи фразу «суверенитет России». И тогда Федор Бурлацкий, политолог, в прошлом консультант Андропова, Брежнева и снова Андропова, задал ему простой вопрос:

— Хорошо, вы разобщаете СССР, ну а что дальше? Как будет с самой РФ? Что, если Татария, Башкирия, Чечня, Ингушетия тоже заявят о выходе из РСФСР, что вы тогда будете делать?

Бочаров стушевался и промямлил:

— Мы вступим с ними в переговоры.

Алиев отложил в сторону газету, в которой рассказывалась эта история. Бурлацкого он знал давным-давно, читал с карандашом в руках его книги. Конечно, Федор прав, но этих молодых волчат ему не переубедить.

15 августа 1991 года еженедельник «Московские новости» опубликовал проект Союзного договора, который Горбачев держал в секрете ото всех. Генсек, как свидетельствует бывший председатель КГБ СССР Крючков, звонил из Крыма, куда он отбыл на отдых, метал громы и молнии, требуя найти и наказать виновных в утечке информации. Но это уже мало кого интересовало. На страну надвигалось политическое цунами.

Ранним утром 19 августа 1991 года СССР узнал о введении на срок 6 месяцев с 4 часов утра по московскому времени чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР. В «Заявлении советского руководства» излагались причины и цели этой меры. Подчеркивалось, что на всей территории СССР безусловное верховенство имеют Конституция СССР и законы Советского Союза.

В пункте 3 этого заявления сообщалось об образовании Государственного комитета по чрезвычайному положению СССР (ГКЧП СССР). ГКЧП принял «Обращение к советскому народу».

В тот же день свое обращение зачитал Президент Ельцин. Он забрался на танк № ПО Таманской дивизии (бронетехнику к

зданию правительства России для охраны новых вождей подогнал генерал Лебедь) и призвал россиян к сопротивлению. Следом появился указ Ельцина, квалифицирующий действия организаторов ГКЧП как государственный переворот. Через два дня с путчем было покончено. Затем настала очередь Коммунистической партии Советского Союза.

Тот прямой телевизионный репортаж из Кремля, когда Ельцин на глазах у миллионов телезрителей подписывал Указ о приостановлении деятельности КПСС, Алиев смотрел в своем нахичеванском кабинете. За распахнутым окном стыл на августовской жаре платан. Два молодых женских голоса переговаривались о покупках к школе. Он прикрыл окно.

Ельцин предоставил слово Горбачеву. Михаил Сергеевич начал говорить. И в это время Ельцину передали информацию от мэра Москвы Гавриила Попова о том, что здания ЦК КПСС захвачены. Получив отмашку, Ельцин прервал Горбачева. На глазах у депутатов, у миллионов телезрителей он демонстративно подписал Указ о приостановке деятельности КПСС. Усмехнулся:

— Указ вступает в силу с момента подписания. Это был час его торжества, расплата, но еще не последняя, за октябрьский пленум ЦК КПСС, на котором Горбачев устроил Ельцину публичную порку, за XIX партконференцию, за унижения. Ельцин торжествовал, но вряд ли отдавал себе отчет в том, что делал.

До Горбачева еще толком не дошло, что, собственно, произошло, он вяло попытался с трибуны протестовать, дескать, эта акция может вызвать волну антикоммунистической истерии, что было бы опасно и несправедливо. Ельцин махнул рукой: полно тебе, Михаил Сергеевич. Кто-то из депутатов прорвался к микрофону и истерически крикнул, что всех «коммунистов надо метлой из страны убрать». Горбачев пытался урезонить:

— Вы что, собираетесь выгнать из страны 18 миллионов коммунистов, а с семьями — 50–70 миллионов человек? Если называете себя демократами, так будьте ими!

Гейдар Алиевич приглушил звук телевизора. События в Москве, дележ власти еще больше убедили его в правильности сделанного выбора — независимость Азербайджана.

29 августа собралась сессия Верховного Совета Азербайджана. В зале, как и повсюду в те августовские, переломные дни, кипели страсти. На трибуну поднялся народный депутат Гейдар Алиев.

«Уважаемые народные избранники! — внешне спокойно начал он свое выступление. — В стране резко обострился политический и экономический кризис, кризис государственной

власти… В этот период состояние нашей республики, азербайджанского народа особенно сложное и тяжелое. Основная причина этой реакционной политики — властвующая в республике Азербайджанская коммунистическая партия и ее грубые, непоправимые ошибки…»

В этом месте в стенограмме пометка: «Голоса протеста из зала». «Я очень прошу дать высказаться на сессии каждому депутату, — сдержанно обратился к коллегам Алиев. И, выдержав небольшую паузу, продолжал: — В результате этой политики коммунистическое руководство республики фактически одобрило осуществленный в стране государственный переворот 19–22 августа, Государственный комитет чрезвычайного положения и таким образом поставило азербайджанский народ в очень плохое положение…»

Депутат Алиев потребовал отменить чрезвычайное положение, которое действовало в Баку уже полтора года. Выяснить позицию руководства Азербайджанской Республики по отношению к ГЧКП. Коммунистическая партия Азербайджана, говорил он, немедленно должна уйти от власти. Он спросил председателя Верховного Совета Эльмиру Кафарову и Президента Аяза Муталибова, почему не была дана политическая оценка трагедии 20 января.

Вот что записано далее в стенограмме:

«*Элъмира Кафарова:* Дана на сессии 20–го числа.

Гейдар Алиев: Если дана, то кто виновник этой военной агрессии? Сегодня говорят, что Язов, Крючков, Бакатин, Гиренко, Горбачев. Это правильно. Кто же виноват из азербайджанского руководства? Да и эти лица известны: Везиров, Кафарова, Муталибов и другие члены Центрального Комитета Коммунистической партии Азербайджана. Да, если виноваты и другие люди, надо выяснить. Если и другие силы виноваты: демократические силы, Народный фронт, их деятельности тоже надо дать политическую оценку. Пока это не выяснено, нельзя добиться стабильности в республике. Если этому дана политическая оценка, то я прошу Аяза Муталибова сказать, почему, когда Горбачев согласовывал назначение 3 министров с руководством 9 республик, Аяз Муталибов не возразил против назначения Бакатина председателем Комитета государственной безопасности? Если возражал, то почему не сказал в своем выступлении? Почему один из виновников трагедии 20 января Везиров избран членом подготовительной комиссии от Азербайджанской Республики по подготовке Съезда народных депутатов? Кто его предложил туда? Если это сделано руководством Азербайджанской Республики, то они виноваты

перед азербайджанским народом. И я это хочу сказать со всей откровенностью.

Пока не выяснены все эти вопросы — безусловно, я тоже согласен с мнением выступивших депутатов — нельзя проводить президентские выборы в Азербайджане. Потом, так как абсолютное большинство депутатов Верховного Совета Азербайджана составляют коммунисты, люди, работавшие в руководящих органах Коммунистической партии, избранные депутатами в парламент, и Коммунистическая партия Азербайджана виновны во многом, я считаю, что парламент Азербайджанской Республики должен быть распущен и проведены новые выборы.

Выступая так резко, я думаю, что после моего выступления специально подготовленные люди выступят против меня. Я привык к таким выпадам. Поэтому не надо беспокоиться. Я выступил, будучи ответственным перед своей совестью».

Владимир Даль называл совесть тайником души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка. У многих и многих политиков этот тайничок обычно пуст. Гейдар Алиев не только толкует о совести, о нравственности с высоких трибун, что в современном мире считается обязательной приправой к образу политика, но и поступает по совести. На эту черту его характера обратил внимание известный азербайджанский ученый в области нефтехимии, член-корреспондент республиканской Академии наук Рамиз Ризаев. Нетерпимость к несправедливости привела его в конце 80–х годов в ряды Народного фронта. В сентябре 1991–го он прилетел в Нахичевань, чтобы познакомиться с Алиевым. Его провели по веранде, увитой виноградом, в мазанку, сохранявшую прохладу даже в нахичеванскую жару. Они проговорили почти четыре часа. Провожая гостя, Гейдар Алиев сказал: «Я тебя прошу — приезжай почаще».

Катился к концу девяносто первый год. Восьмого декабря в Беловежской Пуще Ельцин, Президент Украины Кравчук и председатель Верховного Совета Белоруссии Шушкевич распустили СССР. Закавказские республики, которые тоже создавали в 1922 году этот Союз, на развод не пригласили. В последние дни декабря над ночным Кремлем (при свете дня совесть не позволяла) спустили красный флаг. Новый хозяин Кремля тут же выставил оттуда Горбачева, первого и последнего Президента СССР.

А в Азербайджане разворачивались свои баталии. К власти шел Народный фронт. На выборах Президента страны победил лидер Народного фронта Абульфаз Эльчибей. Странно переплетались судьбы этих двух людей, уроженцев Нахичевани.

Два десятка лет назад Гейдар Алиев спас его от тюрьмы. Эльчибей тоже любил свой народ, дорожил его независимостью, говорил очень правильные слова. Но какие дела за ними следовали?

Репортаж об инаугурации Эльчибея, подготовленный его пресс-службой, завершался по-деловому: «Начинается первый рабочий день Президента республики». Это было 17 июня 1992 года. Через год с небольшим он бежал из Баку. Но эта история впереди. Пока же Эльчибей правил Азербайджаном. И хранил в своем кабинете, правда, не на виду, портрет Гейдара Алиева.

Нахичевань в блокаде

Посмотрите, пожалуйста, на карту, которая публикуется в приложении. Нахичеванскую автономию и собственно Азербайджан разделяет территория Армении. В советские годы эта граница была по сути условной. Но затем по ней прошла линия фронта, закрыв дорогу и поездам, и машинам, и людям.

Блокада для нахичеванцев — не книжное, не литературное понятие. Она определяла их образ жизни.

Слепые лампочки — вместо них вернулись керосиновые лампы. Иногда рука по привычке тянулась к выключателю — щелкнет человек пару раз — и только чертыхнется.

Холодные газовые плиты — на кухнях вновь шипят примусы.

А теперь представьте, что вы с детьми живете на третьем, пятом, седьмом этаже и за водой надо идти к водовозке, греться у «буржуйки»… Вспоминая о тех днях, Гейдар Алиев говорил:

«Нас лишили поставок продовольствия, нефти. Отключили всю энергетику. У нас начался холод и голод. Младенцы умирали в больницах. Люди стали вырубать сады на топливо, 70 процентов фруктовых деревьев было вырублено, чтобы обогреть жилища. Но я выжил, и народ выжил.

Я жил очень скромно, умеренно, в тяжелых бытовых условиях, как и мой народ. Но мы выжили и сохранили благополучие. Ко мне часто приезжали люди из Баку, уговаривали вернуться в политику. Но я не хотел. Не хотел ввязываться в политику Народного фронта, которая вела к катастрофе…»

Блокаду Нахичевани, с которой, кроме Армении, граничат Иран и Турция, можно было прорвать. Но в Баку власти были настроены иначе: чем хуже, тем лучше.

«Вскоре я оказался зажат, как в тисках, с двух сторон — коммунистическим режимом Муталибова и Народным фронтом, — рассказывал Гейдар Алиевич. — Между прочим, впервые в Азербайджане представители Народного фронта оказались на руководящих должностях именно по моему предложению в Нахичевани. Двух активных деятелей НФ я взял к себе замами. Более того, и премьер-министром назначил народофронтовца. Правда, через некоторое время обнаружилось, что он жулик, — пришлось выгнать. Вот после этого и случился мой разрыв с Народным фронтом.

Они ведь думали, что если человек их, то ему все дозволено. Он, кстати, тоже так полагал. И когда я его прижал за жульничество, попытался организовать против меня какие-то

акции. Но в Нахичевани это было равносильно самоубийству. Народ его едва не растерзал. Ему пришлось бежать в товарном вагоне — пассажирские через Армению не ходили.

В октябре 1992 года Народный фронт даже сделал попытку государственного переворота в Нахичевани. Вооруженные формирования НФ захватили здания милиции, телевидения, хотели штурмовать парламент, где я сидел. Но перед зданием собрались 15 тысяч человек, защитили. Я несколько раз звонил Эльчибею, передал потом материалы расследования этого инцидента. А реакции никакой».

Точнее, реакция была. Эльчибей снимал стружку с неудачливых заговорщиков. Провалился штурм меджлиса, провалились две попытки убийства Алиева.

В таких условиях он прорывал блокаду Нахичевани. Вряд ли это было под силу политику другого калибра. Вот когда пригодился авторитет Алиева в мире.

«У меня сложились дружеские личные отношения с иранскими и турецкими руководителями, — вспоминал он о нахичеванских годах. — Президент Ирана прислал в Нахичевань свой самолет, я полетел в Тегеран и договорился о помощи. Мы построили ЛЭП и стали получать энергию из Ирана. Также и топливо, и продовольствие… Президент Турции Демирель сам предложил мне кредит на 100 миллионов долларов. Тоже прислал свой президентский самолет, и я побывал у него в Анкаре. Я построил дорогу в Турцию, мост через реку и наладил снабжение товарами. Но мое главное достижение — я избежал вооруженного конфликта с Арменией. Было очень острое положение, были крайние моменты, но я нашел выход, и крови на нашей земле не было».

Сохранились телекадры: по мосту через Аракс идут тяжелые грузовики с мукой, сахаром, сухим молоком, мясом — это гуманитарная помощь Ирана. Как жаль, что не дожил до этих дней Самед Вургун… В 1948–м у мертвого моста поэту увиделся его строитель:

Он давно у Аракса, быть может, века,
Над созданьем униженным плачет своим…
Ах, кто знает, с каких не ступали времен
Пешеходы на прочные плиты моста?
На дорогу с тоской старца взор устремлен…
Но дорога — пуста…

(*Перевод с азербайджанского А. Адалис*)

Десятое мая 1993 года… Гейдар Алиев принимает поздравления с 70–летием. Он не хотел шумных торжеств, собирался провести день в кругу родных. Накануне из Турции приехал сын… Но как же не встретиться с аскерами, воинами, которых на день-другой отпустили с боевых позиций?! Разве можно отказать ветеранам Великой Отечественной из Баку, у которых Эльчибей отнял святой праздник 9 мая?! Ильхам внимательно слушает отца.

— У нас, в Нахичевани, День Победы празднуют, как и раньше, — отозвался председатель Верховного меджлиса автономной республики.

— С Вами, Гейдар-муаллим, этот праздник вернется в Баку, он дорог всему народу.

Из Баку прилетела журналистка Светлана Мирзоева. В подарок привезла давний, немного выцветший любительский снимок: знаменитая балерина Гамэр Алмасзаде, — чародейка танца, совсем юная Зарифа и ее брат Тамерлан.

Взгляд Гейдара Алиевича оттаял:

— Я всю жизнь был влюблен в Зарифу…

Потом, забыв на время о своих заботах, он говорил о встречах с великими художниками, мастерами, с которыми сводила его жизнь.

— Поэзия, театр, музыка, живопись, скульптура — все это для меня не просто соприкосновения с захватывающим, увлекательным миром, не просто смена впечатлений и отдых. В искусстве я черпал силу, в нем я черпаю оптимизм, чувство радости в жизни. От общения с деятелями искусства я получаю обстоятельные знания, глубокие ощущения прекрасного в жизни, человеческих отношениях.

Известные художники считали Гейдара Алиева своим коллегой, соавтором. Знаменитый Муслим Магомаев, послушав Алиева на одном из домашних концертов, восхищался его голосом. Старожилы в Нахичевани и сейчас помнят, как ходили в городской театр на Гейдара… Да, он мог бы быть художником, актером, архитектором. Но жизнь продиктовала другой выбор. В ипостаси политика он мог сделать для своего народа больше всего.

Глава IX. ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ

Май — июнь 1993 года, Нахичевань — Баку

В хронику, которую день за днем старательно вел журналист, ныне руководитель аппарата Милли меджлиса Нахичеванской автономной республики Али Гасанов, этот эпизод не попал: из кабинета Алиева вынесли керосиновую лампу. Пресс-секретарь распорядился оставить лампу у себя. И даже запер на ключ в шкафу. Не для того, конечно, чтобы при очередном перебое со светом попользоваться лампой шефа. Мысленно он, вдумчивый человек, видел ее в будущем музее Алиева.

Кстати, со временем так и случилось. А вот что на самом деле достойно было попасть в хронику и попало: в июне 1993 года Нахичевань подключилась к иранской энергосети. Оттуда же, из Тебриза, в республику, отрезанную блокадой, тянули газопровод.

Быстрее всех на эти новости отреагировал нахичеванский базар: керосинки подешевели, и брали их самые-самые недоверчивые, похожие на героя азербайджанского фольклора Кафира, родного брата русского Фомы неверующего.

Накануне семидесятилетия Гейдара Алиевича к нему напросился на беседу журналист из «Бакинского рабочего». Алиев принял его, охотно отвечал на вопросы, но, прощаясь, заметил, что вряд ли их беседа увидит свет. И как в воду глядел. Прошло десятое мая, двадцатое, наступил июнь — в «Бакинском рабочем» молчок. Только десятого июня беседа была напечатана. Называлась она «Я верю в счастливое будущее Азербайджана».

Для человека со стороны задержка в публикации может показаться пустячным делом. Подумаешь, месяцем раньше или позже вышло интервью провинциального политика, руководителя автономии, одного из регионов страны. Но Азербайджан мая 1993 года и июня того же года — две разные страны. Их разделили события Гяндже{4} (в советское время, после убийства Кирова, этот город назвали Кировабадом, а еще раньше, с царских походов в Закавказье — Елизаветградом).

Много чего повидала Гянджа за свои долгие века. Но чтобы свои палили по своим…

Танки полковника Гусейнова

…В шесть часов утра четвертого июня началась, как она официально называлась, «операция по обезвреживанию воинской части № 7097», которой командовал полковник Сурет Гусейнов. Ее атаковали подразделения президентской гвардии, Министерства национальной безопасности, внутренних войск. Погибло 68 военнослужащих и гражданских лиц. Двенадцать солдат, отбиваясь, пали под гусеницами танков. Правительственные части были разбиты наголову — 1200 пленных, из них 180 офицеров. Возможно, они и сами перешли к Сурету Гусейнову. Потому что, как и он, не собирались сражаться за коррумпированный режим.

После отчета парламентской комиссии, вернувшейся из Гянджи, депутаты два с половиной часа спорили, следует ли вести прямую трансляцию по национальному телевидению. Президент Абульфаз Эльчибей и председатель Милли меджлиса (в русскоязычной прессе его называли Верховным Советом) Иса Гамбаров считали, что трансляция только обострит и без того накаленную ситуацию в республике. Большинство депутатов с ними не согласились. В 19.30 восьмого июня началась прямая трансляция.

Обратим внимание и на эту дату.

Гейдар Алиев еще в Нахичевани. Эльчибей звонит ему два-три раза на дню, умоляет прилететь в Баку и спасти страну от хаоса.

Танки полковника Гусейнова, распугивая всех, катят на Баку.

Эльчибей дважды присыпает за Алиевым свой самолет — экипаж возвращается без приглашенного.

— Я разговаривал по телефону с Эльчибеем и отказался приехать в Баку, — вспоминал позже Алиев. — Девятого июня войска Сурета находились в 100 километрах от Баку. Его люди были оскорблены, говорили: «Если придем в Баку, будем вешать преступников на фонарях!» Эльчибей снова прислал за мной самолет, умолял приехать. Я согласился.

Признаюсь, мне страшно было лететь в катастрофу, но я понимал, что должен лететь, ибо решалась судьба народа.

Прилетел, и мы беседовали с Эльчибеем несколько часов. Он предложил мне пост премьер-министра, который все еще занимал его соратник Панах Гусейнов. Я отказался. Они все собрались у Эльчибея и слушали меня. Я высказал все, что думаю о их преступном правлении. Иса Гамбаров не выдержал и сказал: «Мы думали, вы нам дадите совет, а вы произнесли нам

обвинительное заключение!» Так оно и было.

Это была не первая их встреча. В феврале они проговорили восемь часов. «Такая политика обречена», — откровенно сказал тогда Гейдар Алиев Эльчибею. И что услышал в ответ? — «Мы учимся управлять. Пусть неопытные набирают опыт. Если не наберут, мы их сместим и заменим». — «Разве можно экспериментировать над народом?» — возразил старый человек своему облеченному властью собеседнику.

Публикация в «Бакинском рабочем» — она, напомним, вышла десятого июня — словно продолжила этот диалог.

Со страниц газеты, одной из самых популярных в республике, к соотечественникам обращался не столько глава автономии, сколько политик, ответственный за всю страну, каким он всегда и был. Говорил Гейдар Алиев о самом главном, о неотложном: как прекратить войну, как вывести из разрухи экономику…

«Суверенитет, национальная независимость — ценнейшее приобретение Азербайджана. Но их упрочение совершенно не противоречит налаживанию деловых, экономических, культурных связей с соседними государствами, странами ближнего и дальнего зарубежья. Кому принес пользу разрыв хозяйственных связей? Да ни одной республике бывшего СССР! Даже таким могучим, как Россия, Украина, Беларусь. А сколько должно пройти времени, чтобы установить новые связи? Сколько же бед подстерегает каждую страну, Азербайджан в том числе, на пути поиска, ведущегося подчас вслепую, наугад, часто себе в ущерб.

Идет отток определенной части населения из Азербайджана. Одни уезжают в города бывшего СССР, другие еще дальше — в США, Израиль, Германию и т. д. Баку утрачивает атмосферу города интернациональной культуры, которая всегда была благотворной для живущих в нем.

Скажу со всей определенностью, что своими успехами в самых различных областях жизни Азербайджан был обязан той самой многонациональной культурно-социальной атмосфере, которая складывалась в течение почти столетия.

И уж совсем непростительно, что Азербайджан покидают азербайджанцы, в основном русскоязычные. Это, как правило, отличные специалисты, получившие образование в вузах Москвы, Ленинграда.

Кстати, партия «Ени Азербайджан» («Новый Азербайджан»), которую я возглавляю, активно выступает за возрождение прежней обстановки доверия, дружбы, взаимодействия людей разных национальностей».

На этих словах репортер напомнил своему собеседнику о том, что, выходя из Коммунистической партии, он обещал никогда ни

в какую партию больше не вступать.

«Все верно, — отозвался Гейдар Алиевич, — но партия «Ени Азербайджан» выдвинула так много созвучных моим представлениям о жизни идеалов, что я решил не просто вступить в нее, но и стать ее председателем. Эта партия в силу своих истинно демократических устремлений привлекает к себе все больше членов — представителей творческой, научной и технической интеллигенции, крестьян, рабочих.

Ну и самая главная задача партии «Ени Азербайджан» — объединить самых различных людей перед лицом огромной опасности, какую представляет враг, карабахская война, разруха, связанная с ней.

Да, я прожил большую, трудную, но считаю — счастливую жизнь. Все, что было в ней — хорошее и плохое, радости и разочарования — мое богатство, мое достояние. Я вернулся в политику не для того, чтобы вспоминать плохое или сводить с кем-то счеты, а для того, чтобы сделать все, что в моих силах, для людей, для Азербайджана.

Я реалист и вижу всю тяжесть создавшегося в Азербайджане положения. Но я умею заглядывать вперед и верю в силы народа, который даже в этих условиях сумел выстоять, сможет восстановить разрушенное, начать строительство новой жизни. Смог же он после Отечественной войны, унесшей сотни тысяч молодых людей, залечить раны, наладить жизнь. Я верю в счастливое будущее Азербайджана».

В том же номере, на той же полосе, где начиналась эта беседа, газета сообщала о боях в Гяндже, об отчете правительственной комиссии, которая на месте разбиралась в ситуации. Разборки эти продолжались на чрезвычайной сессии парламента, а закончились отставками министров, ночным бегством — в стиле крутых вестернов — президента… Но обо всем по порядку.

Одиннадцатого июня подал в отставку председатель Верховного Совета Иса Гамбаров. Группа депутатов предложила избрать председателем Гейдара Алиева. Он отказался и предложил отложить на несколько дней сессию, чтобы повидаться с Суретом Гусейновым.

«Я не был с ним знаком прежде и прилетел к нему в Гянджу. Мы говорили с ним целую ночь. Утром он повез меня по городу, и я увидел следы боев, разрушенные строения, обгорелые жилища. Я видел следы преступления. Я вернулся в Баку, принял предложение Верховного Совета и 15 июня был избран на пост председателя. Я сделал это только с одной целью — предотвратить гражданскую войну.

16 июня войска Сурета встретились с воинскими формированиями Народного фронта. Был бой, были убитые. Я не мог допустить братоубийства, и так за эти годы пролились реки народной крови. Я договорился с Суретом, что его войска не войдут в Баку, в столице не будет боев. Что было потом, вы знаете. Итог — комиссия по расследованию событий в Гяндже, вывод комиссии: Народный фронт в лице его лидеров совершил преступление. Затем сессия меджлиса. Лишение депутатского иммунитета главных виновников, их арест. Вот так я вернулся в Баку».

Бегство Президента Эльчибея

А на рассвете 18 июня из столицы улетел Абульфаз Эльчибей, ученый человек, бросивший исторические манускрипты ради большой политики. Поистине неисповедимы пути Аллаха! Изумленные граждане узнали о бегстве Президента из утренних выпусков новостей. Президент объяснял свой отлет на родину в Нахичевань стремлением избежать братоубийственных столкновений в столице и желанием стабилизировать обстановку в республике.

Согласно Конституции Азербайджана исполнение всех полномочий главы государства взял на себя председатель парламента. Объявляя об этом по национальному телевидению, Гейдар Алиев подчеркнул, что ни в коей мере не оправдывает поступок Абульфаза Эльчибея, так как Президент должен даже в трудную минуту до конца защищать интересы своего народа.

21 июня Милли меджлис собрался на внеочередное заседание. Открывая его, Гейдар Алиев сказал, что никаких кадровых перестановок не будет, так как без Президента Абульфаза Эльчибея этого сделать нельзя. Однако Президент не намерен был возвращаться, пока повстанческие отряды Сурета Гусейнова не отошли от Баку. «Нам нужно обсудить сегодня, может ли Эльчибей управлять республикой. Если нет, то мы должны что-то предпринимать», — сказал председатель Верховного Совета.

Исполняющий обязанности министра внутренних дел Ровшан Джавадов доложил депутатам о том, что повстанческие формирования Сурета Гусейнова беспрепятственно подошли к Баку. У поселка Локбатан (пригород столицы) и на 75–м километре Шемахинской дороги в результате переговоров их удалось остановить.

В голосе министра нарастал металл: «Мятежники входят в контакт с уголовными элементами, а это создает угрозу выхода ситуации, сложившейся на подступах к столице, из-под контроля. Не исключено, что завтра парламенту собраться уже не удастся…»

— А что же Президент? — волновались депутаты.

— Он звонил мне, — ответствовал министр, — и сказал, что в Баку он не приедет, а все необходимые приказы отдаст из Нахичевани.

— Президента Азербайджанской Республики Абульфаза Эльчибея нельзя обвинять в том, что он бросил на произвол судьбы свой народ и уехал в Нахичевань ради своей

безопасности, — заявил госсекретарь Али Керимов. — Президент покинул столицу, дабы избежать кровопролития.

Его тут же перебили: кто-то обвинял Эльчибея в трусости, кто-то настойчиво хотел узнать, каким образом Верховный главнокомандующий сможет «выполнять свои обязанности и контролировать вопросы военной стратегии и тактики, не присутствуя в Баку».

— Президент давно разработал стратегию, и сегодня ее нужно только исполнять, — защищал шефа госсекретарь. Он считал, что некоторые депутаты хотят выманить Эльчибея из Нахичевани лишь для того, чтобы тут же «отправить его в отставку».

Председатель Верховного Совета Гейдар Алиев зачитал сообщение начальника Управления погранвойск Министерства национальной безопасности Азербайджана Искендера Аллахвердиева о том, что бывший заместитель министра обороны полковник Алиакрам Гумбатов создает «независимую Талышскую республику». Гумбатов такой же скороспелый полковник, как и Гусейнов. В мирное время трудился в гараже в Ленкорани. С приходом к власти Народного фронта добрался до Министерства обороны, но быстро оттуда вылетел. Оказавшись не у дел, сколотил в Ленкорани вооруженный отряд, который терроризировал город и окрестности. Свою «республику» Гумбатов намеревался присоединить к Ирану. Точку в его карьере поставил суд, приговорив к пожизненному тюремному заключению. (По указу Президента АР И. Алиева в 2004 году он был помилован.)

Передать полномочия Президента Гейдару Алиеву

На заседании Милли меджлиса 21 июня единогласно было принято обращение к Президенту Азербайджанской Республики Абульфазу Эльчибею с просьбой вернуться в Баку и приступить к исполнению своих обязанностей. Проект этого обращения был разработан 20 июня при участии министров обороны, национальной безопасности, внутренних дел, главы парламента Гейдара Алиева, его замов Тамерлана Караева и Афиеддина Джалилова, в прошлом первого секретаря Нахичеванского обкома Компартии Азербайджана. Было принято обращение к полковнику Сурету Гусейнову. Его просили прекратить противостояние и начать мирные переговоры с властями.

Это была уже не грань гражданской войны, а самая настоящая война. Она охватывала весь Азербайджан, и только Аллах знает, что осталось бы от него, не будь в Баку в те дни Гейдара Алиева. 24 июня Милли меджлис принял историческое — без всякого преувеличения — постановление:

1. Утвердить, что Абулъфаз Гадиргулу оглы Алиев (Эльчибей) не может далее исполнять обязанности Президента Азербайджанской Республики.

2. Передать полномочия Президента Азербайджанской Республики Председателю Верховного Совета Азербайджанской Республики Гейдару Алирза оглы Алиеву.

Теперь его официальные титулы звучали так: осуществляющий полномочия Президента Азербайджанской Республики, председатель Верховного Совета Азербайджанской Республики.

— Я осознаю всю меру ответственности, которая ложится на меня в этот трудный для азербайджанского народа час испытаний, в период обострения общественно-политической ситуации в республике… Приложу весь свой опыт как государственного и политического деятеля для вывода страны из создавшегося во многих сферах кризиса. При этом мы остаемся верны избранному Азербайджаном демократическому курсу…

Перед Алиевым были листки бумаги с тезисами выступления, но он, как всегда, говорил, не заглядывая в них. Как и в шестьдесят девятом, ему предстояло начинать новую страницу своей жизни, слитой с жизнью Азербайджана. Но неуверенности в его голосе не было. Капитан вернулся на капитанский мостик. Он знал, что делать, он видел курс. О таких натурах говорят, что их

подпитывает власть. Это так и не так.

Власть даст подпитку, если у политика есть запас прочности, знаний, интеллектуальный потенциал, словом, если есть что подпитывать. А если его обуревают мелкие чувства и корыстные расчеты, ничто не поможет.

За событиями в Азербайджане внимательно следили во многих столицах. Один за другим к Гейдару Алиеву шли на прием послы, добивались встреч главные редакторы и специальные корреспонденты ведущих газет и журналов, теле- и радиокомпаний разных стран. Выбираем из многих свидетельство русского писателя Александра Проханова.

«Я приехал в Баку и три дня не мог повидаться с Гейдаром Алиевым, занятым технологией власти. Шла сессия меджлиса. Слушался доклад комиссии, расследовавшей события в Гяндже. Председательствовал Алиев. По телевизору я наблюдал его действия. Поднимались на трибуну виновники кровопролития, вчерашние кумиры, витии, кто полтора года не исчезал с телевизионных экранов, учил, увещевал, разоблачал, клеймил. Сейчас они были растеряны, подавлены. Лепетали, мямлили, с трудом, под давлением свидетельств, признавали вину. Называли имя главного виновника — Эльчибея.

Алиев, искусный психолог, подводил каждого к саморазоблачению, отбирал у каждого его потенциал власти, снижал его уровень, лишал властного мифа, развенчивал облик, созданный льстивым телевидением. Он разрывал одну за другой нити, связывающие их с центром власти, замыкал эти нити на себя, ибо он был теперь в этом центре, создавал первую хрупкую структуру разрушенного управления. Было видно, как трудно ему, какие терпение и выдержка требовались от семидесятилетнего политика.

Двигало им в этот момент не торжество, не чувство реванша, а точнейший расчет пилота, перехватившего управление подбитого, горящего самолета.

Четверо главных «фронтовиков», недавние председатель Верховного Совета Иса Гамбаров, премьер-министр Панах Гусейнов, чины МВД и службы безопасности были арестованы…

Стремительно менялась власть — с каждым часом, с каждым выпуском новостей. Общество, утомленное, деморализованное, утратившее надежду, вяло идущее на поводу у случая, само стремительно менялось».

Алиев принял Проханова поздно ночью, в огромном кабинете председателя Верховного Совета.

«За его спиной стоял штандарт государственного флага республики. На столике — золотые арабески с сурами Корана.

Тут же — батарея цвета слоновой кости правительственных телефонов с гербом СССР.

Я знал, что уже неделю он спит не более четырех часов в сутки. Мне навстречу поднялся сухой, гибкий в талии человек, без следов утомления. Его сухая ладонь в рукопожатии была теплой и крепкой. Продолговатое лицо покрыто загаром и не кажется лицом старика. На нем дорогой, прекрасно сшитый костюм. Галстук, не чопорный, не чиновный, а очень светский, нарядный, затянут сочным узлом. Глаза блестящие, быстрые, с цепкими, моментально загорающимися зрачками. И во всем его облике чувствуется артистизм, — способность моментально угадывать собеседника, улавливать его настроение и замыслы.

И еще — в кабинете не было запаха табака, а тонкий, едва уловимый аромат дорогого одеколона».

Приведем несколько фрагментов из их большой беседы.

«*Александр Проханов*: Гейдар Алиевич, теперь уже ясно, что еще один период в новейшей истории Азербайджана закончен. Полуторагодовое «царствование» Народного фронта завершилось как бы в одночасье. Оно растаяло, словно дым. Как вы это объясняете? Чем был этот период для Азербайджана?

Гейдар Алиев: Это было разрушение республики. Они разрушили все: хозяйство, мораль, психологию. Самое страшное — люди перестали трудиться. Исчезла сама возможность труда. Вы знаете, в Ленкорани на пустырях, в пустыне мы создавали великолепные овощные плантации. Это место называлось «всесоюзным огородом». Там созревали замечательные ранние помидоры, огурцы, бахчевые культуры, и все это посылалось в Норильск, на Урал, в Москву. Республика получала колоссальный доход, а индустриальные центры России — замечательные овощи. Помню, Президент Финляндии Урхо Кекконен приезжал в эти места на отдых и восторгался плантациями. Где они? Все заброшено — опять пустырь и пустыня. Люди без работы…

Или виноград. Алексей Николаевич Косыгин очень помогал виноградарям. Мы довели производство винограда до 2 миллионов тонн в год. Апшеронский виноград — самый сладкий из всех сортов, что я знаю. На Апшероне сухие, огненные песчаные почвы, виноград ложится на эти горячие земли и выпивает их жар, их сладость. Все погибло! В этом году мы соберем едва 400 тысяч тонн…

Люди перестали трудиться, а чтобы прожить, занялись мелкой торговлей. Иран близко, Турция близко. Закупают мелкими партиями какой-нибудь никчемный товар и торгуют. Но не производят!.. Наполовину встал Сумгаитский химический!

Резко упала добыча нефти!.. Пришедшие к власти — не

хозяйственники, не управленцы, не политики! Младшие научные сотрудники, писатели, они не понимают государства!.. К тому же они начали со слов о свободе и справедливости, а кончили повальным воровством! Народ разочаровался в них! Только разъезжают на дорогих «мерседесах» и говорят, говорят, говорят! Много безнравственных, много прямых воров!..

И, конечно, Карабах! Они не выиграли этой войны, они не погасили конфликт политически! Мы потеряли много селений, много земель! Вчера у меня был один председатель колхоза. «Конечно, — говорит, — ужасно, что мы потеряли там тысячи голов скота, тысячи гектаров земли, но самое страшное — мы потеряли могилы наших отцов! На этих могилах враг празднует свою победу!»

Александр Проханов: Как же действовать дальше? Страна разорена, общество расколото, деморализовано. Какая идея сплотит народ? Какая философия, какая идеология объединят измученное общество? Вы в недавнем прошлом носитель коммунистической идеи, но ее уже нет. Только что рухнула идея либеральная, которой оперировал Народный фронт. Какая идея будет принята людьми?

Гейдар Алиев: Только идея национального согласия и никакая другая! Не важно, к какой ты партии принадлежишь, сколько тебе лет, каково твое состояние. Только общенациональное согласие отодвинет нас от страшной черты. Это понимает народ, понимают военные, коммерсанты, директора предприятий. Мы не станем никого преследовать. Если ты либерал, если ты член Народного фронта, тебя не будут преследовать. Служи народу, жертвуй собой для народа. Вот идея, вот философия! И эта идеология, я думаю, будет сформулирована людьми литературы и искусства, религиозными проповедниками!

Александр Проханов: Как прореагировала официальная Россия на события в Баку, на ваше возвращение в политику?

Гейдар Алиев: Пока никак. Только Руслан Хасбулатов поздравил меня с избранием на пост председателя Верховного Совета. Официальная Москва молчит. Народный фронт вел антирусскую политику, делал все, чтобы не происходило сближения России и Азербайджана. Похоже, это устраивало и Москву. Вы знаете мое отношение к России. Азербайджан связан с Россией экономически, культурно, геополитически. Мы не просто соседи, у нас одна история. Я повторяю: сегодняшние отношения с Россией меня не удовлетворяют, но я убежден в их неизбежном развитии».

Теперь пора подробнее представить человека, чья звезда так ярко вспыхнула на горизонте азербайджанской политики в начале

90–х годов, а затем так же быстро закатилась.

Сурет Гусейнов в прежние, советские времена был инженером, директором фабрики по переработке шерсти. Когда началась война с Арменией, как сам говорил, «чем мог помогал фронту. Постепенно забросил все дела, кроме военных». Читатели, знакомые с историей Гражданской войны в России, вспомнят не одну похожую судьбу. Например, Нестора Махно с его войском, которое сражалось то за белых, то за красных, то само за себя. Сурет, по оценкам тех, кто видел его в бою, воевал храбро. Ему присвоили звание полковника, он стал Национальным героем Азербайджана, Эльчибей назначил его своим личным представителем в Карабахе, командиром корпуса. У командира в подчинении были и части регулярной армии, и «личные резервные части».

Чего рассчитывал добиться с их помощью амбициозный полковник? На прямые вопросы о своих личных притязаниях он отвечал уклончиво. Как в беседе с журналисткой Эльмирой Ахундовой в конце июня 1993 года, уже после событий в Гяндже.

— Сейчас не время делить посты. Сейчас должны объединиться все влиятельные политические силы и лидеры и сообща думать над тем, как побыстрее покончить с войной и поднять жизненный уровень народа. Эти две проблемы меня волнуют больше всего. Народ, я думаю, уже разобрался, кто есть кто. Пора от пустых разговоров переходить к делу. Кто в состоянии помочь народу, помочь фронту, тот и должен выдвинуться на передний план. Главное здесь — мнение народа.

Настойчивая журналистка спрашивает, что же, по мнению ее собеседника, нужно сделать сейчас. Переизбрать Президента? Или вовсе ликвидировать этот пост как дестабилизирующий фактор?

Молодой человек в отлично сшитом светлом костюме, перебирая четки, повторяет полюбившуюся ему мысль, что сейчас не время делить посты. Выход, по его убеждению, в объединении усилий всех честных сынов нации.

— А какую роль вы отводите себе в новых структурах власти?

— Я буду действовать в соответствии с волеизъявлением народа. Если народ захочет, он сам выдвинет меня вперед. И я подчинюсь его желанию.

Александр Проханов увидел в Сурете Гусейнове едва ли не нового князя Пожарского, который в начале XVII века вместе с гражданином Мининым организовал и возглавил народное ополчение, давшее отпор полякам, захватившим Москву. Благодарная Россия воздвигла им памятник на Красной площади. Вот как писал Проханов о Сурете Гусейнове:

«С того момента, как он отбил атаку на свои казармы в Гяндже и повел свои танки на Баку, чтобы раздавить Эльчибея, Сурет Гусейнов превратился для русских в миф. Для либералов — в кошмарный миф о жестоком полковнике, чья мечта — развесить по фонарям провинившихся «демократов». Для патриотов — в героический миф о народном повстанце, поднявшем долгожданное восстание против захватчиков. Он стал символом оскорбленной армии, переставшей терпеть разрушительную для нации и ее вооруженных сил политику бездарных властителей.

Патриоты продолжают ставить его в пример русскому воинству, из чьих рядов за трагическую пятилетку, когда исчезли сверхдержава, стратегическая оборона и военная промышленность, не было услышано ни единого мужественного слова, не последовало ни единого достойного офицеров поступка, а только вялые жалобы и стенания, угрозы полушепотом, унылая покорность, позволившая «демократам» разрушить группировки, флоты, защитные пояса, истребить добытое в победах и жертвах оборонное сознание.

Ворующие генералы, пьющие офицеры, дезертирующие солдаты — вот что сделало азербайджанского полковника героем в глазах русского патриотического движения, мечтающего о своем Пожарском.

Я наблюдал Сурета Гусейнова по телевизору, когда шла сессия меджлиса. Напряженное резкое лицо, мрачно сжатые брови, блестящие глаза, устремленные на тех, кто еще недавно дал приказ уничтожить его казармы, пытался его убить, громил из артиллерии жилые здания, погубил 40 человеческих жизней, а теперь, униженный, низложенный, жалко бормотал на трибуне. Мне казалось, в нем действует все тот же вектор, по которому из разоренной Гянджи его танки прошли к Баку, чтобы добить, наказать, отомстить». Отвечая на вопросы Проханова, Сурет Гусейнов рассказывал о просчетах и ошибках Народного фронта, который привел «убогую команду. Они ничего не умели, только разоряли. И обманывали, и брали взятки, и делали грязную политику». По словам мятежного полковника, это была диктатура взяточников, диктатура мафии.

Он весьма уважительно отозвался о Гейдаре Алиеве: это «опытный человек, мудрый политик с большим опытом прошлого. Я сравнительно молодой человек, по-моему, остро чувствую будущее. Мы будем дополнять друг друга…»

И еще несколько слов из интервью полковника главному редактору русской газеты «Завтра»:

«…Я не хотел брать власть! Я не шел к власти! Я шел своей жизненной дорогой, но она привела меня к власти!..

Если беспорядок в стране разрастается, если народ грабят и убивают, военные в конце концов теряют терпение. Они ведь тоже часть народа, который грабят и убивают…»

Одним из первых постановлений после возвращения во власть Гейдар Алиев приостановил контракты с зарубежными компаниями. Как писала тогда газета «Известия», этим он «поверг в шок некоторые крупнейшие нефтяные компании мира». Но сам Алиев так не считал.

— Никакого секрета тут нет, — объяснял он свою позицию в августе 1993 года. — Да, я дал указание кабинету министров приостановить этот процесс, тем более что там пока все на уровне декларации, все равно еще предстоят проработки в правительстве и парламенте. Дело в том, что в этих проблемах я не новичок. Когда был руководителем Азербайджана, вникал в них достаточно глубоко. А тут мне многое сразу показалось подозрительным. Сами судите. Панах Гусейнов 6 июня подает в отставку с поста премьера, а 11 июня подписывает постановление правительства, разрешающее подписание декларации, 12 июня народофронтовец Сабит Багиров, возглавлявший Государственную нефтяную компанию, подписывает декларацию. Но как только через несколько дней я стал председателем Верховного Совета, ко мне пришли из кабинета министров и сообщили, что с этими контрактами что-то нечисто.

Тогда я и распорядился приостановить это дело. Вот тут и начался шум за рубежом. Ко мне тут же прибыли президент компании АМОКО, потом ведущие сотрудники «Бритиш петролеум». Я все объяснил: ничего страшного не произошло. Надо только разобраться. Если там все чисто, то чего же вам волноваться? Это же не такой вопрос, который можно решить так, а потом перерешить. Нефть — национальное богатство Азербайджана, которое нужно не только нашему поколению, но и через 100–200 лет. А ведь есть варианты, при которых наши партнеры «разберутся» с месторождениями за 10–15 лет и ничего не оставят. Между прочим, есть серьезные основания полагать, что кое-кто собирался нагреть на такого рода вариантах руки и набить свои карманы.

Заметим кстати. Именно это происходит в современной России. Здесь, по словам академика Примакова, «продолжается практика выборочной добычи нефти на наиболее продуктивных участках месторождений. Можно считать, что государство потеряло контроль над процессами истощения природных ресурсов и сокращения фонда нефтяных скважин» (*Российская газета. 2005, 15 января*). В Азербайджане, благодаря Алиеву, этого не произошло.

Начинались будни. Первая забота — кадры. Сам Алиев еще никого назначить не мог — на каждую представленную им кандидатуру требовалось согласие парламента. Третьего июля были назначены новые министры — национальной безопасности, внутренних дел, генеральный прокурор, глава исполнительной власти города Баку… «Кадровые вопросы» Гейдар Алиев планировал на конец рабочего дня, в его распорядке это обычно поздний вечер, а то и полночь. На одной из таких встреч предложил вернуться в Госкомиздат (теперь это было Министерство информации) Назиму Ибрагимову. Назим возразил: вряд ли в нынешних условиях нужно такое министерство…

— Вы всегда начинаете с возражений, — улыбнулся Алиев. — Что же вы, Ибрагимов, предлагаете?

— Предлагаю создать государственное издательство «Азербайджан» с мощной полиграфической базой, которое будет подчиняться непосредственно администрации Президента.

Так и сделали. Издательство «Азербайджан» и сейчас одно из крупнейших, да, пожалуй, и самое крупное в Закавказье.

На этих вечерних, полуночных собеседованиях Гейдар Алиевич принимал в свою команду и молодых людей. Среди них были и те, кого в свое время он отправлял учиться в Москву, например, доктор физико-математических наук Фатима Абдуллазаде, ныне заведующая отделом гуманитарной политики Исполнительного аппарата Президента АР.

А что же выдвиженцы Народного фронта, спокойненько паковали чемоданы? Как бы не так! Девять из одиннадцати руководителей районов Баку объявили «о приостановлении своей деятельности в знак протеста против лишения президентских полномочий Эльчибея». Как говорится, с Богом! На их места были назначены новые люди.

Четвертого июля 1993 года Гейдар Алиев дал большое интервью телекомпании «Останкино» — так назывался тогда Первый канал российского ТВ. Отвечая на вопрос о ситуации в стране, он сказал, что «удалось предотвратить гражданскую войну, которая всерьез угрожала нашей республике, противостояние в какой-то степени ослабло. Тем не менее обстановка пока еще остается сложной, но эти трудности усугубляются наступлением армянских вооруженных сил на азербайджанскую территорию, которое развернулось в последние три дня».

В Москве тем летом нарастало свое противостояние, Борис Ельцин готовился разогнать непослушный, непокорный Верховный Совет России во главе с былым соратником Русланом

Хасбулатовым. Московские интервьюеры наступали:

— Господин Алиев, Ваш приход к власти многие наблюдатели оценили как «неконституционный». Скажите, пожалуйста, есть ли, на Ваш взгляд, в политике такие цели, ради которых возможно поступиться законом? И второй вопрос, связанный с этим: какова судьба Президента Абульфаза Эльчибея, что с ним сегодня происходит и каковы перспективы, согласился ли он со своей отставкой?

— Во-первых, я должен сказать, что не считаю мой приход к занимаемому посту антиконституционным, — уверенно и убедительно отвечал Алиев собеседникам. — Пятнадцатого июня по рекомендации многих депутатов парламента, а также самого Президента Абульфаза Эльчибея я избран председателем Верховного Совета Азербайджана. Это вполне конституционное решение. За несколько дней до этого, как вам известно, председатель Верховного Совета Иса Гамбаров подал в отставку. Поэтому я — Председатель Верховного Совета Азербайджана. Во-вторых, я не пришел к власти, меня пригласили, меня настойчиво уговаривали, ко мне обращались в течение нескольких дней после событий в Гяндже представители различных групп населения Азербайджана, интеллигенции, авторитетные аксакалы. Настойчиво обращался ко мне и Президент Азербайджана Абульфаз Эльчибей. Он трижды — 7, 8, 9–го — посылал специальный самолет в Нахичевань и настойчиво просил в телефонных разговорах, чтобы я прибыл в Баку. Я и 7–го, и 8–го отказывался. Наконец 9 июня, почувствовав дальнейшее обострение обстановки, я принял это приглашение и прибыл в Баку.

Здесь я совместно с Абульфазом Эльчибеем, другими политическими деятелями принимал участие в том, чтобы разрядить напряженную ситуацию, и 15 июня, повторяю, был избран председателем парламента. Здесь ничего антиконституционного, противоправного нет. А что касается того, что начиная с 24 июня на меня возложено выполнение обязанностей Президента, это объяснимо.

Президент Абульфаз Эльчибей в ночь с 17 на 18 июня тайно, никого не предупредив, в том числе и меня, несмотря на то, что за час до его отлета из Баку мы были вместе, улетел из Баку. Лишь к утру нам стало известно, что его самолет приземлился в Нахичевани, откуда Президент был доставлен членами Народного фронта в горное селение Келеки, где он до сих пор находится. С 18 по 24 июня я вел постоянные переговоры с Абульфазом Эльчибеем по телефону, туда по моей инициативе выехала большая группа представителей интеллигенции во главе с

президентом Академии наук Азербайджана — академики, профессора, писатели, аксакалы.

Они с ним встречались, они тоже уговаривали его, чтобы он вернулся в Баку. Я его приглашал настойчиво. Он не принял наше приглашение, не согласился с ним и продолжает до сих пор оставаться в селении Келеки. И он сам же издал Указ о возложении почти всех обязанностей Президента на Председателя Верховного Совета, оставив за собой в своем Указе только принятие в гражданство и подписание законов. Все остальное он возложил на Председателя Верховного Совета Азербайджана.

Одновременно эта ситуация несколько дней подряд обсуждалась на заседании азербайджанского парламента, и члены парламента настойчиво предлагали, чтобы я взял на себя эти обязанности. Я не соглашался, но согласился после того, как сам Абульфаз Эльчибей издал такой Указ. Республика, собственно говоря, была почти неуправляемой, потому что Президента нет, премьер-министра не было — он уже давно был в отставке, я оставался в единственном числе, а многие вопросы надо было решать, используя президентские полномочия. И вот в этой ситуации я взял на себя эти обязанности. Повторяю, я этого не добивался, я этого не хочу. И если сегодня Абульфаз Эльчибей вернется сюда, он может выполнять свои президентские обязанности.

А что касается второго вопроса, какова судьба Абульфаза Эльчибея, — он продолжает жить в селении Келеки, его охраняет группа вооруженных лиц из Народного фронта. Он находится там и сейчас, по-моему, ничем не занимается. Может быть, отдыхает или что-то делает, мне неизвестно.

— Вы находились в жесткой оппозиции и к команде Эльчибея, и к нему самому, его курсу. На что надеялся Эльчибей, приглашая вас стать Председателем Верховного Совета республики и что двигало вами, когда вы соглашались на это?

— Вы не совсем правильно формулируете вопрос. Я не находился в жесткой оппозиции к Абульфазу Эльчибею и вообще не находился в оппозиции. Я просто жил в Нахичевани, выполнял обязанности Председателя Верховного меджлиса. У меня были редкие телефонные разговоры с Абульфазом Эльчибеем. Конечно, Абульфаз Эльчибей не уделял как Президент достаточного внимания и Нахичеванской автономной республике, которая находилась и сегодня находится в тяжелом положении в связи с блокадой. Ну и конечно, не проявлял необходимого внимания ко мне, как председателю Верховного меджлиса. Так что наши отношения, собственно говоря, характеризовались таким образом,

а не каким-то жестким противостоянием.

(В силу каких-то причин, быть может, из-за уважения к человеку, который юридически еще занимал должность Президента страны, Гейдар Алиев не стал посвящать российских телезрителей во все тонкости их отношений. Не говорил, что когда в Нахичевани Народный фронт захватывал МВД и телевидение, он звонил Эльчибею; тот обещал вмешаться. И, как позже выяснилось, знал о попытке переворота.

В феврале 1993 года Гейдар Алиевич прилетел в Баку на похороны старшего брата Гасана. Тогда же он впервые встретился с Абульфазом Эльчибеем лично. Президент высказал приличествующие скорбному событию слова, подчеркнуто демонстрировал внимание к гостю.)

— Мы с ним встретились, — продолжал Алиев, — обсудили очень много вопросов, вроде во многих вопросах мы нашли взаимопонимание. Я высказывал ему и свои советы, и свои пожелания, и свои рекомендации. Он мог воспользоваться ими или не воспользоваться — это его дело, и после этого у нас отношения были нормальные.

На что рассчитывал Абульфаз Эльчибей, приглашая меня? Тут надо исходить из того, что первая постановка вопроса, будто у нас было резкое противостояние, — этого не было. А когда уже обстановка в Азербайджане чрезвычайно осложнилась и, как я сказал, из многих регионов и среди представителей многих слоев населения раздавались голоса, что надо пригласить Алиева, Абульфаз Эльчибей, видимо, пришел к мысли, что здесь, в этой трудной обстановке, помощь моя нужна. И когда он мне звонил по телефону, он этим и объяснял: ситуация сложная, я прошу прибыть в Баку, давайте совместно обсудим обстановку и найдем выход из этого положения…

29 августа 1993 года в Азербайджане прошел референдум о доверии Президенту АР Абульфазу Эльчибею. Всего лишь полтора года назад он собрал свыше миллиона восьмисот тысяч голосов, почти 60 процентов избирателей поверили ученому-историку, который обещал всем счастье. Надо было очень стараться, чтобы промотать этот капитал, это нечаянно доставшееся богатство. Теперь за доверие Эльчибею проголосовали лишь 77 тысяч человек. Семерки, счастливые в азербайджанской мифологии цифры, для него выпали несчастливые. Отказали ему в доверии, его власти 3673978 человек. Азербайджанский народ сделал свой выбор.

Любопытно свидетельство известного казахского поэта, писателя, общественного деятеля Олжаса Сулейменова.

«…1 июня 1993 года, в День защиты детей, я привез в Баку

гуманитарную помощь — 40 тонн детского питания. На борту нашего «грузовика» — самолета Ил-76 — мы написали лозунг «Дети не виноваты». Я проследил, чтобы все баночки с детским питанием попали по назначению — в детские больницы, в детские дома. Мне в этом помогли мои друзья Эльчин, Анар, Полад Бюль-Бюльоглу, Фархад Бадалбейли.

Встретился с Эльчибеем в его резиденции. Я знал его несколько лет. Встречался и в мирные времена как с филологом, и в январе 90–го как с одним из руководителей Народного фронта. Выступил тогда в его защиту перед Е. Примаковым и А. Муталибовым. Я был в Баку единственным наблюдателем от Верховного Совета СССР, и мое мнение принималось во внимание.

Но встреча и разговор с Президентом в День защиты детей мне запомнились особенно. Милый, интеллигентный человек, но не руководитель. И не политик. За короткое время он разладил отношения с двумя великими соседями — Россией и Ираном. И упорно не собирался их восстанавливать.

Я уверен, если бы через несколько дней в том же июне народ не позвал Гейдара Алиева, страна могла потерять значительно больше жизней и территорий. При полном попустительстве ООН и всесильных демократических государств Запада происходила в то время резня и в Таджикистане, совершался кровавый раздел Югославии, Грузии, Молдавии…»

Выпуски новостей в те месяцы начинались с фронтовых сводок. Азербайджанские части мужественно защищали свои позиции. На помощь регулярным войскам «в зону армяно-азербайджанского конфликта, где ситуация крайне обострилась, отправились части Сурета Гусейнова», — говорилось в одном из официальных сообщений.

Гейдар Алиев обратился с открытым письмом к Президенту США Биллу Клинтону, вице-президенту Альберту Гору, спикеру конгресса Томасу Фоли:

«В момент, когда я обращаюсь к вам с настоящим письмом, армянские вооруженные силы продолжают свои атаки для захвата новых районов Азербайджана-Джебраильского и Кубатлинского, захватываются, сжигаются и подвергаются варварскому разграблению все новые населенные пункты.

Во имя идеалов демократии и свободы, уважения прав человека и его главного права на жизнь прошу вас сделать все для прекращения кровопролития и защиты азербайджанского народа, который не по своей вине оказался беззащитным перед лицом варварской агрессии».

Первый указ Г. Алиева, осуществляющего полномочия

Президента Азербайджанской Республики, о назначении посла в Москву. Свой выбор он остановил на Рамизе Ризаеве, в котором оценил проницательный ум, инициативу, готовность к диалогу, решимость в нестандартных ситуациях, отнюдь не лишнюю для дипломата.

— Я сейчас никому другому, кроме тебя, не могу доверить это направление, — так в полуночном кабинете напутствовал Гейдар Алиев посла. — Оно главное. Прошу тебя поехать на два месяца. Институт не сдавай. Уверен, что ты справишься.

Пятого сентября Гейдар Алиев вылетел в Москву, как говорилось в официальном коммюнике, «для проведения переговоров с руководством Российской Федерации». Четыре дня визита — встречи с Президентом Ельциным, председателем Верховного Совета Русланом Хасбулатовым, председателем правительства Виктором Черномырдиным, министрами, мэром Москвы Юрием Лужковым.

— Нынешние контакты позволили сломать лед недоверия, который сковал двусторонние отношения из-за просчетов и ошибок прежнего руководства республики, — сказал Гейдар Алиев, подводя итоги переговоров. — Такой поворот в азербайджанско-российских связях продиктован логикой исторического развития, так как на протяжении двух веков эти два государства связывали тесные узы сотрудничества и их нельзя разорвать.

Кстати, Борис Ельцин, переиздавая свою «Исповедь на заданную тему», обидные и несправедливые оценки Алиева опустил. Двухмесячная командировка посла продолжается второе десятилетие.

Ныне Рамиз Гасанович — дуайен дипломатического корпуса в Москве.

…На третье октября в Азербайджане были назначены выборы Президента страны. Накануне, 20 сентября 1993 года, председатель Верховного Совета Азербайджанской Республики Гейдар Алиев подписал постановление «О присоединении Азербайджанской Республики к Содружеству Независимых Государств». Процитируем этот важнейший политический документ, лаконичный и выразительный — Гейдар Алиевич лично написал его своим бисерным почерком.

«Руководствуясь высшими интересами азербайджанского народа, а также учитывая исторические связи Азербайджанской Республики с государствами-участниками Содружества Независимых Государств, в целях развития политических, экономических, научно-технических, культурных и других отношений с этими государствами, Национальное собрание

Азербайджанской Республики постановляет:

1. Азербайджанской Республике присоединиться к Содружеству Независимых Государств.

2. Азербайджанской Республике присоединиться к «Договору о коллективной безопасности» Содружества Независимых Государств.

3. Рекомендовать Президенту Азербайджанской Республики осуществить необходимые меры, вытекающие из настоящего постановления».

24 сентября в Москве планировалась встреча глав государств и правительств стран Содружества. 21 сентября Президент России Борис Ельцин подписал указ о прекращении деятельности Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета страны. Одновременно с этим указом Ельцин взял на себя полномочия изменять Конституцию. В Доме правительства отключили свет, воду, связь, канализацию. Началась невиданная в современной истории блокада собственного парламента; готовился штурм огромного здания у Москва-реки.

Борис Ельцин боялся, что в такой обстановке главы государств и правительств республик Содружества в Москву не приедут, саммит сорвется и «это сильно ударит по авторитету президента». Но съехались — слетелись все. 24 сентября в Кремле Гейдар Алиев подписал документы о вступлении Азербайджана в СНГ. Ельцин поздравил его. Дружески улыбнулся: «Гейдар Алиевич, Вы будто из Кремля не уезжали».

Но по всему было видно, что в эти минуты Борису Николаевичу не до гостей. Приехали — и на том спасибо. Тем более что Станислав Шушкевич, председатель Верховного Совета Беларуси, от имени коллег заявил, что «главы государств и правительств СНГ поддержали конституционные реформы, проводимые Президентом Ельциным, и пожелали ему успеха в проведении реформ».

Верховный Совет РСФСР доживал последние часы. О Конституции в Кремле в эти минуты никто уже не думал. Та власть, повторим вслед за Тютчевым, не признавала и не допускала иного права, кроме своего. Такой «ее образовало ее собственное прошедшее своим полным разрывом со страной и ее историческим прошлым».

Азербайджан выбрал Гейдара

Третьего октября 1993 года Азербайджан выбрал Президента — Гейдара Алирза оглы Алиева.

Четвертого октября «выборы» прошли и в Москве. Танки российской армии стреляли по Верховному Совету России. Американское телевидение вело на весь мир репортаж о бойне в центре столицы.

Ельцин — в отличие от Алиева — не смог найти мирный, конституционный выход из государственного кризиса.

…Торжественные минуты инаугурации. Президент Гейдар Алиев благодарит сограждан, говорит о своей ответственности перед народом.

— Азербайджанская Республика обрела независимость в чрезвычайно сложных условиях. Самое тяжелое для нас — война, в условиях которой более пяти лет живет Азербайджан, агрессия армянских вооруженных сил против наших территорий, беды, Обрушившиеся на азербайджанский народ в результате этой агрессии. Поэтому главная задача, стоящая перед нами, — вывести республику из состояния войны и создать спокойную обстановку для жизни граждан.

…В результате грубых просчетов, допущенных государственными руководителями Азербайджана, в июле республика оказалась на грани гражданской войны и возникла реальная угроза отделения некоторых регионов. Слава Богу, Все эти явления были предотвращены, ряд преступных группировок был ликвидирован и появились условия для обеспечения общественно-политической стабильности внутри республики.

Шаг за шагом Гейдар Алиев выстраивал новый курс Азербайджана. Поиск мирного решения в Карабахе… Нефтяные соглашения — «Контракт века», о котором мы расскажем в следующей главе, зарубежные визиты — Турция, Англия, Китай, Туркменистан.

Перед иностранными партнерами представал не проситель, приехавший за спасительным кредитом, а равноправный собеседник. Эльмире Ахундовой запомнилась яркая речь, произнесенная Гейдаром Алиевым в парламенте Турции. Президент говорил о больших и впечатляющих успехах, достигнутых Азербайджаном за минувшие 70 лет в области науки, образования, культуры. «Мы — страна, сохранившая свое лицо, свой язык, свои национальные традиции», — подчеркнул Президент. Провозгласив Турцию одним из основных экономических партнеров Азербайджана, Гейдар Алиев вместе с

тем высказал мысль о недопустимости разрыва многовековых политических и экономических отношений, которые связывают Азербайджан с Россией и бывшими республиками СССР. По его мнению, речь должна идти не о замене одних приоритетов другими, а о их сбалансированном сочетании.

Завершался этот долгий год, полный драматических коллизий, которых хватило бы на иное десятилетие, визитом в Туркмению, в Ашхабад, на заседание Совета глав государств СНГ. На закрытом заседании Совета 24 декабря Президент Азербайджанской Республики Гейдар Алиев выступил с заявлением.

— Продолжающаяся почти шесть лет агрессия Республики Армения против Азербайджана принесла неисчислимые страдания азербайджанскому народу, — говорил Президент. Он отметил, что армянские вооруженные формирования, взяв под полный контроль территорию Нагорного Карабаха, последовательно расширяют свои действия, оккупировав за его пределами ряд других районов Азербайджана. Около миллиона азербайджанцев лишены родного крова, с оккупированных территорий в Армению вывозится частное и государственное имущество на сотни миллионов долларов. — С большим сожалением приходится констатировать, — продолжал Гейдар Алиев, — что после того, как Азербайджанская Республика в сентябре 1993 года стала полноправным членом Содружества Независимых Государств и присоединилась к Договору о коллективной безопасности, Республика Армения не только не прекратила свою агрессию, а наоборот, эскалация военных действий приобрела более широкие масштабы.

Президент Азербайджана предложил разработать систему двусторонних и многосторонних соглашений, направленных на стабилизацию политической ситуации на всем пространстве СНГ. Он обратился к главам государств с настоятельным призывом «дать политическую оценку агрессии Республики Армения против Азербайджанской Республики; решительно потребовать от Республики Армения прекратить военные действия против Азербайджанской Республики; немедленно вывести все подразделения вооруженных сил Республики Армения с территории Азербайджанской Республики…».

30 сентября 1994 года, Нью — Йорк

Президенту Азербайджана предстояло выступить на заседании Генеральной ассамблеи ООН. Генсек Организации Объединенных Наций Бутрос Гали встретил Гейдара Алиева в холле небоскреба, известного всему миру. Протокольные фотографии у флагов ООН и Азербайджана; генсек проводил гостя в зал заседаний. Впервые в истории суверенного Азербайджана его глава выступил со столь высокой трибуны.

В тот же день в Азербайджане под выстрелами наемных убийц погибли заместитель председателя Верховного Совета республики Афияддин Джалил оглы Джалилов и начальник Особого управления при Президенте АР, один из старейших сотрудников органов безопасности республики полковник Шамси Нуру оглы Рагимов.

Их хоронили первого октября… Траурные венки, портреты в черных рамках, в почетном карауле — председатель Верховного Совета Расул Гулиев, премьер-министр Сурет Гусейнов, генеральный прокурор Али Омаров… На лице железного Сурета, одного из главных организаторов мятежа, не дрогнул ни один мускул.

Расул Гулиев сообщил, что только что ему звонил из Нью-Йорка Гейдар Алиев, который очень сожалел, что не сможет принять участие в траурной церемонии, и попросил передать глубокие соболезнования близким погибших, всему азербайджанскому народу.

— Цель учинивших эту трагедию, — продолжал глава парламента уже от себя, — повернуть Азербайджан вспять, сломить народ, привести его в смятение. Побег заключенных из следственного изолятора Министерства национальной безопасности, зверское убийство видного государственного деятеля Афияддина Джалилова и старейшего работника органов безопасности Шамси Рагимова свидетельствуют о том, что есть враги, покушающиеся на азербайджанский народ.

«Я опираюсь на народ»

Да, и побег, и два убийства были лишь начальными звеньями в цепочке трагедий, которые должны были потрясти Азербайджан. Третьего октября, вернувшись на Родину, Президент подписал указ об объявлении в Баку чрезвычайного положения. Покушение готовилось и на Гейдара Алиева. Он напомнил об этом на митинге на площади Азадлыг, куда собрались сотни тысяч бакинцев, жителей других городов и поселков.

— Уважаемые соотечественники, дорогие сестры и братья! — так обратился он к согражданам. — Любимый азербайджанский народ!

В последние дни в жизни Азербайджана произошли сложные события, возросла напряженность в обществе. В связи с этим я неоднократно обращался к азербайджанскому народу, прося его подняться на защиту независимого азербайджанского государства. Я всегда возлагал надежды на народ, всегда опирался на него и всякий раз убеждался в его силе и мудрости. И в эти дни азербайджанский народ вновь продемонстрировал свою сплоченность, солидарность, показал, что он, обретший национальную свободу, несгибаем, непоколебим, отважен…

Вооруженное противостояние, возникшее в результате незаконных действий отдельных групп отряда полиции особого назначения три дня назад, приостановлено мирным путем, хотя ситуация была крайне напряженной, — говорил Алиев. — Я понимал, что есть силы, которые сбивают с толку этих молодых людей, толкают их на неверный путь, есть силы, которые, превратив их в инструмент в своих руках и управляя ими, преследуют неблаговидные, враждебные цели. Мы приложили немало усилий, потратили много времени, чтобы во всем разобраться. И разобрались!

В результате нам удалось разрешить конфликт мирно…. Вам известно, что осенью прошлого года в Баку была задержана террористическая группировка, которая готовила покушение на мою жизнь. Члены этой группировки были задержаны в момент совершения преступления. Некоторые люди из Народного фронта, введя в заблуждение гражданина Турции Гасана Току, привезли его сюда с тем, чтобы он совершил покушение на мою жизнь. Однако определенные силы так и не сделали соответствующих выводов из того, что эти террористы были осуждены, поэтому вновь стремятся прибегнуть к террору. Не сомневаюсь, что наш народ не допустит этого. Но пусть народ

также знает: я с полной отдачей сил трудился во имя независимости Азербайджана, суверенитета нашей Родины, обеспечения целостности наших земель, и меня нельзя запугать террором и заставить отступить.

Сегодня с большим чувством сожаления хочу сказать, что некоторые из террористов, покушавшихся на мою жизнь, скрываются в селе Келеки. Они собрались вокруг бывшего президента Абульфаза Эльчибея. Я высоко ценю заслуги Абульфаза Эльчибея в борьбе за национальное освобождение Азербайджана. Но, повторяю, никто не должен прибегать к оружию, террору. Все вооруженные отряды должны быть разоружены. Поэтому сегодня я выражаю свою ненависть людям, избравшим путь политического террора, и призываю весь народ к их разоблачению.

Дважды в этой тревожной обстановке Президенту пришлось говорить о Гяндже. В первый раз — когда почти под утро вышел к согражданам, собравшимся у Президентского дворца. Поблагодарил бакинцев:

— Есть мудрая пословица: сила — в единстве. Никто, никакая сила не могут противостоять силе народа. И я опираюсь на народ, на вас, дорогие граждане Азербайджана. Спасибо вам…. — И дальше сказал, что в Гяндже вооруженные силы захватили «здания городской и районной исполнительной власти, аэропорт, железнодорожный вокзал, управление Министерства национальной безопасности. Однако они совершили большую ошибку перед народом и государством.

Совершил грех и их покровитель. Он должен был понимать, что в столь тяжелые для Азербайджана дни нельзя было делать этого. Он не понял проявляемого до сих пор к нему уважения.

Однако могу сообщить вам, что в Гяндже поднялись здоровые силы. Они обуздывают, задерживают всех, кто посягает на государственность Азербайджана. Наверное, сейчас население Гянджи слушает меня по телевизору. Я приветствую их из Баку, столицы Азербайджана, выражаю гянджинцам свое уважение и почтение. Хочу выразить уверенность, что они преодолеют враждебные силы».

Имя покровителя мятежников Президент пока не назвал.

Вот текст еще одного обращения к народу:

— Связаться с Гянджой было очень трудно, так как все линии связи были повреждены. Я позвонил премьер-министру Сурету Гусейнову. Как вы знаете, он родом из Гянджи, там есть его сторонники, подчиняющиеся ему вооруженные силы (к сожалению, это — незаконные вооруженные силы), сказал о случившемся в Гяндже. Сурет Гусейнов ответил, что ему ничего

не известно об этом, пообещал разобраться.

Спустя некоторое время я вновь попросил его заняться этим вопросом. Он ответил, что беспорядки в Гяндже спровоцированы отрядом полиции особого назначения.

Позже я получил сообщение о том, что это не ОПОН, а нелегальные вооруженные отряды, и руководят ими отдельные лица, близкие Сурету Гусейнову. Поступила также информация, что люди, работающие в Кабинете министров у Сурета Гусенова, отправившись в Гянджу, руководят происходящими событиями. Узнав об этом, я вызвал Сурета Гусейнова, чтобы вместе разобраться во всем. Но, к сожалению, он не пришел.

Позже я уже не мог связаться с ним по телефону. Он позвонил мне уже после моего выступления по телевидению. Я заявил ему, что такие действия недопустимы. Ведь мы работаем вместе, в одном государстве. Лицо, занимающее руководящий пост в государстве, не может принимать участия в государственном перевороте. Поэтому я вновь пригласил его к себе. Но он и на этот раз не пришел. Сейчас он рядом со мной. Я говорю обо всем открыто. Я ничего не скрываю. Я осуждаю подобные действия. Такого не должно быть среди нас.

Для того чтобы предотвратить продолжение происшедших в Гяндже событий, мы вынуждены были использовать силу армии, которая вчера вечером и приступила к проведению операции. В результате — преступники, те из них, что совершили государственный переворот, были задержаны.

И был суд. Сурета Гусейнова приговорили к пожизненному заключению. Забегая далеко вперед, скажем: 17 марта 2004 года Президент Ильхам Алиев его помиловал. Выйдя на свободу, Сурет Гусейнов отправился к могиле Гейдара Алиева и трижды поклонился его праху. Покаяние бывает и таким.

Юрий Константинович Шафраник в 1993–1996 годах был министром топлива и энергетики России, в последние годы возглавляет межгосударственную нефтяную компанию «СоюзНефтеГаз» и Высший горный совет России. Его близкое знакомство с Гейдаром Алиевым относится к тем критическим, переломным для Азербайджана годам.

— Государственный деятель такого уровня, — считает Юрий Шафраник, — поступает, сообразуясь с высшими интересами своей страны, не всегда понятными со стороны. Современникам что-то кажется неправильным, а он видит на много лет вперед, избирая единственно верный путь. Можно провести много исторических параллелей.

— Когда-то Дэн Сяопин говорил, — припоминает Юрий Константинович, — что в Китае перестройка будет длиться сто

лет. При этом политическая структура, политический выбор не подвергаются сомнению. В экономике же — делай что хочешь, лишь бы было благополучие. Неважно, какого цвета кошка, образно рассуждал мудрый Дэн, только бы она мышей хорошо ловила. Я как молодой человек пожимал плечами и думал: опять китайцы наворочали, — продолжает Шафраник. — Но по прошествии времени видно, как мудро они поступили. Они извлекли уроки из своих «великих скачков», а мы — нет. Поверили, что можно изменить экономику за 500 дней. Я провожу параллель с Азербайджаном, чтобы показать, как расчетливо, взвешенно, обдуманно действовал Алиев в чрезвычайной обстановке. Со стороны ее не представить. Надо было быть рядом с ним, чтобы оценить, какой это политик и какое было время. И сегодня это еще не осознано. Уверяю вас, в те времена — в 93–м, 94–м годах — вряд ли кто из российских министров ездил в Баку. Ну, военные, может быть. А раз не приезжали, как могли из Москвы судить, что надо делать в Баку, в Азербайджане?

Прошло больше десяти лет. Кажется, совсем немного, но это большой период, время все-таки затушевывает события. Вспомните: между Азербайджаном и Арменией не просто конфликт, а война. Люди воюют жестоко. Части наступают, отступают. В Баку — миллион беженцев. В основном крестьяне из горных районов, не привычные к городской жизни. Семьям нечем кормиться. Заводы все стоят. Семьдесят процентов нефтегазового оборудования для Советского Союза шло из Азербайджана. В 1992–1993–м — ноль. Добыча нефти упала. Изоляция полная из-за войны. Внутри — Народный фронт, партии, президент убежал, на улицах творится черт знает что. Я представлял себя на месте Гейдара Алиева: как бы я поступил? И тогда, и сейчас могу сказать: Алиев в той ситуации «выбивал» 100 из 100. Надо быть таким политическим снайпером! Я потом уже с возрастающим интересом смотрел: неужели он может так точно все просчитывать? Ревностно следил. И могу сказать: я не нашел в его действиях ни одной ошибки. Я приезжал в Баку, встречал понимание и доверие ко мне — как министру российскому, а не просто Шафранику. Он, конечно, меня информировал, пытаясь через меня донести до руководства России некоторые аспекты: вот один заговор я раскрыл, вот другой… Да, это можно воспринимать по-разному. И как политическую борьбу, и как вытеснение соперника… Но спросим: что в итоге? Это привело к стабильности?

От этого завершилась война? От этого Баку через два года стал уже другим? Да.

…Другой на месте Алиева, как мне кажется, вообще объявил

бы в стране чрезвычайное положение. И действовал, как говорят, по законам военного времени, чтобы сохранить Азербайджан, остановить войну, навести элементарный порядок, дать людям уверенность в завтрашнем дне, оживить экономику. Алиеву удалось это сделать за два-три года. Причем — подчеркиваю — политическими средствами.

Я помню наши первые встречи. Гейдар Алиевич усаживал рядом и представителей Народного фронта, и лидеров разных движений. Я смотрел на этих людей и понимал, что они по сравнению с Алиевым, по сравнению с задачами, которые стоят перед Азербайджаном, — никто. С митинга люди! А он их приглашал на все переговоры со мной, спрашивал, как они считают… Я видел тогда и Сурета Гусейнова, не хочу никого чернить, но это просто два разных мира по уровню воспитания, понимания… Он проходил самый сложный период, создавал какую-то опору в обществе.

Я не собираюсь никого идеализировать, вообще у меня с детства нет кумиров. Но есть определенное преклонение перед личностями такого масштаба. Гейдар Алиев из их числа. Он сделал нечто в самый переломный момент истории. Это боженька его подготовил и дал Азербайджану.

Какой ресурс есть у Азербайджана, чтобы переломить ситуацию? — спрашивает себя российский министр Шафраник. И отвечает: — Нефть! Значит, надо найти партнеров и начать нефтяной проект.

А в чем интерес российский? — задает вопросы Шафраник. — Запретить этот проект? Нет, конечно. Поделиться и вместе работать. Трубы идут через нашу страну, нефтяники азербайджанские давно работают у нас, мы — у них, в чем вопрос-то? Вопрос в одном — в политической воле. Чтобы помочь Азербайджану и себе долю определить. Я не говорю о других, возвышенных материях. Даже этого вектора достаточно, чтобы начать решать. Время показало, что я, министр, защищающий национальные интересы России — для меня это кредо, — был прав. И, понимаете, мне это греет душу. Мне все бывшие союзные республики дороги, в том числе и Армения… Мы воспитывались и росли в одной большой стране. Как я могу не любить Армению?! Там столько наших нефтегазовых строителей было во время землетрясения, помогали в беде. Но если говорить применительно к российским интересам, я поступил, невзирая на общественное мнение, невзирая на позицию министра иностранных дел России Козырева. Могу по прошествии времени сказать: действия Алиева и мои как министра не были в противоречии. Я исходил из своего понимания российских

интересов в новой ситуации.

Юрий Константинович Шафраник обозначил природу разного подхода к российским интересам в Азербайджане, на Каспии, в Закавказье. Подробнее об этом мы расскажем в следующей главе.

Глава X. АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ НЕФТЬ В ПОЛИТИКЕ МИРА

Если нефть королева…

Признаемся: в названии этой главы мы повторили формулу Гейдара Алиевича Алиева. Еще в 1994 году он задумал многотомник «Азербайджанская нефть в политике мира», который бы рассказал об истории нефтяной промышленности страны с древнейших времен до наших дней, о ее уроках и перспективах. Издание было поручено Ильхаму Алиеву, в то время первому заместителю председателя Государственной нефтяной компании Азербайджанской Республики (ГНКАР), и доктору технических наук Акифу Мурадвердиеву. Сегодня можно сказать: новая нефтяная политика Азербайджана и ее историческое осмысление велись параллельно. Это и было удивительно точной разработкой Президента — в политическом, экономическом, социальном планах.

В давние времена бакинской нефти поклонялись язычники. На исходе XIX века один из безвестных провидцев писал: «Нефть, которая лишь полуосвещала помещение маленького храма, теперь освещает пределы целой империи, и придет время, когда она обеспечит светом и теплом полмира». Нефти поклоняются короли и цари, президенты и шейхи, банкиры и авантюристы. Из-за нефти воевали и воюют государства и политики.

В 1918 году британский экономический журнал «Ближний Восток» писал: «Баку нет равных в нефтяном мире. Если нефть королева, то Баку ее трон». Претендентов на трон было много — Англия, Германия, Турция… Красная Армия в 1920–м разобралась со всеми.

…20 апреля 1942 года немецкие генералы преподнесли Адольфу Гитлеру торт с изображением Каспийского моря и города Баку. В те дни вермахт готовился к решающему наступлению на южном фланге советско-германского фронта.

С середины мая сводки Совинформбюро начинались сообщениями о боях на Харьковском и Керченском направлениях.

Потом Керчь из сводок исчезла. Только через годы мы узнали о стойкости Аджимушкая, где в катакомбах, задыхаясь от газов, погибая от голода и жажды, до последнего дыхания сражался подземный гарнизон. Третьего июля советские войска после 250–дневной героической обороны оставили Севастополь. Все дальше к югу катилась война. Ростовское направление, Батайское, Краснодарское… Мир ловил новости с Востока. К Председателю Совнаркома СССР П. В. Сталину обратился с вопросами московский корреспондент американского агентства «Ассошиэйтед пресс» господин Кэссиди:

— Какова еще советская способность к сопротивлению?

— Я думаю, что советская способность к сопротивлению немецким разбойникам по своей силе ничуть не ниже, — если не выше, — способности фашистской Германии или какой-либо другой агрессивной державы обеспечить себе мировое господство.

Фронт отступал. Но, подчеркивает в своих мемуарах Маршал Советского Союза К. С. Москаленко, «отходили не группы воинов, а батальоны, полки, дивизии, то есть армия, управляемая командирами и штабами… Думы жгли душу. Но чувства бессилия или обреченности не было и в помине. Жила, как и прежде, твердая, непоколебимая вера в разгром врага, в нашу победу».

Первое августа 1942 года. Журнал боевых действий 383–й стрелковой шахтерской дивизии: «…введены в бой все резервы вплоть до комендантской роты». Второе августа. «Попытка противника смять оборону не удалась. В 16.00 враг обошел справа 691–й СП (стрелковый полк. — *Авт.*) и силою до двух батальонов смял третий батальон. Люди дрались насмерть. Большинство личного состава пало смертью храбрых. Пять пулеметных расчетов полностью погибло. За пулеметы лег командный состав, который постигла та же участь. Из батальона остались единицы».

На тех же рубежах сражалась 416–я стрелковая дивизия, сформированная в основном из воинов Азербайджана. Через год, когда война покатится на Запад, эта дивизия отличится в боях за освобождение Таганрога и станет Таганрожской стрелковой дивизией.

А летом сорок второго замнаркома нефтяной промышленности Союза Николай Байбаков, как мы уже говорили, Уроженец Баку, взрывал нефтяные скважины на Кубани.

— Товарищ Байбаков, — сказал ему Сталин, направляя а это задание, — Гитлер рвется на Кавказ. Он объявил, что ели не захватит нефть Кавказа, то проиграет войну. Нужно сделать все, чтобы ни одна капля нефти не досталась немцам. — И еще жестче добавил: — Имейте в виду, если вы оставите немцам хоть одну тонну нефти, мы вас расстреляем… — И, помолчав, добавил еще: — Но если вы уничтожите промыслы преждевременно, а немец их так и не захватит и мы останемся без горючего, мы вас тоже расстреляем.

Молодой замнаркома — ему было едва за тридцать, — набравшись духа, тихо сказал:

— Но вы мне не оставляете выбора, товарищ Сталин. Иосиф Виссарионович остановился возле него, медленно поднял руку и слегка постучал по виску:

— Здесь выбор, товарищ Байбаков. Летите. И с Буденным

думайте, решайте вопрос на месте. — Маршал Семен Михайлович Буденный командовал Северо-Кавказским фронтом.

Нефтяные скважины Кубани действовали до самых последних часов. А вокруг Баку весь город строил оборонительные рубежи. После изнурительных смен выходили на вахту нефтяники, брали лопаты студенты, школьники, домохозяйки. К счастью, этот рубеж не стал боевым. Стреляли, защищая промыслы, лишь зенитчики.

Прошли годы. Архивными документами стали некогда секретные приказы. В груде фашистских директив отыскалась и эта, датированная 23 июля 1942 года, за № 45:

«Ближайшая задача группы армий «А» состоит в окружении и уничтожении сил противника, ушедших за р. Дон, в районе южнее и юго — восточнее Ростова». Группа армий «А» свою ближайшую задачу не выполнила. Наши части отошли к Северному Кавказу.

Примечательная деталь. 9 сентября 1942 года в командование группой армий «А» вступил… Адольф Гитлер. Он сместил прежнего командующего генерал-фельдмаршала Листа и стал управлять действиями группы армий «А» на Кавказе через ее штаб, располагавшийся в г. Сталино, нынешнем Донецке. На следующий день из своей ставки «Вервольф» под Винницей Гитлер отдал приказ наступать на Туапсе, захватить Черноморское побережье. Но события развивались уже по другим планам — и под Сталинградом, и на Кавказе.

С тортом, на котором кондитеры выводили контуры Каспия и Баку, господа в Берлине явно поторопились.

За годы Великой Отечественной войны нефтяники Азербайджана добыли около 75 миллионов тонн нефти, произвели 22 миллиона тонн бензина. Доля Азербайджана в общесоюзной добыче составила 71,4 процента. При этом авиационного бензина — 80 процентов, автотранспортных масел — 96 процентов. Советские танки шли к Победе на бакинском горючем.

21 апреля 1971 года, Баку

В этот день в столице проходило торжественное собрание посвященное эпохальному — без преувеличения — событию в истории Азербайджана, нефтяной промышленности Советского Союза — добыче миллиардной тонны нефти на нефтепромыслах республики. Сохранился снимок: в первых рядах нефтяники со звездами и орденами; на трибуне — Гейдар Алиевич Алиев; над сценой композиция нефтяная вышка, поражающая воображение цифра и обязательный для тех лет ленинский профиль.

Миллиард, понятно, — цифра немного условная. Достоверный учет добычи повели за сто лет до этого — с началом промышленного освоения месторождений. А сколько они дали за минувшие века и тысячелетия, кто знает, ведь «черное золото» на щедрых берегах Каспия начали откачивать еще до нашей эры.

Впрочем, почему только черное? Купцы и путешественники давным-давно знали и ценили бакинскую белую нефть. И Владимир Иванович Даль в своем знаменитом словаре зафиксировал: нефть бывает белая, весьма жидкая; бурая и черная, до густоты смолы и наконец до твердого, гибкого сланца. Нефтяные ключи (какое меткое слово подобрал Даль!) бывают в местах вулканических, например, около Баку, где и роют «нефтяные колодцы для стока и скопа нефти». В 1880 году Дмитрий Иванович Менделеев писал из Баку: «…нигде до сих пор нет столь богатой нефти, как здесь. Я побывал в Пенсильвании и видел тамошние промыслы и с полной уверенностью могу сказать, что здесь, несомненно, куда больше нефти и добывать ее намного проще». Один из новых фонтанов нефти на промыслах известного азербайджанского промышленника Тагиева хозяева назвали в честь сына выдающегося русского ученого. Это было знаком придания заслуг Дмитрия Ивановича перед нефтяной промышленностью Азербайджана. И еще несколько провидческих строк из его письма:

«Нефти достаточно много… Теперь эту нефть нужно вовлечь в дело, освещать и смазывать ею Россию, Восток и Запад. Бакинцам одним не управиться с нею. Они уже выполнили все свои работы и с честью справились со своими задачами. Нужен ум и новые силы, дальновидность и смелость».

20 сентября 1994 года, Баку

…А теперь откроем на календаре сентябрь 1994 года. Именно тогда в Азербайджане, в политических и деловых кругах других стран в обиход начала входить энергичная формула, предложенная Алиевым, — «Контракт века». Что имелось в виду? Заключение соглашения между Государственной нефтяной компанией Азербайджанской Республики (ГНКАР) и консорциумом международных компаний по совместной эксплуатации нефтяных месторождений «Чираг», «Азери» и «Гюнешли», расположенных в азербайджанском секторе Каспийского моря. Обратим внимание вот на какую деталь. Торжественное подписание «Контракта века» состоялось 20 сентября 1994 года. Через год после возвращения к власти Гейдара Алиева. Через год с небольшим после первоначальной даты — контракт планировалось подписать 21 июля 1993 года, и Президент Эльчибей уже собирался в Англию. Как вы помните, маршрут ему пришлось неожиданно изменить.

Да, начинали переговоры предшественники Алиева, некомпетентные и алчные временщики. Дилетанты готовились заключить договор с иностранными компаниями на кабальных для страны, но, очевидно, выгодных для себя условиях. Суть вариантов в красивых обертках можно выразить рекламной зазывалкой: «Тотальная распродажа». Только здесь речь шла не о залежалых тряпках, а о недрах. Некий делец обещал вложить за шесть лет в освоение месторождения «Чираг» 21 миллион долларов. При этом он становился бы хозяином нефти и попутного газа, который собирался продавать Азербайджану по рыночным ценам. Нефтяные ключи «Чирага» забили уже на третий год после начала освоения, счет добытой нефти пошел на миллионы тонн.

Ильхам Алиев вспоминал, как шли переговоры: «…Каждая из сторон, естественно, стремилась максимально соблюсти свои интересы. Порой дела заходили в тупик. Особенно трудно проходили последние стадии переговоров весной и летом 1994 года — в Стамбуле и Хьюстоне. В ходе переговоров бывали и критические моменты. И азербайджанская сторона была близка к прекращению переговоров, потому что, считая некоторые условия неприемлемыми для национальных интересов страны, не могла с ними согласиться. Мы говорили зарубежным компаниям: «Вы защищаете интересы отдельных компаний, а мы защищаем интересы страны и азербайджанского народа. Если вы допускаете ошибку, это отразится на одном проекте вашей компании. Если

ошибемся мы, то эта ошибка нанесет ущерб интересам всего азербайджанского народа. Иными словами, мы никак не можем допустить никакой ошибки».

Оппоненты утверждали, что все прибыли потекут в карманы зарубежных фирмачей. Ильхам Алиев отвечал по существу: «…80 процентов всей прибыли от «Контракта века» за тридцать лет получит Азербайджан, а все иностранные компании вместе взятые — всего двадцать процентов».

«Контракт века» стал политическим и экономическим прорывом Азербайджана в XXI век. Бесспорно, прежде всего это заслуга Гейдара Алиева, творение его ума, воли, энергии. Поэтому расскажем об этом эпохальном событии, которое отозвалось во всем мире, подробнее.

Четвертого февраля 1994 года Президент Азербайджана Гейдар Алиев издал распоряжение «Об ускорении разработки морских месторождений нефти и газа в Азербайджане». Этот стратегический документ лег в основу переговоров, которые Государственная нефтяная компания страны вела с консорциумом крупнейших фирм планеты. По итогам этих переговоров 14 сентября 1994 года Президент подписал указ. В нем оценивалась экономическая, социальная, политическая значимость проекта. Президенту ГНКАР Натику Алиеву (не сын, не брат, не сват) поручалось подписать контракт о совместной разработке месторождений «Азери», «Чираг» и глубоководной части месторождения «Гюнешли» и паевом — распределении нефтяной продукции между ГНКАР и девятью зарубежными компаниями — среди них и российская «ЛУКОЙЛ». Прежде Азербайджан отказывался включать в консорциум «ЛУКОЙЛ», а также иранскую и французскую компании.

Торжественная церемония подписания договора состоялась 20 сентября 1994 года во дворце «Гюлистан». В Баку приехали министры и парламентарии, депутаты и предприниматели из Соединенных Штатов, России, Великобритании, Турции, Норвегии.

Нефть — самое большое национальное богатство Азербайджанской Республики и азербайджанского народа, — сказал, обращаясь к гостям, Гейдар Алиев. — Поэтому Азербайджан и называют Страной огней. — Он с гордостью напомнил историю добычи нефти в республике, оценил вклад нефтяников Азербайджана в победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны. — Наши нефтяники принимали деятельное участие в развитии и разработке новых нефтяных месторождений в любой точке Советского Союза. Не случайно, что новые нефтяные месторождения открытые и разработанные

благодаря их усилиям и труду назывались «Вторым Баку», «Третьим Баку», «Четвертым Баку». Неоценимы заслуги азербайджанских нефтяников в развитии и эксплуатации крупнейших в России — сибирских, тюменских месторождений, создании там могучих нефтяных и газовых комплексов.

Я считаю необходимым довести это до сведения наших гостей, напомнить об этом азербайджанскому народу. Ибо все это составляет гордость и славу азербайджанского народа, говорит о великих заслугах нашего народа, наших нефтяников в мировой экономике.

Так говорил Президент стране, и его слова отзывались не только в прекрасном, сияющем огнями зале дворца «Гюлистан», но и в каждом доме по всей республике, потому что речь шла о судьбе народного достояния.

— Хочу прямо сказать, что отнюдь не все пожелания азербайджанской стороны нашли отражение в договоре, — продолжал Президент свою речь. — Но мы понимаем, что в любом договоре должны учитываться интересы обеих сторон. Консорциум нефтяных компаний Запада стремился обеспечить свои интересы, Государственная нефтяная компания Азербайджана прилагала усилия для обеспечения национальных интересов Азербайджанской Республики. Могу сказать, что в результате большой и напряженной работы, в результате подхода сторон к делу с высокой степенью ответственности подготовлен договор, отвечающий интересам обеих сторон.

Второго декабря того же 1994 года Соглашение стало законом. Началась, а точнее — продолжилась напряженная работа на морских буровых и в лабораториях, в кабинетах и на трассах нефтепроводов — через Россию и Грузию.

Доброго пути, «Деде Горгуд»!

Через год после торжественных событий во дворце «Гюлистан», 9 октября 1995 года Гейдар Алиев принял членов Международного руководящего комитета нефтяного консорциума. Год, по мнению всех участников проекта, был Успешным. Реальностью стали добыча и использование первичной нефти (есть такое выражение у профессионалов) в 1996 году.

Азербайджанские нефтяники вышли на большие глубины благодаря мощному заделу, созданному в советское время. В историю нефтяной индустрии навсегда вписана дата 7 ноября 1949 года. Тогда в море на знаменитых ныне Нефтяных Камнях ударил первый фонтан «черного золота». Затем были созданы плавучие буровые установки «Шельф-1», «Шельф-2», «Шельф-3», построен — по инициативе первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Гейдара Алиева — завод глубоководных оснований, первоначально запланированный в Астрахани; стройка проходила отдельной строкой в союзных планах, все-таки 500 миллионов долларов!

4 июня 1996 года Азербайджан подписал с зарубежными партнерами еще один договор — на разработку глубоководного месторождения «Шахдениз». Там, под полукилометровой толщей воды геологи нашли кладезь газа — до триллиона кубометров. Стоит напомнить: говоря о результатах изысканий на месторождении «Шахдениз», Гейдар Алиев заметил: «До сих пор есть те, кто пытается помешать этому нашему делу. Но никому ничего не удастся добиться. Новая нефтяная стратегия Азербайджанского государства определена. Мы будем и впредь решительно осуществлять эту стратегию».

Ныне на Каспии трудится целая флотилия: в ее ряду и «Истиглал», и «Деде Горгуд», некогда известный под именем «Каспморнефть». Эта полупогружная плавучая буровая установка — по сути целый завод — вышла на поиск нефти и газа в 1981 году. На ее счету десятки скважин и новые нефтегазовые горизонты. Теперь пришла пора реконструкции. Плавучий завод обновила американская компания «Санта-Фе» при непосредственном участии азербайджанских специалистов и мастеров.

…На верхнюю палубу могучей установки ведут свыше ста ступенек. На этих лестницах у даже крепких нефтяников порой сбивается дыхание. Гейдару Алиеву шел 74–й год, но он уверенно поднимался все выше и выше. Поглядели бы на своего пациента

те кремлевские врачи, которые ставили ему диагноз в восемьдесят шестом!

В книге почетных гостей Гейдар Алиевич оставляет памятную запись:

«Сегодня в жизни нефтяной промышленности Азербайджана происходит знаменательное событие.

В результате реализации «Контракта века» входит в действие первая полупогружная буровая установка. Этой установке сегодня дается дорогое для нашего народа имя — «Деде Горгуд». Желаю установке долголетия, доброго пути. Выражаю благодарность всем, кто реконструировал эту установку и довел до современного уровня. Международному консорциуму осуществляющему большой нефтяной договор, желаю успехов

Президент Азербайджанской Республики

Гейдар Алиев г. Баку, 24 августа 1996 г.»

Кстати, в этот день, 17 лет назад, первому секретарю ЦК Компартии Азербайджана было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Нефтяники не забыли о знаменательном событии. Было видно, что и Гейдару Алиевичу памятна та награда, может быть, точнее сказать — памятно признание за большой труд, в который он вкладывал всего себя.

— Для развития нефтяной промышленности нашей республики, рационального использования нефтяных месторождений в азербайджанском секторе Каспия, — говорил сейчас Гейдар Алиев, — мы в 1970–х годах приняли решение о строительстве здесь, на этом месте, где мы с вами стоим, большого завода глубоководных оснований… Теперь с чувством большой гордости видим корпуса этого громадного завода, производственные площади, созданные здесь.

Сегодня, направляясь сюда, я еще раз испытал чувство гордости, глядя на корпуса большого завода и мощные установки, на деревья, поднявшиеся на берегу и вокруг этой площади, — все возникло на когда-то совершенно пустынном месте каспийского побережья. Я сегодня очень счастлив, очень рад. Счастлив и рад потому, что я — один из тех, кто заложил основу всего, что вы здесь видите, инициатор этого. В свое время я годами старался, чтобы эти дела осуществлялись, годами трудился, чтобы все это стало реальностью, трудными путями прошел ради этого.

(Да, счастлив человек, которому доводится видеть воплощенным в реальность свой замысел. Вспомним строителей Байкало-Амурской магистрали, — как радовались и гордились они, укладывая «золотое звено»; и слезы на их щеках были всем понятны. Вспомним нефтяников и геологов с и счастливыми, замазанными первой нефтью лицами. Гейдар Алиев был уверен:

такой момент настанет и здесь.)

— Установка рождена заново, — говорил Президент. — Поэтому у нее должно быть новое имя. Могу сказать, что было предложено около десяти названий, связанных с историей азербайджанского народа, его традициями и различными историческими местами. Все предложенные названия действительно были ценными. Однако я принял решение назвать эту установку «Деде Горгуд». Считаю, что это святое и дорогое для каждого азербайджанца имя — самое ценное, самое выдающееся название для этой установки.

Желаю большого, счастливого плавания установке «Деде Горгуд»!»

Азербайджанский народный эпос «Книга моего деда Горгуда» был создан в начале VIII века. В 2000 году по решению ЮНЕСКО мир отметил 1300–летие знаменитого эпоса. Понятно, самые крупные торжества прошли в Азербайджане. И всюду при этом звучало имя Василия Владимировича Бартольда, выпускника Петербургского университета, выдающегося русского ученого-востоковеда.

— Именно он, — говорил ректор Бакинского Славянского университета Кямал Абдуллаев, — фактически вернул к жизни «Книгу моего деда Горгуда». — Если бы не перевод Бартольда, судьба эпоса могла бы быть трагической.

Эти слова прозвучали при вручении диплома Почетного доктора Славянского университета Владимиру Путину, Президенту России, выпускнику, как и Бартольд, Петербургского университета. А Славянский университет в Баку — создание Президента Гейдара Алиева. Так перекликаются эпохи.

Дорога к большой нефти никогда не бывает простой. И не только потому, что «черное золото» дается в тяжких трудах. Нефть — это деньги, коротко и точно заметил знаменитый банкир. Большая нефть — это большие деньги… И большая политика, добавил другой. Вокруг азербайджанской нефти, освоения месторождений, путей транспортировки сталкивались самые разные интересы: корпораций, банков, государств. Разумеется, и Россия, прежде полновластная хозяйка региона, не собиралась мириться с потерей своих позиций. «Россию может устроить только одно решение — преобладание на Каспии, — замечал влиятельный дипломат из МИДа РФ. — У нее есть для этого права и возможности. Альтернатива приведет к утрате политического влияния Москвы в регионе…» Риторика грозная, вполне в духе наказа Петра I русскому резиденту в Константинополе Неплюеву: «Наши интересы отнюдь не допускают, чтоб какая другая держава, чья б ни была, на

Каспийском море утвердилась…»

Риторика, повторимся, грозная, но, увы, запоздалая. Это понимали многие деловые люди и в Москве. Так, министр топлива и энергетики России Юрий Константинович Шафраник, выступая в мае 1995 года в Баку, сказал, что относится к «Контракту века» положительно, и считает «необоснованными разговоры о статусе Каспия». Смелое заявление сделал министр. К тому времени в МИДе России уже успели удивить посла Великобритании Б. Фолла странной нотой. Это редкое, возможно и редчайшее в дипломатической практике событие произошло 27 апреля 1994 года. В ноте выражался протест по поводу упоминания в меморандуме «О сотрудничестве в области энергетики», подписанном между Великобританией и Азербайджаном, термина «азербайджанский сектор Каспийского моря». Любой проект подчеркивалось в ноте, касающийся разработки месторождений нефти на Каспии и ее транспортировки в страны Европы, не будет иметь юридической силы без предварительного соглашения со всеми странами бассейна. Это решение «защитника» интересов России Андрея Козырева, министра иностранных дел. Заместитель государственного секретаря США Строуб Тэлботт назвал Козырева одним «из самых прозападных политических деятелей России».

В те же годы Россия ввела транспортную блокаду Азербайджана — официальный повод: перекрыть каналы, по которым шло оружие в Чечню. Блокада ударила по Дагестану, да и по всей России. Потери России за 1994–1995 годы оценивались в 6,1 миллиарда долларов. Трагически погибший генерал Рохлин, выступая в Госдуме, оценивал политику России по отношению к Азербайджану как предательство национальных интересов России.

Разговоры, переговоры, споры о статусе Каспия продолжались еще много лет. Окончательное признание Россией азербайджанской позиции, по авторитетному суждению Ильхама Алиева, произошло после официального визита в Баку Президента Российской Федерации Владимира Путина в январе 2001 года.

Поучительно, полагаем, вернуться, говоря казенным языком, к предыстории вопроса, к ноте Министерства иностранных дел России. Как чувствовал себя в те дни министр топлива и энергетики РФ Юрий Шафраник? Тоже готовил ноту? Или подговаривал пограничников выдвигать патруль на охрану российского сектора Каспия? Мы задаем эти вопросы председателю правления компании «СоюзНефтеГаз» в его уютном

кабинете в старинном особнячке, расположившемся за приговоренной к сносу гостиницей «Минск» — Юрий Константинович чуть-чуть отодвигает настольную лампу:

— Я подбирал, пока вы спрашивали, слова, которые бы выразили, в чем суть конфликта — концептуальная, системная. И нашел: наши разногласия были мировоззренческими. Настаиваю на этом слове. На этой позиции.

А в качестве примера наш собеседник приводит пример своей практики, когда еще до назначения министром он возглавлял Тюменскую область. Тогда, в последние месяцы существования Советского Союза, власти Латвии выставили из республики Рижский ОМОН, отряд милиции особого назначения.

— Все отказались его принимать, а я принял, разместил рассказывает Шафраник. — Живут люди, работают и вдруг в конце 1991 года, когда я был в командировке, прилетают в Тюмень представители прокуратуры и МВД Латвии и увозят, арестовав, нашего гражданина. Я, вернувшись из командировки, поднимаю всех. «Как так, говорю, они объявили о своей независимости, все проголосовали за независимость — Россия, Украина, Латвия… Но разве может французская полиция прилететь к нам и арестовать нашего гражданина? Какого дьявола прилетают из Латвии, чтобы арестовать гражданина России?» Я разворачиваю эту историю к Каспию и Баку. Если мы сами разорвали единую страну, ведь не Алиев ее разрывал, какого черта мы считаем, что надо строить отношения на давлении? Это мировоззренческий конфликт. Абсолютно! За мной, министром топлива и энергетики, за Козыревым, министром иностранных дел, стояли определенные позиции и взгляды. Но я себя лично как гражданина России Шафраника спросил: как нам строить отношения с Азербайджаном? Один вариант: понять их проблемы, понять свои проблемы. Найти общий вектор и, объединившись, пойти. Второй — понять их проблемы и не мешать им их решать. И третий вариант. Ах, вы отделились, ну и идите себе подальше.

Из трех вариантов третий — самый плохой. Не продуктивный — ни исторически, ни политически, ни экономически. Представьте, что рядом с Дагестаном и Чечней была бы нестабильная страна. Надо же задавать себе такие вопросы. Самый лучший — первый. Но для этого надо хорошо понять их проблемы и разобраться в своих. Я готовился к поездке в Баку, взвешивал, настаивал. И сейчас, по прошествии времени, рад, что моя концепция оказалась верной. Президенты наших стран подписали документы по Каспию. Но даже если бы переговоры еще продолжались, курс на совместные действия все равно был

правильным. Мы сразу получили в «Азери-Чираг» процент и отдали «ЛУКОЙЛУ» — это была *государственная* компания. Я тогда издал распоряжение, что за Каспий со стороны России отвечает «Роснефть», она и сейчас государственная компания. Это уже потом, извините, пошла пьянка, стали резать все огурцы.

Юрию Константиновичу запомнились долгие беседы с Гейдаром Алиевичем Алиевым. «Юрий Константинович, ну, убеди Президента, пусть прилетит хотя бы на час. Мы пройдем вместе. На площади постоим. Ничего больше не надо». Не прилетел.

— Взяли верх другие точки зрения, — продолжает Шафраник. — А я говорил: я тоже люблю Армению. У меня в друзьях армян больше, чем азербайджанцев. И вообще я не делю людей по национальности. Но российский интерес прямой — это Каспий и нефть. Азербайджан и Баку были и будут геополитическим и стратегическим центром. Так давайте здесь работать и развивать отношения со всеми странами региона.

Когда мы в Минтопэнерго с помощью дипломатов, сотрудников других ведомств выработали эту линию, я доложил Президенту Ельцину, что лечу, и он дал добро.

— Это при личной встрече?

— Конечно. Другое дело, что это не была директива, выработанная, согласованная в правительстве. Если бы мы этим занялись, то увязли бы в согласованиях. Поэтому определенный риск был. Я брал его на себя. Позже при докладах Президенту мне удалось убедить его более серьезно заняться межгосударственными отношениями России и Азербайджана.

Я категорический противник политики уступок. Я считаю, что мы и так много уступили. Не на уступки надо идти, а на объединение, поиск обоюдно выгодных решений.

Так что не будем упрощать конфликт. Я его рассматриваю как мировоззренческий. Быть ли России достойной и крепкой?

Это то, что мы, Министерство топлива и энергетики, отстаивали на Каспии. Я говорю о наших национальных интересах. Гейдар Алиев так же последовательно защищал национальные интересы Азербайджана.

— А вас за защиту интересов России собирались отстранить от работы.

— Это не единственный случай. Было как минимум три случая, когда зампреды правительства писали президенту, что Шафраника нужно уволить.

— С чем это было связано?

— С топливно-энергетическими и экономическими проблемами, так скажем. Я осознанно действовал. Не думал, что дело дойдет до ноты. Но я осознанно шел на реализацию своего

понимания сотрудничества с Азербайджаном. И завершу наш разговор словами о Гейдаре Алиевиче. Я считаю Гейдара Алиева выдающимся человеком, выдающимся государственным деятелем. Народу Азербайджана повезло, что именно в то время на месте оказался Гейдар Алиевич. Он был не сломлен, он нашел в себе силы подняться… А тот, кто не поднимался, даже судить не может, что это такое — подняться.

Много вы видели людей, которые поднимались после отставок? А он сумел подняться и принести пользу своей республике, своему народу. Я был участником многих встреч, многих разговоров, — многочасовых, ночных переговоров и дискуссий. Это была своеобразная школа Алиева. Я видел, как этот человек продумывает совещание, конференцию, встречу; он сам смотрел, как стоят столы, кто и где будет сидеть, и понимал, что для политика нет мелочей. Уже не будучи министром, я летал в Азербайджан по приглашению Алиева на его встречи с президентами. И видел, как умело он их вел, не руководил, а вел, потому что собирались все равные, а он как бы дирижировал, скажу — это класс. Это тоже уроки большого политика.

Вам, конечно, многие говорили о его фантастической памяти. Я таких людей больше не встречал. Вот он приводит по памяти какие-то данные. Можно предположить, что он готовился к совещанию. Но меняется тема, и он говорит с таким же знанием огромного фактического материала — это поразительно.

О «Контракте века»

Октябрь 1996 года. На совещании у Гейдара Алиева обсуждаются итоги двухлетней деятельности Азербайджанской международной операционной компании (АМОК), созданной в связи с выполнением «Контракта века». Стенограмму совещания читаешь как захватывающий детектив. Вот обсуждается ход строительства нефтепроводов.

«Гейдар Алиев: Вы сказали, что начнете прокладку западного трубопровода в марте будущего года и обещаете завершить строительство в конце 1998 года. Возникает вопрос: а почему так поздно? Ведь вы помните, что в марте этого года мы с господином Шеварднадзе заключили контракт о западном трубопроводе. По какой причине понадобился целый год, чтобы приступить к работе? Почему запаздывает начало работ?

Вице-президент АМОК Вейн Волтс: Господин Президент, ведется напряженная работа, чтобы составить смету строительных работ по западному маршруту, определению стоимости предстоящих к выполнению работ. Участок, предусмотренный для строительства терминала в Супсе, характеризуется как самое плохое в мире место для этой работы. Грузинская международная нефтяная корпорация и фирма «Джон Браун инжиниринг» ведут обстоятельные технические, инженерные, геотехнические исследования на этом участке. Необходимую точную информацию для достаточной уверенности в том, чтобы начать работу, и точную смету необходимых работ мы получим только в марте 1997 года.

Чтобы подготовиться к строительным работам и приступить к ним как можно скорей и эффективней, мы составили промежуточный бюджет в 33 миллиона долларов, чтобы заказать оборудование и материалы, доставка которых требует длительного времени.

Можем заверить вас, что продолжаются и будут продолжены до будущего года инженерные работы по ревизии имеющихся трубопроводов, изучению участков прокладки, проектированию первых частей трубопровода, исследованию морского дна и выявлению возможности пользования органическим терминалом как альтернативным вариантом взамен строительства наземного терминала. Заключен договор с фирмой «Джон Браун инжиниринг» о проведении инженерных работ по управлению проектом и подготовке проекта в целом.

На будущий месяц хотим объявить тендер на строительные работы. Считаю, что мы в достаточной степени сможем

положиться на наши цифры и выкладки, чтобы в начале будущего года представить проект на строительство, ожидается, что приступим к строительным работам в марте 1997 года.

Для завершения проекта в конце 1998 года мы составим очень жесткий, интенсивный график работ, т. е. предусматривающий всего 20–месячный срок.

Гейдар Алиев: Спасибо. Однако в любом случае считаю, что есть большая задержка в строительстве западного трубопровода. Если порт Супса имеет такую характеристику, если он, как говорят, в мировой практике самое плохое место для таких целей, считаю, что там, на территории Грузии, можно было выбрать другой порт. Но этот порт Супса выбрали с самого начала. Видимо, знали, что выгодный порт. Вообще вот уже целый год мы говорим про западный трубопровод. А теперь становится известным, что порт Супса не годится и даже думают про другие терминалы. Сказать откровенно, это меня очень удивляет.

Другие стенограммы деловых совещаний у Президента так же остры и конкретны. Не общие пожелания вроде «надо лучше работать», а предметный анализ ситуации. Касается ли это использования буровых установок, привлечения местных кадров…

Из выступления Гейдара Алиева на совещании по разработке нефтяного месторождения «Карабах» 5 апреля 1997 года:

— Я иногда слышу, что эти компании хотят даже привезти сюда рабочих. Я заранее предупреждаю и даю распоряжение Азербайджанской государственной нефтяной компании, чтобы они проследили за этим, мы с этим не согласны. Вы знаете, что азербайджанские нефтяники обладают высокой квалификацией. У Азербайджана есть известные ученые, инженеры, высококвалифицированные рабочие в нефтяной области. Все это реальность. Все месторождения, по которым подписаны нефтяные соглашения, обнаружены азербайджанскими специалистами, учеными. Азербайджан вот уже более 50 лет добывает нефть с глубоких слоев моря. Азербайджанские нефтяники занимались добычей нефти не только на родине, но и в свое время занимались добычей нефти на море во Вьетнаме. Как вы знаете, на юге Вьетнама в море есть место, называемое Вунчтау. Впервые разведкой и добычей там нефти занялись именно азербайджанские нефтяники. Я в 1983 году был во Вьетнаме и побывал на месте, где работают азербайджанские нефтяники, и видел там все это. Сейчас Вьетнам добывает там много нефти.

Азербайджанские нефтяники работали в области добычи нефти на Кубе, в Румынии, Индии. И поэтому азербайджанские нефтяники являются высококвалифицированными

специалистами. Считаю, что как азербайджанские инженеры, так и техники, рабочие должны быть широко привлечены к этим работам.

Например, посетив буровую установку «Деде Горгуд», я видел, что там наряду с высококвалифицированными специалистами, приехавшими из западных стран, работают и высококвалифицированные специалисты Азербайджанской Республики, и очень хорошо работают. И поэтому у меня к вам такая просьба, чтобы вы учли эту мою мысль в будущей деятельности, составлении штатов. Я поручаю Азербайджанской государственной нефтяной компании и ее президенту, чтобы они обеспечили контроль с нашей стороны за этими вопросами.

Мы стремимся к претворению в жизнь всех подписанных соглашений и будем стремиться и после этого. Я рад, что вы довольны созданными для вас условиями работы. Мы и после этого будем принимать необходимые меры для создания хороших условий для прибывших зарубежных компаний, специалистов.

Наше сотрудничество с известными нефтяными компаниями мира носит долговременный характер. Срок всех подписанных нами соглашений — тридцать лет. Но надеюсь, что после получения результата к тридцати годам прибавится еще много лет.

3 июля 1997 года, Москва

Первый официальный визит Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева в Российскую Федерацию, переговоры в Кремле с Президентом России Борисом Ельциным. Десять лет назад Гейдар Алиевич, собрав свои бумаги, ушел из Кремля. Возможно, в ком-то другом теплилось бы сейчас чувство тщеславия: вот он я! Вернулся! Доказал всем своим обидчикам… Конечно, и Алиев не чужд был простых человеческих чувств; с интересом оглядел новые интерьеры кремлевских палат, где принимал его Президент России, поинтересовался самочувствием собеседника, жены, дочерей и внуков… Ельцин успел прийти в себя после операции на сердце, шерстил кремлевские службы и правительство, куда перебросил своего молодого выдвиженца из Нижнего Новгорода и тезку Бориса Немцова.

Репортеры, передавая официальную информацию о встрече двух президентов, подчеркнули, что прошла она «в атмосфере тепла и взаимного уважения». Как же без тепла, если Президент России четыре года собирался пригласить своего азербайджанского коллегу, с которым заседал некогда в одном Политбюро. Раньше, должно быть, никак не мог…

Теперь им предстояло подписать Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности и принять пяток соглашений, в том числе — о разведке, разработке и долевом разделе добычи по перспективному азербайджанскому блоку Д-222 в Каспийском море…

Под сводами Владимирского зала Кремля, восстановленного во всей первоначальной красе, прозвучали гимны России и Азербайджана. Борис Ельцин отчитал по бумажке свою речь.

— Россию и Азербайджан объединяют многовековая история, богатейшие традиции и разнообразные связи. Мы не можем их прерывать. Мы должны сделать все для того, чтобы они развивались.

Гейдар Алиев свою подсказку, если она у него и была, не доставал.

— Я сердечно поздравляю Вас, Борис Николаевич, всех присутствующих здесь с этим знаменательным событием — подписанием документа о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности между Российской Федерацией и Азербайджаном… Я с глубоким удовлетворением воспринимаю то, что сегодня подписан и большой пакет экономических документов. Они создают хорошую договорно-правовую основу для дальнейшего развития и углубления нашего сотрудничества во всех сферах.

Чуть позже, отвечая на вопросы журналистов, Гейдар Алиев сказал, что обсуждался и вопрос каспийской нефти, «и мы с Борисом Николаевичем имели широкий обмен мнениями… Российская компания «ЛУКОЙЛ» участвует в трех контрактах, подписанных до сих пор Азербайджанской нефтяной компанией с транснациональными компаниями, и сегодня в присутствии президентов России и Азербайджана подписан четвертый контракт между компанией «ЛУКОЙЛ» и Азербайджанской нефтяной компанией».

К этой теме Гейдар Алиев вернулся и на встрече с представителями финансовых и деловых кругов России, которая прошла 4 июля. Он напомнил о первом контракте, подписанном в 1994 году, и заметил, что в некоторых кругах России он почему-то был встречен недоброжелательно, хотя в нем участвовал и «ЛУКОЙЛ».

— Теперь «ЛУКОЙЛ» участвует в четырех контрактах. Говорю об этом потому, что иногда здесь, в России, в различных кругах, к сожалению, порой и в государственных, идут разговоры, что Азербайджан отдаляется от России, он больше общается с западными компаниями и так далее, и недоброжелатели нашей республики хотят искусственно создать нездоровую атмосферу, распространяют в печати, пишут различные статьи и так далее. Скажу откровенно, это вызывает у нас очень большое недовольство, так как мы работаем вместе…

Он говорил это, по его собственным словам, как друг России. Он верил, что теперь, «после вчерашних, позавчерашних, сегодняшних встреч в Москве все эти нездоровые разговоры, которые были и, может быть, будут завтра, так как недоброжелателей много, вы будете их пресекать…». Он напоминал, что именно Азербайджан поставлял 70 процентов нефтепромыслового оборудования в Сибирь, в Татарию, Башкирию — «но нам закрыли эту связь, наши машиностроительные заводы оказались в очень тяжелом положении. Но дело не только в этом, мы выведем их из этого положения. Но если есть налаженное производство, которое производило хорошее оборудование, почему же его не использовать?».

И невозможное воля делает возможным

Конец — делу венец. У многих народов есть такая или близкая к этой поговорка. Но что считать венцом на промысле? Первый фонтан венчает поиск геологов. А дальше предстоит умно и творчески трудиться нефтяникам. В «Контракте века» через три года после того, как над ним начали трудиться, знаковым событием стало получение ранней нефти.

…В тот день в Баку был большой многоцветный праздник. Пошла нефть. По традиции положено провести бесценной добычей по лицу. Это с удовольствием делают Гейдар Алиев, Ильхам Алиев — в то время он первый заместитель президента ГНКАР, все почетные гости.

Зримое свидетельство новой стратегии — Нефтяной фонд, в котором собраны сотни миллионов долларов. Они пойдут на решение социальных проблем, улучшение жизни всех граждан республики.

Сумма инвестиций, вкладываемых в Азербайджан, опережает показатели многих стран СНГ. Это обусловлено не только экономической выгодой, но и стабильным климатом в республике, утверждением демократических и правовых основ. Зарубежные специалисты и партнеры подчеркивают это обстоятельство. Президент компании АМОК Дэвид Вудворд отмечал: «Экономическая и общественная стабильность, способность иностранных нефтяных компаний сотрудничать с ГНКАР и правительством Азербайджана на основах партнерства, соответствующего стандартам международной нефтяной индустрии, будет продолжать привлекать инвестиции в страну».

Только первая фаза освоения месторождений «Азери-Чираг-Гюнешли» дала республике три тысячи дополнительных рабочих мест.

Начали действовать два новых нефтепровода. В Сангачалах был сооружен большой терминал.

Воля, помноженная на огромный управленческий опыт и реализм, — вот качества Гейдара Алиева, которые обусловили успешную реализацию нефтяной стратегии республики. В разные времена философы, писатели, политики размышляли о природе человеческой воли. Джек Лондон называл ее магическим средством. «В мире не найдется такой прочной стены, из каких бы камней она ни была сложена, — утверждал бразильский писатель Жоржи Амаду, — которая преградила бы путь человеческой воле и мысли».

На рабочем столе Президента Азербайджана можно было

видеть труды и других известных мыслителей — Достоевского, Карлейля, Низами, Сартра… Кто знает, какая именно мысль отозвалась в душе человека, который читал их. Гейдар Алиевич так преданно любил книги, что почти не оставлял пометок на полях. Часто советовал прочитать ту или иную работу сыну или дочери, обращал на отдельные издания внимание своих помощников. Так, к примеру, и случилось с «Покаянием», книгой одного из нас, авторов книги об Алиеве, Гусейнбалы Мираламова — о карабахской трагедии, исходе азербайджанцев.

Следом за Эмерсоном Гейдар Алиевич мог бы повторить: «Невозможное может сделать возможным только человек… Характер — это совершенно воспитанная воля». Воля ведет и полководца, и государственного деятеля, и ученого. Воля — это стержень характера Суворова и Жукова, де Голля и Рузвельта, Королева и Менделеева… Умная воля! И повторим вслед за Некрасовым:

Воля и труд человека Дивные дива творят.

Для Азербайджана в ряду таких дивных див — реализация «Контракта века». Но не только.

1 августа 1997 года, Вашингтон

В этот день в Белом доме в ходе официального визита Г. А. Алиева в США были подписаны четыре контракта между американскими компаниями «Шеврон», «Экссон», «Мобиль», «АМОКО» и Азербайджанской государственной нефтяной компанией. Вот как оценили эти документы президенты двух стран.

Билл Клинтон: «Бассейн Каспийского моря является регионом, имеющим жизненное значение для осуществления новых нефтяных и газовых проектов. Принятые в эти дни соглашения по эксплуатации энергоресурсов принесут свою пользу будущим поколениям. Работая совместно с Азербайджаном по эксплуатации богатств Каспия, мы тем самым оказываем помощь не только процветанию Азербайджана, но обеспечиваем также различными путями энергопродукцией свою страну и укрепляем безопасность нашего государства».

Гейдар Алиев: «До сих пор достигнуты хорошие успехи в сотрудничестве между Америкой и Азербайджаном в области использования энергоресурсов в азербайджанском секторе Каспия. Мы продолжаем и будем продолжать это сотрудничество. Подписанные сегодня здесь, в этом зале, четыре контракта — наглядное тому свидетельство. Перед нами стоит задача проложить ряд нефтепроводов, в том числе из Средней Азии, Центральной Азии через Каспий на Запад для вывоза энергоресурсов на мировой рынок, экспорта на Запад. Мы будем постоянно сотрудничать с вами в этой области».

Документы подписывались в Белом доме, в комнате, которая носит имя Франклина Рузвельта. Вице-президент США Альберт Гор сказал в этой связи, что Америка и Азербайджан начинают «энергетический диалог», который «отражает серьезность, с которой мы относимся к нашим общим надеждам на использование богатств Каспия».

Гейдар Алиев: «Сегодня здесь, в Вашингтоне, в Белом доме, я с чувством гордости говорю, что нефтяники Азербайджана еще 50 лет назад открыли и начали эксплуатировать первые нефтяные месторождения в море. В конце XX века Азербайджан представил всему миру большие, богатые месторождения Каспийского моря. С большим удовлетворением отмечаю, что в этих работах активное участие принимают крупные компании Соединенных Штатов Америки. Мы осознаем, что приток зарубежных инвестиций в Азербайджан, интеграция нашей экономики с мировой, в частности, налаживание крепких экономических

связей с Соединенными Штатами Америки, служат прекрасному будущему азербайджанского народа».

Кстати, связи эти уходят в давние времена. Еще в мае 1923 года «Азнефть» заключила договор с одной из американских корпораций на бурение и добычу нефти. В июле того же года в Баку «прибыли 11 американцев — экспертов по различным отраслям нефтяной промышленности». В номере от 17 июля 1923 года «Бакинский рабочий» назвал их поименно. Под номером 7 значился некий Клинтон Лонгшор. Еще 18 буровых мастеров находились в пути.

В ходе визита, кроме встреч на высшем уровне, Гейдар Алиев провел еще 75 (повторим прописью, чтобы читатель поверил, — семьдесят пять) деловых переговоров. Среди его собеседников были главы крупнейших компаний — «Би-Пи-Америка» и «Фронтера ресурсез», «Шеврон» и «Пеннзойл», «Юнокал» и «Коноко», «Экссон» и «Шелл»… Разумеется, в графике Президента были не только встречи с деловыми людьми.

В диалоге с одним из собеседников он заметил, что беседовал с конгрессменами, сенаторами, председателем Комитета международных связей Гильманом, спикером Палаты представителей Гингричем. Эти переговоры — отдельная тема, настойчивая и последовательная защита национальных интересов Азербайджана на международной арене, борьба за отмену пресловутого 907–го дополнения к Акту поддержки свободы, принятого конгрессом США.

Вот еще несколько штрихов к этой заокеанской командировке Гейдара Алиева. Посмотрите, с каким напряжением он работает, как деликатно и умно «просвещает» партнеров, привлекая их на свою сторону.

28 июля в Нью-Йорке проходила встреча с представителями нефтяной компании «Би-Пи-Америка» Стифом Перси, Эддом Уйахэтом и Майклом Таунсхэтом:

— В Азербайджане созданы все условия для широкого проведения совместных работ с компаниями различных стран мира, в том числе Соединенных Штатов Америки, а также для компаний, действующих в нефтяной отрасли. Защита зарубежных инвестиций, вложенных в нашу страну, закреплена законодательством. Азербайджан строит свою экономику на основе принципов рыночных отношений и открыл свои двери миру.

2 августа Гейдар Алиев встречался в Хьюстоне с президентом компании «Пеннзойл» Джеймсон Пейтом:

— «Пеннзойл» является одной из первых зарубежных компаний, прибывших в Азербайджан. Я высоко ценю заслуги

«Пеннзойла» в создании газокомпрессорной станции в нашей стране и увеличении производства газа в Азербайджане. «Пеннзойл» имеет долю в «Контракте века», в осуществлении же контракта по совместной разработке месторождений «Карабах» ваша компания играет ведущую роль. Я знаю, что вы ведете большую работу, представляя и пропагандируя интересы Азербайджана в Соединенных Штатах.

3 августа, снова в Хьюстоне, он вел переговоры с президентом компании «Экссон» Терри Кунцем:

— После подписания в 1994 году «Контракта века» большую трудность представляло распределение оставшейся малой части.

Как вы помните, в то время многие крупные, как и вы, компании хотели приобрести эту часть. Среди этих компаний были представители как вашей страны, так и Европы, были такие и среди наших соседей. Вы об этом знаете, и я знаю, — не хочу упоминать имен, — это уже осталось в истории.

Тогда и мне было трудно принять решение, потому что наряду с вашей компанией и другие, также очень солидные, хотели создать с нами действительно хорошие отношения. После долгих раздумий я принял решение. И это решение дало возможность для вступления «Экссон» в «Контракт века» после его подписания. И после этого я имел с вами несколько встреч и хотел, чтобы вы работали на отдельном месторождении. Хорошо, что это, наконец, произошло. Название месторождения — «Нахчыван», так называется место, где я родился. И это налагает еще большую ответственность.

— Да, — отозвался господин Кунц, — «Экссон» гордится этим. Примечательно, какие глубокие чувства всколыхнулись во время этого разговора в душе Президента. Словно исповедь прозвучало признание в любви к своей малой Родине, Нахичевани, как принято писать по-русски, Нахчывану, как звучит название этого края по-азербайджански.

— Я еще потому люблю место своего рождения, что в 1990 году, когда я жил в Москве, когда моя жизнь подвергалась опасности, меня преследовали, передо мной ставили множество препятствий, и я вернулся в Азербайджан, из-за невозможности жить в Баку поехал туда, где я родился, в Нахчыван. Там я прожил тяжелые, очень трудные дни, но Нахчыван тепло принял меня в свои объятия, и я сделал все для того, чтобы он жил. Возможно, не возвратись я туда, жителей этого края ожидала бы большая опасность. И поэтому я очень люблю свою Родину, место, где я родился. В тяжелые дни она протянула мне руку помощи, я это очень ценю…

Я ожидаю, что вы активно приступите к работе. Знаю, что

«Экссон» — самая крупная нефтяная компания Америки. Но не знаю, до сих пор подписывали ли вы контракты в Белом доме?

— Это произошло впервые!

— Видите, мы не просто подписали с вами контракт, но и добились его подписания в Белом доме. Я с вами встречался неоднократно в Баку, встречался в Соединенных Штатах Америки. Но сейчас в Белом доме вместе с руководителями вашего правительства, с их участием был подписан этот договор, что само по себе историческое событие, и подписали этот договор вы.

— Наша компания совместно с Государственной нефтяной компанией Азербайджана работает над блоком Б-9 на Каспии. Эта перспективная структура находится глубоко под водными пластами. Было бы желательным в скором времени подписать контракт и по этой структуре. Это позволило бы нам и ГНКАР проникнуть на еще большие глубины и добывать нефть оттуда… Бесспорно, вы дадите название этому месторождению, потому что название Б-9 ни о чем не говорит.

— Да, это временное название, после подписания контракта оно получит другое. Я поручу Натигу Алиеву, чтобы он доложил мне об этом.

— Мы хотим участвовать в разработке крупных глубоководных структур Каспия и в скором времени представим свои предложения ГНКАР. Считаю, что в глубинных пластах азербайджанского сектора Каспия имеются большие запасы нефти. Опыт и возможности «Экссон» дают основания говорить о совместном с ГНКАР рациональном использовании этих месторождений.

Пользуясь возможностью, я хотел бы коснуться и другого вопроса, о чем мы говорили с вами, господин Президент, раньше. Речь идет об эксплуатации газовых месторождений Каспия. Тогда мы объявили, что предложения о запасах этих газовых месторождений, эксплуатации и транспортировке голубого топлива подготовим совместно с Государственной нефтяной компанией Азербайджана. Эти предложения готовы, и считаем, что наш вице-президент и господин Натиг Алиев в ближайшее время согласуют их по всем пунктам. Надо предпринять еще более активные действия по эксплуатации газовых месторождений, потому что поиск покупателя на эту продукцию отличается от поиска покупателя на нефть, здесь высока конкурентность. Учитывая фактор близости, для азербайджанского газа самым лучшим рынком сбыта стала бы Турция. Ваш северный сосед — «Газпром» заключил несколько договоров с Турцией, но потребности Турции в этой продукции еще есть. И поэтому, чтобы не потерять этот рынок, надо ускорить

разведочные работы.

— Если вопрос подготовлен, я дам поручение Натигу Алиеву, и вы, проведя переговоры, подготовите окончательный проект. Я согласен с вашими словами. Большая потребность в газе существует и в нашем регионе, и в Турции, и других странах и поэтому, если бы вы оперативно приступили к этой работе, было бы очень хорошо… Наша дружба очень надежна, и я рассмотрю все предложения. Я полностью согласен с вашими мыслями по ускорению предложений относительно газовых месторождений.

3 августа, также в Хьюстоне, Гейдар Алиев встретился с вице-президентом компании «Тексако» Робертом Блаком:

— «Тексако» имеет 95–летнюю историю и около 80 лет в различных странах мира осуществляет проекты, — сказал Роберт Блак. — Однако с приездом в Азербайджан мы запоздали. Несколько лет назад Совет директоров компании принял постановление, чтобы мы не приезжали в Каспийский регион, и сейчас я очень сожалею об этом постановлении. Мы тоже ошибаемся, как и многие компании мира.

— Кто говорит, что не ошибается, тот говорит неправду, — заметил Гейдар Алиев. — Надо понять ошибку, признать ее и согласиться с тем, что допустил ошибку.

— Новое руководство правления компании желает начать сотрудничество для того, чтобы длительное время участвовать в разработке нефтяных месторождений Азербайджана.

Президент на это ответил коротко:

— Двери Азербайджана открыты всему миру, всем компаниям, в особенности — компаниям Соединенных Штатов Америки. И поэтому есть еще возможность. Хорошо, что вы поняли свою ошибку.

Легенды и были трех морей

18 сентября 2002 года состоялась закладка основного экспортного трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан. По этой рукотворной артерии «черное золото» Азербайджана потечет на мировой рынок, принося достаток и благоденствие республике.

Церемония закладки, незабываемые волнующие минуты. Волновались и главные участники — три президента: Гейдар Алиев, Ахмед Неджет Сезер, Эдуард Шеварднадзе. Азербайджан, Турция, Грузия.

Гейдар Алиев: «Я хочу сообщить вам, что выступавшие против трубопроводной линии Баку — Тбилиси — Джейхан часто говорили, что это иллюзия, невозможно, в Азербайджане нет, не будет столько нефти. Таких разговоров было много… Но все они оказались безосновательными, мы сделали свое дело. Конференция под названием «Легенда трех морей»… Я произнес там речь, сказал: «Вы здесь говорите про легенду. А я вам хочу сказать, что это — не иллюзия, не легенда, три моря… соединятся. И соединят их Турция, Грузия, Азербайджан, осуществляемый ими этот проект и постоянная поддержка этого вопроса Соединенными Штатами Америки. Поэтому мы сейчас дошли от мечты к действительности"».

Ахмет Неджет Сезер: «Я еще раз приветствую каждого, вложившего свой труд в реализацию Восточно-Западного энергетического коридора, во главе с уважаемым Алиевым и уважаемым Шеварднадзе, с чувством уважения и почтения вспоминаю предшествовавших мне президентов Турецкой республики покойного Тургута Озала и уважаемого Сулеймана Демиреля, своей деятельностью явивших политическую решительность, путеводные заслуги. Желаю, чтобы эти великие проекты послужили дальнейшему укреплению дружбы и братства между народами Азербайджана, Грузии и Турции, миру и безопасности в нашем регионе.

Эдуард Шеварднадзе: «Проект века, реализация которого началась сегодня, останется в наследство нашим внукам и правнукам. Я горжусь, что наше поколение оставляет им достойное наследие. Мы показали миру, своими совместными усилиями, согласованной гармоничной деятельностью, что способны сотворить пусть небольшое, но чудо. Я желаю, чтобы наше совместное сотрудничество смогло сотворить много таких чудес».

…К изданию, задуманному Гейдаром Алиевым, его сын Ильхам, Президент Азербайджанской Республики, предложил

добавить еще два тома. Они вобрали в себя материалы о государственных визитах Гейдара Алиева в США, Россию и другие страны, о переговорах, проведенных им, стенограммы бесед, интервью. Книги вышли под названием, которое предложил Гейдар Алиевич, — «Азербайджанская нефть в мировой политике». Сын продолжает дело отца.

В августе 2004 года французская газета «Монд» опубликовала статью под примечательным заголовком: «Почему нефть вернулась в центр геополитики». Газета писала о «возникновении нового нефтяного порядка от Африки до Каспийского региона».

«Наиболее важный в геополитическом плане — Каспийский регион. Согласно различным исследованиям, разведанные нефтяные запасы Азербайджана, Казахстана и Туркменистана составляют около 30 млрд баррелей, то есть примерно столько же, сколько месторождения в Северном море.

Строительство нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, предназначенного для транспортировки нефти из Азербайджана в турецкий порт на Средиземном море через Грузию, является подоплекой стычек американцев и русских в районе, с которого не сводят глаз Иран, Турция и Китай, — заключает «Монд». — Среди всех этих стран Россия претендует на роль под стать ее потенциалу не только нефтяной державы (экспорт примерно 8 млн баррелей нефти в день, столько же, сколько у Саудовской Аравии), но и газовой, поскольку она располагает 45 процентами мировых запасов газа против 36 процентов на Ближнем Востоке. Два эти фактора объясняют восстановление Президентом Владимиром Путиным контроля над энергетической политикой страны, оказавшейся в руках олигархов, подозреваемых в предательстве интересов России».

Анализируя «вспышку цен на нефтяных биржах» летом 2004 года, «Монд» отмечает, что призыв к ОПЕК и не входящим в нее странам-производителям нефти сильнее открыть краны вряд ли принесет заметный эффект в среднесрочной перспективе. Мощности стран ОПЕК уже задействованы на 96 процентов, и ей будет нелегко поставлять дополнительно 2 млн баррелей в день, как от нее требуют.

Новый энергетический взрыв, как считают аналитики, вызвал Китай, чьи потребности, по данным Международного энергетического агентства, должны вырасти к 2025 году с 5,5 до 11 млн баррелей нефти в день. На одну эту страну приходится 40 процентов увеличения мировой потребности, причем в списке крупных потребителей к Китаю скоро добавятся и другие растущие азиатские страны, в частности Индия, тогда как — признак меняющихся времен — Великобритания в июне 2004

года впервые за десять лет начала импортировать нефть.

Спрос на нефть растет. Но где ее взять? Теоретически Ирак, который занимает второе место в мире по разведанным запасам после Саудовской Аравии, должен играть ключевую роль в увеличении предложения. Однако этому препятствует неблагополучная обстановка в стране. Такие же сомнения существуют и относительно всей арабско-персидской зоны. Следовательно, нужно искать новые источники снабжения. Один из них, как утверждает «Монд», — Каспий.

Глава XI. СО СТОРОНЫ МОРЯ ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ

14–15 июля 2001 года, Баку

Однажды, это было в июле 2001 года, на очередной встрече с «акулами пера» кто-то из журналистов спросил, не собирается ли Гейдар Алиев писать воспоминания.

— Нет, — ответил он, — я не пишу воспоминаний. Вот так, при случае рассказываю о каких-то эпизодах. А писать — не пишу. Не потому, что не хочу, у меня нет времени.

Встреча происходила в государственной резиденции «Загульба» — странное для азербайджанского языка название, заметил как-то Муслим Магомаев. Ее построили в 30–е годы минувшего века для партноменклатуры. Новых русских, как и новых азербайджанцев, дача разочаровала бы: не те масштабы. Разве что привлекает родник с необычайно вкусной водой. Может быть, здесь после загулов приводил себя в порядок *загульчивый люд?*

— Это старый дом, — говорил своим гостям, руководителям крупнейших российских СМИ, Президент Азербайджана. — Он никак не отвечает требованиям сегодняшнего дня.

Вы знаете, я человек такой, если к чему привыкаю, то не могу от этого оторваться. Правда, я сейчас в основном живу в городе. Редко, в основном в летнее время, бываю здесь. И мои дети выросли здесь. Это место для нас памятное.

Журналисты, энергично оттирая друг друга, шли следом за гостеприимным хозяином, щелкали фотоаппаратами, шустро меняли кассеты в диктофонах, стараясь не потерять ни слова из этой неожиданной исповеди.

— Вы просили, чтобы мы встретились в неформальной обстановке, — говорил Гейдар Алиевич. — Вот мы и встретились. Смотрите… Вы ехали по дороге, больше похожей на аллею. Эти деревья мы посадили в 70–е годы, когда строили дорогу. Каждый саженец пестовали. Знаете, в Баку в прошлом зелени не было. Есть по этому поводу слова Горького…

— Город без клочка зелени… Гениально сделанная картина мрачного ада, — продемонстрировал знакомство с творчеством классика пролетарской литературы один из московских репортеров.

— …и Маяковского, которые бывали здесь, — продолжал Алиев, не отвлекаясь на реплику. — Тут трудно растут деревья в отличие от России. У нас за ними надо постоянно ухаживать, поливать. Для того чтобы выросло хорошее дерево, его пять-шесть лет надо поливать, потом оно пускает корни.

Пестрая, гомонящая свита то и дело оглядывалась по

сторонам: не верилось, что райский уголок поднялся на пустыре.

— Я повторяю, деревья мы посадили, когда обустраивали это место. И вот эти гранатовые деревья я посадил. Гранаты в Азербайджане очень любят…

Потом, за столом с фруктами, азербайджанскими сладостями и неизменным чаем гости толковали о статусе Каспия и об отношениях с прессой в республике, о возвращении Алиева в большую политику и конечно же о Нагорном Карабахе…

Гейдар Алиевич вспомнил 1971 год, Дни советской литературы в Азербайджане. Тогда в республику приехали крупнейшие писатели со всей страны, среди них — знаменитая Мариэтта Шагинян.

— Я с ней до этого не был знаком, — говорил Президент. — Читал, конечно, ее произведения. До этого Мариэтта Сергеевна была в Баку свыше четверти века назад, ей очень хотелось познакомиться с Азербайджаном поближе, без официальной суеты. Она попросила, и я согласился, чтобы она погостила у нас. Около двадцати дней она была моей гостьей.

Тогда я сказал: знаете что, я вас прошу, поезжайте в регионы, где армяне живут. Я ее попросил, и она поехала в Нагорный Карабах. В Баку, конечно, было много армян, она с ними общалась. Поехала в Гянджу, в другие регионы Азербайджана. Моя покойная супруга тоже всегда проявляла интерес к искусству, литературе. Как-то сложилось, что у нее с самого начала установились хорошие контакты с Мариэттой Сергеевной. И в воскресный день мы пригласили ее к себе домой. Все воскресенье мы провели вместе, это было уже под конец ее пребывания здесь. Она подарила мне свою книгу и сказала: «Знаете, я встречалась со всеми армянами и сказала им, что вы здесь живете лучше, чем где-либо». Я до сих пор помню ее выражение — «Армяне в Азербайджане катаются как сыр в масле». Еще она сказала мне, — вспоминал Алиев о своей встрече с Мариэттой Шагинян, — что прибыла сюда из Еревана и провела там неделю. Говорила, что к ней без конца приходили деятели культуры, науки со списком, где есть подписи примерно 100 видных людей, адресованных руководству Советского Союза, в котором они просили присоединить Нагорный Карабах к Армении. Она их выслушала и сказала, что вы занимаетесь не тем, чем нужно. Во-первых, я этого никогда не подпишу, а во-вторых, я не советую вам этим заниматься. А Мариэтта Шагинян была личностью.

Этим фактом я хочу сказать, что время от времени этот вопрос будоражили. Но руководство Советского Союза всегда его регулировало. А когда в 1988 году этот вопрос встал на повестку

дня, руководство Советского Союза не только не приняло мер для того, чтобы уладить его, а, наоборот, даже способствовало этому…

Не в первый раз Президенту Азербайджана приходилось говорить о трагедии, которая разделила народы. Карабах — его боль, он возвращался к этой жгучей ране в самых разных аудиториях, разъясняя свою позицию. Алиев был убежден: «Если бы Горбачев и его окружение заняли правильную позицию в 1988 году, этот конфликт не принял бы такую форму, и не было бы столько потерь, и Армения, и Азербайджан не были бы в таких враждебных отношениях, как сегодня» (*из выступления перед соотечественниками в Москве 22 июня 2000 года*).

Он завещал Азербайджану дружбу с Россией

С 1992 года конфликтом занималась Минская группа ОБСЕ. В 1997–м у группы стало три сопредседателя — Россия, США и Франция. Дипломаты этих стран разработали предложения, с которыми Азербайджан согласился.

И теперь Гейдар Алиевич разъяснял своим гостям, о чем же идет речь. О предоставлении Нагорному Карабаху в составе Азербайджана высокого статуса самоуправления… Кстати, к концу 1997 года Президент Армении Тер-Петросян все-таки пришел к мысли, что лучшего выхода из положения нет. Он открыто заявил, что поддерживает предложение об освобождении армянскими вооруженными силами оккупированных вокруг Нагорного Карабаха семи районов, а потом проведение переговоров о статусе Нагорного Карабаха… Однако ему помешали. В феврале 1998 года он ушел в отставку…

По авторитетному мнению Евгения Примакова, Алиев был очень близок к тому, чтобы договориться о ликвидации армяно-азербайджанского конфликта.

— Это я могу твердо сказать. Ему смерть помешала.

Евгений Максимович Примаков имеет самое непосредственное отношение к предложенному проекту. Поэтому интересно воспроизвести его точку зрения.

— Признание Арменией и Нагорным Карабахом территориальной целостности Азербайджана и нерушимости его государственных границ связывалось с самоопределением населения Нагорного Карабаха в рамках Азербайджана в качестве государственного образования с самой высокой степенью самоуправления. Предусматривались практические шаги с двух сторон…

В Баку предложения поручили доставить Борису Николаевичу Пастухову, в то время первому заместителю министра иностранных дел.

— Я попросил, чтобы Алиев принял меня один на один, — вспоминает Пастухов. — Тогда я в первый раз увидел, как Алиев, человек с фантастической памятью, открывает свой еженедельник, уже потертый, и записывает то, что я диктую. Это было устное послание Президента России.

«Это интересно, — отвечал Алиев, — это очень интересно». По мнению Пастухова, Алиев исходил из того, чтобы решить карабахскую проблему. Позже, считал он, это будет сделать

труднее.

— Потом и Армения отыграла назад, — резюмирует Борис Николаевич, — хотя на главные уступки шел Азербайджан.

Сколько раз они встречались, уже и не сосчитать. Что вынес Пастухов из этих встреч и бесед самое-самое главное?

— Главное вот что. Гейдар Алиевич Алиев, несомненно, один из самых ярких политиков советского и постсоветского времени. Он сохранил мир в своей стране. Избежал экономического коллапса, как это произошло в Грузии. Выстраивал добрососедские отношения с Россией и поддержал нашу позицию в чеченском вопросе. Он был честен по отношению к России и выполнял все обязательства, которые брал на себя. Нет другого государства в СНГ, кроме, пожалуй, Беларуси, где бы русский язык пользовался такими широкими правами, как в Азербайджане. И знаете еще, чем он велик? Он завещал сыну, завещал своей стране дружбу с Россией. Конечно, Азербайджан, как всякое государство, ищет, где лучше, с кем выгоднее… Это естественно. Я много раз с ним беседовал. Обсуждали разные проблемы — тот же Каспий, к примеру. Какие сложные переговоры были! Он нашу формулу принимал, а когда мы оставались один на один, говорил мне: «Я решу эту проблему мгновенно, но вы гарантируйте мне по Нагорному Карабаху это, это и это…» С точки зрения политики это нормально.

— Ядрена сушка! — восклицает Пастухов. (Это его любимое, с комсомольских времен, выражение.) — Да, надо учитывать интересы разных сторон. Да, баланс… Политика может делаться только так. Гейдар Алиевич был высококлассный политик. И человек уникального мужества. Он знал о своем больном сердце, но не берег себя. Усилием воли заставлял себя вести дело. Достойная жизнь…

Своего давнего товарища, друга, единомышленника дополняет Евгений Максимович Примаков:

— Гейдар Алиевич был талантливый человек сам по себе. Самородок. Он, безусловно, формировался как человек советской системы. Но перестал быть человеком системы, когда почувствовал, к чему идет дело. Сын унаследовал его дарование. Кстати, Ильхам Гейдарович Алиев, Президент Азербайджана, как и его отец, выступает без бумажек. Содержательно, умно.

Гейдар Алиев всегда был готов к диалогу, поиску компромиссов. Но до определенного предела. Той грани, где затрагивались национальные интересы Азербайджана, он никому не уступал — ни Москве, ни Вашингтону, ни Тегерану. «Конечно, кто-то может занимать жесткую позицию в отношении Азербайджана. Но мы независимое государство, и на нас

невозможно воздействовать жесткой позицией» *(из ответов на пресс-конференции 9 августа 1996 года в ходе визита в РФ)*.

10 апреля 1998 года Гейдар Алиев принимал и. о. заместителя председателя правительства РФ Ивана Рыбкина. Велись переговоры о делах в СНГ, об отношениях России и Азербайджана. Президент, в частности, сказал, что 12 марта направил Борису Николаевичу Ельцину обстоятельное письмо по поводу поставок оружия из России в Армению.

— Но сегодня уже 10 апреля, а ответа нет. И вообще, между прочим, это не первый случай, когда мы посылаем письмо руководству Российской Федерации и не получаем ответа. Мы же ведь независимые, равноправные государства. Это же не то, что, допустим, в свое время республика могла написать письмо в Москву, в ЦК КПСС, в Совет Министров, но не получить ответа. Сейчас совершенно другое положение.

— Тогда ответы получали вовремя, — заметил Рыбкин.

— Иногда не получали. Но если уж и тогда получали, то сейчас тем более должны получать. Это вопрос для нас принципиальный.

Одно из первых распоряжений Президента, датированное еще 1993 годом, — восстановить приемную граждан. До конца 80–х годов она была в 4–м подъезде ЦК Компартии республики, потом двери в подъезде заколотили.

С октября 1993 года здесь начали принимать посетителей сотрудники приемной, а также государственные советники, заведующие отделами исполнительного аппарата Президента, его помощники. График приемов заблаговременно публиковался в прессе. Этот порядок сохранился и сейчас.

На имя Президента поступало много писем. В отделы, службы, исполнителям они возвращались с поручениями Алиева. Иногда развернутыми, иногда совсем короткими, в одно слово: «Бахын» («Рассмотрите»).

Так, рассмотрев жалобы бакинцев на запущенный Приморский бульвар, Гейдар Алиевич дал указание городским властям обустроить бульвар. Но он не ограничился этим — по распоряжению Президента знаменитый бульвар, дорогой многим поколениям бакинцев, получил статус Национального парка. По письмам, адресованным Президенту, была проведена проверка деятельности концерна «Азрыба». Как говорится в таких случаях, факты подтвердились. Руководителей концерна привлекли к ответственности.

В музыкальном мире уже известно имя Сурхая Аскерова, тонкого исполнителя азербайджанского мугама. В самом начале творческой карьеры девятиклассника Бакинской гимназии

искусств поддержал Президент Азербайджана. Рассмотрев письмо отца юноши, он распорядился оказать Сурхаю солидную материальную помощь.

Известно много таких фактов. Но вот что особенно важно. В 1995 году страна обсуждала проект новой Конституции, которая была принята 12 декабря того же года. Одна из ее статей, а именно 57–я, утверждает право граждан лично, а также письменно в индивидуальном и коллективном порядке обращаться в государственные органы. Безусловно, право граждан — обращаться с предложениями, заявлениями и жалобами в государственные органы — одно из главных условий претворения в жизнь прав человека. Важно и то, что на каждое обращение граждан должен быть дан письменный ответ. Положения Конституции, в том числе 57–й статьи, нашли свое продолжение в других законодательных актах. Кстати, положение о праве людей обращаться в государственные органы предложил ввести в Конституцию Гейдар Алиев.

10 июня 1997 года был принят закон Азербайджанской Республики «О порядке рассмотрения обращений граждан».

Этот закон, а также принятые Президентом несколько указов и распоряжений создали необходимую нормативно-правовую базу: Президент определил конкретные сроки рассмотрения писем, ответственность должностных лиц за нарушения при рассмотрении писем, порядок индивидуального приема граждан. Оперативно, в сжатые сроки, до 15 дней, как определено в законодательстве, должны рассматриваться письма военнослужащих, участников карабахской войны и членов их семей.

21 сентября 1999 года, Баку

В столице Азербайджана отмечается пятая годовщина подписания «Контракта века». На торжественную церемонию съехалось много зарубежных гостей. Из России — небольшая делегация во главе с министром топлива и энергетики Виктором Калюжным. На встрече с Гейдаром Алиевичем Алиевым он с удовольствием вспомнил о своих бакинских корнях: «У меня здесь похоронены и дед, и бабушка, здесь жили мои родители, здесь в 1938 году родилась моя сестра… Мы жили в поселке Степана Разина в Нефтечале. Потом, когда уже началась война, осваивали «Второе Баку», отец как нефтяник уехал туда, я родился на Урале. Но исторические корни всегда тянут. Приятно быть здесь».

Понятно, это было, как говорят, лирическое отступление. А дальше пошел серьезный разговор о маршрутах перекачки нефти, о проблемах Каспия, Северного Кавказа…

«Для нас спокойная обстановка на Северном Кавказе — надежная связь с Россией, — говорил Алиев. — А что такое надежная связь с Россией сейчас? Я имею в виду транспортные, другие коммуникации — это торговля, это товарообмен, это возможность людей передвигаться.

…Дагестан — наш ближайший сосед. Мы всегда были заинтересованы в том, чтобы в Дагестане была спокойная обстановка… Еще в 1997 году, — я вынужден сегодня изложить эти факты в присутствии прессы, чтобы нашу позицию не извращали, — когда я был с официальным визитом в Москве и встречался с Президентом Борисом Николаевичем Ельциным, я сказал ему, и это было в присутствии нашей делегации, что обстановка в Дагестане тяжелая, осложняется, вы обратите на это внимание».

Что же ответил на это Ельцин? Мол, знаем, занимаемся.

Чем? Чем мог заниматься человек, которому мировая печать уже давала заслуженно резкие оценки: «При всем уважении к Ельцину сравнение с живым трупом напрашивается само собой, — писала в августе 1999 года немецкая газета «Рейнишер меркурс». — И его время от времени подновляют, чтобы обеспечить выживание системы Ельцина. Но как Ленина не удастся навечно сохранить в качестве наглядной агитации, так и Ельцин не сможет перехитрить время, даже если остановить все часы в России».

«…должен сегодня сказать, как бы там кому ни было неприятно, российское руководство не приняло необходимых мер для того, чтобы обезопасить Дагестан. Не приняло. Я имею

основание сказать это, так как знаю обстановку там…

Я постоянно встречаюсь с представителями Дагестана. Они говорят мне — приезжает один, встречается с тем, с другим, но говорит, что все нормально и так далее. Один из самых высокопоставленных людей в России приехал в Дагестан еще задолго до того, как эти события стали развиваться, заявил о том, что, знаете, ваххабиты — это очень прогрессивные люди и надо с ними сотрудничать. Эти заявления известны в Дагестане, они до нас тоже дошли. Понимаете, такая непоследовательная позиция различных служб Российской Федерации в Дагестане является главной причиной того положения, в котором Дагестан оказался сейчас… Все это прекрасно было известно российскому руководству. Почему они не приняли мер, почему допустили такое положение? Мы страдаем от этого. Как соседи, как партнеры мы имеем основание открыто сказать обо всем этом».

Имя одного из «самых высокопоставленных» Г. Алиев деликатно не назвал. Это был Сергей Степашин, председатель ФСБ, премьер-министр с мая по август 1999 года (82 дня, самый короткий срок в истории российских правительств). Восьмого августа 1999–го по команде Ельцина он вылетел в Дагестан, куда вторглись из Чечни боевики Шамиля Басаева. Начиналась вторая чеченская война.

Девятого августа Ельцин отправил Степашина в отставку, назначил вместо него Путина, третьего премьера за один год.

«Россия переживает один из самых трудных периодов своей многовековой истории. Пожалуй, впервые за последние 200–300 лет она стоит перед лицом реальной опасности оказаться во втором, а то и в третьем эшелоне государств мира. Чтобы этого не произошло, необходимо огромное напряжение всех интеллектуальных, физических и нравственных сил нации».

Этими словами заканчивалась программная статья Владимира Путина «Россия на рубеже столетий». Она была опубликована за несколько дней до отставки Ельцина на сайте Кабинета министров в Интернете, а затем перепечатана в газетах. Тридцать первого декабря Борис Ельцин в присутствии Патриарха Алексия II (Святейший, говорят, не знал, зачем его срочно пригласили в Кремль) передал Владимиру Путину символы президентской власти и ручку «Паркер». Именно этой ручкой он подписывал указы, в том числе и самый последний — о своей отставке.

Навсегда в сыновья тебе дан

Политические хроники хранят и такие жесткие заявления Гейдара Алиева, как те, что были сделаны в беседе с Виктором Калюжным. И многие другие — выразительные примеры готовности найти совместные решения, пойти даже на определенные уступки, учесть иные мнения.

Примечательный эпизод запомнился Евгению Максимовичу Примакову.

— Когда я был министром иностранных дел России, — рассказывал он нам, — Международный Красный Крест попросил меня устроить обмен военнопленных Азербайджана и Армении. Обмен полный — всех на всех. По спискам Красного Креста в Азербайджане было более ста пленных.

Прилетели сначала в Баку. «Гейдар Алиевич, — говорю, — я хотел бы забрать военнопленных по этому списку». Он внимательно посмотрел список. — «Хорошо, я отпущу всех, кроме трех. Эти сидят в камере смертников. Их обвинили в убийствах». — «Но если вы их не отпустите, я не смогу сделать обмен. Другая сторона может придраться к этому». Помолчали. Через некоторое время он сказал: «Хорошо, забирайте всех».

Примаков и Пастухов, первый заместитель министра иностранных дел, приезжают в аэропорт, им докладывают: одного не привезли. Гейдар Алиевич приехал проводить москвичей. Всех пленных погрузили в примаковский Ил-62, а одного не отдают, несмотря на распоряжение Президента. Самолет министра не улетает. Алиев подтверждает свое решение. Вышколенные официанты в VIP-зале аэропорта предлагают гостям уже по третьему или четвертому стаканчику чая. Наконец в самолет заводят последнего из списка.

Сопровождать пленных до Еревана, чтобы там их сдать по списку, Алиев поручил заместителю министра юстиции Чингизу Амирову. Возвращения Примакова из Степанакерта ему предстояло ждать в Ереване. Евгений Максимович заметил, что спутник волнуется, и попросил российских дипломатов взять Амирова в посольство — «чтобы ни один волос с его головы не упал». Армянские представители даже обиделись, сказали, что сами примут коллегу как положено.

— Чувствовалось, что это делается от всего сердца, — подчеркивает Евгений Максимович. — На обратном пути в Баку заместитель министра был в приподнятом настроении. Мы с ним в самолете даже выпили по рюмочке, хотя, как он уверял, раньше не пил водки. Я был искренне огорчен, узнав, что через несколько

месяцев этот симпатичный, судя по всему, добрый человек умер.

Свидетельства Примакова дополняет еще один участник этой акции милосердия, Борис Николаевич Пастухов:

— В Степанакерте тоже не отдавали троих человек, включенных в списки Красного Креста. Повод — «они осведомлены о расположении средств ПВО». Мы убеждали собеседников, что если эти зенитки хоть один раз ударили, то их уже засекли. В общем, повторилось то же самое, что и в Баку. Мы не улетим, говорим, пока не получим всех. В конце концов получили. Двести с лишним человек вернулись после этого полета к своим семьям.

— Страшно было смотреть на многих из этих людей, — и тех, и других — оборванных, голодных, избитых, — вспоминал Евгений Максимович Примаков. — Слезы были на глазах, не смог их удержать, когда, входя в общий отсек самолета, слышал крики: «Спасибо России!» Были среди военнопленных и несколько русских ребят, — добавляет Примаков. — Их сразу же передали нашим посольствам в Ереване и Баку с указанием купить им авиабилеты и немедленно отправить домой, в Россию.

…Примакову и Пастухову довелось быть на одном из последних дней рождения Алиева. Собралась вся большая семья.

— …И вот тогда я увидел, какой Алиев отец, дед, — припоминает тот день Пастухов. — Он вроде бы и тот же, и в то же время совсем другой человек. Он весь лучился теплом.

Эти несколько часов в семейном кругу Алиева остались в памяти как один из самых солнечных дней…

Пастухов с детства увлекся поэзией, охотно цитирует любимые стихи — эта черта роднит его с Алиевым. Однажды он пробежал взглядом по книжным полкам в приемной Президента Азербайджана.

— Смотрю: Самед Вургун, разные издания, в том числе на русском языке. Я взял один сборник и попросил Гейдара Алиевича подписать, а то, мол, не выпустят.

Он подписал и спросил:

— А почему вас заинтересовал Самед Вургун?

— Я знаю, как ценил его Константин Симонов. Замечательная лирика… «Бывает так, большевику вдруг нужно съездить в Лондон… — И дальше: — Скажи им пару слов, Самед, испорти им, чертям, обед!»

Алиев захохотал.

— Я думал, что Вургун такой металлический, что ли, партийный поэт, — признался Пастухов. — Революция, Октябрь, Первомай…

— Наверное, переводили в основном это, да и плоховато, —

отозвался Алиев. — Для Вургуна Пастернака не нашлось. У него прекрасная лирика — послушайте… — И прочитал одно за другим несколько стихотворений на азербайджанском языке. — Чувствуете, какая музыка? А строки об Азербайджане?

Можно ль душу из сердца украсть? — Никогда!
Ты — дыханье мое, ты — мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города.
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

(Перевод А. Адалис)

— А я помню, как здорово прозвучали эти строки 18 октября 1998 года, — тихо отозвался Пастухов.

Тогда совпали знаменательные события — День провозглашения государственной независимости и день инаугурации Президента страны. Гейдар Алиев принес присягу. А потом выступил, как всегда, без бумажек, с речью, которая потрясла всех, кто его слушал, — потрясла глубиной, железной логикой анализа внутриазербайджанских, общекавказских тем, российско-азербайджанских отношений. Почти полтора часа огромный зал вслушивался в слова человека, которому уже исполнилось 75 лет, но возраста его никто не замечал.

На торжественную церемонию прибыло много государственных деятелей из стран СНГ, Ближнего Востока, Европы.

«Это было признанием большого авторитета Гейдара Алиева в мире, — заметил Александр Сергеевич Дзасохов, Президент Северной Осетии. — Особенно выделю его популярность в исламском мире, в арабских странах, где он воспринимался как один из самых опытных политиков мирового масштаба».

После церемонии присяги был большой прием: речи зарубежных гостей, поздравления…

— Говорят, что в одну реку нельзя входить дважды, — с таких слов начал свое приветствие Александр Дзасохов. — Гейдар Алиевич вошел дважды. И мы счастливы тем, что у азербайджанского народа есть такой лидер… Отношения между политиками не свободны от отношений просто людей. Сильного, мужественного Гейдара Алиевича обидели на человеческом уровне, но он, подобно античному герою, пришел на родную землю, прикоснулся к ней. Набрался сил и возглавил свой народ.

На этом приеме Гейдар Алиев, которого переполняли чувства,

произнес слова великого Самеда:

Весь я твой, навсегда в сыновья тебе дан, Азербайджан, Азербайджан!

…«При случае рассказываю о каких-то эпизодах», — так ответил, напомним, Гейдар Алиев на вопрос, не пишет ли он мемуары. А в этих эпизодах — детали, без которых нет истории. И помнятся они многим.

…Большое совещание в Москве. Докладчик вещает о диссидентах. «А у нас диссидентов нет», — наклоняется Алиев к своему соседу, писателю Анару.

…Мало кто слышал, как Гейдар Алиевич рассказывал анекдоты и от души смеялся, слушая их. Этот ему рассказали в Армении.

«Однажды у одного армянина спрашивают:

— Кто такой Карл Маркс?

— Экономист.

— Как наша Айкануш?

— Да что ты?! Айкануш — главный экономист!»

…25 декабря 1999 года Гейдар Алиев принимал группу российских журналистов. Когда встреча заканчивалась, секретарь Союза журналистов России Геннадий Мальцев попросил Президента оставить автограф на книге его афоризмов.

«Где мне расписаться? — спросил Алиев. — Вот здесь распишусь… У нас сейчас все на азербайджанском, но роспись сохранилась старая, на русском языке».

Когда он впервые так расписался? В годы ли учебы в техникуме или в институте, может, уже работая в наркомате внутренних дел — во всяком случае эта роспись с длинной завитушкой в конце шла с ним через всю жизнь. Между тем Алиев говорил собеседникам, что лет до 15–16 не знал русского языка. Нам приходилось слышать и другие суждения на этот счет. Мы полагаем, что многие при этом исходят из того, насколько сами свободно объясняются на русском.

Алиев учил русский язык в школе, в техникуме, занимался самообразованием. И когда он припоминал, во сколько лет узнал русский, то говорил не о полузнании, не об умении объясниться на улице, а именно о том знании, когда чужой язык воспринимаешь как свой, как родной.

В конце 80–х — начале 90–х годов из Азербайджана бежали русские, русскоязычные. Прятали дипломы российских вузов азербайджанцы — их знания на родине больше не требовались. По Азербайджану с приходом к власти Народного (?!) фронта катилась «культурная революция» — воспользуемся термином, рожденным в Китае в половине прошлого века. Новые

хунвейбины изгоняли профессоров и академиков. По селам открывались свои «университеты». Всемирно известная Нефтяная академия в Баку смогла в 1992 году начать учебный год лишь в декабре.

Вспоминая те годы, Гейдар Алиев говорил: «…поймите меня правильно, чтобы не было саморекламы, — после того, как я вернулся к руководству Азербайджана, многие русские вернулись. — И продолжал: — Для нас, конечно, имеют большое значение взаимоотношения между Россией и Азербайджаном… Могу вам сказать, что Азербайджан занимает твердую позицию в развитии и укреплении дружеских отношений с Россией».

9 января 2001 года, Баку

В этот день в аэропорту Бина у трапа самолета «Россия» Гейдар Алиевич Алиев встречал Президента России Владимира Владимировича Путина… Официальный визит — флаги, транспаранты, гимны, дети в национальных костюмах, рапорт начальника почетного караула… Словом, все, как положено.

Это был первый официальный визит Президента России в Азербайджан за все постсоветские десять лет. И первый зарубежный визит Путина в 2001 году, в начале нового века и тысячелетия. Владимир Владимирович Путин, в отличие от своего предшественника, который за десять лет ни разу не удостоил Азербайджан своим вниманием, продемонстрировал свою искреннюю готовность к дальнейшему развитию добрососедских отношений с независимой Азербайджанской Республикой. Алиев не скрывал обиды на то, как эти отношения строились в еще совсем недавние времена. На переговорах российской и азербайджанской делегаций он прямо сказал об этом:

— Сегодня начался официальный визит Президента Российской Федерации в Азербайджан. И я сердечно приветствую вас, Владимир Владимирович, в связи с этим визитом.

Хочу выразить глубокую благодарность за то, что вы приняли мое приглашение и, естественно, пожелание многих людей в Азербайджане и прибыли в Азербайджан с официальным визитом.

Я не преувеличу, если скажу, что этот визит имеет историческое значение, потому что с того времени, как Азербайджан обрел государственную независимость… визита главы Российской Федерации в Азербайджан не было. Может быть, конечно, были какие-то причины для этого, тем не менее для нас это важный фактор, и поэтому мы очень хотели, чтобы такой визит состоялся. И этот визит осуществляет Владимир Владимирович Путин, с которым мы уже за период нашей совместной работы в составе СНГ, Совете глав государств СНГ и на двусторонних встречах довольно хорошо познакомились, сблизились и нашли очень большое взаимопонимание по всем вопросам.

Тематика переговоров широка: экономические связи, статус Каспийского моря, Карабах, борьба с терроризмом и организованной преступностью… Президент России считает своим долгом выразить Гейдару Алиевичу Алиеву и всему азербайджанскому руководству благодарность за выдачу России лиц, причастных ко взрыву жилых домов в Дагестане… «Мы

знаем, — замечает он, — что после выдачи преступников России в ваш личный адрес пошли угрозы совершения против вас террористических актов, против вас лично. Вы не побоялись, проявили мужество и характер».

Президент России особо поблагодарил Гейдара Алиевича за его внимание к русскому языку:

— Насколько мне известно, в Баку функционируют практически все школы, которые еще в советское время работали, и база развития русского языка сохраняется. Это лишний раз подчеркивает, что наше сотрудничество действительно — то, как к нему относится азербайджанское руководство — нацелено на будущее.

Гейдар Алиев: «Не только школы, но и факультеты вузов тоже».

Владимир Путин: «То есть область применения русского языка не сокращается. Это действительно говорит о том, что у нас есть хорошая база для развития отношений. Мы рассчитываем, что культура и искусство и дальше будут связующим звеном наших отношений».

Вместе с Президентом России в Азербайджан приехала группа руководителей регионов — Дагестана, Астраханской области, Северной Осетии.

Владимир Путин: «Важной областью взаимодействия является, на наш взгляд, сотрудничество регионов Российской Федерации и Азербайджана…»

Гейдар Алиев: «Высказанная вами мысль о сотрудничестве регионов тоже имеет исключительное значение. Хочу вспомнить историю: стремление регионов Российской Федерации и стремление Азербайджана к экономическому сотрудничеству возникло несколько лет назад. Однако я должен сказать, что когда некоторые субъекты Федерации, близкие к Азербайджану, проявили инициативу к такому сотрудничеству и мы это поддержали, со стороны центрального правительства России это было встречено болезненно и даже с возражением».

Владимир Путин: «Гейдар Алиевич, переболели уж этой болезнью…»

Гейдар Алиев: «Я это подчеркиваю потому, что теперь уже вы предлагаете это. Гужвин (в то время губернатор Астраханской области, скончался в 2004 году. — *Авт.*) здесь, наверное, он помнит, когда мы пригласили его, он прибыл сюда. Мы готовили соглашение, и вдруг поступила установка из Москвы, мол, почему это произошло, нет согласия того, нет согласия другого и так далее. Но, несмотря на это, мы согласие осуществляем. То же самое и с Дагестаном, и с другими субъектами Российской

Федерации. Ваше мнение по этому вопросу полностью совпадает с нашим, потому что Россия — огромная страна, субъекты Федерации, каждый субъект Федерации даже близлежащий, по экономическому потенциалу иногда равны Азербайджану».

После переговоров на совместной пресс-конференции двух президентов Владимир Путин заметил:

— Сам факт того, что на протяжении последних десяти лет глава Российского государства не был на азербайджанской земле, уже смотрится как огромный минус в развитии двусторонних отношений. А значит, и в развитии регионального сотрудничества на Кавказе…

Девять лет из десяти приходились на эпоху Ельцина.

Собираясь в Баку, Владимир Владимирович Путин приготовил для Президента Азербайджана необычный и очень дорогой подарок. И вручил его на встрече со студентами в Славянском университете.

— Гейдар Алиевич значительное время провел в моем родном городе — Петербурге, Ленинграде, — говорил Президент России, — закончил там специальное учебное заведение. Он этого пока не знает, для него это тоже неожиданность, но я попросил своих коллег, мы подняли некоторые архивные документы. Вот свидетельство об окончании специальной школы. Здесь написано: «Свидетельство старшего лейтенанта Алиева Гейдара. 16 мая 1949 года». И результаты его учебы. Я не буду все зачитывать, но отдельное зачитаю. Диалектический и исторический материализм — отлично, чекистская подготовка — отлично, экономическая и политическая география СССР и зарубежных стран — отлично, уголовное право — отлично, литература — зачет, военное дело — зачет, русский язык — отлично. Я думаю, что других оценок здесь нет. Все только отлично… Если студенты вашего университета будут учиться так же, как учился в свое время Президент Азербайджана, то дело процветания страны будет в надежных руках.

Кстати, через два года после окончания Ленинградской спецшколы Гейдар Алиев поступил на исторический факультет Азербайджанского университета. Высшее образование ему — по служебным обстоятельствам — пришлось получать заочно, но надо было догонять то, что отняла война. Диплом историка он защитил на «отлично».

Когда в Баку приехал президент Международного валютного фонда господин Камдессю с супругой, их принимал Президент Азербайджана Гейдар Алиев. Он подарил госпоже Камдессю небольшой азербайджанский ковер:

— Пусть он напоминает вам о нашей стране.

— Господин Алиев, — благодарит госпожа Камдессю, — вы будто прочитали мои мысли: именно такой рисунок, именно такую цветовую гамму я люблю.

А ее высокопоставленный супруг добавил:

— Мне страшновато находиться здесь. Президент читает мысли моей жены. — И улыбнулся: — Видно, надо поскорее уезжать.

Дружеская беседа перешла к годам работы Гейдара Алиевича в Совете Министров СССР, в Политбюро. Алиев припомнил, что в его кремлевском кабинете раньше работал Молотов, первый заместитель Сталина в Совнаркоме, нарком и министр иностранных дел, один из его ближайших соратников. А господина Камдессю, неравнодушного к истории, как раз интересовала личность Вячеслава Михайловича Молотова. Ему казалось, что этот политик, противник Хрущева, был несправедливо отвергнут. Алиев объяснял свою позицию, реконструировал какие-то картинки заседаний Политбюро, Камдессю внимательно слушал и удивлялся: «Как вы можете все это помнить?!» Поразительной памяти Алиева удивлялись и многие другие собеседники, о чем мы уже писали. Вот интересное наблюдение Фатимы Абдуллазаде.

— Мало ли что может помнить и знать человек? Но у Гейдара Алиевича информация извлекалась в самый нужный момент. Он мог, приехав в какое-то село, увидеть человека, с которым встречался пятнадцать-двадцать лет назад, и назвать его по имени: «А помнишь, Вагиф, председателем колхоза был такой-то, а урожай на том поле такой-то, и ты мне жаловался, что плохо организована уборка?»

— И это не было игрой на публику, — заключает Фатима-ханум. — Может быть, некая вполне понятная гордость. Такая же, скажем, как у богатыря, который рад показать силушку. Его мозг был сродни компьютеру, каких, правда, еще не выпускают.

Случайная встреча в дальнем селе или на промысле могла припомниться совсем в другой обстановке, например на встрече с писателями, на большом партийном совещании. Гейдар Алиевич расскажет о беседе с мастером-буровиком, чабаном, с людьми, которых привычно называют простыми и которые по своему политическому кругозору давно переросли тех, кто числит их в «простачках».

Интересно, как сам Гейдар Алиевич говорил о своей феноменальной памяти:

«Знаете, я никогда заранее никакое выступление, никакой доклад не пишу. То, что у меня в памяти — то в памяти. А для того, чтобы привести какие-то дополнительные материалы,

цифры, я просто требую и мне дают справки… Слава Богу, память у меня хорошая, поэтому я много помню.

И потом. Даже в советское время я тоже в основном выступал без текста — у себя в республике. В Москве же я один раз сделал так, но потом мне сказали, что не надо. Все выступают с текстами, а вы что, хотите отличиться? Это не потому, что я хочу отличиться. У каждого человека есть своя привычка, и она у меня сложилась давно… Если ты знаешь дело, если ты занимаешься им ежедневно, то все это откладывается в памяти, это формирует мысли. Они формируются не один день и не тогда, когда, допустим, тебе надо где-то выступать.

Они постепенно формируются, откладываются и тогда, когда надо, при необходимости выходят наружу. Я так себе представляю» (*из беседы с российскими журналистами 25 декабря 1999 года).*

«Все бакинские улицы я хорошо знаю»

…В разгар бакинского лета, в июне 2000 года, в Азербайджане проходили Дни культуры России. Приехали всемирно известные коллективы, исполнители. И все были потрясены необыкновенно горячим, искренним приемом, переменами в Баку, Сумгаите, Гяндже, Нахичевани…

— Я сам удивляюсь, как за последнее время все изменилось, — сказал на одной из встреч в те дни Гейдар Алиев. — Баку для меня не новый город. Я с молодых лет здесь — учился здесь с 16–летнего возраста. А что делает студент? Учится и ходит по улицам, все осматривает. Тем более я был человеком, прибывшим сюда с периферии Азербайджана. Поэтому мне все было интересно. Ну а потом, уже позже, в молодые годы, когда я был еще холостым, тоже в воскресные дни ходил, смотрел, иногда на девушек поглядывал. Поэтому все эти улицы я хорошо знаю…

В общем, Гейдар Алиевич «провел» своих собеседников по всему Баку — по нагорной части, самой старой, по средневековой крепости Ичери-шехар, по Приморскому бульвару, у которого еще в 40–е годы «был причал и купальни были, и все жители города там купались…».

Гейдар Алиев смотрел на Баку глазами художника, архитектора, строителя.

Он не раз говорил, что Апшеронский полуостров на карте напоминает орлиный клюв, врезавшийся в море. Апшерон — голова орла; продолжая сравнение, можно сказать, что око орла — это Баку.

Между возвышенностями на северо-западе Баку пролегает горловина — единственный проход, ведущий на юг, к морю, и на север, в глубь полуострова. Эти нагорья — собственная «крепостная» ограда Баку, дар Аллаха. Горловину издавна называли «Волчьим лазом», сейчас называют «Волчьими воротами».

Было у прохода и еще одно название — по имени человека, который и пробил скалистые кручи, — «Гасым чапдыран» («Пробитый Касумом»). Жаль, что оно забылось…

Тропа, ведущая вверх, в город, превратилась в фаэтонную дорогу, а потом и в шоссе. По нему не раз возвращался из командировок по республике Гейдар Алиев. Если был с гостями, рассказывал, что Патамдарская гряда тянется до самого взморья. А там, где гряда сходит на нет, расположилось село Шихово, теперь уже пригород Баку с его изумительной мечетью Биби-Эйбат. Шихово — производное от искаженного слова «шейх».

Шейхами в старину называли мудрецов, ученых, просвещенных и родовитых людей, которых особо почитали — как святых духовных пастырей и наставников.

От «Волчьих ворот» весь Баку и его окрестности — как на ладони. Ниже, с нагорья, город амфитеатром сбегает к морю. В центре — древняя цитадель Ичери-шехар («Внутренний город»), подступающая к морю.

В Баку был еще один бастион — Себаильский замок. Этот район ныне называют Баил (Баилово — по-русски). Себаильскую цитадель поглотил Каспий. Каменные письмена, фрагменты, излеченные из-под воды, ныне демонстрируют во дворе возрожденного мемориального комплекса Ширваншахов в Ичери-шехар.

Как в азербайджанском мугаме народ выражает свои думы и чаянья языком музыки, так и седые камни бакинской крепости возвещают о душе и судьбах народа на своем языке. Безмолвие Ичери-шехар — красноречиво. Безмолвие само по себе — язык.

Поэты часто обращаются к историческим памятникам Ичери-шехар. Вот несколько строк из поэмы А. Халафли «Ичери-шехар: камни, люди» в переводе Сиявуша Мамедзаде:

Красавица с дворца глядит на нас,
Как зодчего влюбленного творенье.
«Уззал», бушующий в мугаме «Раст» —
Истории ожившее мгновенье.
Родник струится с лона Карадага, —
Поет печальный сказ Шах-кягризи.
Стрелой любви пронзен игит, и влага —
Напоминанье горестной слезы…
Вот Башня Девичья, что вознеслась
Как воплощенье памяти — святыни,
И Каспия бушующего власть
Не заглушит безмолвия твердыни…

В мугаме «Раст» будто отозвалась трагическая история народа. «Раст» — целостная музыкальная эпопея. «Уззал» — раздел, глава этой эпопеи. И Ичери-шехар можно уподобить эпопее. Эпопее, воплощенной в камне…

Гейдар Алиев — хранитель этой исторической и духовной памяти нации, радетель и ревнитель ее; он на протяжении всей своей жизни делал все, чтобы сохранить эту память.

Еще о двух строках. «Карадаг» здесь употребляется в

значении не «черная гора», а «большая гора». Подразумевается нагорная часть города. «Шах-кягризи» («родник шахский») — источник, вода которого некогда стекала по черепичным трубам во Дворец ширваншахов. Этот родник, как утверждают краеведы, бил возле памятника поэта Алиаги Вахида (в парке у филармонии).

На Карадаге — Большой горе — по инициативе Гейдара Алиева возведены обелиск турецкому воину-аскеру и памятник защитникам Родины.

В поэме, отрывок из которой мы привели, упоминаются имена Масуда Давуд оглу — зодчего XII века, предполагаемого творца Девичьей башни; Мохаммеда Абу-Бекр оглу (XI век) — строителя минарета Сыныг-гала в Ичери-шехар. Оттуда, из седой старины, тянется духовная нить в наши дни, в XXI век.

Гейдар Алиев делал все, что было в его силах, и даже сверх сил, чтобы не прерывалась живая связь времен. Он вернул своему народу Гусейна Джавида. Александру Дзасохову хорошо помнятся «усилия, которые предпринимал Гейдар Алиев для того, чтобы перевезти в Баку останки Насими, выдающегося азербайджанского поэта и мыслителя, похороненного много веков назад на земле современной Сирии, в провинции Алеппо». Мы уже писали о том, как торжественно отметил Азербайджан 600–летие великого поэта. Напомним: имя Насими известно во всем арабском мире. Он переведен на десятки языков, его поэтические произведения и философские идеи актуальны и в современной духовной жизни. По рекомендации Алиева в Дамаск отправилась делегация во главе с секретарем Союза писателей СССР Алимом Кешоковым. Власти Сирии не дали согласия на перезахоронение Насими. Позже, работая послом Советского Союза в этой стране, Дзасохов по просьбе Гейдара Алиева возобновил обращения о возвращении останков Насими в Азербайджан, но и ему руководство Сирии изложило свою позицию, согласно которой сделать это невозможно.

— Мы два или три раза говорили об этом с Гейдаром Алиевичем, когда он работал в Москве, в Совете Министров СССР. Насими был жестоко казнен, подвергался пыткам. С него живого сняли кожу. С ним расправлялись за его мысли, расходившиеся с канонами ислама. Являясь носителем исламских ценностей, он в то же время справедливо утверждал, что в мире, сотворенном Создателем, главным является сам Человек.

…Выходишь на обновленную набережную, проходишь по Приморскому бульвару и ощущаешь прилив сил и бодрости. Связано ли это с могучим спокойствием кряжа, на который опирается Баку, или с дыханием моря, пропахшим озоном,

мерным ритмом волны? Трудно провести грань. Ибо твердь и стихия, гора и море в Баку сопрягаются друг с другом. И Баку — детище двух стихий, моря и земли, Каспия и гор…

И все здесь напоминает о Гейдаре Алиеве, человеке, наделенном даром зодчего.

…На обочине дорог случается видеть аистов, свивших гнезда на высоких столбах линии электропередач. Когда загрязняются воды, земли, отравляется воздух, аисты предпочитают искать пристанища в дальних краях. Когда аисты возвращаются, это добрый знак.

Сейчас на Приморском бульваре, излюбленном месте отдыха горожан, снова многолюдно. Мамы и папы ведут за ручки малышей к аттракционам, качелям, каруселям… Слышатся разные имена. Но чаще других — «Гейдар!».

О столице, которая оделась в зелень, украсилась прекрасными зданиями, Гейдар Алиев всегда говорил с любовью:

«Баку — один из красивейших городов мира. Люди, на протяжении веков строившие, творившие Баку, заложили прекрасный город для сегодняшних и будущих поколений! Мы по праву гордимся Баку — столицей нашей страны. Мы гордимся его природной красотой, его архитектурой».

Баку — город ветров. Порой налетает такой оголтелый норд-ост, что от воя хоть уши затыкай. Но проходит стихия… И путник, проезжая поутру через Волчьи ворота, видит, как со стороны моря навстречу ему восходит солнце. Оно словно выкатывается из глубин моря. Может, потому древние люди, запечатлевшие рисунки на скалах Гобустана, считали солнце детищем моря?

Глава XII. ГОД ПРЕЗИДЕНТА

Перелистаем календарь

Люди во все времена карабкаются на олимп власти. Иным даже удается доползти до вершины. Чтобы тут же исчезнуть, не оставив и следа в памяти народной. Кого разглядишь через десятилетия на политической сцене Азербайджана 90–х годов XX века? Почему они, политические оппоненты Гейдара Алиева, проиграли? Потому что именно за ним пошел народ, отвергнув демагогов, пустозвонов, казнокрадов. Его сила, как у мифического Антея, — родная земля, любовь к ней и ее чадам. И сограждане, соотечественники это оценили.

Гейдар Алиев стал общенациональным лидером и потому, что его нравственные качества слились с даром политика и мыслителя. «Можно находиться в оппозиции к власти, но нельзя быть в оппозиции к Родине, народу, нравственности и высоким идеалам», — утверждал он и словом, и делом. Немецкий философ Артур Шопенгауэр утверждал, что гениальность человека заключается в том, что его способности к познанию… оказываются развитыми многажды более необходимого. Таким образом, гениальность — это чрезвычайное обилие интеллекта, и это обилие находит себе поле приложения только в служении познанию общих законов действительности; тем самым он посвящает себя служению всему роду человеческому, тогда как нормальный интеллект служит отдельным индивидуумам…

Да, незаурядный интеллект Гейдара Алиева служил всему народу. Президент разделял убеждение большого мыслителя Востока Джемаль-ад-дина аль-Афгани и так же, как он, считал, что нет счастья вне народа.

Кто-то примет это положение как должное, как неотъемлемую черту характера большого политика, кто-то усомнится: легко, мол, бросаться красивыми фразами… Что ж, давайте перелистаем день за днем календарь Президента за один год. Но какой выбрать?

Одиннадцать президентских лет… Каждый год из них был в чем-то похож на другие и каждый отличался своими особенностями. Общие черты на виду: есть календарь, есть рабочий график: визиты, приемы, пресс-конференции, выступления… Но за этой внешне одинаковой формой каждый паз открывалось иное содержание, которое определялось личностью главы государства, личностью Гейдара Алиевича Алиева. Можно было бы выбрать любой год — девяносто пятый или, скажем, девяносто девятый… Мы предлагаем последовательно перелистать календарь 2002–го — это был его

последний полный рабочий год.

Один из первых документов, которые подписал Гейдар Алиев в 2002–м, — распоряжение «О проведении 12–й годовщины трагедии 20 января». Есть в жизни народов такие даты, когда не требуется добавлять год. Двадцатое января… Для бакинцев, для всех азербайджанцев все сказано этими двумя словами. Как для русских, россиян, например, Девятое января, «Кровавое воскресенье» — тогда, в 1905–м в Петербурге была расстреляна мирная демонстрация рабочих, шедших с петицией к царю.

По инициативе Президента событиям 20 января была дана исчерпывающая правовая и политическая оценка еще в марте 1994 года в постановлении «О трагических событиях, инспирированных в Баку 20 января 1990 года». Тогда, напомним, в Баку в некоторые районы Азербайджана, по распоряжению Горбачева, без объявления чрезвычайного положения, были введены войска.

24 января 2002 года, Москва

24 января начался государственный визит Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева в Российскую Федерацию. «Когда российскую столицу посещают политики такого масштаба, это само по себе становится большим событием, — писала в те дни газета «Известия». — Этот деятель, отставленный в свое время Михаилом Горбачевым, был затем востребован большой политикой и своей страной. Сегодня он сумел преодолеть обиды, нанесенные ельцинской Москвой».

По оценке «Известий», мало кто ожидал, что «первое знакомство хитрого и мудрого политика Алиева с молодым Президентом России будет иметь такие положительные результаты». Вспоминая их первое знакомство, Алиев признался, что «рассчитывал всего лишь на 30–минутную встречу с Путиным.

Но мы проговорили почти четыре часа». «Судя по всему, они произвели друг на друга весьма благоприятное впечатление, — комментировали «Известия». — Алиев, как утверждают очевидцы, расстался с Путиным с явным желанием вновь встретиться. В итоге высокий гость вчера вечером (24 января 2002 года. — *Авт.*) был удостоен особого внимания. Владимир Путин принимал его у себя на даче в Завидове. Это был ужин в семейном кругу. Информированные источники говорят, что нынешний лидер России не считает излишним и унизительным посоветоваться с Гейдаром Алиевым по разным международным вопросам».

Государственный визит — это множество церемониальных, протокольных актов, встречи и беседы, переговоры глав государств один на один и вместе с делегациями, приемы, пресс-конференции… Одному из нас, в то время главному редактору газеты «Трибуна», посчастливилось быть на встрече с Гейдаром Алиевичем, которую проводил для руководителей СМИ генеральный директор ИТАР-ТАСС Виталий Игнатенко. Визит уже подходил к концу, это было последнее мероприятие трех напряженнейших дней, которое проводилось сразу после большой пресс-конференции. На чуть суховатом лице Президента — ни следа усталости. Поражаешься, как человек в свои без малого 80 лет выдерживал такие нагрузки.

У этих посиделок в ТАССе был свой, годами сложившийся ритуал. Виталий Никитич приветствовал и угощал гостя. Предложил тост за Гейдара Алиевича Алиева. У Президента в бокале было красное вино. Пригубив, он вспоминал встречи с журналистами после своей отставки, рассказывал о нефтяной стратегии Азербайджана, об отношениях с прессой… Когда мы

прощались, я сообщил ему, что на днях встречался с его бывшим помощником Александром Тимофеевичем Гавриловым. «Передайте ему большой привет от меня, — тут же ответствовал Президент, — я его хорошо помню».

В тот же день, уже в Баку, в третий раз за долгий день Гейдар Алиев встретился с журналистами.

— Московское телевидение достаточно широко освещало мой нынешний визит, наши встречи, переговоры, проведенные беседы. Я просто могу сказать, что этот визит был чрезвычайно важным для Азербайджана. Во-первых, Российское государство, Президент России на уровне государственного визита пригласили Президента Азербайджана в Россию, в Москву. Этот статус и приглашение были осуществлены в соответствии со всеми требованиями, касающимися государственного визита. Вы, наверное, видели все это по телевидению.

Естественно, вы не могли увидеть все, но то, что увидели, создает у вас определенное представление…

Я очень доволен итогами визита… Мы подписали чрезвычайно важные документы.

Президент Путин и я подписали совместное заявление о наших связях, о содержании и принципах наших связей. Затем мы подписали договор о российско-азербайджанском экономическом сотрудничестве до 2010 года, предусматривающий долгосрочное сотрудничество, и в дополнение к нему — еще два документа. Наконец, мы подписали соглашение о Габалинской радиолокационной станции, а также соглашения по другим вопросам. Все это очень важные для Азербайджана документы, которые, я считаю, в то же время дают мощный импульс развитию российско-азербайджанского сотрудничества.

Напомним, это было в субботу, 26 января. А уже в среду, 30–го, Президент Азербайджана собирался в США, где, как сообщила его пресс-служба, должен был принять участие в заседании Всемирного экономического давосского форума, который проводился в Нью-Йорке. Перед отлетом, 29 января Гейдар Алиев принял заместителя государственного секретаря США Элизабет Джонс.

Беседуя с госпожой Джонс, Президент Азербайджана сослался на свои московские переговоры о борьбе с международным терроризмом.

— Президент Путин сказал мне, что Соединенные Штаты Америки и Россия достаточно тесно сотрудничают в этой области… Я почувствовал, что Россия и впредь будет продолжать это сотрудничество. Господину Путину также известно, что мы принимаем участие в этом альянсе, что самолеты вашей страны

пролетают через нашу территорию. Все это известно. Таким образом, я считаю, что ваше сотрудничество с Россией создает широкие возможности для работы, которую вы будете проводить в Афганистане и во всем регионе в целом.

Прощаясь с гостьей, Президент попросил передать приветствия своему другу господину Армитеджу: «Скажите, что я желаю ему успехов в работе российско-американской совместной комиссии. Думаю, что успехи будут».

Ричард Армитедж — первый заместитель госсекретаря США. Их встреча в начале 90–х годов запомнилась обоим необычной ситуацией. Ричард, забыв протокольные нормы, вдруг очень искренне сказал: «Мой отец был очень похож на вас, господин Президент!» Так зародились добрые отношения. Армитедж возглавлял Торговую палату США — Азербайджан, во время визита Алиева в Штаты представлял ему бывшего министра обороны Уайнбергера.

— Раньше, когда я видел вас по телевизору, вы считались врагом, — улыбнулся Гейдар Алиев, — но как прекрасно познакомиться сейчас с вами!

Ричард при этих словах расцвел, потому что Уайнбергер был его учителем и другом.

1 февраля 2002 года, Нью-Йорк

Прилетев в Нью-Йорк, Президент Азербайджана возложил венок у обелиска перед развалинами Всемирного торгового центра. Этот венок, казалось, ложится и на пепелища Ходжалы, к подножию расстрелянных памятников в Шуше, на истерзанную землю Карабаха. Горе и память о безвинных жертвах едины, где бы они ни пали.

Очередной Всемирный экономический форум проходил под девизом «Лидерство в тревожную пору: общий взгляд в будущее». Основатель и президент форума Клаус Шваб сказал на церемонии открытия, что выбор Нью-Йорка «прежде всего преследует цель оказать поддержку городу, понесшему наибольший урон в результате событий 11 сентября 2001 года».

1 февраля Гейдар Алиев выступил в отеле «Уолдорф-Астория» на заседании, посвященном теме «Стабильность в Центральной Азии». Ему предоставили слово первым. Президент, затронув проблемы, с которыми сталкивается мир в период глобализации, говорил о сепаратизме и военных конфликтах, которые охватили Кавказ.

«Сепаратизм принимает форму терроризма и к тому же порождает такую опасность, что захваченные сепаратистами территории вообще превращаются в бесконтрольные зоны. Возьмем, например, Нагорно-Карабахский регион Азербайджана. Конфликт на этой территории начался именно из-за сепаратистских намерений, затем перерос в войну между Арменией и Азербайджаном, и в результате часть азербайджанской земли, площадью приблизительно 16 тысяч квадратных километров, превратилась в неконтролируемую зону, точнее говоря, осталась под контролем незаконных вооруженных формирований. Эту территорию не контролирует мировое сообщество, ни одна международная организация. Естественно, что там сосредоточено много оружия, там может быть и незаконный оборот наркотических веществ. Значит, это источник порождения конфликтов. Источник терроризма.

Поэтому, ведя борьбу с международным терроризмом, надо учитывать источники, различные формы и виды терроризма. Устранение военных конфликтов — очень серьезная и важная мера для ограничения возможности появления на арене международного терроризма».

Далеко от Нью-Йорка до Карабаха. Но казалось, что в эти минуты его горы стали ближе. И три тысячи участников форума, представлявшие сто шесть стран, возможно, чуть больше поняли,

что это такое — отнятая Родина.

27 февраля 2002 года швейцарская газета «Матэн» опубликовала статью «История не забудет: азербайджанский народ отмечает 10–ю годовщину Ходжалинского геноцида». В связи с десятой годовщиной побоища в Ходжалы Милли меджлис Азербайджанской Республики по инициативе Президента страны сделал заявление. В нем говорится: «Армянская Республика, игнорирующая четыре резолюции (№ 822, 853, 874 и 884) Совета Безопасности ООН об освобождении оккупированных земель, документы Парламентской Ассамблеи Европейского союза, Будапештского, Лиссабонского и Стамбульского саммитов ОБСЕ, отказывается от признания территориальной целостности Азербайджана. На территории Нагорного Карабаха созданы лагеря для подготовки террористов, прибывающих не только из Армении, но и из других стран, для организации новых преступлений против азербайджанского народа. Доходы, получаемые здесь от оборота и транспортирования наркотических средств, от торговли оружием, используются в террористических целях».

Фатиме Абдуллазаде запомнился ночной звонок Президента.

— Было два часа ночи. Мы еще не спали, что-то смотрели по видео. Гейдар Алиевич задал совершенно конкретный вопрос. Когда я ответила, он спохватился: «Что я наделал, уже два часа ночи!» Я ответила, что мы еще не спим, смотрим фильм. «А я заработался над документом…»

В ту же ночь, но раньше, часов в двенадцать, Алиев звонил одному из министров, задавал тот же вопрос. Утром выяснилось, что достоверную информацию дала Фатима-ханум. Президент не забыл поблагодарить ее.

И еще в памяти Фатимы Гусейновны — удивительный букет от Президента в день ее юбилея.

— Гейдар Алиевич позвонил. И замечательный был разговор…

Он по тону мог понять, как дела у человека. Тут же переспрашивал: «Какие проблемы?» Были прозрения, которые даже мне, доктору физико-математических наук, трудно объяснить с позиций разума…

Десять лет работы с Алиевым Фатима Абдуллазаде считает подарком судьбы.

Фатима-ханум рассказала, как однажды в 12 часов ночи ее по заданию Алиева пригласили на беседу с госсекретарем. Тогда, в 93–м, работали до утра.

— Я побеседовала и ушла домой, возвращаться в это здание, где я работала в ЦК партии, мне не хотелось. А потом начались

новые события. И стало понятно, что лодку очень сильно раскачивают.

Я жила тогда на набережной, мы слышали пушки Сурета Гусейнова. У нас подъезд был русскоязычный. Гейдар Алиевич выступал в прямом эфире, а я переводила на русский. Никогда не забуду одну его фразу: «Военных у меня нет, у меня есть только моя политическая воля, есть мой опыт». И народ поддержал его.

Новруз, праздник весны

13 марта Президент подписал указ об амнистии. Знаменательный жест лидера государства, который все делал для упрочения согласия в обществе, гражданского мира. Пусть вышедшие на свободу люди оценят это. Президент помиловал их. А простит ли Аллах — это зависит от их дальнейшей жизни.

81 человек был освобожден, восьмерым оставшийся срок заключения уменьшен наполовину. Почти все помилованные были причастны к преступлениям, совершенным против независимости, государственности и территориальной целостности Азербайджанской Республики. Одни в октябре 1994 года участвовали в попытке государственного переворота в Гяндже, другие в марте 1995 года пытались захватить власть в городах Баку, Казах и Акстафа. Трое 30 сентября 1993 года совершили попытку покушения на Гейдара Алиева.

Акт доброй воли Президент приурочил к празднику Новруз — дню весеннего равноденствия. На протяжении долгих лет этот праздник, дорогой для азербайджанцев, власти стремились вычеркнуть из национального календаря, объявляя его пережитком прошлого.

Но действие рождает противодействие. Народ бережно хранил свои обычаи и традиции. В связи с Новрузом Президент обратился ко всем азербайджанцам мира: «Азербайджанский народ с нетерпением ждал наступления праздника, которым дорожил на протяжении истории, лелея его в своем сердце и в тяжелые, полные испытаний времена. Наши люди и сегодня с большой радостью отмечают праздник весны… превратившийся в символ национального бытия. Праздник Новруз, являющийся богатой сокровищницей нашей культуры, после восстановления традиций нашей национальной государственности и обретения вновь нашей независимости навсегда вошел в календарь как один из официальных праздников Азербайджанской Республики».

В праздничный вечер Гейдара Алиевича пришла поздравить большая родня — братья и сестры, их мужья и жены, племянники и племянницы. Вспоминали Новруз в их родном, гостеприимном нахичеванском доме, когда еще были живы ана (мама) и ата (папа).

Первую весточку о празднике подавала верба, росшая за домом. Ее ветки вдруг покрывались белым пухом, хотя у ствола еще, случалось, лежал снег. Иззет-ханум очень любила вербу, бедмшюк. Когда дерево зацветало, она радовалась, словно ребенок. Однажды Шафига спросила маму, почему она так любит

вербу. Иззет-ханум вздохнула:

— Эх, доченька, кто же не любит вербу! Каждый раз, как она зацветет, вспоминается мне зангезурская весна… Мы собирали цветочки вербы в лощинах, отваривали из них гюлаб — сладкую воду.

То детское воспоминание всегда оставалось с Шафигой. В районах, где она после работала, всегда выглядывала вербочку. И всегда, когда замечала ее склоненные ветви, вспоминала глаза мамы, светившиеся радостной улыбкой.

За неделю до последней среды перед Новрузом начиналась генеральная уборка. Белили стены, мыли окна, драили двери. Одеяла, подушки заново потрошили, взбивали пух, зашивали… Земляной пол накрывали циновкой, поверху укладывали ковры, на ковры — уютные подушечки — «мутакки», — набитые шерстью, они служили своеобразными подлокотниками.

Как всегда, в дружеском, семейном застолье вспоминались давние истории, милые подробности минувших дней.

— А помните, — воскликнула Шафига, самая младшая в доме, — как однажды в канун Новруза повалил снег!

— Для наших краев это обычное дело, — отозвался Джалал. Шафиге тот мартовский снег запомнился на всю жизнь.

Мама с отцом вынесли во двор самый большой ковер, расстелили на снегу, а ребятишки — без варежек — посыпали его снегом, горсть за горстью. Конечно, в этой веселой кутерьме кто-то ухитрялся бросить горсть снега за шиворот — и тот, кому она доставалась, отчаянно визжал, а Иззет-ханум притворно сердилась.

Потом вениками сметали снег, заносили ковер в дом, он приятно холодил ноги и дышал прохладой.

К праздничному дню в доме Алиевых все было отстирано, очищено; по народному поверью, хлам, грязь, пыль должны были остаться в прошлом. В праздничную среду все собирались дома за столом, украшенным зелеными всходми пшеницы и свечами. На праздничном столе появлялся «сабзали аш» (плов с приправой из зелени — тархуном и пореем) и плов-«учар», который венчала курица, заправленная кишмишем, сливой, абрикосом.

Стол украшала мама. Дочери расставляли сдобные фатиры-лепешки, кеча, любимое лакомство всей семьи. Мама пекла его из теста, замешанного с молоком, маслом, яйцами, начиняла толченым орехом, а на приправу добавляла желтый имбирь, корицу, кардамон и гвоздику. Кругляши теста с этой начинкой выпекались в тендире (земляной печи).

Подавая плов, Иззет-ханум ставила рядышком розовое варенье и сироп из розовых лепестков — гюль-генд.

А потом наступала трогательная минута вручения подарков. Родители приберегали их заранее — платьица дочерям, рубашки или ботинки мальчуганам. На игрушки денег не было, покупали только самое необходимое. С годами настало время, когда и Гейдар мог одарить маму — сестрам запомнилось, как он привез из Ленинграда отрез темно-синего маркизета в цветочек. Иззет-ханум сшила из него любимую чадру.

В обновках ребята высыпали во двор, разводили костер. От соседей к соседям переходили ряженые — в основном молодежь — Кеса и Кечал (Безбородый и Лысый), любимые герои азербайджанского фольклора.

В Обращении к азербайджанскому народу в связи с 31 марта — Днем геноцида азербайджанцев{5} Президент Гейдар Алиев подчеркнул:

> «Мы против перенесения в сегодняшний день событий, происшедших в истории, систематически в уродливой форме претворяемых в жизнь армянскими националистами, использования их для создания вражды в отношении между людьми и народами. Для нас в современном мире недопустимы пропаганда войны, идеология человеконенавистничества, территориальные претензии к другим государствам. Пользуясь возможностями, предоставленными нашей независимостью, мы хотим достичь постоянного прогресса нашей страны, построить благополучную жизнь для наших сограждан».

Бесспорная истина — соседей не выбирают. С ними надо жить в мире и согласии. В полной мере это относится и к народам. Судьба свела азербайджанский народ с разными соседями — по национальному характеру, менталитету, этническим корням. Над ними, над нами — одно небо. Вот только не всегда оно бывает чистым.

3 марта 2002 года, Баку

Журналисты, рассказывая о Гейдаре Алиеве, нередко прибегали к красивым сравнениям. В одном из них его сравнили с могучей вековой чинарой, вросшей корнями в родную землю и черпающей в ней свою силу и крепость.

Человек-чинара… Очень точная метафора.

Третьего марта Гейдар Алиев принял в Президентском дворце Мстислава Ростроповича и его супругу Галину Вишневскую, людей, чьи имена известны во всем мире.

— Дорогой Слава! — говорил Президент. — Я чрезвычайно рад, что торжества, посвященные вашему 75–летию, начинаются в Азербайджане, на вашей Родине. 2002 год является годом 75–летия Ростроповича, март является месяцем 75–летия Ростроповича. И здесь, на вашей родной земле, начинается это приятное событие, и я знаю, что оно будет продолжаться и в других странах, других городах, где вы пользуетесь огромным уважением, авторитетом и где вас очень любят… Вы прибыли к нам вместе с делегацией Глобального фонда вакцинации и привезли сюда вакцину на сумму свыше миллиона долларов. Это большая помощь нашей республике, вместе с тем надо отметить, что это большая помощь в самой важной сфере — сфере здоровья детей.

За вашу выдающуюся деятельность в развитии международных связей с Азербайджаном, в развитии азербайджанской музыки Указом Президента вы, дорогой Слава, награждены самым высшим орденом Азербайджана — орденом «Истиглал» — «Независимость».

На своем долгом и успешном творческом веку знаменитый музыкант слышал много добрых слов и комплиментов, привык, наверное, к громовым овациям. Но сейчас он, казалось, даже немного растерялся:

— …Меня так переполняют чувства, что я должен просто собраться с мыслями. Первое, о чем я думаю, это то, что я за многое благодарен своим родителям, за очень многое — и за образование, и за все. Но я безмерно благодарен моей маме за то, что она выбрала самое лучшее место на Земле для моего рождения. Вот за это я ей благодарен особо.

Конечно, я должен сказать, что мне от отца передалась любовь к Азербайджану, к Баку. Мой отец, после того как уехал отсюда, жил в Москве. Здесь, в Баку, есть музей человека, которого я знал. Я был маленьким, но отец меня с ним познакомил, это был Узеир Гаджибеков — друг моего отца. Когда

была Декада азербайджанского искусства в Москве, отец взял меня в гостиницу «Москва» и сказал: я тебя познакомлю с выдающимся музыкантом. И я на всю жизнь запомнил, как выглядел Узеир Гаджибеков, с которым меня познакомил отец. В музее Узеира Гаджибекова есть письмо моего отца к нему, посланное перед самой войной. В этом письме мой отец пишет: «Я очень мечтаю о том, чтобы уехать из Москвы и вернуться в Баку».

Отец не вернулся в Баку только потому, что началась война. И поэтому мы были вынуждены эвакуироваться в Оренбург, где он скончался в 1942 году. Моя жизнь наполнена этими переживаниями и мыслями об этом. И для меня каждый ежегодный приезд в Баку — это событие. Я могу сказать, что, когда уеду отсюда, буду думать о том, когда же, наконец, сяду в другой самолет, который привезет меня обратно.

И вот еще о чем говорил на приеме у Президента Мстислав Ростропович — о России и Азербайджане.

— …Может быть, самым счастливым моментом для меня за истекший период была ваша встреча с Президентом Путиным.

Это был момент моего ликования и моего счастья. Вы знаете, я — человек, получивший образование в России, проведший там большую часть всей своей жизни. Для меня и Азербайджан, и Россия — это как будто две мои половины. И поэтому я глубоко уверен в том, что нельзя терять многие музыкальные контакты, культурные контакты, контакты между художниками, литераторами. Они были завоеваны во взаимных страданиях. Так что спасибо вам. Все знают, что вы — очень мудрый человек, и это знает весь мир. Эта встреча не только подтвердила вашу репутацию действительно великого Президента страны, но и очень дальновидного, очень благородного и очень доброго человека. Спасибо вам от всего сердца.

А вечером, во дворце «Республика», Мстислав Ростропович дирижировал Азербайджанским государственным симфоническим оркестром имени Узеира Гаджибекова. Если бы бумага могла передать этот праздник музыки, который Мстислав Леопольдович подарил своему родному городу!

С того несчастного 1985 года, когда Зарифа-ханум ушла из жизни, день пятнадцатого апреля занял совершенно особое место в жизни Гейдара Алиева, всего рода Алиевых. В этот день в 2002 году Гейдар Алиевич, Ильхам, его дети, родные и близкие, все, кто был в Баку, пришли на могилу Зарифы Азизовны. Постояли, по давнему обычаю приложили ладони к нагретой весенним солнцем бронзе…

Поначалу мраморный памятник, созданный талантливым азербайджанским скульптором Омаром Эльдаровым, семья

Алиевых собиралась установить в Москве, на могиле Зарифы-ханум. Но к тому времени для Гейдара Алиевича «стало проблемой его перевезти…».

— Что будет потом, в будущем? — все эти вопросы беспокоили меня. Поэтому я сказал Омару Эльдарову, что признателен ему, однако пусть он хранит пока это произведение. Положение было таково, что нельзя было полагаться на завтрашний день. Думаю, что даже если я не смогу довести до конца это дело, то кто-то из моих детей сделает это. Омар Эльдаров действительно в течение этих восьми лет хранил памятник в своей мастерской.

Вернувшись в Баку, я неоднократно ходил в мастерскую и с большим восхищением смотрел на памятник. Знаете, если, с одной стороны, мое восхищение относилось к памяти Зарифы-ханум, то с другой — это было действительно восхищение произведением высокого искусства скульптуры. После того как в 1994 году тело Зарифы-ханум было перевезено из Москвы в Баку, начался новый этап. Возник вопрос: где установить памятник? Омар Эльдаров посоветовал мне, и я прислушался к нему, что действительно это такое произведение искусства, которое, возможно, нужно хранить в музее. Я согласился с этим. Этот разговор происходил в 1994 году. На могиле был установлен бронзовый памятник, изготовленный на основе этого памятника *(из выступления Гейдара Алиева в Бакинском центре искусств на презентации произведения «Элегия» — мраморного памятника Зарифе Алиевой и альбома об этом памятнике 15 апреля 1997 года).*

25 апреля Президент встретился с предпринимателями. Списки приглашенных составлялись не в тиши кабинетов. Накануне республиканские газеты на азербайджанском и русском языках опубликовали информацию о готовящейся встрече. Пригласили заинтересованных лиц обратиться в Министерство экономического развития, дали номера контактных телефонов. Так подобралась аудитория.

— Одна из основных целей нашей сегодняшней встречи состоит в том, чтобы получить достоверную, объективную информацию о положении дел непосредственно от вас, предпринимателей, — обратился к собравшимся Гейдар Алиев. — Я еще раз говорю: достоверную, объективную. То есть вы должны говорить правду.

Мы пригласили на эту встречу только местных предпринимателей Азербайджана. Здесь не присутствует никто из правительственных органов, их руководителей, участвующих в процессе предпринимательства и становления рыночной

экономики в Азербайджане. Кроме меня, здесь присутствуют премьер-министр, руководитель исполнительного аппарата Президента, государственный советник по экономическим вопросам и помощник Президента, никого другого нет. Для чего я это сделал? Для того чтобы вы здесь могли говорить свободно, чтобы на вас не могли оказать воздействие, сверкать белками глаз отдельные министры, господа из правоохранительных, налоговых, прочих органов… Сообщения, которые сегодня вы сделаете, будут изучены, проанализированы, и на основе их будет проведено наше заключительное совещание.

Гюльнар, посланец мира

10 мая — день рождения Гейдара Алиева. В этот день он получил много официальных писем и телеграмм. Но всего дороже было письмо бакинской школьницы — Гюльнар Гусейновой, ученицы девятого класса 106–й школы имени С. Магеррамова. Она сердечно поздравила Президента и трогательно, как это умеют только дети, попросила защитить ровесников. «XX век, являясь веком науки, техники, стал вместе с тем веком войн, — писала она. — Если развитие науки, с одной стороны, привело к прогрессу, то с другой стороны, оно стало предпосылкой изобретения атомных, нейтронных бомб, термоядерного оружия. А это оружие чревато гибелью миллионов людей. Самый большой удар во всех войнах наносится по детям.

Я одна из тех, кто видел войну воочию, в моем родном городе… Я, как и все люди, оторванные от родных очагов, живу тоской по родному краю.

Я хочу видеть наш завтрашний день светлым, безоблачным, без войны, детей — с папами и мамами, людей — со своими гнездами, в своих очагах…»

Свое послание Гюльнар назвала так: «Будь я посланцем мира…».

13 мая 2002 года вышел указ Президента Азербайджана, в котором предусматривались меры помощи вынужденным переселенцам на территории Билясуварского района. Гейдар Алиев непосредственно занимался социально-бытовом устройством беженцев и вынужденных переселенцев, живущих в палаточных городках, их нуждами. Эту заботу он не хотел и не мог переложить на чужие плечи.

Дельцы от политики, спекулируя на беде обездоленных людей, призывали к военному решению карабахской проблемы. Стоит ли доказывать, что чаще всего такие призывы продиктованы безответственностью?! Война — это всегда кровопролитие. А больше всего от войны всегда страдают самые беззащитные.

22 мая, в канун 10–летия со дня признания Ватиканом независимости Азербайджанской Республики, в Баку с официальным визитом прибыл папа римский Иоанн Павел II. К этому времени, по подсчетам итальянской газеты «Стампа», в Азербайджане значилось всего 130 католиков. Так что на толпы манифестантов рассчитывать не приходилось. И все же «Стампа» справедливо отмечала, что речь идет о весьма примечательном событии. Именно так его расценивали и папа римский, и Гейдар

Алиев.

— Ваши визиты в страны с широким распространением ислама, включая Азербайджан, служат миру и взаимному доверию между двумя великими мировыми религиями, — говорил Президент, обращаясь к папе римскому. — Вы пропагандируете среди людей идеи милосердия и сострадания, желаете людям, подвергнутым тяжелому бедствию, терпения и утешения. В Азербайджане тоже есть жертвы такого бедствия.

Это свыше миллиона азербайджанских беженцев, изгнанных от родных очагов в результате оккупации соседней Арменией азербайджанских земель. Эти люди нуждаются в вашем доброжелательном слове, утешении. В деле торжества справедливости они надеются и на вашу помощь.

— Я приехал в эту древнейшую страну, храня в сердце восхищение перед насыщенностью и богатством ее культуры, — ответствовал глава Ватикана. — Богатая разнообразием и кавказскими чертами, эта страна вобрала в себя достояния многих культур, в особенности персидской и алтайско-туранской. На этой земле были и по сей день присутствуют крупные религии: зороастризм сосуществовал с христианством Албанской церкви, игравшей столь важную роль в древности. Впоследствии ислам играл все более растущую роль, и в наши дни он является религией подавляющего большинства азербайджанского народа… Даже после ослабления первоначального блеска церкви христиане продолжали жить бок о бок с верующими других религий. Это стало возможным благодаря духу терпимости и взаимоприятия, которым нельзя не гордиться этой стране. Взываю к Богу и молюсь Ему, дабы оставшиеся очаги напряженности как можно скорее погасли и все обрели бы мир в условиях справедливости и истины.

…Службу папа совершил во Дворце спорта — костел в Баку только строился. Но это детали. Главное — он посетил Баку. Этот факт означал и признание Азербайджана, и свидетельство высокого авторитета его лидера в мире.

45–й чемпионат Европы по вольной борьбе собрал в Баку представителей почти всех стран континента. Президент обратился к участникам чемпионата с приветствием.

Открыл чемпионат президент Азербайджанского национального олимпийского комитета Ильхам Алиев. Он достойно представлял республику в Международном олимпийском комитете.

Есть в азербайджанском языке меткое словечко, аналогичное русскому выражению «папенькин сынок», буквально: «Те, у которых папеньки». В Азербайджане их называют деделилар.

«В шестидесятые годы, когда мы вступили в литературу, к нам предъявляли много претензий, — писал известный поэт и политик Вагиф Самедоглу. — Многих представителей нашего поколения называли «деделилар». Это словечко обозначало некий социальный тип. Я полагал, что это предубеждение осталось в анналах второй половины минувшего века. Но я, видно, ошибался. Ибо то же предубеждение в начале XXI века начало повторяться в отношении Ильхама Алиева; дескать, сын Гейдара Алиева не может быть политиком. Но почему? Мы с Ильхамом Алиевым часто бываем в Страсбурге. Он ведет себя как зрелый политический деятель. И работу, выполняемую им там, никто другой в Азербайджане вести бы, на мой взгляд, не смог».

Уроки истории

Президент Алиев в своих трудах, выступлениях не раз обращался к урокам Азербайджанской Демократической Республики.

На его рабочем столе были книги, посвященные недолгой истории той республики, документальные публикации.

В 1919 году председатель мирной делегации Азербайджанской Демократической Республики Алимардан бек Топчибашев, председатель парламента АДР, писал из Парижа в Баку правительству Азербайджана:

«Верно, нас еще не признают как государство. Но везде, где мы бываем, мы всем заявляем, что уже полтора года фактически существуем как государство, показываем, что Азербайджан, у которого есть свой парламент, правительство, администрация, суд, школы, армия, живет суверенно. Этот Азербайджан выдержал беспощадную борьбу с большевиками, следовательно, азербайджанцы жизнеспособны и могут построить свое независимое государство. Насколько хватит сил, даже если у нас и не хватит сил, это положение надо сохранить, защитить это самоутверждение. Мы бы хотели, чтобы все, весь наш народ хорошо осознал, что мы сейчас сдаем экзамен, чтобы доказать свою способность к самостоятельной общественно-политической и экономической жизни.

Я верю, что сил на это у нас хватит. Ибо народ наш дееспособен, а страна наша богата природными ресурсами. Однако у нас до сих пор нет политической школы, опирающейся на нравственное начало… Необходимо водворить порядок в самой стране, в ее административных структурах и судах и вообще уважение к законности.

Только при таком упорядочении своей внутренней жизни Азербайджан может стать государством. Причем таким государством, что уже не будет нуждаться в чьем-либо признании. Ибо внутренне сильный, стабильный Азербайджан уже сам по себе будет признан как реальный и неоспоримый факт».

Во главу угла Топчибашев ставил «упорядочение внутренней жизни страны» как условие строительства жизнеспособного государства. Этого же всей своей деятельностью добивался и Гейдар Алиев.

Гейдар Алиев стал инициатором разработки теоретических основ идеологии, призванной объединить все общество. Это — азербайджанство. В докладе на I съезде азербайджанцев мира он

подчеркивал: «Мы — азербайджанцы. Родина всех нас — Азербайджан. Эта земля взрастила нас, как народ, как нацию, как личность. Поэтому в существе каждого из нас живет дух азербайджанства. И дух азербайджанства, идея азербайджанства должны стать тем, что связывает нас друг с другом и побуждает к еще более тесному сплочению. У каждого государства существует национальная идеология. И национальная идеология независимой Азербайджанской Республики — идеология азербайджанства».

К этой мысли Гейдар Алиевич не раз возвращался в своих выступлениях, размышлениях. Конечно, у него были не только сторонники, но и оппоненты — и дома, и за рубежом, «…в современной идеологической жизни республики достаточно явно проявились две линии или тенденции, — писал в этой связи академик Афранд Дащдамиров. — Первая направлена на растворение азербайджанской идеи в общетюркской, общеисламской идее. Вторая отстаивает формулу азербайджанизма, интегрирующего многослойную этническую культуру Азербайджана, включая тюркские корни, кавказские реалии, национально-демократические традиции, исламские истоки».

28 мая — День Республики. Именно в этот день в 1918 году были заложены основы первого на Востоке демократического государства. В 1918 году усилиями Фатали-хан Хойского, Насиб-бека Юсифбейли, Мамеда Эмина Расулзаде была создана независимая Азербайджанская Демократическая республика. Становились реальностью слова Мамеда Эмина Расулзаде, сказанные 26 октября 1917 года на I съезде партии «Мусават» («Равенство»). «Будет создано независимое Азербайджанское государство, и это новое государство войдет в союз независимых государств». Время подтвердило прозорливость энергичного политика. Кстати, еще в 1902 году он, семнадцатилетний студент Бакинского технического училища, создал в городе Мусульманскую молодежную организацию. Позже появилась Мусульманская социал-демократическая организация «Гуммет» («Энергия»), которая активно сотрудничала с Бакинским комитетом РСДРП. Нынешняя республика — наследница традиций, позитивного опыта и АДР, и Советского Азербайджана.

6 июня Президент Гейдар Алиев принял делегацию США во главе со специальным советником Президента США по развитию энергоресурсов Каспийского бассейна, посланником Стивеном Мэнном. Президент, приветствуя гостей, отметил их полезную работу в ходе IX международной выставки и конференции «Каспий — нефть, газ, нефтепереработка и нефтехимия».

— Господин Президент, — сказал Стивен Мэнн, — за время моей работы послом мне всего дважды передавали письма Президента Буша, с тем чтобы я вручил их адресатам. И оба раза это были письма, адресованные Президентом Бушем вашему превосходительству. Таким образом мы, американцы, выражаем вам свое уважение и признательность за вашу поддержку в осуществлении проекта Баку — Джейхан.

Мы так же высоко ценим ваше содействие в достижении такого уровня отношений между нашими странами. Гейдар Алиев поблагодарил посла:

— Эти письма очень значимы для нашей страны. Оглашение письма Президента Буша на открытии IX Международной выставки и конференции показало, сколь большое значение придают США и их Президент разработке в Каспийском бассейне нефтегазовых месторождений, экспорту энергетических ресурсов… В 1994 году мы подписали «Контракт века» и на всех последующих этапах мы чувствовали поддержку правительства США. То, что Президент США поставил свою подпись под соглашением об утверждении проекта основного экспортного трубопровода Баку — Тбилиси — Джейхан, подписанным нами в Стамбуле в 1999 году, показывает, сколь большое значение придает правительство США нашей работе.

— Мы создаем новую историю использования нефтегазовых возможностей Каспийского моря, — подчеркнул Гейдар Алиев. — Я очень удоштетворен, что мы среди тех, кто творит эту историю. У наших дел большое будущее. Эта история будет продолжена и после нас…

В июне 2002 года исполнилось 70 лет Государственному экономическому университету. «Чтобы развивать экономику Азербайджана, интегрироваться в современную мировую экономическую систему, необходимы высококвалифицированные специалисты», — сказал на юбилейных торжествах Президент. Он обозначил вехи восхождения экономики: «Вы знаете, что примерно с 1994 года до сих пор в экономику Азербайджана инвестировано 9 миллиардов долларов. Вдумайтесь, для маленькой страны это очень большая цифра… Мы получаем прибыль от нефтяных контрактов. Мы уже создали Нефтяной фонд. Сейчас в Нефтяном фонде около 580 миллионов долларов. У нас есть валютный запас в 1 миллиард 200 миллионов долларов. Но в 1993 году, девять лет тому назад, 12 июня здесь, в Баку, в тяжелой ситуации я обдумывал и обсуждал предложение о взятии на себя ответственности за Азербайджан. Тогда у нас не было валютного запаса даже в один доллар. Все это — первый результат, достигнутый нами. В предстоящие годы наши доходы

возрастут и благосостояние народа улучшится, повысится зарплата. Теперь наш бюджет пополняется, проблем нет.

…Несколько дней тому назад я говорил президенту Нефтяной академии наук, хочу сказать и сегодня, что в ближайшее время я повышу зарплату работникам академии, и дал указание об этом премьер-министру, министру финансов. Они готовят предложения мне, на днях рассмотрю. Не беспокойтесь, повышу. И вы это почувствуете. Зарплата будет повышена и в других сферах.

Два дня тому назад я подписал указ. 150 видным деятелям искусства, литературы Азербайджана, людям, занимающимся деятельностью в других областях, я назначил пожизненную пенсию. Пять лет тому назад у меня не было такой возможности. Хотел, но не мог сделать… Теперь средства есть, видите, сколь щедрым я вдруг стал. Назначил 150 пенсий. Каждый из этих людей — история азербайджанской литературы, искусства, культуры и иных сфер. Каждый!

И еще — созданные этими творцами произведения, их наследие творит историю. Они сами творцы нашей истории».

25 июня 2002 года, Стамбул

В рамках саммита глав государств и правительств стран — членов Организации черноморского экономического сотрудничества в Стамбуле состоялась конференция «Легенда трех морей». Само название конференции — ответ маловерам, тем, кто считал невозможным сотрудничество стран Причерноморья с Азербайджаном, не залечившим раны войны. Но жизнь подтвердила реальность планов и надежд на возрождение Азербайджана.

Все это нашло отражение в выступлении Гейдара Алиева:

— Уже пять лет, как проводится конференция «Легенда трех морей» — Каспийского, Черного и Средиземного морей. Но почему она не проводилась раньше? Потому что раньше информации о столь тесной взаимосвязанности этих наших дел было очень мало, очень мало было и верящих в это. Но… после заключения в 1994 году договора, названного «Контрактом века», во всем мире прошли большие обсуждения проблем Каспийского моря. Ибо многим в мире не было известно о том, что Каспийское море обладает столь богатыми месторождениями нефти и газа. Но мы в Азербайджане это знали.

И дальше Президент Азербайджана прочитал блестящую лекцию, которой мог бы гордиться и профессиональный ученый-нефтяник.

— У легенды трех морей — одна мать, Каспийское море, — взволнованно говорил Алиев. — И рядом с этой матерью расположен Азербайджан.

Азербайджан — неотъемлемая часть тюркского мира. В советские годы связи Азербайджана с Турцией, культурные контакты, взаимообмен духовными ценностями строго ограничивались. Но с обретением независимости Азербайджана идеологические шлагбаумы ушли в прошлое.

Первой независимость Азербайджана признала Турция. Гейдар Алиев неоднократно напоминал об этом. Президента очень тронуло то, что в Карее были созданы парк и бульвар, названный его именем.

9 июля 2002 года, Петербург

В историю русской и азербайджанской культуры навсегда войдет воскресный день 9 июля 2002 года. В тот солнечный день на Каменноостровском проспекте в Санкт-Петербурге был открыт памятник великому азербайджанскому поэту и мыслителю Низами, который создан заслуженным художником Азербайджана Герюшем Бабаевым.

— Низами был не только поэтом, он был великим гуманистом, — сказал в своей речи при открытии памятника Президент России Владимир Путин, — и в этом смысле творчество Низами принадлежит всем нам, оно принадлежит всему человечеству.

— Двенадцатого октября прошлого года в Баку был открыт памятник гению русской поэзии Александру Сергеевичу Пушкину, — напомнил Гейдар Алиев. — Сегодня в городе, который Пушкин именовал творением великого Петра, воздвигнут памятник Низами.

Прекрасно, добавим от себя, когда страны, государства могут обмениваться такими Послами, как Александр Пушкин и Низами Гянджеви.

Прогуливаясь по Петербургу, Гейдар Алиев без труда нашел Гороховую улицу. Там в доме № 6 в свое время была спецшкола МГБ по переподготовке руководящих кадров. В знакомых стенах с удовольствием сфотографировался на память. Охотно беседовал по дороге в гостиницу «Астория» с петербуржцами, земляками. Так бывало во всех его поездках — в Париж и Берлин, Петербург и Москву…

…Леонтьевский переулок — не самый шумный в гулком центре столицы. У мэрии, бывшей некогда Моссоветом и сохранившей на своих красных стенах каменные таблички с Лениным, переулок ныряет с Тверской под арку. За ней — разные конторы и три посольства: Кубы, Украины, Азербайджана; прежде здесь располагались представительства союзных республик. В воскресные дни, когда дремлют офисы и только дежурные охранники покуривают у подъездов, Леонтьевский совсем затихает. По будням же у посольств, консульств толпятся очереди. Но в этот раз к азербайджанской миссии явно спешили не за документами, визами или паспортами. Там встречали земляков со всей России. Их пригласил Президент Алиев.

Первые слова он обратил к своим слушателям на родном для всех них языке, том, что слышали они еще с колыбели:

— Дорогие соотечественники! Дорогие сестры, братья,

друзья! Очень рад, что мне довелось сегодня встретиться с вами.

Сердечно приветствую всех вас. В вашем лице сердечно приветствую всех живущих в России азербайджанцев, каждого азербайджанца, желаю всем вам здоровья, успехов в работе. Счастья вашим семьям!

Президент говорил негромко, но слова его долетали до самых последних рядов.

— Азербайджанский язык — это наш язык, родной язык, государственный язык независимого Азербайджана… Я хочу, чтобы азербайджанцы, — я адресую это, в частности, молодежи, — хорошо владели и русским языком, и английским, и французским, и немецким, и арабским, и испанским языками. Но пусть они в совершенстве владеют и азербайджанским языком. Чем больше языков человек знает, тем богаче он становится. Человеку, живущему только одним языком, естественно, придется трудно в современном мире, в мире, находящемся в целом во взаимосвязи.

Учитывая это, проявляя к вам уважение, я продолжу свое выступление на русском языке.

Все, кому довелось слушать Алиева, отмечали: его русский — в отличие от других известных кавказских политиков, скажем, того же Шеварднадзе, безупречен. Что за этим стоит? Школа? Семья? Самоподготовка?

В семье Алиевых с детства говорили на азербайджанском. Да и во всей Нахичевани в начале 20–х годов прошлого века людей, владеющих русским языком, было совсем немного. По свидетельству одного из биографов Алиева Фатимы Абдуллазаде, «русский язык Гейдар Алиев начал изучать довольно-таки поздно. В нахичеванской школе он впервые услышал басни Крылова и стихи Пушкина».

Впрочем, вполне можно предположить и другое. А именно то, что в школьные годы на внутренний мир Гейдара Алиева больше, чем Крылов и Пушкин — при всем уважении к гениям русской и мировой литературы, — оказал великий художник — реалист, писатель — сатирик Джалил Мамедкулизаде. В ревностном отношении Гейдара Алиева к родному языку, думается, сказались и заветы этого классика национальной литературы, в частности пьеса «Книга матери моей».

…К матери — азербайджанке из дальних краев возвращаются три сына. Один перемежает речь русской лексикой, второй изъясняется на суррогатном азербайджанско-турецком языке, третий щеголяет оборотами на фарси.

Сюжет почти бродячий. Можно вспомнить и гоголевского бурсака из «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Нахватавшись по

верхам, он стал «таким латыныциком», что позабыл даже родную мову. Все слова сворачивал на УС. Лопата у него стала лопатус, баба — бабус. Но однажды, увидев в поле грабли, латыньщик спросил у отца: «Как это, батька, по-вашему называется?» Да и наступил, разинувши рот, ногою на зубцы. Тот не успел собраться с ответом, как ручка, размахнувшись, поднялась и — хвать его по лбу. «Проклятые грабли! — закричал школяр, ухватясь рукою за лоб и подскочивши на аршин, — как же они, черт бы спихнул с мосту отца их, больно бьются!»

В общем, юнцы наступили на одни и те же грабли. Три брата, вернувшиеся в отчий дом, не могли говорить с матерью на родном языке, на котором она напевала им колыбельные, рассказывала первые сказки. «Книга матери» отныне была для них за семью печатями, ибо каждый из них, нахватавшись чужих верхушек, потерял чувство родного слова и стоящую за ним духовную память. Эти «образованные господа» недалеко ушли от неучей — персонажей повести того же Мамедкулизаде «События в селении Данабаш».

В большом зале азербайджанского посольства в июне 2000 года на встречу с Президентом страны собрались его соотечественники, живущие в России. В зале было много знакомых лиц. И тех, кого он знал по работе в Москве, по командировкам, и тех, кто когда-то по его воле отправился за большой наукой из родных мест.

— …я всегда в прежние времена, когда работал в Азербайджане, говорил, и это было моим твердым убеждением и тогда, и сегодня, что ни один народ не может развиваться темпами всей мировой системы, если он будет замыкаться в пространственных границах своей территории, то есть я всегда выступал против чувства национальной ограниченности.

Тогда далеко не все в республике и в Москве поддержали первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана, когда он предложил направлять молодых людей за знаниями в Россию, в другие республики Советского Союза. Но Алиев добился своего и сейчас с известной долей гордости вспоминал о своем проекте, потому что Азербайджан был единственной из советских республик, «которая сумела добиться льгот в этом отношении».

— Начиная с 1970 года я поставил задачу побольше направлять азербайджанцев за пределы Азербайджана, в Россию, прежде всего в Москву, Ленинград, другие крупные центры высшего образования, центры науки, центры культуры.

Даже ему, первому секретарю ЦК КП республики, члену ЦК КПСС, делать это было нелегко. Поначалу, после множества согласований, республике дали квоту на 100 человек. Но сто

человек могли и сами поехать куда хотели, — в Москву или Ленинград, в Киев или Свердловск (ныне Екатеринбург) и поступать на общих основаниях. И чаще всего проваливаться. Потому что молодые люди из Азербайджана, особенно из глубинки, не могли состязаться на равных со сверстниками из больших городов.

В конце концов Алиев добился права внеконкурсного приема молодежи Азербайджана в высшие учебные заведения Советского Союза. Вначале 100 мест, на 1978/79 учебный год — 800. (Когда он уже стал кандидатом в члены Политбюро.) Разумеется, проблема не ограничивалась одним Азербайджаном. Речь шла о большем — о подготовке национальных кадров в масштабах всей страны. Квоту на обучение в лучших вузах Советского Союза получили ребята и девушки и из других союзных республик — Туркмении и Узбекистана, Казахстана и Грузии, Молдавии и Таджикистана. Но, пожалуй, только Гейдар Алиев лично занимался этим.

— Знаете, — говорил он на той встрече в посольстве Азербайджана в июне 2000 года, — у меня в архиве многое из моего прошлого не сохранилось в силу того, что я переезжал туда, переезжал сюда, иногда я не имел возможности все сохранять и уничтожал, просто у меня не было места. А журналы этих молодых людей, которые ежегодно направлялись в разные города Советского Союза вне конкурса, у меня сохранились. И сейчас у меня в архиве найдете, в каком году какой человек из какого района из какого города в какой институт был зачислен. Среди них оказалось много достойных людей.

Почему я это делаю? Во-первых, скажем откровенно, уровень образования в Московском университете намного выше, чем уровень образования в Бакинском университете. И тогда так было, и сегодня так. Я привожу один пример, а можно привести очень много других. Во-вторых, по некоторым специальностям у нас просто не было высшего образования. Значит, для того чтобы подготовить специалистов этого профиля, надо было пользоваться возможностями вузов других республик. А в-третьих, я как раз добивался того, чтобы люди выходили из своей скорлупы. Понимаете, люди разорвали бы эту границу национальной ограниченности, вышли бы на более широкие просторы, общались с другими людьми. Это, хочешь не хочешь, заставляет человека изучать хотя бы русский язык, а многие успевали, кроме русского, и английский, и другие языки осваивать здесь, в Москве, Ленинграде, других городах.

Я, кстати, этим занимался ежегодно и несколько раз собирал студентов, обучающихся в Москве, здесь, в постпредстве. Но

потом их количество настолько выросло, что здесь места не было. Тогда, я помню, в театре — новом МХАТе, на Тверском бульваре, мы заняли этот театр, собрали всех туда, и я пригласил тогда все московское руководство, начиная от руководителя Москвы, министра высшего образования, руководства ЦК комсомола, работников ЦК КПСС.

Та встреча в новом МХАТе осталась в памяти многих из ее участников. Среди других студентов выступал паренек из МГУ. Алиев хорошо запомнил его — мальчишка из отдаленного села в Джебраильском, горном районе республики, как говорят учителя, необыкновенно талантлив, но по-русски говорил совсем плохо, в той школе не было преподавателя русского языка, всем ученикам просто ставили тройки и все. Гейдар Алиевич запомнил его и сейчас, не скрывая, любовался симпатичным, возмужавшим пареньком. Учился он на одни пятерки, на русском говорил совершенно свободно.

— Я на этого парня смотрел, — признался Президент, — от радости у меня чуть слезы не пошли. Так я радовался.

Так мог бы сказать отец о своем любимом сыне.

В Национальной библиотеке имени Ахундова открыли выставку книг, которые подарил Президент Алиев. Среди них справочники, словари, томики Самеда Вургуна, Сергея Есенина и Бахтияра Вагабзаде, Бажова и Ницше, сборники фантастики — всего более 500 изданий.

Гейдар Алиев любил книгу с детских лет, понимал ее значение в жизни общества, высоко ценил роль библиотек. Трижды он был здесь, в главной библиотеке страны.

— Третьего июля 1995–го, 4 марта 1996–го, 20 ноября 1997–го, — уточняет директор Лейла Гафурова. В 1997–м Президент подписал закон «О библиотечном деле в Азербайджане». Конечно, это огромная поддержка для всех, кто ценит книгу. — И знаете, — добавляет она, — иногда говорят, что Гейдар Алиевич повсюду расставлял своих людей, земляков, родню. Так вот, я не отношусь ни к одной из этих категорий, но им восхищаюсь.

…Если Президент Азербайджанской Республики уходит с поста до установленного срока, то в трехмесячный срок проводятся досрочные выборы Президента. Так говорится в статье 105 Конституции республики. Президент предложил поправку: до выборов главы государства его обязанности исполняет премьер-министр. При невозможности исполнения Президентом своих обязанностей его полномочия передаются премьер-министру.

Оппозиция выступила против. Почему? Размышляя об этом, ректор Бакинского государственного университета, член-корреспондент НАН Абель Магеррамов писал, что передача

полномочий премьер-министру полностью соответствует международным правовым нормам. «По статьям 7–й и 99–й Конституции в Азербайджанской Республике исполнительная власть принадлежит Президенту республики. Руководство всеми исполнительными структурами, в том числе и Кабинетом министров, осуществляет Президент. Он же является и главой государства, и исполнительной власти. А Милли меджлис является иной структурой — законодательным органом. Переход полномочий к исполнительной структуре более целесообразен, ибо исполнительными вопросами занимается именно премьер-министр».

24 августа в Азербайджане проводился референдум о дополнениях и изменениях в Конституцию. Как подтвердили международные наблюдатели, референдум явился выражением доверия народа к Гейдару Алиеву.

В Центризбирком ни в ходе референдума, ни в последующие дни не поступило жалоб на нарушения закона. И все-таки 26 августа руководители некоторых оппозиционных партий распространили информацию, «полную клеветы в адрес ЦИК». Так говорилось в заявлении Центральной избирательной комиссии.

ЦИК Азербайджана дала достойный ответ и окрику из Вашингтона и Брюсселя.

«Ответ представителя пресс-службы Госдепартамента США на вопрос журналистов в связи с проведенным референдумом и изложенная представителем ОБСЕ в Азербайджане позиция — результат скоропалительного и субъективного подхода, формирующегося именно на основе ошибочной информации оппозиционной партии. Мы считаем, что позиция, сформировавшаяся как у сотрудников пресс-службы Госдепартамента США, так и у представителя ОБСЕ в Азербайджане в связи с референдумом 24 августа, необъективна, безосновательна и является не чем иным, как неуважением к азербайджанскому народу в целом и миллионам избирателей, выразившим свое отношение к изменениям в Конституции».

83 процента граждан Азербайджана приняли участие в референдуме 24 августа. Большинство из них поддержали предложенные поправки.

День рождения генерала Ахундова

16 сентября 2002 года, день рождения генерала Вагифа Ахундова, выпал на понедельник. Впрочем, это обстоятельство никак не сказалось на его отработанном годами распорядке. Как всегда, на службу он прибыл к девяти утра. Легко взбежал по ступенькам на второй этаж старого совминовского здания, где теперь размещалось Главное управление. Дыхание совершенно не сбилось, будто шел человек по ровному тротуару. Со стороны посмотреть: строен, поджар — ни за что не дашь его возраста, пятидесяти с лишним лет. Едва вошел в кабинет, запел телефон прямой связи.

— Я вас слушаю, господин Президент!

— Добрый день, Ахундов! Вы не могли бы сейчас зайти ко мне? Через несколько минут генерал поднимался на пятый этаж известного всему Баку белого корпуса на взгорье. Когда он вошел в кабинет Президента, Гейдар Алиевич шагнул навстречу:

— Поздравляю вас с днем рождения!

Вспоминая о том понедельнике, генерал-лейтенант не скрывает волнения:

— Гейдар Алиевич заботился обо всех, близких и далеких людях. Никого не забывал.

Их первая встреча случилась в 1978 году, когда секретарю комитета комсомола МВД республики, старшему лейтенанту Ахундову предложили перейти замполитом в Управление охраны партийных и советских органов — в разговоре управление называли «девяткой». Первый секретарь ЦК Алиев просил подобрать молодого, перспективного человека. Министр внутренних дел республики Ариф Гейдаров назвал Ахундова. Наверное, были и другие предложения, в том числе по линии КГБ. Алиев остановил свой выбор на кандидатуре, предложенной Гейдаровым.

— Он спросил, где я работал, кем… Я коротко рассказал о себе: окончил с отличием нефтяной институт, сразу призвали в армию, служил в авиации в Энгельсе, занимался обеспечением авиачасти горюче-смазочными материалами.

Так в биографии старшего лейтенанта Ахундова в 28 лет началась новая страница. Когда Алиева перевели в Москву, Ахундов продолжил службу в Баку. В 1985 году возглавил управление. Теперь это — Специальная служба государственной охраны.

— Господин генерал, — попросили мы Ахундова, — расскажите, правда ли, что вы сумели предотвратить несколько

попыток покушения на Гейдара Алиевича.

— Такие попытки действительно были в октябре 1994–го, в марте 1995–го, да и позже, в канун визита Президента Украины Леонида Кучмы. Тогда террористы готовились взорвать большой мост на трассе аэропорт — Баку. Под мост заложили около ста килограммов взрывчатки. При взрыве в окрестностях не осталось бы ни одного уцелевшего дома. Осматривая накануне мост, наши сотрудники обратили внимание на одну нестандартную бетонную опору — она не вписывалась в общую конструкцию. Там нашли заряд, от заряда на 500–600 метров уходил шнур… Были и другие эпизоды, — улыбается наш собеседник, — когда Президента хранила судьба…

Судьба спасла в тот раз и Гейдара Алиевича, и нашего собеседника, и многих других людей, которые возвращались вместе с Президентом после зарубежного визита. Перед самой посадкой пилот из-за сильного ветра принял решение заходить на полосу не по стандартной схеме. Этот неожиданный маневр, как выяснилось позже, спас самолет. Бандиты, задержанные по другому делу, признались, что готовили теракт в аэропорту. Это были люди, связанные с событиями 1993 года. «Стингер» не запустили…

В последние годы Гейдар Алиевич любил гулять по Баку…

— И сопровождала его самая минимальная охрана. Он заходил в кафе, шел по любимым улицам, разговаривал с бакинцами.

— Рассказывают, что Гейдар Алиевич был очень остроумным человеком. Вспомните какой-нибудь эпизод…

— Их было так много, что трудно выбрать какой-нибудь один. Мне хотелось бы сказать о другом. Этот гениальный человек, чрезвычайно одаренный от природы, никогда не стеснялся учиться, спрашивать знающих людей, специалистов, профессионалов. Я много раз был свидетелем, когда он спрашивал о чем-то новом для него, еще неизвестном. Он никогда не считал себя всезнайкой, не стеснялся того, что он чего-либо не знает. В таких случаях просил рассказать подробнее, объяснить, уточнить.

В небольшом кабинете генерала Ахундова фотографии двух президентов — Гейдара Алиева и Ильхама Алиева, много книг, сувениров… Наверняка здесь есть вещица, которая больше всего напоминает хозяину о Гейдаре Алиевиче. Что это может быть? Генерал отвечает мгновенно:

— Вот этот снимок. — С полочки над телефонами он берет фотографию в рамке: Гейдар Алиев в красном спасательном жилете заразительно смеется, чуть позади — генерал Ахундов в

таком же жилете.

— Это было в Норвегии. От берега до плавучей буровой установки 300 километров вертолетом над Северным морем. Провели инструктаж, приодели нас в костюмы. Кто-то из спутников отговаривал Алиева, мол, лететь над морем опасно. Но он ничего не боялся. Часто повторял: «Я смерти не боюсь. Пусть знают мои враги: я понимал, куда иду. Меня Бог бережет».

Перед полетом по инструкции положено подписать бумагу о том, что каждый из нас летит добровольно… Гасан Гасанов, министр иностранных дел, подписывать не стал: погибну, мол, а семья и страховки не получит. Гейдар Алиевич рассмеялся и подписал. В общем, мы полетели.

— Когда это было?

Генерал листает свой рабочий дневник. Находит: это было 24–27 апреля 1996 года. В том году у Алиева было 18 международных визитов. Годом спустя — двадцать. В 1998–м — десять. В 1991–м — тринадцать. В 2000–м — тоже тринадцать. В 2001–м — девять. В 2002–м — шестнадцать: Москва, США, Туркменистан, Турция, Иран, Петербург, Стамбул, Анкара, Ялта…

Память о каждой из них хранят снимки личного фотографа Президента Рафаэля Багирова, признанного мастера документальной фотографии. Из воспоминаний Р. Багирова:

«…Были первые дни августа 1997 года. Президент находился с официальным визитом в США. После встречи с Биллом Клинтоном мы прибыли в Хьюстон. И здесь получили радостную весть: Гейдар Алиев вновь стал дедушкой. У Ильхама и красавицы Мехрибан родился сын. Гейдар Алиевич не мог нарадоваться. Встретился со всей делегацией, принял наши поздравления. За последние годы мне не доводилось видеть, чтобы Гейдар Алиев так ликовал. По дороге в Азербайджан Президент остановился в Лондоне и посетил клинику, где находился новорожденный внук.

Гейдар Алиевич, можно сказать, бежал на эту встречу. Когда ему представили внука, на глаза у него навернулись слезы, и он произнес очень торжественно, громко, чуть дрогнувшим голосом: «Я нарекаю этого малыша именем Гейдар!» В те мгновенья я сделал, как мне кажется, очень впечатляющие снимки. Горжусь, что первые снимки маленького Гейдара Алиева довелось сделать мне.

Гейдар Алиев безмерно любил всех своих внучат. Но к последнему внуку, маленькому Гейдару, был более привязан, постоянно гордился этим крохой, носящим его имя».

В таком сумасшедшем темпе Гейдар Алиевич работал день за днем, год за годом… Он очень любил бывать в командировках. Наверное, на карте Азербайджана не осталось города, села,

поселка, где бы он не побывал. Особенно любил Алиев Нахичевань, свою малую родину, где, кажется, сама суровая природа формирует такие сильные характеры, как его.

Десятое августа… Самолет Президента после часового перелета из Баку подруливает к аэропорту в Нахичевани. Земные дороги в автономию по-прежнему отрезаны, вот и приходится всем летать. И Президенту, и студентам, и командированным, и тем, кому надо по своим делам. Десять рейсов больших самолетов в летние месяцы — и то мало!

Когда-то этот аэропорт казался вполне современным, но сейчас видно: устарел. Президенту показали проект нового аэровокзала. Выслушав соображения архитекторов, Гейдар Алиевич заметил:

— Снова лепим времянку!

По его предложениям проект в корне переделали. Он так хотел побывать на открытии нового аэропорта в Нахичевани, так спешили строители… Но принимать это чудо архитектуры пришлось Ильхаму Алиеву.

Пять августовских дней в родном городе. Строительство аэропорта. Музей замечательного азербайджанского художника Бахруза Кенгерли. Его открыли по инициативе Президента в том самом двухэтажном здании добротной кирпичной кладки, где когда-то студент Алиев впервые услышал имя художника. «Он был человеком, обладавшим редким талантом, — говорил Президент на открытии музея Кенгерли. — Его произведения действительно очень ценны». Проект Байхырского водохранилища — канал уже проложен, иссушенная степь ждет воду. Заложили по самому современному проекту новую школу — и ее пришлось открыть уже новому Президенту Азербайджана.

23 сентября 2002 года, Москва

Двадцать третьего сентября Президент Алиев в третий раз с начала года прилетел в Россию. Случай для мировой дипломатической практики, говорят, беспрецедентный, но для отношений соседних государств, дружественных, такие контакты могут стать нормой. В январе Президент Азербайджана находился в Москве с государственным визитом; 9 июня провел рабочую встречу с Владимиром Путиным в Петербурге — тогда президенты открыли памятник Низами; и вот третий российско-азербайджанский саммит. Главное на нынешней встрече — подписание соглашений между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря.

— Мы очень долго шли к этому решению, — сказал в своем заявлении Президент России. — Было много споров, напряженной работы с двух сторон, но хочу подчеркнуть, что это была работа заинтересованных партнеров. И я очень рад, я удовлетворен тем, что она закончилась такими позитивными результатами.

Учитывая ранее подписанные соглашения между Россией и Казахстаном, а также между Казахстаном и Азербайджаном, можно с уверенностью сказать, что отныне взаимодействие трех наших стран при освоении минеральных ресурсов дна Центрального и Северного Каспия обрело прочную международно-правовую базу. Убежден, что применение формулы «делим дно, а вода общая» и принципа поэтапности приведут в конечном счете к взаимовыгодному решению проблемы статуса Каспийского моря с учетом интересов, хочу это подчеркнуть, всех прикаспийских государств.

Были подписаны и другие межправительственные соглашения — о взаимном признании документов об образовании; о сохранении специализации предприятий и организаций, участвующих в производстве продукции военного назначения…

Гейдар Алиев не стал перечислять их.

— Владимир Владимирович здесь говорил о том, что мы сегодня сделали, какие документы подписали. Я не буду больше утомлять вас, но что важно, так это то, что сказанное Владимиром Владимировичем один к одному сказал бы и я. Вот что означают наши отношения сегодня…

Я хочу еще раз заявить, что российско-азербайджанские отношения представляют приоритетное направление в нашей внешней политике. Мы почти два века были вместе и настолько срослись, настолько сблизились, что не следует разрывать эти

связи. А то, что теперь мы стали независимыми государствами, это абсолютно не дает основания для того, чтобы отдаляться друг от друга, наоборот, надо укреплять и развивать связи. Мы со своей стороны все это делаем.

24 сентября во время встречи с коллективом Московского государственного института международных отношений Гейдару Алиеву был торжественно вручен диплом почетного доктора МГИМО. В свое время этот вуз окончил и преподавал здесь молодой дипломат Ильхам Алиев. Потом пришли другие времена, о которых мы уже рассказывали. Сына опального политика отстранили от преподавательской работы. Мол, больше вы, Ильхам Гейдарович, не можете работать в этом институте.

Ректор Анатолий Торкунов о прошлом вспоминать не стал:

— Мы с удовольствием отмечаем, что взаимный интерес в России и Азербайджане к изучению научных достижений и культур наших народов, их языков и литератур продолжается и развивается. Многоуважаемый Президент, во всем этом есть ваша личная заслуга…

Встречи на высоком уровне, ваши визиты в нашу страну, начиная с 1993 года, оказывают большое воздействие на наши отношения. В результате этих визитов, вашей встречи с Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным подписан ряд важных межгосударственных соглашений. В этом ряду и подписанное вчера Президентом России и вами соглашение о делении сопредельных участков дна Каспийского моря.

Мы все прекрасно понимаем, сколь важно это соглашение как для развития двусторонних отношений, так и для развития всего региона Каспийского моря в условиях стабильности и мира. Для нас как работников вуза немаловажно, что вчера два министра образования подписали соглашение между Россией и Азербайджанской Республикой о взаимном признании дипломов, научных степеней и званий.

В отличие от недалеких политических оппонентов Гейдар Алиев прекрасно осознавал роль добрых, дружественных связей с великим северным соседом.

«Российско-азербайджанские отношения для нас приоритетное направление, — говорил он. — Это отношения стратегического партнерства, сотрудничества. Если мы рассмотрим историю российско-азербайджанских отношений после распада Советского Союза, отнюдь не все было гладким…

После избрания Владимира Владимировича Путина Президентом мы сразу почувствовали перемену в наших отношениях. Он в 2001 году первый зарубежный визит совершил

в Азербайджан. Наша общественность это высоко оценила. Президент России смог лично узнать Азербайджан и увидеть отношение к России. В этот период у нас внутренняя политическая обстановка была стабильна, и наши отношения с Россией успешно развивались. Если говорить об истории наших отношений после обретения нами независимости, то мы должны сказать, что визит Президента Путина в Азербайджан стал началом нового этапа наших отношений».

В двухвековой истории отношений наших стран можно найти разные страницы. И документы подыскать на все случаи. Скажем, о давней прорусской ориентации Азербайджана. Вот, к примеру, одно из донесений Екатерине I, датированное февралем 1727 года. «Во всех провинциях, коими я ехал, — извещает императрицу В. В. Долгоруков, — с великою радостью меня встречали… все… просят меня, чтобы я их принимал в протекцию Российской империи». И другой рапорт, полвека спустя: «Здешние народы ожидают прихода русских войск с нетерпеливостью и все желают быть подданными России». Можно продолжить этот ряд. Можно выстроить и другой и убеждать, что с Севера нагрянули захватчики и оккупанты. Истины не будет ни в одной из выстроенных версий. Потому что правда не бывает усеченной. А история, не раз любил повторять Гейдар Алиев, «должна знать всю правду».

Начался священный для всего исламского мира месяц Рамазан.

С обретением независимости страны ислам вышел из-за кулис общественной жизни как полноправный участник духовного бытия нации. Историческая роль древнего вероучения нашла отражение и в государственной атрибутике — зеленый цвет в триколоре Азербайджана символически говорит об этом. В канун праздника Рамазан Президент обратился к азербайджанскому народу с теплыми словами приветствия. Он напомнил о героических сынах и дочерях Азербайджана, павших во имя защиты свободы, независимости и территориальной целостности страны, пожелал «им всем упокоя, их родным и близким, всему нашему народу — терпения». Гейдар Алиев передал свои приветствия и праздничные поздравления всем соотечественникам, живущим за пределами страны.

— Желаю всем вам успехов в делах, совершаемых вами на пути укрепления независимости Азербайджана, строительства демократического общества и достижения нашим народом благоденствия.

По исламским представлениям, в этом месяце Аллах заковывает шайтана цепями, дабы ему неповадно было проникать

в души людей и сбивать с пути истинного, и исчадие зла остается бессильным перед человеком. Рамазан — время возвышенных размышлений о жизни и добрых дел; человек всеми помыслами устремлен к Создателю.

За одну неделю ноября Президент подписал ряд указов и распоряжений, в том числе — распоряжение о праздновании 80–летия выдающегося композитора Фикрета Амирова. На здании, где жил творец волшебной музыки, будет установлена мемориальная доска, увидит свет пятитомник его произведений, появится документальный фильм; имя Амирова было присвоено одной из музыкальных школ столицы.

35–летний юбилей отметил Бакинский метрополитен. Большую группу инженеров, рабочих, управленцев Президент наградил орденами. Азербайджан, как и в советские времена, высокими наградами отмечает доблестный труд своих сограждан. В мире немного таких примеров. В советские годы новаторам присваивали звание Героя Социалистического Труда, награждали орденами Трудового Красного Знамени, Трудовой славы, медалями «За трудовую доблесть»… Вдумайтесь: в названии каждой награды заглавное слово — ТРУД. Так и должно быть в жизни человека и народа.

Кстати, в Азербайджане есть звание Героя Труда. Один из таких героев — Омар Агаев. Этот человек — живая летопись свершений республики. 1 января 2003 года ему исполнилось 75 лет.

— Я хоть и не охотник справлять дни рождения, но друзья, знакомые второго января, собравшиеся на Совете аксакалов Сабаильского района, поздравили меня, — рассказывал ветеран. — А на следующий день мне домой позвонил уважаемый Гейдар Алиев, поздравил меня и с юбилеем, и с Новым годом. Пожелал мне и моей семье здоровья, счастья. И я был рад возможности поздравить уважаемого Президента… У меня много наград. Но то, что мои скромные заслуги перед народом не забыты, то, что меня поздравил глава государства, — для меня незаменимая награда.

Девочка с флагом республики

История знамен, стягов, штандартов — это и история народов. Когда в 1918 году был поднят флаг первой Азербайджанской республики, один из ее лидеров возвестил: «Стяг, однажды поднятый, вовек не падет». Тогда история распорядилась иначе. 17 ноября 1918 года в Баку вступили английские войска. Командовал ими генерал Томсон. Разглядев на пристани среди флагов Великобритании, США, Франции, Италии стяг Азербайджанской Народной Республики, надменный британец распорядился немедленно убрать его. Но и британский флаг над Баку развевался недолго. Его сменило красное знамя.

Гейдар Алиев вспомнил о национальной святыне, встречаясь с общественностью города Шеки.

«Я давно гляжу, там маленькая девочка держит флаг в руке. Давно наблюдаю за ней. Обратите все внимание. Она держит флаг в одной руке. Ветер колышет флаг то в ту, то в другую сторону, а она удерживает ровнехонько. Доченька моя, целую тебя, обнимаю. Ежели ты так любишь этот флаг, символ нашей независимости, так вот держишь в руке, я изъявляю тебе мое уважение и почитание. И любовь. Это — независимость нашего народа».

18 октября — День Независимости Азербайджана. 18 октября 1991 года Азербайджан объявил о своей государственной независимости. Независимость мало объявить — надо ее уметь защитить, учит история.

В 2002 году накануне этого праздника Гейдар Алиев вернулся из деловой поездки в Турцию. В аэропорту Бина его окружили журналисты.

— Считаю, что эта встреча заложит хорошую основу для нового наплыва деловых людей Турции в Азербайджан и вкладывания ими больших инвестиций, — говорил Президент. — Я очень удовлетворен…

Как всегда, ему задавали много вопросов, Он отвечал энергично, точно, иногда на мгновение — другое задумываясь.

— Командующий союзными войсками НАТО в Европе — в Баку. Сегодня предусматривается его встреча с вами. Какие области сотрудничества Азербайджана с НАТО будут обсуждаться на этой встрече?

Гейдар Алиев улыбается:

— Ей-богу, я вас всех очень люблю. Хочу, чтобы вы стали хорошими журналистами. Подготавливали, задавали хорошие вопросы. Ты говоришь, — он в Баку, встретится с вами, но

встретимся ли, не встретимся ли, еще неизвестно.

Говоришь, о каких связях НАТО с Азербайджаном мы будем вести речь. Если и будем говорить, я того вам не скажу. Но почему вы такими вещами отнимаете и свое, и мое время?

Эту фразу полушутя бросил человек, который никогда не жалел времени на встречи с журналистами. Он лучше многих других руководителей понимал силу печатного слова. И видел в журналистах не «подручных партии», как их именовали когда-то, а соратников, товарищей по общему делу. Однажды, еще в годы его работы в ЦК КП Азербайджана, в одном из районов республики пустили под нож тираж местной газеты: секретарю райкома не понравилась какая-то статья, вот он и распорядился… Дело дошло до Алиева. И он сделал из него показательный урок для всей республики. Были освобождены от своих обязанностей и наказаны в партийном порядке виновные, вплоть до ответственных работников ЦК, — это само собой. Главное — первый секретарь показал, как должно относиться к прессе — уважительно, по-товарищески.

— По субботам и воскресеньям Гейдар Алиевич всегда работал, — вспоминает генерал Ахундов. — От будних дней одно отличие — заканчивал работу пораньше.

И очень часто — до работы или после — приходил на могилу жены. Долго стоял один у памятника, о чем-то думал…

Генерал знал: этот мемориал Гейдар Алиевич спроектировал сам — вплоть до каждого деревца, где и какое посадить… Он деликатно стоял в сторонке, понимая, как дороги эти мгновения душевного общения, как трудно передать их словами.

Ты уходишь в сумерки неласкового дня,
Солнце, так любившее меня.
В небе птицы, лебеди черные летят,
В нашем южном городе зимний снегопад.
Тень твоя на сумрачном дальнем берегу,
Я тебя найти не могу.

Эти строки из песни «Возвратись, любимая». Ее на слова Николая Добронравова написала Севиль Гейдаровна Алиева, Сева, как любила называть ее мама…

В Баку открылась международная конференция «Роль религии и вероисповедания в демократическом обществе: поиски путей борьбы с терроризмом и экстремизмом». На открытии конференции выступил Президент Азербайджанской Республики

Гейдар Алиев:

— В глобализированном мире мы все стали ближе друг другу. Именно с этим связано и то, что сегодня обрел глубокий смысл диалог между народами, культурами, религиями. Развивая этот диалог, поддерживая этот диалог, мы должны… стремиться выявлять и истреблять на корню все источники, содействующие формированию терроризма.

А сегодня террористические силы во имя достижения корыстных политических целей, в некоторых случаях обращаясь к священным для всех нас общечеловеческим ценностям, стремятся оправдать террор для защиты интересов той или иной группы… Человечество, сказавшее «нет» терроризму, мобилизуя все свои усилия, должно стремиться уничтожить его духовные, экономические, политические корни.

Президент отметил, что оккупация 20 процентов территории республики — это последствия не только армяно-азербайджанского конфликта. Это, по его словам, и результат деятельности международного терроризма в регионе.

Азербайджан по своей Конституции — светское государство… Мы, говорил Гейдар Алиев, воспринимаем религию как феномен и как неотъемлемую часть культуры, исторического наследия нашего национального менталитета.

21–23 ноября Президент провел в Златой Праге на саммите стран НАТО. Не в первый раз он был в этом добром и гостеприимном городе, любовался и Карловым мостом, и Староместской площадью, и Градчанами, откуда открывается захватывающий вид на средневековые улочки, на зеленоватые крыши… И в этот раз, несмотря на жесткий график встреч и переговоров, ему удалось несколько минут постоять у древних стен Пражского Града.

24 ноября 2002 года, Баку

Вернулись в Баку в субботу, к концу дня. Казалось бы, в воскресенье надо отдохнуть, набраться сил перед новой рабочей неделей. Но такой распорядок не для Алиева. Утром он позвонил Ахундову:

— Я хотел бы сейчас поехать в город.

Через 10–15 минут генерал уже был у резиденции.

— Президент нас ждал — одет в свитер, костюм. Я напомнил Гейдару Алиевичу, что в последнее время он часто выезжает в город, его уже ждут, а это небезопасно.

«Не беспокойся. Собирайся и поедем к памятнику Джабарлы».

Гейдар Алиевич любил этот памятник, открытый по его инициативе в 1981 году. Не раз с глубокой признательностью говорил о больших заслугах Джафара Джабарлы, умершего в 1934 году, в развитии азербайджанской литературы, национального самосознания. Кстати, подходящий, цельный гранит по настойчивой просьбе Алиева нашли на Украине.

На площади у Нефтяной академии, где установлен памятник, машина остановилась… Тут же начали собираться прохожие. Кто-то поздоровался, пожелал Президенту доброго самочувствия: «Вы вернули нам человеческое достоинство»; кто-то, пользуясь случаем, обратился со своей просьбой.

Помощников в такие неплановые поездки Гейдар Алиевич не брал, за них приходилось работать Ахундову. Записывал в блокнот, который всегда был при нем, фамилию, адрес, телефон: «Вам обязательно позвонят, скажут о принятых мерах».

Как считает генерал Ахундов, Гейдару Алиевичу — особенно после зарубежных командировок — очень хотелось живого общения с земляками, бакинцами.

— Дальше Президент попросил остановить машину у кафе «Портофино», на углу проспектов 28 Мая и Бюль-Бюль. Там, на веранде, всегда многолюдно. Молодежь, семейные пары, дети… Гейдар Алиевич выбрал свободный столик, пригласил меня сесть рядом и заказал мороженое.

В том кафе и сейчас висят снимки, напоминающие об этом памятном дне. На Гейдаре Алиевиче легкий свитер, глаза прикрыты солнечными очками. Потом расплатились («За мороженое заплатит генерал, — сказал Алиев, — у него мои деньги») и по улице Низами пошли к площади Фонтанов — километра два. По дороге заглядывал в магазины, разговаривал со встречными.

Дети, молодежь, взрослые шли следом, просили разрешения

сфотографироваться. Гейдар Алиевич не возражал. Часа два продолжалась прогулка. Для охраны — головная боль, для бакинцев — нежданная встреча, а для Президента, — видно, редкая и потому дорогая возможность побыть среди горожан.

28 ноября Гейдар Алиев принял делегацию из Турции, ее возглавлял почетный президент турецкой компании «Энка» Шарык Тара. Гость рассказал о том, что компания «Энка» построила крупнейшую в Европе электростанцию; намерена вкладывать инвестиции в экономику Азербайджана, в частности реконструировать Сумгаитскую ТЭЦ. Гейдар Алиев поблагодарил гостя за его предложения и сказал, что знает эту компанию еще со времен своей работы в Москве.

— Когда вы отреставрировали Петровский пассаж, все сказали, какие прекрасные строители турки… А раньше считали, что турки ничего не умеют… Порой, когда неумеха что-то напортачил, ему пеняли: ты турок, что ли?! Вы построили много красивых зданий в Москве. И, когда я слышу, что их возвела «Энка», это радует меня.

Наверное, многим доводилось любоваться вечерним и ночным Баку, где «сияет золотой муравейник огней», как поется в известной песне Тофика Кулиева, памятной старшим поколениям в несравненном исполнении Рашида Бейбутова.

…В центре Баку, в одном из старинных зданий расположился академический Институт рукописей, названный именем гениального мыслителя Мохаммеда Физули. Здесь бережно хранятся бесценные старинные тексты. А в комнатах, где в тридцатые годы жил волшебник слова Гусейн Джавид, открыт его музей. На открытии музея выступил Президент страны. Он говорил о трагической судьбе великого поэта и мыслителя, о том, что никакие силы не могут отнять у народа его историю, его культуру.

Пусть возрадуется душа великого Джавида…

Когда в Москве помощники первого заместителя Председателя Совета Министров хотели пораньше отпроситься с работы, они порой говорили, что собрались в театр. Знали наверняка: ради хорошего спектакля Гейдар Алиевич разрешит уйти пораньше; потом расспросит о постановке.

Театр с юношеских лет остался любовью Алиева. Вот и в декабре 2002 года он посетил премьеру «Гамлета» в академическом Национальном театре. После спектакля Президент встретился с труппой, поздравил актеров с творческим достижением. Встречи Гейдара Алиева с деятелями культуры, искусства и литературы были давней, еще с советских времен, традицией.

12 декабря в Президентском дворце Гейдар Алиев принял народных артисток республики, лауреатов Государственной премии сестер Фидан и Хураман Касимовых. 25 лет назад они впервые вышли на оперную сцену. Приведем небольшой фрагмент этой содержательной беседы.

Гейдар Алиев: «Вы достигли многого. Вы очень много сделали для азербайджанского искусства, музыки. У вас редкостный, врожденный талант. Причем у обеих. Это Аллах дарует не всем».

Фидан Касимова: «Господин Президент, помните, в 1975 году вы слушали оперу «Кероглу»? После второго акта вы вышли в фойе. Я стояла в углу с моими папой и мамой. Я в ту пору была лауреатом двух-трех конкурсов… Вы подошли, поздоровались с моими родителями. Спросили у меня: Фидан, а когда же мы увидим тебя в роли Нигяр? Вы это помните?»

Гейдар Алиев: «Очень хорошо помню».

Фидан Касимова: «Поверьте, я не забываю тот день. Та сила, ответственность, исходившие от вас, до сих пор меня воодушевляют. Ваши слова вызвали во мне столько чувств, что очень скоро я разучила партию Нигяр и спела ее».

Не погрешим против истины, если скажем: каждый из великих мастеров азербайджанской культуры хранит добрую память о Гейдаре Алиеве, чувства, окрашенные личными симпатиями, признательностью. Муслиму Магомаеву, к примеру, запомнилось, как после одного из концертов Гейдар Алиевич спросил его:

— Может быть, тебе что-нибудь нужно?

— Нет, — ответил молодой певец, хотя он в ту пору маялся в коммуналке.

«Думаю, он оценил мой такт, — написал через годы Муслим Магомаев в своей доброй и светлой книге «Любовь моя — мелодия», — и у него появился повод относиться ко мне с уважением, а потом и с любовью. Как и я отношусь к нему».

«Вокруг нас собрались все азербайджанские дети»

Заканчивался год. Люди готовились к празднику. Но для Гейдара Алиева по-прежнему все дни были рабочими.

— Не припомню такого дня, чтобы Президент не пришел на работу, — заметил генерал Ахундов. — За все годы после 1993–го он ни разу не был в отпуске. И ни разу не из менял свой распорядок дня. В восемь — завтрак. К десяти приезжал на работу. Обеда у него не было. Целый день — встречи, беседы, документы, звонки, письма. В восемь легкий ужин. Я здесь работаю 25 лет, и такой режим, знаю, был всегда.

Верилось: и в новом, 2003 году, когда Президенту исполнялось 80 лет, все пойдет так же.

31 декабря он приехал во Дворец Республики, где на новогодний праздник собрались воспитанники детских домов Баку. Звучала музыка, дети танцевали, пели и внимательно слушали, что говорит им Гейдар-баба (дедушка).

— Когда я вместе с вами принимаю участие в этом празднике, мне кажется, что вокруг нас собрались все азербайджанские дети, вся молодежь Азербайджана. Мне представляется, что я обнимаю, прижимаю к груди, целую всю молодежь. Желаю вам счастья!

В последние минуты уходящего 2002 года Президент обратился к соотечественникам по случаю Дня солидарности азербайджанцев мира и Нового года.

— Мы можем с чувством гордости сказать, что 2002 год был для азербайджанского народа успешным. — Гейдар Алиев назвал немало убедительных цифр роста экономики, зарплат и пенсий, бюджета. — Проблем у нас тоже много, — говорил он. — Но одна проблема — это, можно сказать, боль Азербайджана — армяно-азербайджанский, нагорно-карабахский конфликт и его нерешенность до сих пор. — Президент напомнил о том, что было сделано в уходящем году, сказал, что Азербайджан будет «до конца использовать возможности мирного пути». — Мы создали для людей возможность спокойно жить, стремимся и впредь будем стремиться к ежегодному, ежемесячному улучшению образа жизни людей.

Глава XIII. В ГЛАЗАХ МИРА

Крупные политики, государственные и общественные деятели часто оценивают друг друга. Если судить только по официальным речам и посланиям, то складываются образы мудрецов и богатырей. За глаза при этом даются такие характеристики, что порой кажется, будто речь идет о совершенно разных лицах.

Один из ярких примеров — отношение Президента Джорджа Буша — старшего к советскому лидеру Михаилу Горбачеву. После их переговоров на Мальте в 1988 году Буш в кругу своих помощников воскликнул: «Боже, он же ничего не понимает в экономике!» Не знаем, уточнили ли вашингтонские эксперты, в чем, по мнению их шефа, разбирался многословный генсек.

Конечно, в действиях лидеров государств, общественно-политических движений, дипломатов многое диктуют политический этикет и обыкновенный расчет. Классический урок преподал канцлеру ФРГ Аденауэру генерал де Голль.

В июле 1962 года Париж устроил канцлеру пышный прием. Де Голль наградил его Большим крестом Почетного легиона и осыпал потоком лестных фраз. Через пару месяцев Президент Франции отправился с ответным визитом за Рейн. По оценке биографа де Голля Николая Молчанова, это был странный, но эффектный спектакль.

На аэродроме в Бонне французского Президента встречал Аденауэр. Неожиданно для всех де Голль обнял изумленного старика и расцеловал его в обе щеки. Канцлер говорил потом: «Первый раз меня целует иностранный государственный деятель, да к тому же еще француз!» Затем пять дней выступлений на немецком языке в крупнейших городах Западной Германии — Гамбург, Кёльн, Мюнхен, Штутгарт, Дюссельдорф… Немцы носили его на руках. «Де Голль прибыл в Германию президентом французов, — замечал журнал «Шпигель», не симпатизировавший французам.

— Он возвращается императором Европы». А сам генерал позже признался одному из близких сотрудников: «Я говорил немцам: вы великий народ. Но это неправда. Если бы немцы были великим народом, они не встречали бы меня таким образом».

Свой спектакль генерал рассматривал как пролог к заключению договора о франко-западногерманском сотрудничестве. 22 января 1963 года в Елисейском дворце де Голль и Аденауэр подписали договор. По одному меткому выражению, это была «самая большая свадьба Европы». По-разному потом складывались отношения Франции и Германии,

случались и разводы, и посуду, бывало, били. Но с исторической дистанции видно: каждый свой шаг де Голль соотносил с национальными интересами Франции.

…10 апреля 2000 года Гейдар Алиев принимал докладчика Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) по Азербайджану, депутата парламента Франции Жака Бомеля. Господин Бомель сравнил Алиева с бывшим Президентом Франции генералом де Голлем: «Занимая ту же позицию, что и он, вы проводите политику, находящуюся за пределами всех блоков. Думается, что именно поэтому дальнейшее сближение отношений Азербайджана и Европы имеет особое значение. Европа по сути поддерживает вас во всех областях. А это способствует сохранению независимости Азербайджана».

Парижский златоуст осыпал собеседника комплиментами по поводу его бодрого вида и хорошего самочувствия. Гейдар Алиев отплатил ему той же монетой: «Господин Бомель, смотрю на вас — как хорошо вы выглядите, какая у вас прекрасная память… Вчера вечером, когда вы с таким живым интересом наблюдали за нашими танцами во время официального приема, я еще раз убедился в этом».

А дальше уже серьезно:

«Вы каждый раз говорите о политике генерала Шарля де Голля и на сей раз затронули это. Естественно, личность генерала Шарля де Голля — одна из самых выдающихся в мире. Все, что сделал Шарль де Голль во время Второй мировой войны, а также после нее, будет жить на протяжении веков, не утратит своей ценности. Для меня генерал Шарль де Голль является и идеалом, и примером.

Проводить уравновешенную политику, о которой вы говорили, проводить политику защиты независимости Азербайджана — вот основа моей сегодняшней политики».

И эта политика, добавим, стала реальностью. Алиев нашел баланс интересов своей страны и великих держав.

Каким предстает Гейдар Алирза оглы Алиев в оценках государственных и общественных деятелей других стран, крупнейших политиков мира? Перелистаем газетные хроники и мемуары, попросим наших собеседников ответить на этот вопрос.

Президент Турции Сулейман Демирель с восточной пышностью называл Алиева «братом моим, который, обратив свою грудь в щит, являет доблесть, чтобы вести независимый Азербайджан настойчиво и демократическими путями к цели».

Федерико Майор, генеральный директор ЮНЕСКО, заявил, обращаясь к Гейдару Алиеву: «Вы — выдающийся лидер, признанный всем миром».

Это действительно так. Признаний много — и искренних, и лукавых. Госпожа Олбрайт, экс-командор американской дипломатии, отвесила комплимент Алиеву, а попутно и себе. За период пребывания в должности госсекретаря США она «не видела второго президента, которого бы принимали здесь с таким почетом». Вот, мол, как Госдеп постарался.

Генри Киссинджер, коллега госпожи Олбрайт, в свое послание упаковал целую программу: «Достойна одобрения деятельность Президента Гейдара Алиева, поставившего перед собой цель развития связей с США и странами Запада, приложившего энергичные усилия к становлению рыночной экономики и демократии. Гейдар Алиев ревностно, решительно ведет борьбу за сохранение независимости».

Из многих других характеристик выделяется образ, который начертал Президент Франции Жак Ширак: «Эта необыкновенная личность вывела Азербайджан на путь процветания. Я высоко ценю его смелость, мудрость и решительность, проявленные в ходе наших встреч, в частности, при проведении обсуждений вокруг Нагорно-Карабахского конфликта, в разрешении данного конфликта мирным путем.

Азербайджану повезло в том, что этой страной руководит такой имеющий большую политическую волю, богатый политический опыт, мудрый, прозорливый и авторитетный государственный деятель, как Гейдар Алиев».

Очень емкая и точная оценка. Богатый руководящий опыт — это ведь не только о постсоветских годах, но и о советских, когда Алиев формировался как государственный деятель. Именно на это обратил внимание Президент России Владимир Путин, говоря, что Гейдар Алиев известен в Российской Федерации как выдающийся деятель не только Азербайджана, но и всего Советского Союза.

Будучи председателем Совета Федерации Федерального собрания России, Егор Строев отмечал мудрость и оптимизм Алиева, смелую постановку вопросов и умение решать их в самой сложной ситуации. «Найти разрешение конфликта мирным путем, — подчеркнул Егор Семенович, — это значит быть на вершине политической мысли».

Мэр Москвы Юрий Лужков дал такую оценку этому политику:

«Гейдар Алиев был великим человеком советского и постсоветского времени на всем пространстве бывшего СССР, потрясающим интернационалистом, умнейшим и глубоким, который считал не по расчету, а по разуму и сердцу, что азербайджанцы всегда будут получать большую пользу от России».

Александр Дзасохов, Президент Республики Северная Осетия — Алания, считает Гейдара Алиева «великим сыном азербайджанского народа, чей богатый опыт государственного деятеля был востребован его Родиной после политического землетрясения, закончившегося дезинтеграцией союзного государства».

Герхард Шредер, федеральный канцлер ФРГ, и Дзюнъитиро Коидзуми, премьер-министр Японии, прежде всего выделяли, разумеется, независимо друг от друга, исторические заслуги Алиева в обретении независимости страны.

По мнению Джорджа Буша, Президента США, «в течение длительного времени Гейдар Алиев был главной личностью на Южном Кавказе. Его личные усилия имели жизненно важное значение в установлении дружественных связей, которыми сегодня пользуются Соединенные Штаты Америки и Азербайджан, и в сохранении независимости Азербайджана».

Борис Олейник, глава делегации Украины в ЕС, выдающийся украинский поэт, назвал Гейдара Алиева истинным спасателем: «Именно в такой момент, когда независимость Азербайджана оказалась под угрозой, штурвал страны взял в свои руки верный сын своего народа Гейдар Алиев. Как истинный спасатель, благодаря своей мудрости, смелости и мужеству он смог вывести Азербайджан из тяжелого положения».

Пожалуй, самое обстоятельное письмо от тех, к кому обращались, мы получили от Президента Казахстана Нурсултана Абишевича Назарбаева. Он не ограничился беглой, хотя и яркой формулой, а дал развернутый политический портрет «умудренного опытом жизни, строительства экономики и большой политики, при этом открытого и душевного человека». Мы уже ссылались на это письмо, говоря об алма-атинских событиях 1986 года, о первых раскатах грома в Карабахе. К Алиеву, который предупреждал о просчетах в национальной политике, Горбачев не прислушался, ему проще было вести дела с удобными и ручными. Человека, который жестко отстаивал свое мнение, свою позицию, отправили в отставку.

«Тем не менее кризис разразился, начали расти напряжение и народное возмущение, подняли голову сепаратисты и националисты в Азербайджане, — пишет Нурсултан Назарбаев. — И остается только удивляться мужеству, долготерпению и стойкости Гейдара Алиевича, которого пытались сделать крайним, возложить на него ответственность за начавшуюся разруху и смуту. Но сломить его не удалось.

Вопреки угрозам врагов и предостережениям друзей и даже простому инстинкту самосохранения, он не смог остаться в

стороне, не стал наблюдателем «издалека», а вернулся на родину. Как гражданин и патриот, он хотел пережить все начавшиеся трудности со своим народом. И не просто пережить, а, используя свой опыт и авторитет, принять участие в выправлении ситуации.

В это труднейшее время Гейдар Алиевич вел настолько грамотную, взвешенную и открытую политику, что в 1993 году народ призвал его стать Президентом нового независимого государства, выражая тем самым безграничное доверие своему лидеру и не видя, по сути, другого выхода из сложнейшего кризиса, обрушившегося на страну.

Могу обобщенно сказать, что, уезжая в 1982 году в Москву, он оставил экономически и политически стабильную, находящуюся на подъеме республику. Десять лет спустя, в 1993 году, став Президентом, он принял страну, пусть даже с независимым статусом, но с полностью разваленной экономикой, раздираемую клановыми, гражданскими и межнациональными конфликтами, доходящими до жестоких кровопролитий, наводненную беженцами и бандитскими формированиями, с доведенным до отчаяния населением.

С его стороны было настоящим подвигом в очень короткие сроки восстановить и укрепить все институты власти, стабилизировать политическую ситуацию, прекратить кровопролитие, возродить чуть ли не с нуля экономику, начать кардинальные рыночные реформы, существенно поднять народное благосостояние.

Он, человек, сформировавшийся еще в Советском Союзе, воспитанный на социалистических идеях, но волей судьбы поставленный в кардинально новые условия, сумел соединить, казалось бы, несоединимое. Он взял из прошлой жизни целеустремленность, неистребимую веру в силы и разум народа, верность долгу, высочайшую ответственность за порученное дело и с юношеской энергией взялся строить принципиально новые общественные и экономические отношения. И ему это удалось.

Он сумел обеспечить совмещение успешных ответов на вызовы и угрозы века глобализации, порой отнюдь не гуманных, с сохранением и приумножением древней истории, богатой культуры и национальных традиций своей родной земли.

Особо хочу отметить один важнейший аспект, в котором полностью отразились мудрость и дальновидность Гейдара Алиевича как государственного деятеля и политика международного масштаба, — подчеркивает Президент Казахстана. — Нужно вспомнить, что к тому времени, когда он вновь возглавил страну, Азербайджан оказался практически в международной изоляции. Правившая несколько лет страной

оппозиция во главе с Эльчибеем успела обострить отношения не только с соседними, но и со многими другими зарубежными странами, поставив во главу угла политику изоляционизма и национальной исключительности.

Являясь жестким прагматиком, сторонником сотрудничества и интеграции, Гейдар Алиевич предпринял титанические усилия, чтобы исправить положение, наладить отношения с международным сообществом, в первую очередь с СНГ. Я с благодарностью отмечаю, что он с пониманием относился и ко многим моим интеграционным усилиям и начинаниям. Я всегда мог рассчитывать на мудрый совет и поддержку своего старшего коллеги.

Немало часов мы провели с ним, обсуждая проблемы Каспийского региона. Нас объединяло понимание того, что его ресурсы ни в коем случае не должны стать предметом раздора, тем более что конфликтный потенциал региона действительно очень велик. И мы делали, как делаем сейчас, все возможное, чтобы Каспий стал морем дружбы и взаимовыгодного сотрудничества. В этом заинтересованы все прикаспийские государства и наши партнеры во всем мире.

Не боясь никого задеть, могу определенно сказать, что только политическая воля лидеров России, Азербайджана и Казахстана, наше доброе стремление к взаимодействию и взаимопонимание помогли в свое время сдвинуть с мертвой точки процесс определения юридического статуса Каспийского моря.

Сегодня Азербайджан вновь на подъеме, и я очень надеюсь, что продолжателем дела Гейдара Алиевича будет новый президент страны, его сын — Ильхам Алиев. Нисколько не сомневаюсь, что Казахстан и Азербайджан будут, как раньше, не просто добрыми соседями, но и эффективными партнерами, причем не только в Прикаспийском регионе».

В 1986 году заместителем Председателя Совета Министров СССР назначили Владимира Кузьмича Гусева. До этого он работал в Совмине России, был первым секретарем Саратовского обкома партии. Два года (до отставки Алиева) Гусев трудился в одной команде с ним.

— Мы часто встречались с Гейдаром Алиевичем, я видел его, как говорится, в деле, в работе, — делится своими наблюдениями Владимир Кузьмич. — Это человек особой организованности. Он очень жестко спрашивал за свои поручения. И в этом у нас были общие подходы — контроль я считаю одним из главных компонентов в деятельности руководителя. Бесконтрольность, с которой сейчас сталкиваешься на каждом шагу, выводит меня из себя. У Гейдара Алиевича этого не было. Строители Байкало-

Амурской магистрали и сейчас помнят, как с них спрашивал Алиев.

В отличие от иных руководителей, которые не любили оставлять свои кабинеты, он систематически выезжал на места. Контакты с рабочими, специалистами, ознакомление с фактическим положением дела — это стиль работы Алиева. Сейчас руководителей такого масштаба редко встретишь, Владимир Гусев не раз бывал в Азербайджане, когда Алиев работал в Москве.

— Меня порадовало, как там, в его родной республике, отзывались о нем. Он сохранял связь с родиной, старался приезжать туда… Я знаю некоторые фрагменты его семейной жизни. Как он заботился о своей жене, Зарифе Азизовне, до ее последних дней! И это тоже характеризует человека цельного, волевого.

Он оставался динамичным до своих восьмидесяти лет, уверенно руководил страной. Многие ключевые отрасли Азербайджан сохранил в руках государства, что и дало возможность управлять страной. Не имея таких рычагов управления, управлять нельзя. Все это в целом дает мне основание, не льстя, сказать: это был настоящий, большого масштаба государственный и политический деятель Советского Союза и независимого Азербайджана.

Из воспоминаний Анара, председателя Союза писателей Азербайджана:

«В советское время в отдаленные районы республики Гейдар Алиев отправлялся на поезде. Обычно с ним выезжали и специалисты, случалось, в группе бывали и поэты, и актеры. Как-то на перроне появился известный актер Нодар Шашигоглы.

Гейдар Алиев спросил его:

— А вы что здесь делаете?

— Буду следить за вами, — ответил Нодар. — Вдруг когда-то придется сыграть вашу роль.

Гейдар Алиев, не задумываясь, отрезал:

— Меня играть не надо. Я сам себя играю хорошо».

Да, свою роль, отведенную ему судьбой, он сыграл с полной отдачей. А оценивать его на этой исторической площадке будут не только современники, но и сменяющие друг друга поколения. Возможно, что-то им увидится иначе, чем нам, современникам событий. Обычно так и происходит. Так же обычно и понятно стремление историков, исследователей обращаться к свидетельствам современников великих людей. Они, нахичеванцы, бакинцы, москвичи, азербайджанцы и русские, люди разных профессий, возрастов, мужчины и женщины,

делились с нами своей памятью о Гейдаре Алиеве — их свидетельства и сложились в эту книгу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В меня вместятся оба мира,
но в этот мир я не вмещусь.

Насими

Говорят, черная весть крылата, как ветер. Черная весть перелетела океан: в Соединенных Штатах, в больнице Кливленда скончался Гейдар Алирза оглы Алиев.

Когда он явился в этот мир, его нарекли Гейдаром. Гейдар — имя — эпитет Святого Али, символа силы и мощи в мире правоверного Востока, воплощения мудрости и праведности. Роль родителей, среды и воспитания в судьбах людей неоспорима. Но думается, что и выбор имени человека также является неким знаком, предначертанием. И люди на протяжении жизни несут на себе печать этих предначертаний.

Есть ли след от света? Странно представить навеки угасшее солнце. Со временем звезды гаснут, но люди долго — долго видят их свет.

Без света нет жизни.

Гейдар Алиев родился под солнечным небом Азербайджана и вобрал в душу свет родного солнца, — чтобы вернуть этот свет всем и каждому, вернуть родной земле. Судьба отвела ему 80 лет. Звезда Алиева будет светить Азербайджану десятки и сотни лет.

Природа щедро одарила вас.
С таким здоровьем жить хоть бы до ста,
Когда бы лиха не хлебнули вдосталь,
Когда б не раны, скрытые от глаз.

Так написал поэт Сиявуш Мамедзаде в стихотворении, посвященном памяти Президента. Да, путь Гейдара Алиева не был усыпан розами. Куда больше было терний. Были испытания — драматические, на разрыв сердца, на грани жизни и смерти — не только для него самого, но и для Азербайджана.

Он выстоял. Он выдержал. Он превозмог боль.

Вы не склонили гордой головы,
Спасая жизнь и честь Азербайджана,
Презрев шумок оплаченной молвы
С достоинством борца — Кориолана…

Даже оппоненты считались с его политическим опытом, силой воли и интеллекта. Он вернулся к власти в девяносто третьем — в роковой, критический час, когда его Родину терзали враги и раздирали внутренние распри. И следом за ашугом Аббасом Туфарганлы повторял: «Если народ един — горы своротит он!»

В ночь с двенадцатого на тринадцатое декабря 2003 года его народ осиротел. С утра тринадцатого улицы Баку и других городов, поселков, сел Азербайджана стали черно-красными от траурных ленточек и гвоздик. Черные ленты на флагах, на автобусах, черные ленточки приклеены скотчем к турникетам в метро. Люди шли и шли к президентскому Дворцу. Там, на парапете, сразу после полуночи, когда телеведущая, прервав программу, сказала, что Гейдар Алиев скончался, появились первые красные гвоздики и горящие свечи. Гейдар Алиев очень любил эти цветы, и люди несли их к Президентскому дворцу.

…Еще не так давно он легко поднимался по этим ступеням. Жалкой, немощной старости в нем не было заметно до самых последних дней. В Баку любили пересказывать историю, как Президент отказался утвердить в должности одного из новых министров: «Толковый парень, но почему такой толстый? Пусть сперва приведет себя в порядок». Кандидат в министры привел себя в порядок, сбросил лишние килограммы. А Президент, как всегда, сдержал свое слово. Так в правительстве появился еще один «крестник» Алиева.

Звучит в эфире траурная музыка. На телеэкране — кадры из жизни Алиева, первого секретаря ЦК Компартии республики, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, Президента страны.

— Мы стремимся довести до XXI века еще более сильное независимое Азербайджанское государство. Мы хотим создать грядущим поколениям более счастливую жизнь. Эффективно используя возможности Азербайджана, развивая экономику, мы стремимся к повышению благосостояния азербайджанского народа… Азербайджан будет развиваться как свободная, демократическая страна и продемонстрирует свои исторические достижения на стыке Европы и Азии.

Дорогие соотечественники! Вы можете быть уверены в том, что я осознаю эти свои трудные и ответственные обязанности, и прошу, чтобы вы знали, сколь для меня дорого оказанное вами мне доверие. Я отношусь к этому доверию с чувством высокой ответственности. Заверяю вас, что всем своим существом буду стремиться оправдать это доверие и добьюсь стремительного развития Азербайджана в предстоящие годы.

Поток людей кажется бесконечным. Это всенародный караван скорби.

Вот тяжело переступает седовласая женщина — не усидела дома, вышла разделить свою боль с другими. Молодая мать с грудным младенцем и гвоздикой — она и цветок (единственный!) прижала к груди, как дитя. Ветеран старается держаться прямо, рядом с ним — похожие на него сыновья… Народ Азербайджана, перед которым он никогда не лукавил, прощается со своим Аксакалом, со своим Гейдаром-киши.

— Мы живем как независимое государство и неоднократно заявляли, что наша независимая государственность пребудет навеки. То есть впредь не будем жить в составе, под покровительством другого государства… Эта независимость должна иметь не только морально-политический, но и материальный результат, обеспечить улучшение жизни людей.

Когда происходил процесс распада Советского Союза, многие экономисты… пришли к выводу, что если две-три из пятнадцати советских республик в период независимости смогут полностью содержать себя, то одна из них — Азербайджан. Это еще в то время говорили и советские ученые, и западные советологи. Это не мысль, взятая с потолка. Она связана и с природными богатствами, и с экономическим потенциалом Азербайджана…

С какой верой, с каким оптимизмом Гейдар Алиев говорил эти слова!

Город на берегу Каспия немало пережил на своем долгом веку. «К маслу горящему и именуемому нафта» тянулись чужие руки и в прошлые времена, и в нынешние.

В те тревожные дни, когда страна бурлила, как штормовой Каспий, не раз пришлось напрямую обращаться к народу. Не потому, что Президент не мог применить силу. Нет, закон давал ему такое право. Но он всегда выбирал силу права, убеждения, а не право силы. Он звал на совет своих соотечественников.

— Много сил, желающих расчленить Азербайджан; одни внутри нас, другие — вовне. В некоторых вещах надо идти на компромисс, некоторые вещи прощать. Сегодня я вновь говорю вам: я многое прощал. Иные даже удивляются, мол, мы знаем Гейдара Алиева, между Гейдаром Алиевым семидесятых годов и нынешним

есть разница. Разница в том, что он тогда был решительнее, строже, резче. А теперь и мягок, и некоторые вещи прощает.

Всему этому есть ряд причин. Причина в том, что мы живем в условиях демократии. Между тогдашним и нынешним государственным строем есть разница. Я следую путем демократии. Как человек, утверждающий в Азербайджане принципы демократии, я иду на компромиссы во многих вещах. Следуя путем демократии, нужно создавать мир, безопасность, гражданское согласие…

Гейдар Алиев, как самый чуткий сейсмограф, улавливал политические токи времени. И пропускал их через свое сердце. В мае 1987 года, как мы уже писали, его настиг инфаркт. «Страшнейший инфаркт», — уточнил в одной из наших бесед Евгений Максимович Примаков. Ему рассказала об этом его жена, Лаура Васильевна, врач-кардиолог кремлевской клиники, к сожалению, уже ушедшая из жизни. Алиева тогда списали в пенсионеры. «Но он выкарабкался после инфаркта, — добавляет Евгений Максимович, — и это тоже свидетельство его воли, умения мобилизовать все жизненные силы». В черную субботу, тринадцатого декабря 2003 года, Евгений Максимович Примаков одним из первых пришел в посольство Азербайджана в Москве, чтобы проститься со своим большим другом. «Это был человек, который делал историю», — так написал Примаков об Алиеве в книге соболезнований. «Это был человек, который бы сделал честь любой нации» — слова депутата Госдумы Сергея Бабурина. «Гений», «великий сын азербайджанского народа» — самые частые записи в этой скорбной книге.

…В Азербайджане помнят досужих «прорицателей», которые твердили: мол, теперь-то, вернувшись во власть, Алиев примется сводить счеты с теми, кто вчера чернил и шельмовал его. Но это не в характере великанов.

— Сегодня, конечно, можно говорить о репрессиях минувшего периода, можно говорить о зле, причиненном людям, о несправедливости… Это наша история. Историческую правду нужно говорить всегда. Но наряду с этим почему вы забываете достигнутые нами успехи? Среди этих достижений… — азербайджанский язык. Теперь называйте это, как хотите, но азербайджанский язык за всю историю не обогатился настолько, насколько в эти шестьдесят лет… Не было написано на азербайджанском языке столько книг, столько романов, столько стихов, столько рассказов. Это наш исторический путь, это наше историческое достижение…

…Мы должны всегда высоко чтить свое национальное самоощущение. Национальное самочувствие всегда выручало меня

из трудных ситуаций. Благодаря национальному самоощущению я и смог идти по желаемому пути, достичь желаемого и служить моему народу.

Президент Гейдар Алиев в последние годы любил гулять по улицам Баку. «Мог запросто зайти посидеть в приглянувшийся ему ресторанчик», — как заметили в своем репортаже журналисты «Известий». Его охранники беспокоились: «Гейдар Алиевич, мы не проверили еду». «Ничего, ничего, — улыбался Алиев. И тут же в шутку замечал начальнику охраны: — Если что случится, ты будешь виноват». Сколь велик человек, столь же и прост. Сколь искренен и отзывчив, столь же и привлекателен. Гейдар Алиев покорял своей искренностью.

К нему тянулись люди искусства — писатели, композиторы, художники. Они видели в нем моральную опору, своего духовного наставника. И не раз говорили об этом — сошлемся хотя бы на свидетельства писателей Анара и Мамеда Араза, Вагифа Самедоглу и Эльчина, их русского собрата, фронтовика Великой Отечественной Ивана Поликарповича Третьякова — ему в числе большой группы литераторов была установлена Президентская стипендия. «Я, сколько буду жив, буду помнить Гейдара Алиева, — так написал нам Иван Третьяков. — Он ценил людей по работе, при нем хотелось трудиться с полной отдачей».

Алиев высоко ценил дружбу и не жаловал перебежчиков. Не забывал тех, кто оставался с ним в горькие дни московской опалы, в дни испытаний, кто не перебегал к более перспективным, как им казалось, покровителям. Умел быть благодарным, очень ценил это качество у других.

19 декабря 1995 года. Гейдар Алиев выступает во Дворце «Гюлистан» на вечере, посвященном шестидесятилетию Юсифа Самедоглу, народного писателя, видного общественного деятеля, рано ушедшего из жизни.

— Сегодня считаю нужным сказать и об одном интересном эпизоде. В 1990 году я вернулся из Москвы в Азербайджан. Здесь (в Баку. — Авт.) жить оказалось невозможным, я отправился в Нахичевань. В то время, если, с одной стороны, меня преследовали, изолировали от общества, совершали несправедливость в отношении меня, то, с другой стороны, я постоянно наблюдал уважение и очень часто чувства любви со стороны народа. Я никогда не забывал и не забуду людей, которые во время моей жизни в Нахичевани в условиях изоляции, прорвав блокаду, приезжали и встречались со мной. Ибо это было непростым делом. Людей приезжало много. Приходили просто повидаться, на час, на два, побеседовав со мной, выразив свое отношение, возвращались обратно — или в Баку, или в Гянджу, или же в другие города.

Однажды произошло совершенно неожиданное для меня событие. Внезапно открылась калитка, вошла Айбениз-ханум. Я тогда сидел во дворе. Подумал, может, Айбениз-ханум прибыла в Нахичевань, чтобы встретиться с кем-то по своим делам… Услышала, может, что я тоже нахожусь здесь, вот и решила наведаться и поприветствовать. Но позже выяснилось, что она прилетела самолетом из Баку в Нахичевань вместе с родней ради одной-единственной цели: навестить меня… Знаете, повторяю вновь, тогда приезжали многие люди, но такая встреча для меня была очень ценной. Потому, что она — представительница семьи Самеда Вургуна. И еще потому, что Нахичевань находилась в тяжелом положении, рейсы самолетов были очень затруднены. Представьте, женщина приехала только потому, что хотела поприветить. Это меня и очень взволновало, и обрадовало, и еще вновь подтвердило, что хорошие люди, люди с чистым сердцем составляют в нашем обществе большинство…

И сам он именно такой — хороший человек с чистым сердцем.

Бог был щедр к нему, одарив и статью, и высоким интеллектом, феноменальной памятью, ораторским даром и творческим чутьем, физической и духовной красотой.

В марте 2003 года судьба уготовила ему жестокое испытание. Он приехал к курсантам военного училища имени Джамшида Нахичеванского, которое было создано по его инициативе еще в советские годы. Президент выступал и вдруг, схватившись за сердце, покачнулся… Эти мгновения в прямой телетрансляции видела вся страна. Пять, десять, пятнадцать минут напряженной, звонкой тишины, когда даже шепот кажется криком. Через двадцать минут Президент, вопреки настояниям врачей, вновь вышел к трибуне и коротко попрощался с залом и с будущими офицерами, надеждой независимого Азербайджана. Иначе он поступить не мог. Только воля, несокрушимая алиевская воля поставила его тогда на ноги и вернула в зал, полный молодежи.

…Как вспоминают бакинцы, в начале двадцатого века в похоронах революционера Ханлара Сафаралиева участвовали многие тысячи людей. Весь город прощался с героическим генералом Аслановым. Великого Узеира Гаджибекова провожал в последний путь такой могучий человеческий поток, что в нем «поплыла» и конная милиция. С такой же скорбью народ оплакивал и своего поэта Самеда Вургуна, композитора Кара Караева… С ним простились в филармонии, а хоронили в Аллее Почетных захоронений. Дорога к Аллее длинная и крутая. По ней в людском потоке плыл гроб с телом великого композитора. Первым свое плечо подставил Гейдар Алиев. И прошел весь

скорбный путь. «Я думаю, что в мире такое бывает редко, даже единично, — считает известный азербайджанский композитор Ариф Меликов, ученик Кара Караева. — Но это и свидетельство того, как относился Гейдар Алиев к выдающимся талантам, к людям, которые прославили нашу республику, наш народ».

На третьем году третьего тысячелетия скорбь народная достигла апогея, когда миллионы соотечественников воздавали дань уважения памяти Гейдара Алиева.

14 декабря. Поток людей к Президентскому дворцу не иссякает. Уже ясно, что это гигантское человеческое половодье не умещается в ограниченную геометрию города. Поток расплескался от центра города, от Президентского дворца по автостраде до аэропорта Бина. Азербайджан ждет возвращения своего сына. Приспущенные флаги с черной лентой колышутся под дуновением ветра. Кажется, обретают дар речи: «Стяг, вознесенный тобой, вовеки не падет… Мы склоняемся перед памятью твоей… Мы воздаем тебе последний долг».

Он вернулся на родину, лидер азербайджанского народа. Вернулся, чтобы обрести вечный покой в объятиях родной земли.

Каспий, дремавший под погожим небом, покрылся тревожной рябью.

Солдаты-аскеры скорбно и строго несут на плечах тяжелое бремя, тяжелое, как седые Кавказские горы.

Горы горя.

Господи, как ослепителен свет печали. Люди идут на свет этой печали.

Декабрьский ветер срывает с деревьев желтые листья и гонит их по тротуарам. Деревья могли бы о многом рассказать. Деревья бессловесны, но не беспамятны. Апшеронские степи подступали к типовым пятиэтажкам серыми солончаками, песками, ощетинившимися верблюжьими колючками, поблескивавшими маслянистыми, замазученными лужами, озерами сбросовых вод у старых промыслов. Зеленый цвет стал вытеснять желтый и серо-песчаный в пейзаже Апшерона именно с легкой руки Гейдара Алиева. В триколоре республики зеленый цвет символизирует духовные ценности ислама. Но этот цвет — и напоминание о зеленой гамме в палитре природы Азербайджана, облагороженной волей Гейдара Алиева, его трудами и заботами… Если бы он мог сейчас посмотреть на свой любимый город, сравнить его с недавним нагромождением каменных глыб, плоских крыш, булыжных мостовых, серого асфальта с островками чахлых деревьев!

Дорога из аэропорта до Баку с обеих сторон окружена живой человеческой стеной.

Верно, многажды в праздничные дни люди стекались к дорогам, по которым он проезжал, ждали и встречали-привечали с цветами, стремились перемолвиться добрым словом, радовались, услышав слова привета, увидев улыбку. Сейчас он снова вернулся в Бакинский аэропорт. Тысячи людей одновременно взглянули на часы: 13.55. Но из самолета он сам уже не выйдет… Слабое дуновение доносит горький запах полыни. Нависшая тишина напоминает безмолвный реквием.

Каждый слышит его звучание в сердце своем. Бремя боли и печали каждого сливается в общее горе.

Народ потерял своего вождя, национального лидера. А Ильхам Алиев потерял и отца. Горестная весть застала его во время работы Всемирного саммита по информационному сообществу.

Сейчас ему предстоит подойти к трапу самолета, подняться на борт, к отцу. Последние пятнадцать минут они наедине. Кто знает, что вспоминается в эти минуты Ильхаму, кто скажет, что слышит сыновнее сердце? Наверное, тот, кому довелось уже исполнять этот печальный долг, провожать в последний путь отца или мать…

В мечети Тезе-Пир прозвучала заупокойная молитва. Свершены обряды, завещанные пророком Мухаммедом и соблюдаемые столетиями.

Пророк наставлял: не плачьте по тем, кто покинул мир, ибо все создания — путники этого пути. Не плачьте по тем, с чьим уходом вы теряете очень многое… Но разве можно сдержаться?!

Последняя и самая главная забота Гейдара Алиева: кому вверить государство? Справится ли молодая демократия с таким наследием? Не воспользуются ли шансом поймать свою удачу временщики и мастера закулисных политических игр?

Он видел новое, достойное поколение политиков, питомцев своей школы. Как наставник, как отец, воспитатель, радовался успехам Ильхама на общественном поприще, сына окружало растущее признание в обществе, в народе. Сердце подсказывало ему: сын. Опыт подсказывал и другое: его рекомендация будет воспринята неоднозначно, радикальная оппозиция, политические демагоги не преминут обвинить Президента в «родительском протекционизме», «внедрении престолонаследия» и бог весть еще в чем… Но это был тот случай, когда предполагаемый преемник обладал всеми достоинствами перспективного и компетентного руководителя. Когда наследник по крови был и наследником по духу. Гейдар Алиев это знал. Его выбор поддержал народ.

Его выбор оценили в мире. 15 декабря, в день похорон, московская газета «Время новостей» писала так: «Гейдар Алиев

«уходил», как это подобает истинно восточному государственному деятелю. Он успел основать в стране властную династию. И как бы ни возмущались его политические оппоненты, он сделал это предельно легитимно, насколько это было возможно в условиях нынешнего Азербайджана. А уж выживет ли эта династия, пока абсолютно уникальная не только для СНГ, но и для всей Европы, зависит теперь от его сына Ильхама. У него, между прочим, подрастает свой сын, маленький Гейдар».

Не будем спорить по поводу не совсем уместных, на наш взгляд, утверждений о династии. Главное все-таки в другом. Ильхам Алиев шел за гробом отца, и многие люди вновь и вновь отмечали, как он похож на отца. Причем не только внешне. «Он унаследовал многие черты отцовского характера и оставляет блестящее впечатление, — заметил Евгений Максимович Примаков. — Ильхам Гейдарович — широко мыслящий, интеллигентный человек. Я уверен: он будет достойным Президентом страны. Как и его отец».

В глазах людей, выстроившихся вдоль дороги от аэропорта к центру города, виделась не только печаль. В их глубине проглядывал тихий свет надежды.

…Пятнадцатое декабря. Гроб с телом Алиева установлен во Дворце Республики, здании, построенном в семидесятые годы по его инициативе, при его непосредственном участии. Он был великим созидателем, зодчим Азербайджана. Здания, построенные по его творческим советам, стали символами нового Баку.

Дворцы — Республики, Президентский, «Гюлистан», дворцы культуры, заводы, шахматные школы, клубы, учебные заведения, жилые массивы — все это увековеченные «авторские свидетельства» его государственного почерка.

Нескончаемая вереница людей скорбно проходит мимо сцены, где установлен гроб, накрытый стягом республики. Кто-то рыдает, кто-то молится на ходу. И у каждого в душе — свой Алиев. Одни его знали только по телеэкранам.

Другим посчастливилось встретиться, третьи с ним работали изо дня в день, как генерал Вагиф Ахундов…

16 сентября у генерал-лейтенанта день рождения. Все предыдущие годы в этот день Президент приглашал его к себе, тепло поздравлял… В сентябре 2003–го они были в Кливленде. В одной палате Президент, в соседних охрана, президентская и американская. О чем угодно мог подумать генерал Ахундов в этот день, только не о том, что Президент приглашает его, чтобы поздравить с днем рождения.

— Я попрощался с Гейдаром Алиевичем 27 сентября, —

рассказывал нам позже Вагиф Ахундов. — Он выглядел прекрасно, настроение у него было очень хорошее. Я поцеловал его в правую руку, левая была подключена к системе. Он притянул меня к себе, тоже поцеловал. Сказал: «До скорой встречи!» — «Как только пройдут выборы, я вернусь за вами, и мы вместе полетим в Баку», — ответил я. Мне предстояло обеспечить безопасность Ильхама Гейдаровича — он был тогда председателем правительства. Я отсюда звонил в Кливленд, докладывал, мы разговаривали… И вот двенадцатое декабря, когда случилось это несчастье…

Минуты последнего прощания… У открытого гроба самые близкие люди. И генерал Ахундов.

— Я смотрел на Гейдара Алиевича и он казался мне живым… Даже выглядел моложе, лет на 60–65. «Зачем вас сюда уложили?» — подумал я. В госпитале за последние месяцы он немножко поправился, я расставался с ним, когда он был похудевшим… А здесь щеки розовые, умиротворенное лицо… Словно на нем лежал отсвет небес.

Прощаются зарубежные делегации — Президент Турции Ахмет Недждет Сезер и премьер — министр Реджеб Таиб Эрдоган…

Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев задерживает шаг и почтительно склоняет голову перед гробом.

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин счел своим долгом прилететь в Баку, чтобы поклониться памяти выдающегося политического деятеля современности — от себя лично, от имени россиян, от имени русского народа.

Покидая Баку, в интервью журналистам Путин скажет: «Я очень уважал Гейдара Алиевича… Я относился к нему не просто с большим уважением, а с любовью. Это был крупный государственный деятель. Без преувеличения — политическая глыба».

Со всего мира пришли в Баку телеграммы соболезнования: из Берлина, Вашингтона, Токио, Пекина…

Караван скорби обходит Президентский дворец…

Наверно, в далекой заокеанской клинике Алиев узнал, успел узнать, кто сменит его на посту главы государства, обескровленном недугом лице засветилась улыбка радости.

У гениального Сабира есть прекрасные строки:

— Будь слеп!
— Закрою я глаза.
— Будь глух!

— Замкну руками слух!
— Не рассуждай!
— Прости, твоя брехня Не про меня!..

Такова природа человеческой мысли. Она не поддается зомбированию. И тогда через столетия доносятся слова: «А все-таки она вертится!» Народный поэт Азербайджана Расул Рза назвал одну из своих книг: «Чувствую вращение Земли». Гейдар Алиев тоже чувствовал вращение Земли.

После возвращения Алиева к власти дилетанты от политики, халифы на час потеряли покой. Их не устраивало укрепление разболтанного государственного механизма; они стремились любой ценой отстранить его, не гнушаясь ложью и измышлениями.

Караван скорби проходит у могил, дорогих всему народу. Вечный огонь, тронутый дуновением ветра, кажется, простирает пылающие руки к человеку, посвятившему всю свою жизнь Азербайджану. Алеет множество флагов. Красный цвет — на триколоре республики. Красный цвет напоминает о крови, пролитой в борьбе за свободу.

Стяги становятся стягами кровью,
за них отданной.
Земля, коль за нее умирают,
становится Родиной.

Тело Гейдара Алиева под орудийные залпы предается земле в Аллее Почетных захоронений. Земле родной. Отныне освященной его последним приютом. Земле, которая станет навеки местом поклонения азербайджанского народа.

Земля дышит, и ее теплое, прелое дыхание, мешаясь с запахом палой листвы, витает над человеческим морем.

Он нашел вечный покой рядом со своей Зарифой-ханум. Две души вновь воссоединились — на веки вечные. Душа Зарифы-ханум незримо витает над скорбящими детьми и вверяет их судьбы Создателю миров.

Народ похоронил своего лидера, своего Аксакала. Но разве можно похоронить Веру, Надежду, Любовь?!

…«Земля, коль за нее умирают, становится Родиной…» Прав турецкий поэт Намик Кемаль, автор этих строк.

Человек, о котором рассказала наша книга, прожил счастливую жизнь. Пророк призывал состязаться в добрых делах. Гейдар Алиев так и делал — и в те годы, когда Коран, как и Библия, был под запретом, и когда эти великие книги вернули людям. Он увидел воплощение своих заветных чаяний, своих исполинских добрых дел. Он умер, сознавая, что исполнил миссию, предопределенную Аллахом. Он любил в свободную минуту перечитать Самеда Вургуна:

Пусть не ликует смерть! Не станет ей добычей
Жизнь тех, кто дорожил Отечеством родимым,
И будет помнить мир, и освятит обычай
Того, кто жил любя и умирал — любимым…

Баку — Москва — Баку, 2003–2005 гг.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. А. АЛИЕВА

1923, 10 мая — В Нахичевани родился Гейдар Али Рза оглы Алиев.

1936–1938 — Учащийся Нахичеванского педагогического техникума.

1938–1941 — Студент архитектурного факультета Азербайджанского индустриального института (в настоящее время Азербайджанская государственная нефтяная академия).

1941–1943 — Заведующий секретной частью архивного отдела НКВД Нахичеванской АССР.

1943–1944 — Заведующий общим отделом Совнаркома Нахичеванской АССР.

1945 — Вступление в члены КПСС.

1944–1949 — Работа в органах государственной безопасности Нахичеванской АССР: оперуполномоченный, старший оперуполномоченный, начальник отделения НКГБ — МГБ.

1949–1950 — Слушатель Ленинградской школы МГБ СССР по переподготовке руководящих кадров.

1951–1969 — Работа в органах государственной безопасности Азербайджанской ССР: начальник отделения МГБ, начальник отдела, заместитель председателя КГБ, председатель КГБ при Совете Министров Азербайджанской ССР.

1951–1957 — Учеба на заочном отделении исторического факультета Азербайджанского госуниверситета.

1954 — Женитьба на Зарифе Алиевой.

1955, 18 октября — У Гейдара и Зарифы Алиевых родилась дочь Севиль.

1961, 24 декабря — У Гейдара и Зарифы Алиевых родился сын Ильхам.

1969, 14 июля — Избран первым секретарем ЦК КП Азербайджана.

1971 — На XXIV съезде партии избран членом ЦК КПСС. Избирался также членом ЦК КПСС на XXV съезде КПСС (1976), на XXVI съезде КПСС (1981), на XXVII съезде КПСС (1986).

1976, март — Избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

1976–1987- Член Главного Военного Совета при Совете Обороны СССР.

1979, 24 августа — Присвоено звание Героя Социалистического Труда.

1982, 22 ноября — Избран членом Политбюро ЦК КПСС.

1982, 24 ноября — Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик назначил Гейдара Алиева первым заместителем Председателя Совета Министров СССР.

1983 — Награждение второй Золотой Звездой Героя Социалистического Труда. Президиум Верховного Совета СССР постановляет установить бронзовый бюст на родине Г. А. Алиева в Нахичевани.

1985, 15 апреля — Смерть жены, Зарифы Азизовны Алиевой.

1986 — Вновь избран членом Политбюро ЦК КПСС.

1986 — Утвержден (по совместительству) председателем Бюро Совета Министров СССР по социальному развитию.

1986, август — Назначается председателем Государственной комиссии по расследованию трагедии с теплоходом «Адмирал Нахимов».

1987, октябрь — В связи с уходом на пенсию освобожден от обязанностей члена Политбюро ЦК КПСС и первого заместителя Председателя Совета Министров СССР; назначен государственным советником при Совете Министров СССР.

1988, ноябрь — Освобожден от обязанностей государственного советника при Совете Министров СССР.

1989, 24 апреля — В группе лиц, достигших пенсионного возраста, выходит из состава ЦК КПСС.

1990, 21 января — Выступает с заявлением в постпредстве Азербайджанской ССР в Москве в связи с вводом войск Советской Армии в Баку.

1990, 20 июля — Возвращается в Баку.

1990, 22 июля — Возвращается в Нахичевань.

1990, 30 сентября — Избран депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР и депутатом Верховного Совета Нахичеванской АССР.

1991, 19 июля — Выходит из КПСС.

1991, 3 сентября — Избран председателем Верховного Совета Нахичеванской АССР.

1992 — Избран председателем партии «Ени (Новый) Азербайджан».

1993, 10 июня — По настоятельным просьбам Президента Азербайджанской Республики Эльчибея в связи с государственным кризисом прибывает в Баку.

1993, 15 июня — Избран председателем Верховного Совета Азербайджана. Гейдару Алиеву поручается осуществление полномочий Президента АР.

1993, 24 сентября — Участие в Московской встрече глав государств и правительств СНГ.

1993, 20 сентября — Подписывает постановление «О присоединении Азербайджанской республики к Содружеству Независимых Государств».

1993, 3 октября — Избран Президентом Азербайджанской Республики.

1993, 10 октября — Инаугурация нового главы государства во Дворце Республики в Баку.

1993, 2 ноября — Первое обращение к народу Азербайджана в прямом эфире телевидения.

1993, 11–12 декабря — Поездка по прифронтовым районам.

1993, 19 декабря — Первая зарубежная поездка в качестве главы Азербайджанского государства — официальный визит во Францию. Подписание Договора о дружбе, взаимопонимании и сотрудничестве.

1994, май — Прекращение боевых действий в зоне карабахского армяно-азербайджанского конфликта.

1994, 20 сентября — Подписание в Баку «Контракта века».

1994, 30 сентября — Выступление на заседании Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке.

1997, июль — Первый официальный визит в Россию.

1997, август — Первый официальный визит в США.

1998, февраль — Гейдару Алиеву и Президенту Турции Сулейману Демирелю в Стамбуле вручена премия «Человек года».

1998, 11 октября — Избран Президентом Азербайджанской Республики на второй срок.

1998, 18 октября — Инаугурация во Дворце Республики в Баку.

2001, январь — Переговоры с Президентом России В. В. Путиным в ходе его официального визита в Баку.

2001, 28 мая — Встреча с Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.

2001, 9–10 ноября — В Баку по инициативе Президента проходит I съезд азербайджанцев мира.

2002, 24–26 января — Государственный визит в Российскую Федерацию.

2002, 30 января — 3 февраля — Участие в работе Всемирного экономического форума в Нью-Йорке.

2002, 19–20 мая — Официальный визит в Иран.

2002, 22 мая — Встреча в Баку с папой римским Иоанном Павлом II.

2002, 9 июня — Президенты Путин и Алиев открыли в Петербурге памятник Низами.

2002, 23–24 сентября — Рабочий визит в Российскую Федерацию.

2003, 30 июля — Подписывает письмо о представлении Ильхама Алиева на должность председателя правительства Азербайджана.

2003, сентябрь — Снимает свою кандидатуру для участия в выборах на пост Президента Азербайджанской Республики.

2003, 12 декабря — Смерть Г. А. Алиева.

2003, 15 декабря — Похороны Гейдара Алирза оглы Алиева на Аллее Почетных захоронений в Баку.

Гейдар Алиевич Алиев — дважды Герой Социалистического Труда, награжден пятью орденами Ленина, орденами Октябрьской революции, Отечественной войны 1–й степени, Красной Звезды и 13 медалями, а также орденами Азербайджанской Республики, России, Грузии, Казахстана, Турции, Украины и других государств.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Алиев Г. Наша независимость вечна. Выступления, речи, заявления, интервью, письма. В 13 т. Баку, 1993–2005 (на азерб. яз.).

Алиев Г. Личная позиция. Баку, 1996.

Алиев Г. Россия — великая страна. Баку, 1997.

Академик Зарифа-ханум Алиева. Сборник научных трудов. Баку. 1999.

Зарифа-ханум Алиева. Баку, 1998.

Алиев И., Мурадвердиев А. Азербайджанская нефть в политике мира. В 5 т. Баку, 1997–1998.

Алиев И. Каспийская нефть Азербайджана. М., 2003.

Алиева Ш. Моя мама (на азерб. яз.). Баку, 2000.

Азербайджанская Республика в Содружестве Независимых Государств. Баку, 2001.

Азербайджан — Россия. Новые взаимоотношения, новые горизонты. Баку, 2002.

Азербайджан. Историко-этнографический очерк. Баку, 1998.

XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. В 2 т. М., 1971.

XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. В 3 т. М., 1976.

XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. В 2 т. М., 1981.

XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. В 2 т. М, 1988.

Абдуллазаде Ф. Гейдар Алиев. Баку, 1997.

Абдуллазаде Ф. Гейдар Алиев. Политический портрет. Баку, 1998. *Алиев Д.* Наука истинна. Баку, 1999.

Андриянов В., Черняк А. Одинокий царь в Кремле. М., 1999.

Андриянов В., Черняк А. Одинокий царь играет президента. М., 2000.

Андриянов В., Черняк А. Одинокий царь уходит. М., 2000.

Ахундова Э. Мгновения истины, Баку, 2003.

Байбаков Н. От Сталина до Брежнева. М., 1998.

Бирюков В. Жизнь особого назначения. М., 2004.

Бобков Ф. КГБ и власть. М., 1995.

Болдин В. Крушение пьедестала. М., 1995.

Гаджиев К. Геополитика Кавказа. М., 2003.

Гасанлы Д. Южный Азербайджан: начало холодной войны.

Баку, 2003.

Дашдамиров А. Национальная идея и этничность. М., 1996. История Азербайджана. В 3 т. Баку, 1958–1963. История Азербайджана. Баку, 1995.

Магомаев М. Любовь моя — мелодия. М., 1999.

Мираламов Г. Путь к триумфу. Пер. с азерб. Баку, 2003.

Мирзоева С. Гейдар Алиев: Искусство прошло через всю мою жизнь… Баку, 2004.

Молчанов Н. Генерал де Голль. М., 1973.

Мурадвердиев А. История одной зависти. Баку, 2002.

Примаков Е. Годы в большой политике. М., 1999.

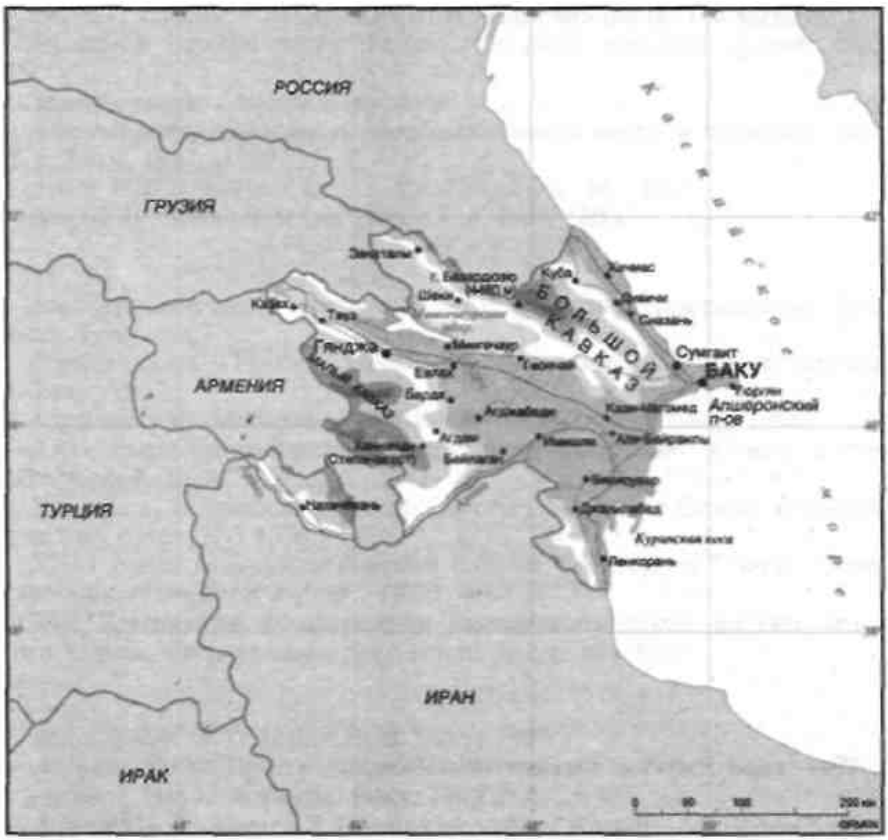
Рыжков Н. Десять лет великих потрясений. М., 1996.

Самедзаде Э. Этапы большого пути. Экономика Азербайджана за полвека, ее реалии и перспективы. Баку, 2004.

Салманов Ф. Жизнь как открытие. М., 2003. Чекисты Азербайджана. Баку, 1981.

Шахназаров Г. Цена свободы. М., 1993.

ПРИЛОЖЕНИЕ



Карта Азербайджанской Республики.

Авторы выражают искреннюю признательность всем, кто помогал в работе над книгой о Г. А. Алиеве. В первую очередь это:

Алиев Ильхам Гейдар оглы, Президент Азербайджанской Республики, сын Г. А. Алиева;

Алиева Мехрибан Ариф кызы, супруга Президента Азербайджанской Республики, президент Фонда Гейдара Алиева, посол доброй воли ЮНЕСКО;

Алиева Севиль Гейдар кызы, дочь Г. А. Алиева;

Алиев Агиль Алирза оглы, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, брат Г. А. Алиева;

Алиев Джалал Алирза оглы, академик НАН Азербайджана;

брат Г. А. Алиева;

Алиева Рафита Алирза кызы и Алиева Шафига Алирза кызы, сестры Г. А. Алиева; а также:

Абдуллазаде Фатима Гусейн кызы, зав. отделом гуманитарной политики Исполнительного аппарата Президента Азербайджанской Республики;

Авдеева Светлана Владимировна, журналистка;

Азизов Фикрет Нахмед оглы, зам. зав. общим отделом Исполнительного аппарата Президента Азербайджанской Республики;

Алиев Натиг Агами оглы, президент Азербайджанской Государственной нефтяной компании;

Алиев Алиджан Тарыкулу оглы, директор издательства «Гянджлик»;

Асадов Али Гидаят оглы, помощник Президента Азербайджанской Республики;

Ахундов Вагиф Алибала оглы, генерал-лейтенант, начальник Главного управления особой государственной охраны Азербайджанской Республики;

Байбаков Николай Константинович, заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР (1965–1985);

Баталин Юрий Петрович, президент Российского союза нефтегазостроителей, заместитель Председателя Совета Министров СССР (1985–1990);

Бирюков Виктор Ефимович, заместитель председателя Госплана СССР (1977–1990);

Бобков Филипп Денисович, советник председателя правления РИА «Новости», генерал армии, первый заместитель председателя КГБ

Гаврилов Александр Тимофеевич, кандидат исторических наук, помощник первого заместителя Председателя Совета Министров СССР (1983–1987);

Гасанов Али Акбар оглы, руководитель аппарата Верховного меджлиса Нахичеванской автономной республики;

Гасанлы Джамиль Поладхан оглы, депутат Милли меджлиса Азербайджана, доктор исторических наук;

Гусев Владимир Кузьмич, первый заместитель председателя Комитета по экономической политике, предпринимательству и собственности Совета Федерации Федерального собрания РФ, заместитель председателя Совета Министров СССР (1986–1991);

Гусейнзаде Лятиф Талыб оглы, кандидат исторических наук, учитель Г. А. Алиева;

Гусейнов Рафаэль Джагилович, заместитель главного

редактора газеты «Труд»;

Дзасохов Александр Сергеевич, Президент Республики Северная Осетия-Алания;

Конарев Николай Семенович, генеральный директор ЗАО «Интертранс», министр путей сообщения СССР (1982–1989);

Кулиева Ирада Анвер кызы, заместитель управляющего филиалом «Лидер» «Амрах-банка»;

Лиханов Альберт Анатольевич, писатель, председатель правления Российского детского фонда;

Мамедов Чингиз Исрафил оглы, кандидат химических наук;

Мехтиев Рамиз Энвер оглы, руководитель Исполнительного аппарата Президента Азербайджанской Республики;

Морозков Владимир Николаевич, и. о. главного редактора газеты «Бакинский рабочий»;

Мусаев Дилман Муса оглы, журналист;

Мустафаев Вагиф Бехбуд оглы, заместитель министра культуры Азербайджана, кинорежиссер;

Назарбаев Нурсултан Абишевич, Президент Казахстана;

Пастухов Борис Николаевич, старший вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ, первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1977–1982), председатель Госкомиздата СССР (1982–1986), министр РФ по делам СНГ (1998–1999);

Примаков Евгений Максимович, академик, президент Торгово-промышленной палаты РФ, министр иностранных дел РФ (1996–1998), председатель правительства России (1998–1999);

Ризаев Рамиз Гасан оглы, посол Азербайджана в РФ;

Рыжков Николай Иванович, член Совета Федерации Федерального собрания РФ, президент Российского союза товаропроизводителей, Председатель Совета Министров СССР (1985–1990);

Салманов Фарман Курбанович, член-корреспондент РАН;

Талыбов Васиф Юсиф оглы, председатель Верховного меджлиса Нахичеванской автономной республики;

Томилина Наталья Георгиевна, директор Российского государственного архива новейшей истории;

Третьяков Иван Поликарпович, писатель, г. Баку.

Ухов Олег Сергеевич, помощник первого заместителя Председателя Совета Министров СССР (1983–1987);

Шафраник Юрий Константинович, президент Союза нефтегазопромышленников, министр топлива и энергетики РФ (1993–1996).

Благодарим за помощь сотрудников Национального архивного управления Азербайджана, Национальной библиотеки имени М. Ф. Ахундова, Нахичеванского музея Г. А. Алиева,

Российского государственного архива новейшей истории, Российской государственной библиотеки.

Признательны всем, кто добрым словом, советом помогал нам в этой работе.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Глава I «Я РОДИЛСЯ В НАХИЧЕВАНИ…»
11 10 мая 1923 года, Нахичевань
День в истории Родительский дом

Глава II. ЗДЕСЬ ТОЖЕ ФРОНТ
22 июня 1941 года, Нахичевань
Советская миссия в Южном Азербайджане
Об этом молчали

Глава III ГЕЙДАР И ЗАРИФА

Глава IV. «ЭТУ ПРОФЕССИЮ Я ВЫБРАЛ С ЮНЫХ ЛЕТ»
21 декабря 1980 года, Баку
15 июля 1997 года, Баку
В какой стране мы живем…

Глава V. ВО ГЛАВЕ РЕСПУБЛИКИ
14 июля 1969 года, Баку
«Скажите, он — порядочный человек?»
Чувство исполненного долга
Пусть справедливость верх берет
2 декабря 1982 года, Баку

Глава VI «ТЫ НУЖЕН ВСЕМУ СОЮЗУ, ГЕЙДАР!»
Последний визит генсека
22 ноября 1982 года, Москва
Совмин: рабочие будни
Чужие дети
БАМ остался в его сердце
Свет угасшей звезды
22 апреля 1985 года, Москва
31 августа 1986 года, Новороссийск
Он умел ценить добро 164 Какое у вас хобби?
В Политбюро ЦК КПСС

Глава VII «Я НЕ КАМЕНЬ, НЕ ЖЕЛЕЗО, А ЧЕЛОВЕК»
19 октября 1987 года, Москва
История одной зависти
Расправа

Карабах
28 июня 1988 года, Москва
Бакинский дневник
«Я добивался встречи с Горбачевым»
21 января 1990 го да, Москва
Стреляет «Правда»
Московская блокада

Глава VIII ПРАВО БЫТЬ СО СВОИМ НАРОДОМ
22 июля 1990 года, Нахичевань
Возвращение к истокам
19 июля 1991 года, Москва
Путч
Нахичевань в блокаде

Глава IX. ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ
Май-июнь 1993 года, Нахичевань-Баку
Танки полковника Гусейнова
Бегство Президента Эльчибея
Передать полномочия Президента Гейдару Алиеву
Азербайджан выбрал Гейдара
30 сентября 1994 года, Нью-Йорк
«Я опираюсь на народ»

Глава X. АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ НЕФТЬ В ПОЛИТИКЕ МИРА
Если нефть королева
21 апреля 1971 года, Баку
20 сентября 1994 года, Баку
Доброго пути, «Деде Горгуд»!
0 «Контракте века»
3 июля 1997 года, Москва
И невозможное воля делает возможным
1 августа 1997 года, Вашингтон
Легенды и были трех морей

Глава XI. СО СТОРОНЫ МОРЯ ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ
14–15 июля 2001 года, Баку
Он завещал Азербайджану дружбу с Россией
21 сентября 1999 года, Баку
Навсегда в сыновья тебе дан
9 января 2001 года, Баку
«Все бакинские улицы я хорошо знаю»

Глава XII ГОД ПРЕЗИДЕНТА

Перелистаем календарь
24 января 2002 года, Москва
1 февраля 2002 года, Нью-Йорк
Новруз, праздник весны
3 марта 2002 года, Баку
Гюльнар, посланец мира
Уроки истории
25 июня 2002 года, Стамбул
9 июля 2002 года, Петербург
День рождения генерала Ахундова
23 сентября 2002 года, Москва
Девочка с флагом республики
24 ноября 2002 года, Баку
«Вокруг нас собрались все азербайджанские дети»

Глава XIII В ГЛАЗАХ МИРА
Послесловие

Основные даты жизни и деятельности Г. А. Алиева
Краткая библиография
Приложение.
Карта Азербайджанской Республики

ИЛЛЮСТРАЦИИ

F. Beedham

Иззет-ханум и Алирза Алиевы. родители Гейдара.

На Пушкинской улице в Нахичевани прошло детство Гейдара Алиева, Сюда он вернулся после московской опалы.

Собралась вся большая семья Алиевых. Гейдар второй слева.

В 1938 году он окончил на «ОТЛИЧНО» Нахичеванский педтехникум.

Студенческий спектакль по пьесе С. Вургуна «Вагиф». Гейдар Алиев слева.

А на этом снимке он с друзьями.

Вся жизнь впереди.

Рафига, Агиль и Гейдар Алиевы с мамой Иззет-ханум. *Баку, 1952 г.*

Зарифе Алиевой в замужестве не пришлось менять фамилию.

В этом уголке Баку, у знаменитой Девичьей Башни, ее не раз встречал Гейдар.

Зарифа с отцом. Азизом Алиевым. *1948 г.*

С друзьями.

Ленинград начала 50-х гг.

Капитан госбезопасности.

Среди слушателей Высшей школы МГБ. *Ленинград,1949 г.*

Как молоды мы были… Зарифа и Гейдар Алиевы.

Гейдар Алиевич с дочуркой Севиль.

Зарифа Азизовна и Гейдар Алиевич с детьми Севиль и Ильхамом.

Дворец культуры им. Дзержинского в Баку, ныне муниципальный театр. Здесь не раз бывал и выступал Гейдар Алиев.

В Баку прилетел секретарь ЦК КПСС Н. В. Подгорный. Справа от него первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана В. Ю. Ахундов, слева — первый заместитель председателя КГБ республики Г. А. Алиев. *1964 г.*

Полковник госбезопасности.

Здесь, в КГБ республики, Гейдар Алиевич работал до избрания первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана.

Он любил фотографировать.

И смотрел на любимый Баку глазами художника и архитектора.

Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Алиев.

На одной из строек республики. Всесоюзный субботник. *17 апреля 1976 г.*

На хлопковом поле.

Его не часто видели в кабинете…

На трибуне XXIV съезда КПСС. *Москва. 1971 г.*

Встреча с советскими и американскими космонавтами. *8 октября 1973 г.*

Встреча с Алексеем Баталовым…

…и Аркадием Райкиным. *1975 г.*

Зарифа и Гейдар Алиевы по праву гордились своими детьми Севиль и Ильхамом, радовались внукам.

Зарифа и Гейдар мечтали вместе пройти всю жизнь…

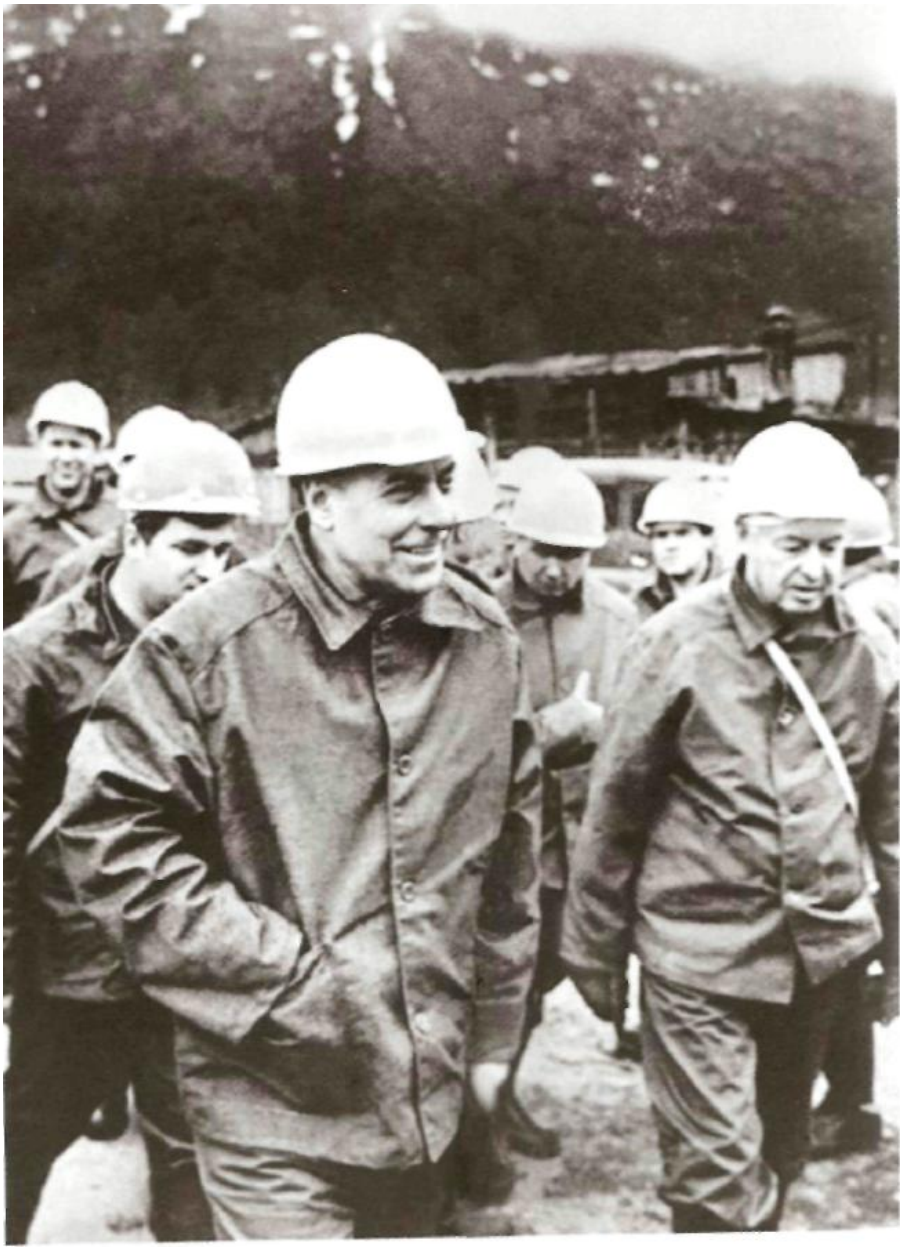
Прощание с Зарифой Алиевой. *Москва, 17 апреля 1985 г.*

У памятинка Зарифе. *Баку, Аллея Почетных захоронений.*

М. С. Горбачев и Г. А. Алиев на трибуне Мавзолея В. И. Ленина.

Гейдар Алиев и первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Динмухамед Кунаев в Георгиевском зале Кремля.

Член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. А. Алиев в своем рабочем кабинете в Кремле.



Гейдар Алиев среди проходчиков Северо-Муйского тоннеля на строительстве Байкало-Амурской магистрали. *Восточная Сибирь. 1984 г.*

Гейдар Алиев во главе советской делегации в Мехико. *1982 г.*

С председателем Госплана СССР Николаем Байбаковым.

В президиуме торжественного заседания Академии медицинских наук СССР. *Москва. 1984 г.*

Гейдар Алиев — дважды Герой Социалистического Труда.

Президент Азербайджана Г. А. Алиев. *Портрет работы Таира Салахова.*

Клятва на верность Родине. *Баку, 1993 г.*

Горькие встречи после возвращения в Нахичевань.

В палаточных городках для беженцев, у могил павших воинов.

На пороге родительского дома.

Встречи с земляками. *Нахичевань. 1990 г.*

Защитить своего Президента пришли сотни тысяч граждан Азербайджана. *Баку, 1994 г.*

С академиком Евгением Примаковым…

…и Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.

Гейдар Алиев, Нурсултан Назарбаев и Владимир Путин.

С министром топлива и энергетики РФ Юрием Шафраником.

Гейдар Алиев разработал нефтяную стратегию Азербайджана…

…Эту стратегию творчески продолжает Президент Азербайджана Ильхам Алиев.

Первая нефть нового месторождения. *Баку, 1997 г.*

Гейдар Алиев открывает Мавзолей выдающегося азербайджанского поэта Гусейна Джавида, Нахичевань. 1996 г.

С Мстиславом Ростроповичем…

…Муслимом Магомаевым и Тамарой Синявской.

Президент Азербайджана успешно вел диалог с первыми лицами мировой политики. С папой римским…

…Президентом США Джорджем Бушем…

… Президентом России Владимиром Путиным…

…Президентом Франции Жаком Шираком…

Свое сердце он отдал детям Азербайджана.

В родной Нахичевани. *Август 2002 г.*

Отец и сын, *Баку, 2000 г.*

Горы в горе сомкнули ряды.
Их туманит тоска расставанья.
Но свеченье твоей доброты
Ощущаю на расстоянии.

Эти строчки написала Лейла Алиева.

comments

Комментарии

1

До 1935 года страна называлась Персией.

2

В современном Азербайджане за этим регионом Ирана закрепилось название Южный Азербайджан. После ввода 29 января 1942 года советских и английских войск в Тегеране был подписан англо-советско-иранский договор. Действия СССР и Великобритании, как пишут историки, предотвратили использование Ирана в войне против стран антигитлеровской коалиции и обеспечили его сотрудничество с ними в период войны.

З

Район в центральной части Баку.

4

По численности населения это второй город в Азербайджане после Баку; крупный промышленный и культурный центр.

5

Указ Президента Азербайджанской Республики «О геноциде азербайджанцев» был опубликован 26 марта 1998 года. Днем геноцида азербайджанцев Гейдар Алиев объявил 31 марта. Именно в этот день Азербайджанская Демократическая Республика в 1918 и 1919 годах отмечала память о жертвах резни как общенациональный день скорби.